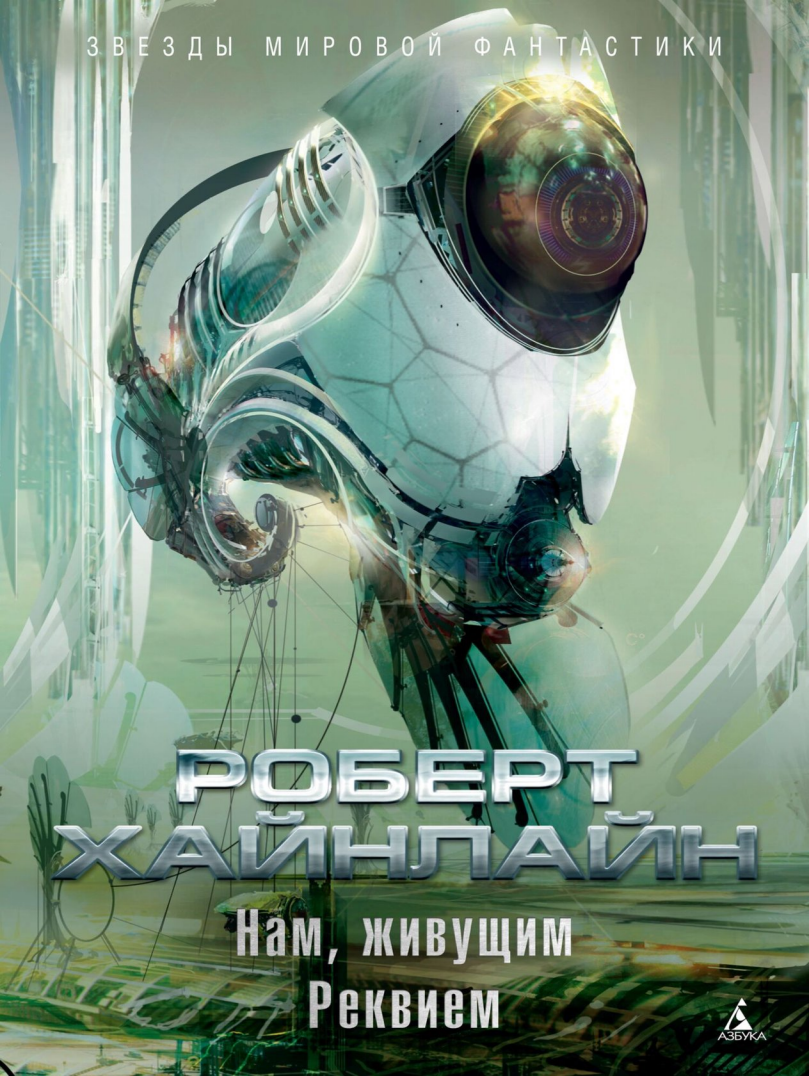
ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ



РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Нам, живущим
Реквием

АЗБУКА

Нам, живущим. Реквием
Роберт Энсон Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. Нам, живущим. Реквием
Нам, живущим
  Глава первая
  Глава вторая
  Глава третья
  Глава четвертая
  Глава пятая
  Глава шестая
  Глава седьмая
  Глава восьмая
  Глава девятая
  Глава десятая
  Глава одиннадцатая
  Глава двенадцатая
  Глава тринадцатая
  Глава четырнадцатая
  Глава пятнадцатая
  Приложение к девятой главе
Реквием
  Реквием
  Новичок в космосе

I
II
Пункт назначения – Луна
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
Дочери ведьмы
Бедный папочка
Доска объявлений
В это я верю
Выявленные дефекты
Комментарии
Нам, живущим
Реквием
Новичок в космосе
Пункт назначения – Луна
Бедный папочка. Доска объявлений
В это я верю

Аннотация

В летний день 1939 года Перри Нельсон, военный летчик и офицер флота, пытаясь увернуться от выехавшего на встречную полосу автомобиля, падает с сорокаметровой высоты на прибрежные камни. Последнее, что он видит, – желтый пляжный песок и девушку, играющую с мячом. Очнулся он в новом теле и с новым именем. Теперь он Гордон 755-82, а год по календарю 2086-й. Мир, в котором он оказался, изменился во всем – от техники и предметов быта до политики и морали. Не изменился только одноухий Капитан Кидд, кот хозяйки, которая приютила Нельсона. Коты во все времена коты.

Кроме романа, в книгу включены произведения Хайнлайна из сборника «Реквием», составленного вдовой писателя, и шуточный рассказ «Выявленные дефекты: записка от киборга», которые (за исключением рассказа «Реквием») на русском языке публикуются впервые.

Роберт Хайнлайн
Нам, живущим. Реквием

Robert A. Heinlein
FOR US, THE LIVING: A COMEDY OF CUSTOMS
Copyright © 2004 by The Robert A. & Virginia Heinlein Prize Trust
REQUIEM: NEW COLLECTED WORKS
Copyright © 1992 by Virginia Heinlein
FIELD DEFECTS: MEMO FROM A CYBORG
Copyright © 2010 by The Robert A. & Virginia Heinlein Prize Trust
All rights reserved

© С. В. Голд, перевод, 2020
© М. А. Зислис, перевод, 2013
© Ю. А. Зонис, перевод, 2020
© А. И. Корженевский, перевод, 1990
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Нам, живущим

Глава первая

— Берегись!

Крик непроизвольно сорвался с губ Перри Нельсона, когда он рванул руль. Водитель зеленого седана его или не услышал, или не отреагировал. В следующие несколько секунд события проходили перед ним словно в замедленной съемке. Он увидел, как переднее левое колесо зеленого автомобиля проплыло мимо его машины, затем правое колесо его машины переползло через отбойник, машина соскользнула вслед за колесом и зацепилась за частокол. Он смотрел поверх капота и видел пляж — в ста тридцати футах под собой. Блондинка в зеленом купальнике тянулась к летящему мячу. Она подпрыгнула, чтобы достать мяч, обе руки простерты, одна нога подтянута. Девушка была очень изящна. Позади нее волна ударилась о песок. С застывшего гребня капали взбитые сливки. Он снова взглянул на девушку. Она все еще тянулась за мячом. Когда ее ноги коснулись земли, он вылетел из машины и его развернуло. Теперь перед ним были камни у подножия обрыва. Они приближались, и бесформенная груда превращалась в отдельные

камни. Один камень выбрал его и взял курс на перехват. Камень был симпатичный, с одной стороны плоский и весь сверкающий на солнце. Он повернулся к Перри острым краем и рос, и рос, и рос, пока не заполнил собой весь мир.

Перри встал, потряс головой и поморгал. Затем с пугающей четкостью вспомнил увиденное в последние несколько секунд и непроизвольно вскинул руки. Но камня перед его лицом не было. Перед его лицом не было вообще ничего, кроме летящих снежинок. Исчезли пляж, обрыв и весь остальной мир. Его окружали только снег и ветер, проникающий под легкую одежду. Гложущая боль в области диафрагмы превратилась в острое чувство голода.

— Преисподняя! — воскликнул Перри.

Преисподняя. Да, должно быть, она, только холодная вместо горячей. Он принялся шагать, но ноги не слушались, и навалилось головокружение. Шатаясь, он сделал несколько шагов и упал лицом вниз. Слабость не позволила ему подняться, так что он решил минутку передохнуть. Он лежал, не двигаясь, и старался не думать, но пришедший в замешательство разум все еще бился над проблемой. Перри начал согреваться, когда разум нашел решение. Ну конечно! Девушка в

зеленом купальнике поймала его и бросила в сугроб… мягкий сугроб… хороший, теплый сугроб… приятный… теплый…

— Вставайте, — трясла его девушка в зеленом купальнике. — Вставайте! Слышите? *Подъем!*

Что ей нужно?.. К черту игры, нельзя же шлепать человека по лицу, если хочется поиграть. Он с трудом поднялся на колени и рухнул опять. Девушка рядом снова залепила ему пощечину и продолжала изводить, пока он не встал на колени, затем она удержала его от нового падения и помогла подняться встать на ноги.

— Спокойно. Одну руку положите мне на плечи. Здесь недалеко.

— Я в порядке.

— Не глупите. Обопритесь на меня.

Он перевел взгляд на лицо своей спутницы и попробовал сфокусироваться. Действительно это она, девушка в зеленом купальнике, но какого черта она вырядилась, как адмирал Бэрд? Все вплоть до меховой парки. Впрочем, его усталый мозг тут же потерял к этому интерес, и Перри сосредоточил все свое внимание на том, чтобы переставлять заледеневшие свинцовые ноги поочередно.

— Здесь ступеньки. Тихо-тихо. Теперь не дви-

гайтесь.

Девушка пропела одну чистую ноту, и перед ними отворилась дверь. Спотыкаясь, он вошел внутрь, и дверь закрылась. Девушка подвела его к дивану, заставила лечь и тихо вышла из комнаты. Наконец она вернулась с чашкой жидкости:

— Вот, выпейте.

Он потянулся к чашке, но онемевшие пальцы не желали ее держать, и напиток частично пролился. Девушка забрала чашку, подняла его голову свободной рукой и поднесла чашку к его губам. Он медленно выпил. Напиток оказался теплым и пряным. Перри провалился в сон, разглядывая ее обеспокоенное лицо.

Просыпался он медленно и, едва ли не прежде, чем осознал себя, проникся глубоким чувством комфорта и благополучия. Он лежал на мягкой, как пуховая перина, постели. Потянувшись под легким покрывалом, вдруг понял, что спал голышом, и открыл глаза. В просторной овальной комнате тридцати футов в длину он был один. Напротив него произрастал из стены чудной, но приятный на вид камин: вертикальный десятифутовый гиперболоид, похожий на половинку сахарной головы, с могучим зевом в основании — полка зева отстояла от пола комнаты дюй-

мов на десять. Небо зева представляло собой второй гиперболоид, вогнутый. Внутри этой гаргантюанской пасти весело потрескивал огонь, разбрасывая блики по комнате. Комната казалась почти полностью пустой — если не считать дивана, занимавшего две трети периметра округлой стены.

Он повернул голову на звук и увидел, как девушка входит в дверь. Она улыбнулась и заторопилась к нему:

— Так вы проснулись! Как самочувствие? — Она нащупала его пульс.

— Прекрасное.

— Есть хотите?

— Съел бы целую лошадь.

Девушка хихикнула:

— Извините, лошадей нет. Скоро принесу кое-что получше. Но сразу много не ешьте. — Она выпрямилась. — Дайте-ка я сброшу эти меха.

Она отошла в сторону, добираясь до застежки молнии у воротника. Меха представляли собой один предмет одежды, который соскользнул с ее плеч и упал на пол. Перри словно обдало ледяным душем, а затем он почувствовал теплое покалывание. Меховой комбинезон оказался единственным ее одеянием, и девушка выскольз-

нула из него обнаженной, словно дриада. Сама она не придала этому никакого значения — просто подняла комбинезон, подошла к стенному шкафчику, который открылся при ее приближении, и повесила меха. Потом она подошла к стене, украшенной фреской, на которой была изображена Деметра с рогом изобилия. Часть стены бесшумно поднялась, открыв взгляду непостижимое множество клапанов, дверок и блестящих приборов. Минут на десять она, напевая, углубилась в работу с приборами. Перри зачарованно смотрел на нее. Его удивление уступило место сердечной благодарности — «дриада» была юная, зрелая и во всех смыслах очень желанная. Ее быстрые грациозные движения вселяли в его душу уверенность, они казались наполненными радостью. Девушка прервала пение и воскликнула:

— Так! Все готово, если больной готов поесть!

Она подняла нагруженный поднос и понесла его в дальнюю часть комнаты. Фреска вернулась на место, и блестящие приборы исчезли. Девушка поставила поднос на диван и потянула за ручку, утопленную в обивке. Ручка последовала за ее рукой, вытащив за собой полочку — примерно в два фута шириной и четыре в длину. «Дриада»

повернулась к Перри и позвала:

— Давайте же ешьте, пока горячее.

Перри начал подниматься и застыл. Девушка заметила его нерешительность и забеспокоилась:

— Что такое? Еще слишком слабы?

— Нет.

— Потянули мышцы?

— Нет.

— Тогда подходите, пожалуйста. В чем дело?

— Ну, я… э-э-э… вы понимаете, я… — Как же, черт побери, объяснишь симпатичной девушке, притом совершенно обнаженной, что не можешь подойти к ней, потому что ты тоже без одежды? Особенно учитывая, что она, похоже, не знает, что такое благопристойность.

Она склонилась над ним с заметным беспокойством. Да ну и черт с ним, сказал себе Перри и стал выбираться из постели. Он слегка пошатывался.

— Могу я предложить свою помощь?

— Благодарю, я в полном порядке.

Они уселись по разные стороны стола-полки. Девушка прикоснулась к кнопке, и крупный фрагмент стены рядом с ними отъехал вверх, открывая окно и за ним великолепный вид. По изрезанному горному склону, через каньон, мар-

шировали высокие сосны. Вверху по каньону, правее ярдах в восьмистах, водопад вывешивал дымку, трепещущую на легком ветру. Затем Перри взглянул вниз — под окном ничего не было. Головокружение вцепилось в него, и он будто снова завис на ограждении, глядя на пляж поверх капота своего автомобиля. Он снова услышал собственный крик. Ее руки уже обвивали его, успокаивая. Он собрался с духом.

— Все в порядке, — пробормотал он, — но прошу, закройте ставни.

Она не стала спорить и ничего не ответила, но сразу закрыла ставни.

— Теперь можете поесть?

— Да, думаю, что могу.

— Тогда ешьте, а потом поговорим.

Они ели молча. Перри с интересом изучал свою пищу. Прозрачный суп, какое-то желе с мясным ароматом, стакан молока, легкие булочки с несоленым маслом, несколько видов фруктов — сладкие апельсины размером с грейпфрут и с кожурой, как у мандарина, какие-то незнакомые ему желтые фрукты и бананы в черных веснушках. Посуда — легкая, словно бумага, — была покрыта твердой блестящей глазурью. Вилки и ложки из того же материала. Наконец он одолел

последний фрукт и собрал крошки последней булочки. Девушка закончила есть раньше и наблюдала за ним, опершись на локти.

— Вам получше?

— На порядок.

Она переставила посуду на поднос, подошла к камину, сбросила все в огонь, после чего вернула поднос в стойку среди блестящих приборов (Деметра послушно скользнула в сторону, открывая их).

Возвратившись, девушка задвинула полку-стол и протянула Перри тонкую белую трубочку:

— Курите?

— Спасибо.

Сигарета длиной дюйма в четыре походила на какое-то русское варварство. Ароматизированная, решил Перри. Он затянулся сначала осторожно, затем глубоко, заполняя легкие дымом. Настоящий виргинский табак. Единственное в этом доме, что казалось абсолютно домашним и нормальным. Она тоже глубоко затянулась и затем заговорила:

— Что ж, кто вы такой и как попали на этот склон? А прежде всего, как вас зовут?

— Перри. А вас?

— Перри? Красивое имя. Я Диана.

— Диана? Можно было догадаться. Идеально подходит.

— Для Дианы я немного округлая, — она похлопала себя по бедру, — но рада, что оно вам нравится. Так как же вы заблудились во вчерашней метели без подходящей случаю одежды и без еды?

— Я не знаю.

— Вы не знаете?

— Нет. Понимаете, как получилось: я ехал по серпантину и встречная машина попыталась обогнать грузовик на подъеме. Я отрулил в сторону, чтобы не столкнуться с ней, и мое правое переднее колесо запрыгнуло на отбойник, так что мы с машиной его перелетели, и последнее, что я помню, — как, падая, смотрел на пляж. И затем проснулся уже в метели.

— Это все, что вы помните?

— Да, ну и как вы мне помогли потом, разумеется. Только я думал, что вы — та самая девушка в зеленом купальнике.

— Девушка в чем?

— В зеленом купальном костюме.

— О. — Она на секунду задумалась. — Как вы сказали, почему так вышло, что вы перелетели через отбойник?

— Думаю, что случился прокол при ударе об ограждение.

— Что такое прокол?

Он посмотрел на нее:

— Я имею в виду, лопнула шина при ударе об ограждение.

— Но почему она лопнула?

— Слушайте, вы, вообще-то, водите машину?

— Ну нет.

— Что ж, если наполненная воздухом резиновая покрышка соприкасается с острым предметом на достаточно высокой скорости, она с большой вероятностью лопнет — из-за прокола. В этом случае может произойти все, что угодно. В моем случае — перелет через ограждение.

Девушка выглядела напуганной, ее глаза расширились. Перри добавил:

— Не переживайте так сильно. Я не пострадал.

— Перри, когда это произошло?

— Произошло? Ну как же, вчера… Нет, возможно…

— Нет, Перри, дату, назовите дату!

— Двенадцатое июля. И кстати, в связи с этим у меня вопрос, тут часто идет снег в июле?

— Какого *года*, Перри?

— Какого года? Этого, разумеется!

— Какого *года*, Перри, назовите число.

— А вы разве не знаете? Одна тысяча девятьсот тридцать девятый.

— Одна тысяча девятьсот тридцать девятый, — медленно повторила Диана.

— Тысяча девятьсот тридцать девятый. Какого черта? Что не так?

Она вскочила и стала нервно ходить взад и вперед по комнате, затем остановилась и посмотрела на него:

— Перри, приготовьтесь к потрясению.

— Хорошо, говорите.

— Перри, вы сказали, что вчера было двенадцатое июля тысяча девятьсот тридцать девятого года.

— Да.

— Что ж, сегодня седьмое января две тысячи восемьдесят шестого.

Глава вторая

Какое-то время Перри сидел не шевелясь.

— Повторите-ка.

— Сегодня седьмое января две тысячи восемьдесят шестого.

— Январь, седьмое, две тысячи восемьдесят шестого. Невозможно, я сплю и очень скоро проснусь. — Он поднял взгляд на девушку. — Значит, вы все-таки не настоящая. Просто сон. Просто сон. — Перри обхватил голову руками и уставился в пол.

Его вернуло к действительности прикосновение к руке.

— Посмотрите на меня, Перри. Возьмите меня за руку. — Она взяла его за руку и сжала ее. — Вот. Я настоящая? Перри, вы должны смириться с этим. Не знаю, кто вы и что за странная вещь с вами произошла, но вы здесь, в моем доме, в январе две тысячи восемьдесят шестого года. И все будет хорошо. — Диана взяла его рукой за подбородок и повернула его лицо к себе. — Все будет хорошо, обещаю.

Он смотрел на нее испуганным взглядом человека, который боится, что сходит с ума.

— А теперь успокойтесь и расскажите, почему вы думаете, что вчера были в тысяча девятьсот тридцать девятом году?

— Да потому, говорю вам, что *был* там! И это был именно тысяча девятьсот тридцать девятый, потому что так *было*, — и никак иначе!

— Хм, нет, так мы не продвинемся. Расскажите мне о себе. Ваше полное имя, где вы живете, где родились, чем занимаетесь и так далее.

— Что ж, меня зовут Перри Вэнс Нельсон. Родился в Жираре, штат Канзас, в тысяча девятьсот четырнадцатом. Я инженер-баллистик и пилот. Понимаете, я флотский офицер. И до сегодняшнего дня нес службу в Коронадо, что в Калифорнии. Вчера — или когда там это было — я ехал из Лос-Анджелеса в Сан-Диего, возвращаясь из увольнения, и вот этот парень на зеленом седане меня выдавливает, и я разбиваюсь на пляже.

Диана курила и обдумывала его слова.

— С этим вроде ясно. За исключением, разумеется, того, что вам, выходит, сто семьдесят два года, и это не объясняет, как вы сюда попали. Перри, вы не выглядите настолько старым.

— Что ж, и каков ответ?

— Не знаю. Вам приходилось слышать о шизофрении, Перри?

— Шизофрения? Расщепление личности. — Он взвесил идею и взорвался: — Ерунда! Если я и безумен, то только в этом сне. Говорю вам, *я* — Перри Нельсон. Я ничего не знаю о две тысячи восемьдесят шестом, а о тысяча девятьсот тридцать девятом я знаю все.

— А вот тут у меня зацепка. Я бы хотела задать вам несколько вопросов. Кто был президентом в тысяча девятьсот тридцать девятом?

— Франклин Рузвельт.

— Сколько штатов в конфедерации?

— Сорок восемь.

— Сколько сроков занимал пост Ла Гуардиа?

— Сколько? У него как раз был второй срок.

— Но вы только что сказали мне, что президентом был Рузвельт.

— Верно. Все верно. Рузвельт был президентом. Ла Гуардиа — мэром Нью-Йорка.

— О!

— Почему это вы спросили? Ла Гуардиа что, стал президентом?

— Да. На два срока. Самые популярные актеры телевидения в тысяча девятьсот тридцать девятом?

— Да не было таких. Телевидение еще не было распространено. Послушайте, вы вот допраши-

ваете меня о тридцать девятом, а мне-то откуда знать, что это действительно две тысячи восемьдесят шестой?

— Идите сюда, Перри. — Она подошла к стене рядом с камином, и новая секция стены отъехала в сторону.

«Как неприятно, — подумал Перри, — все соскальзывает и уезжает».

Теперь перед ним находились полки с книгами. Диана протянула ему тонкую книжку.

— «Астрономический альманах и эфмериды 2086», — прочитал Перри.

Затем она выудила старинный том с пожелтевшими от времени страницами. Открыв его, Диана указала на титульный лист: «Синклер Льюис. Галиот Господень. 1-е издание, 1947».

— Убедились?

— Видимо, у меня нет выхода. О боже!

Перри бросил сигарету в огонь и принялся нервно вышагивать по комнате.

— Слушайте, у вас здесь есть алкоголь? — спросил он, наконец остановившись. — Можно мне выпить?

— Выпить что именно?

— Виски, бренди, ром — что угодно с дозой стимулятора.

— Думаю, я смогу вам помочь.

Диана снова побеспокоила Деметру и вернулась, держа в руках бутылку в форме куба, наполненную янтарной жидкостью. Она налила на три пальца этой жидкости в чашку и добавила маленькую желтую таблетку.

— Это что?

— Суррогат ямайского рома и легкий транквилизатор. Угощайтесь. У меня появилась идея.

Она прошла в дальний конец комнаты, села на диван и вытянула из стены небольшую панель, похожую на переднюю панель выдвижного ящика. Подняла квадратный экран со стороной сантиметров тридцать и нажала несколько клавиш. Затем произнесла:

— Архивы Лос-Анджелеса? Говорит Диана 160-398-400-48A. Запрашиваю поиск по газетам Лос-Анджелеса и Коронадо за двенадцатое июля тысяча девятьсот тридцать девятого года, заметки об автомобильной аварии с участием офицера флота Перри Нельсона. Наценка за срочность допускается. Бонус за результаты в течение получаса. Сообщить по готовности. Спасибо, освобождаю линию.

Оставив ящик снаружи, она вернулась к Перри:

— Придется нам немного подождать. Не возражаете, если я теперь открою вид?

— Нисколько. Я и сам не прочь взглянуть.

Они уселись в западном конце комнаты, где перед тем ели, и ставни раскрылись. Полдень миновал, и солнце приближалось к склону горы. В каньоне лежал снег, а сквозь кроны деревьев струился янтарный солнечный свет. Они сидели молча и курили. Диана налила себе чашку суррогата и время от времени подносила ее к губам, делая глоток. Наконец в открытом ящике вспыхнул зеленый свет, прозвучала глубокая нота гонга. Диана нажала кнопку рядом с собой и заговорила:

— Диана 400-48 на связи.

— Сообщение из архивов. Результативно. Запрашивается местоположение.

— Станция «Телевид Рино», доставка пневмопочтой, пункт назначения G610L-400-48, наценка за срочность по всему маршруту, бонус за доставку в течение десяти минут. Спасибо. Отключаюсь.

— Вы сказали — Рино. Это рядом с нами?

— Да, мы примерно в тридцати километрах к югу от озера Тахо.

— А в Рино все еще можно быстро развестись?

— Быстро развестись? О нет, Рино теперь совсем не то место, ведь разводов больше не существует.

— Не существует? А что делают муж и жена, если они не могут ужиться вместе?

— Они не живут вместе.

— Получится неудобно, если один из них снова влюбится, вам не кажется?

— Нет, поймите же, Перри… О боже! Сколь многому вас нужно научить! Не знаю, с чего начать, так что я, наверное, просто рвану вам навстречу и попытаюсь отвечать на ваши вопросы. Для начала — никакое юридическое соглашение не нарушается, по крайней мере в том виде, в каком вы это понимаете. Существуют домашние контракты, однако они не связаны с браком в религиозных или сексуальных аспектах. И любой из таких контрактов подвержен тем же процедурам, что и любой светский контракт.

— Но разве это не приводит к запутанным ситуациям, семья распалась, дети непонятно чьи? Как же дети? Кто их обеспечивает?

— Разумеется, они сами себя обеспечивают — на свое наследство.

— На свое наследство? Они не могут все быть наследниками.

— Но они… Ох, слишком сложно. Придется мне раздобыть для вас кое-какую историю и кодекс обычаев. Все эти вопросы связаны с глубокими изменениями в экономике и социальном строе. Позвольте спросить, чем был брак в ваше время?

— Чем был? Гражданским контрактом между мужчиной и женщиной, и часто этот контракт подкреплялся религиозной церемонией.

— А что предусматривал этот контракт?

— Он предусматривал массу вещей, но многие не упоминались в явном виде. Согласно такому контракту двое жили вместе, женщина, если можно так выразиться, трудилась для мужчины, а он поддерживал ее финансово. Они спали вместе, и никому из них не положено было иметь интрижки на стороне с кем-либо еще. Заведя детей, поддерживали их, пока те не вырастут.

— И какие же цели преследовали подобные договоренности?

— Полагаю, это делалось в основном для блага детей. Их оберегали… Им давали имена… И женщин защищали и поддерживали и заботились о них во время беременности.

— А что получал от этого мужчина?

— Ну, он… Скажем так, он получал налаженный быт и семейную жизнь, кого-то, кто для него

готовил, и тысячу других приятных мелочей, и, если вы простите мне эту подробность, женщину, с которой можно спать всегда, когда захочется.

— Давайте начнем с конца, всегда ли именно с ней он хотел спать, как вы затейливо выразились?

— Да, полагаю так, а иначе он, наверное, не попросил бы выйти за него замуж. Нет, Богом клянусь, я знаю, что это неправда. Возможно, это так и было, когда они только поженились, но я чертовски хорошо знаю, что большинство женатых мужчин каждый день встречают других женщин, которых предпочли бы собственным женам. Я таких навидался в каждом порту.

— А сами вы, Перри?

— Я? Я не… Я не был женат.

— Разве вам не встречались женщины, которыми вы желали бы насладиться в физическом плане?

— Безусловно. Множество.

— Тогда почему вы не женились?

— Ох, сам не знаю. Наверное, не хотел связывать себя.

— Не будь у мужчины детей, которых нужно содержать, и такой жены, которую нужно содержать, был бы брак для него обузой?

— Безусловно, в каком-то смысле. Она ожидала бы, что он все будет для нее делать, скандалила бы, увидев его с другой женщиной, и ожидала бы, что он станет развлекать ее сестер, двоюродных сестер и теток, и обижалась бы, если бы ему пришлось выйти на работу в день годовщины свадьбы.

— Господь милосердный! Ну и картина. Я не все ваши выражения понимаю, но звучит это невыносимо.

— Конечно, не все женщины такие, есть и хорошие боевые подруги, но до свадьбы это невозможно определить.

— По вашему описанию похоже, что мужчина ничего не приобретал посредством брака, кроме постоянно доступной любовницы. И скажите-ка, разве в то время не было возможности нанимать женщин дешевле, чем обходилось пожизненное содержание одной жены?

— О да, безусловно. Но нанятые женщины большинство мужчин не устраивали. Понимаете, мужчине не нравится, если женщина ложится с ним в постель только потому, что у него есть деньги.

— Но вы только что сказали, что женщины выходили замуж, чтобы их содержали.

— Я не совсем это имел в виду. Дело не только в этом. По крайней мере, обычно — не только в этом. В любом случае все не так. И, кроме того, мужчины не всегда играют в эту игру. Понимаете, мужчина женится отчасти для того, чтобы получить эксклюзивные права на внимание женщины, особенно это касается ее тела. Но многие заходят слишком далеко. Брак — не оправдание для того, чтобы бить жену по лицу за два танца с другим, а я видел и такое.

— Но зачем мужчине стремиться к эксклюзивному обладанию женщиной?

— Он стремится к этому естественным образом, это заложено в него природой. И еще мужчина хочет точно знать, что его дети — законнорожденные.

— Мы в нашем времени уже не так уверены, Перри, что подобные особенности закладываются, как вы выразились, природой. А слово «незаконнорожденные» вышло из употребления.

В этот момент на другом конце комнаты вспыхнул янтарный огонек. Диана поднялась и быстро вернулась со свитком бумаг:

— А вот и они. Смотрите.

Она развернула бумаги и разостлала их на столе-полке. Перри увидел, что это фотостати-

ческие[1] копии полос из «Лос-Анджелес таймс», «Геральд-экспресс» и «Дейли ньюс» от 13 июля 1939 года. Диана указала на заголовок.

ПИЛОТ ВМФ ПОГИБ В АВТОКАТАСТРОФЕ

Торрей-Пайнс, Калифорния, 12 июля. Лейтенант Перри В. Нельсон, пилот ВМФ из Коронадо, погиб сегодня, не справившись с управлением автомобилем и вылетев за ограждение, где и разбился о камни. Лейтенант Нельсон выпрыгнул или вывалился из машины и упал головой прямо на груду камней у подножия обрыва, разбив себе череп. Смерть наступила мгновенно. Мисс Диана Бервуд из Пасадены как раз загорала на пляже и едва избежала травм. Она попыталась оказать первую помощь, затем оценила высоту падения и сообщила об аварии проезжавшему мимо водителю.

Похожие заметки были и в других газетах. А «Дейли ньюс» дала врезку с Перри в униформе. Диана изучила фотографию с интересом.

---

[1] Примечания: 1

Фотостат — копировальный аппарат начала XX в., создававший копии документов фотографическим способом. — *Примеч. С. В. Голд.*

— История совпадает до мелочей, Перри. А вот он не очень-то на вас похож.

Перри тоже взглянул:

— Надо сказать, не так уж плохо, учитывая плохую передачу полутонов.

— Удивительно, что он вообще на вас похож.

— Почему вы так говорите, Диана? Вы мне разве не верите? — На лице его отчетливо отразилась боль.

— О нет-нет. Я верю, что вы говорите буквально правду — ту, что знаете. Но подумайте сами, Перри. Голова на этой фотографии — если верить газете — уже больше века как обратилась в прах.

Перри смотрел на девушку, и в его глазах появилось выражение ужаса. Он закрыл глаза и схватился руками за голову. В таком положении он и оставался — отвернувшись, в напряженной позе — несколько минут, пока не почувствовал нежное прикосновение к своим волосам. Диана склонилась над ним, в глазах ее читались жалость и сострадание.

— Перри, прошу, послушайте. Я никоим образом не желала вас растревожить. Специально я не причиню вам боли. Я хочу быть вашим другом, если вы мне позволите. — Диана мягко отстранила его руки от висков. — Перри, с вами

произошло нечто странное и чудесное, и мне оно совершенно непонятно. В некотором смысле это ужас но и определенно внушает страх. Но могло ведь быть и хуже, гораздо хуже. Мир, в котором вы оказались, совсем не плох. Я считаю, что он, напротив, дружелюбный. Мне он нравится, и уверена, что это в любом случае лучше, чем разбиться у подножия обрыва. Прошу, Перри, позвольте вам помочь.

Он дотронулся до ее руки:

— Ты хорошая девчонка, Ди, но со мной все будет в порядке. Думаю, это просто шок. От осознания того, что весь знакомый мне мир умер, исчез. Я это, конечно, понял, когда ты сказала мне, какой год, но не осознавал, пока ты не сказала, что я тоже мертв, во всяком случае мое тело. — Он вскочил. — Но позволь! Если мое тело мертво, откуда же, во имя всего святого, я взял это? — И он хлопнул себя по боку.

— Не знаю, Перри, но у меня есть идея.

— И что же произошло?

— Пока не знаю. Но мы можем кое-что сделать, чтобы это выяснить. Пойдем.

Она открыла ящик с прибором для связи и нажала кнопку. На экране возникла симпатичная рыжая девушка. Она улыбалась. Диана загово-

рила:

— Рино. Пожалуйста, подключите Вашингтон, отдел регистрации, сектор идентификации.

— Принято, Диана. — Рыжая исчезла.

— Она тебя знает?

— Вероятно, узнала. Ты потом поймешь.

Вскоре появилось другое лицо — внимательного седеющего мужчины.

— Запрашивается идентификация, — сказала Диана.

— На кого из вас?

— На него.

— Принято. Займите положение. — Лицо исчезло, и на экране возник прибор, похожий на кинокамеру.

— Подними правую руку, Перри, — прошептала Диана.

Перри так и сделал. Седой мужчина вновь возник на экране:

— Послушайте, я не могу провести анализ, если вы двигаетесь. Вы разве никогда не пользовались телефоном?

— Я… думаю, нет. — Перри смутился.

Легкое раздражение в голосе мужчины пропало.

— Что стряслось, друг? Выпал из реальности?

— Можно сказать и так.

— Это другое дело. Я тебя быстро верну в норму. Тогда у тебя не будет сложностей с ориентированием. Сейчас просто делай, как я говорю. Правая рука ладонью в мою сторону примерно в двадцати сантиметрах от экрана. Ты ее наклоняешь. Поверни параллельно экрану. Так. Держи ровно. — Мягкое жужжание и щелчок. — Вот и все. Полное досье или только имя и номер?

Вмешалась Диана:

— Короткое досье, пожалуйста, но развернутую последнюю статью. Станция «Телевид Рино», доставка пневмопочтой, G610L-400-48, с наценкой за срочность.

— Записать на его счет, когда получу номер?

— Нет, на мой. Диана, 160-398-400-48A.

— О-о-о! А я так и подумал, что это вы.

— Это личный запрос. — Голос Дианы был холоден и резок.

Лицо мужчины на мгновение отразило негодование, затем он стал совершенно безучастным.

— Мадам, я официально занимаю должность клерка отдела регистраций. Мне досконально известны сферы публичных и личных действий, равно как и пределы моих полномочий, и принесенной мной присяги.

Диана тут же растаяла:

— Мне жаль. Правда. Пожалуйста, простите меня.

Мужчина расслабился и улыбнулся:

— Конечно, мисс Диана. Вы, наверное, будете настаивать на соблюдении сферы, но, если позволите, для меня было бы честью оказать вам эту услугу.

— Нет, прошу выставить обычный счет. А вот я могу оказать вам услугу? — Она склонила голову.

Клерк в ответ кивнул.

— Вероятно, фото? — спросила она.

— Если мадам угодно.

— Мое последнее стерео. Лицо или полностью?

Мужчина лишь молча кивнул.

— Я пришлю оба. Они повстречаются с вашим отчетом в пневмопочте.

— Вы очень любезны.

— Спасибо. Отключаюсь. — И экран погас. — Ну, Перри, скоро мы что-то узнаем. Но я должна отправить бедняге фотографии. Я вовсе не хотела его оскорбить, но он такой чувствительный.

Она вернулась через мгновение с двумя тонкими листами и принялась сворачивать их. Заметив интерес Перри, она остановилась:

— Желаешь взглянуть?

— Да, конечно.

На первом изображении было лицо Дианы в цвете, подогретое легкой улыбкой. Перри так испугался, что чуть не уронил фотографию. Полностью стереоскопический портрет создавал впечатление, будто смотришь сквозь целлофановую пленку на саму Диану, которая стоит в трех футах от рамки.

— Каким волшебным способом это делают?

— Я не изучаю оптику, и я не фотограф, но знаю, что у стерео действительно есть глубина. Это коллоид примерно пяти миллиметров в толщину. Снимают двумя камерами, поэтому эффект есть только вдоль одной оси. Покрути ее вокруг вертикальной оси.

Перри так и сделал. Изображение стало совершенно плоским, хотя фотографию по-прежнему было видно.

— Теперь наклони под углом примерно сорок пять градусов.

Перри наклонил — и испытал неприятное чувство, наблюдая, как красивые черты лица Дианы плавятся, растекаются и исчезают, пока портрет не превратился в переливающиеся разводы, какие оставляет масло на воде.

— Нужно смотреть на него вдоль подходящей оси и в пределах ограниченного угла обзора — тогда два изображения сливаются в стереоиллюзию. Мозг интерпретирует странное двоящееся изображение, поступающее от разных глаз, как глубину, поэтому, повторив подобное раздвоение, достигают иллюзии объема.

Перри поразглядывал изображение еще немного, поворачивая и наклоняя его. Диана наблюдала за ним с интересом и благожелательным удивлением.

— Могу я увидеть вторую фотографию?

— Вот.

Перри взглянул на фото и поперхнулся. Отчасти он уже начал привыкать к наготе Дианы, а мозг его был настолько загружен, что не успевал много внимания уделять этому вопросу, и все же краешком сознания он постоянно отмечал это. Тем не менее он был потрясен, увидев на второй фотографии — столь же реалистичной, как и первая, и достаточно реальной, чтобы испытать неловкость, — Диану во всей ее милой простоте, и ничего сверх этого. И опять у него запершило в горле.

— Ты собираешься отправить эту, мм… э-э-э… эти фотографии человеку, с которым только что

познакомилась по телефону?

— О да, он их хотел бы иметь, а я могу себе это позволить. Кроме того, я вела себя немного грубо. Разумеется, некоторые люди сочтут, что с моей стороны это нахальство — дать ему нечто столь интимное, как портрет с лицом, но мне не жалко.

— Но… э-э-э…

— Что, Перри?

— Ох да, наверное, ничего. Не бери в голову.

Глава третья

Чуть позже, когда Диана забавлялась с приборами в нише Деметры, зеленый огонек и гонг объявили о прибытии пакета в пневмопочте.

— Перри, достань его, а? У меня руки заняты.

Перри некоторое время перебирал ручки управления, прежде чем нашел небольшой рычажок, открывающий приемный отсек. Он принес свиток Диане.

— Прочитай вслух, Перри, пока я заканчиваю с ужином.

Он развернул свиток и сразу обратил внимание на фотографию молодого человека, он был похож на Перри — в более юные годы. Он принялся читать вслух:

— «Гордон 932-016-755-82A, гены класса JM, родился 7 июля 2057 года. Поступил в Арлингтонское медицинское училище в 2075-м, одобрен перевод в Институт психологии им. Адлера в 2077-м. Отобран для исследования в 2080 году, когда магистр Фифилд основал Экстрасенсорную станцию. Автор работ „Исследование девиантных данных в экстрасенсорном восприятии“ и (в соавторстве с Пандитом Калимаханом Чандра

Роем) „Протей, история эго“. Адрес: Пристанище (Е-2), Калифорния. Неофициально сообщается о добровольном отказе от тела в августе 2083 года; по запросу Совета Пристанища деактивирован в августе 2085 года, тело находится в Пристанище. Баланс счета на момент перевода в неактивное состояние: $ 11 018,32. С учетом обесценивания: $ 9802,09. Счет повторно открыт: $ 9802,09 за вычетом комиссии в $ 500. Итого: $ 9302,09 (чековая книжка прилагается)».

К нижнему краю свитка крепился небольшой бумажник или блокнот. Открыв его, Перри обнаружил, что листами служат деньги, обычные деньги, лишь немного отличающиеся по размерам и внешнему виду от денег 1939 года. С обратной стороны книжки обнаружились незаполненные чековые листы.

— Что мне делать с этим, Диана?

— Делать? Что захочется — использовать, тратить, жить на них.

— Но это не мои деньги. Они принадлежат этому парню, Гордон… как там его.

— Ты и есть Гордон 755-82.

— Я? Черта с два.

— И все же это *ты*. Отдел регистрации уже подтвердил этот факт и повторно открыл твой

счет. Твое тело проходит под номером 932-016-755-82A. Можешь пользоваться любым именем, какое понравится, — Перри, Гордон или Джордж Вашингтон. Отдел с удовольствием внесет поправки в твое досье, но этот номер соответствует именно этому телу и именно этому кредитному счету, так что номер они менять не будут. Разумеется, ты не обязан тратить деньги, но, если их не потратишь ты, их не потратит никто, и денег просто будет становиться больше.

— Могу ли я отдать их кому-нибудь?

— Разумеется, но не Гордону.

Перри почесал голову:

— Да, наверное, так. Слушай, а что это за ерунда с добровольным отказом?

— Я не смогу дать научное объяснение, но во всех прочих смыслах это самоубийство вследствие нежелания жить.

— Так Гордон мертв?

— Нет — по представлениям тех, кто этими вещами играет. Просто его не интересовала жизнь здесь, и он выбрал жизнь в другом месте.

— Как так вышло, что с его телом все в порядке?

— Если верить отчету, тело Гордона, вот это тело, — она ущипнула его за щеки, — лежало

себе спокойно в состоянии приостановленной жизнедеятельности в Пристанище, вон за той горой. Так что загадка отчасти разгадана.

Его наморщенный лоб не выказывал никакой радости.

— Да, видимо, так. Только каждая загадка объясняется посредством другой загадки.

— Перри, осталась лишь одна загадка, которая беспокоит меня, а именно — каким волшебным образом тебе удалось не сломать ногу и в придачу свою новую шею, добираясь сюда. Но я рада, что ты цел.

— Я тоже. Боже!

— А теперь мне пора за работу. — Она принялась складывать тарелки.

— Какую работу?

— Оплачиваемую. Я не из тех аскетичных душ, которые довольны чеками, полученными по наследству. Мне нужны деньги на штучки и безделушки.

— Кем ты работаешь?

— Актрисой на телевиде, Перри. Я танцую и немного пою, а иногда принимаю участие в постановках.

— Ты собираешься репетировать?

— Нет, через двадцать минут выхожу в эфир.

— Боже мой, студия, должно быть, где-то рядом, иначе ты опоздаешь!

— О нет. Передача пойдет прямо отсюда. Но тебе придется вести себя хорошо, сидеть спокойно и не задавать какое-то время вопросов, иначе я действительно *опоздаю*. Подойди. Садись здесь. Теперь повернись к приемнику.

Вверх взлетела еще одна секция стены, и Перри оказался перед плоским экраном.

— Здесь ты сможешь увидеть передачу и одновременно смотреть, как я танцую.

Она выдвинула ящик коммуникатора и подняла небольшой экран. На экране возник довольно невзрачный, но жизнерадостный молодой человек. На нем был шлем со вздутиями в районе ушей. Из угла рта, скривленного в язвительной улыбке, свисала сигарета.

— Здорово, Ди.

— Привет, Ларри. Это что у тебя за круги под глазами?

— От тебя — и вдруг такой вопрос! Ты ведь у нас очень чувствительная, когда речь заходит о личных делах. Мне эти круги блондиночка нарисовала.

— Левый получился кривой.

— Хватит острить, принимайся за работу. У

тебя все настроено?

— Ага.

— Так, проверка.

В ближнем конце комнаты зажглись огни. Диана вышла в центр комнаты, дважды повернулась, прошлась во всех направлениях, после чего вернулась к коммуникатору.

— Годится, Ларри?

— В нижнем левом углу что-то светит, и, как мне кажется, это не на моей стороне.

— Я погляжу.

Она вернулась с трубкой, в которой прибыло досье Гордона.

— А теперь как, Ларри?

— Норма. Что это было?

— Вот это. — Она показала ему трубку.

— Типичная тетка! Ничего правильно сделать не можете. Рассеянные и без…

— Ларри, еще одна твоя шуточка, и я сообщу куда следует, что у тебя атавизм, — возможно, в тебе проснулся неандерталец.

— Остынь, крошка. У тебя сверхвеликолепный мозг. Обожаю тебя за твой интеллект. Время на исходе. Музыка нужна?

— Включи-ка погромче. Хорошо, выключай.

— И чем сегодня будешь кормить толпу, Ди?

— Пища для избранных. Посмотри и ты — вдруг умные мысли появятся.

Ларри сверился с приборами:

— Занимай позицию, девчонка. Я отключаюсь.

Диана быстро перешла к центру комнаты, и огни погасли. Большой экран рядом с Перри внезапно ожил. Цветное стереоизображение молодого мужчины раскланивалось и улыбалось и наконец произнесло:

— Друзья, мы снова в студии Ковра-Самолета, ведем передачу из башни мемориала Эдисона, что у озера Мичиган. Сегодня вы увидите свою любимую исполнительницу танцев в стиле модерн, прекрасную Диану. Она представит еще одну строфу из Поэмы Жизни.

Краски на экране растеклись, затем переплавились в светло-синий оттенок, и одна высокая кристально чистая нота проникла в уши Перри. Нота задрожала и разрослась в минорную мелодию. Перри почувствовал, как им овладевает печаль и ностальгия. Постепенно оркестр подхватывал тему, придавал ей насыщенности, а цвета на экране сменялись, смешивались, создавая причудливые образы. Наконец цвета растворились, экран потемнел, а гармония покинула мелодию, и осталась лишь одинокая скрипка,

тягуче поющая в темноте. Тусклый луч света возник на экране и обозначил маленькую фигуру далеко на заднем плане. Она лежала ничком, вялая, беспомощная. Музыка передавала чувство боли, чувство отчаяния и всепоглощающей усталости. Но была в звучании и вторая тема, которая призывала бороться, и фигура слегка пошевелилась. Перри обернулся, и ему пришлось взять себя в руки, чтобы тут же не броситься спасать это жалкое и несчастное создание. Диане нужна помощь, подсказывало ему сердце, иди к ней! Но он сидел тихо, он смотрел и слушал. Перри мало понимал в танцах, и еще меньше в танцах как высоком искусстве. Его уровень заканчивался собственным участием в бальных танцах и наблюдением за тем, как исполняют чечетку. Он с восхищением следил за изящными и на первый взгляд непринужденными движениями девушки, не осознавая, сколько в них вложено тренировок и личных талантов. Постепенно он начал понимать, что ему рассказывают историю человеческого духа, историю о храбрости, о надежде и любви, преодолевающей отчаяние и физическую боль. Он вздрогнул, когда в завершение танца Диана упала на спину, лицом к небу, раскинув руки. Ее глаза сияли, она радостно улы-

балась, в то время как единственный источник теплого света омывал ее лицо и грудь. Таким счастливым — счастливым и спокойным — он не чувствовал себя с момента своего прибытия.

Экран потемнел, а затем снова возник вездесущий молодой человек. Диана разорвала связь, прежде чем он успел заговорить, включила освещение в комнате и повернулась к Перри. С удивлением он увидел, что она взволнована и как будто стесняется.

— Перри, тебе понравилось?

— Понравилось? Диана, это было невероятно, восхитительно. Я… у меня нет слов.

— Я рада. А теперь мы поедим и поболтаем еще.

— Но ты только что обедала.

— А ты не заметил? Перед танцем я никогда много не ем. Зато теперь я, наверное, вывалю еду на пол и наброшусь на нее, как дикий зверь. Ты голоден?

— Нет, пока нет.

— Ты смог бы выпить чашку шоколада.

— Да, пожалуй.

Несколько минут спустя они сидели на диване. Диана — поджав под себя ноги, в одной руке чашка с шоколадом и гигантский бутерброд в другой.

Она ела сосредоточенно и жадно. Перри с удивлением подумал, что вот эта голодная маленькая девчонка еще несколько минут назад была тем неземным восхитительным созданием. Она доела, икнула, сама этому удивилась и тихо сказала:

— Прошу прощения. — Затем она подцепила пальцем каплю майонеза, упавшую ей на живот, и перенесла эту каплю в рот. — Итак, Перри, давай-ка мы подведем итоги. На чем мы остановились?

— Будь я проклят, если хоть что-то понимаю. Я знаю, где я и какой сейчас год, и ты сказала мне, кто я такой. Гордон бип-бип-бип и шесть нулей, с таким же успехом я мог быть новорожденным, потому что все равно не знаю, что со всем этим делать.

— Все совсем не настолько плохо, Перри. У тебя теперь, помимо личности, есть и симпатичный счет. Небольшой, но адекватный, да и твой чек с наследством тебя поддержит.

— А что это за история с чеками и наследством?

— Давай сейчас об этом не будем. Изучив экономическую систему, ты сам все поймешь. Прямо сейчас считай, что у тебя есть примерно сто пятьдесят долларов каждый месяц. Можно жить

с комфортом на две трети этой суммы, если ты захочешь. А мне бы хотелось обсудить момент, который ты обозначил как «что со всем этим делать».

— С чего мы начнем?

— Не мне решать, что тебе делать с чем-либо, но, на мой взгляд, прежде всего нужно ввести тебя в курс дела, чтобы ты смог вписаться в две тысячи восемьдесят шестой. Мир изменился довольно сильно. Тебе придется узнать множество новых обычаев, ознакомиться с полутораковой историей, некоторыми новыми приемами и тому подобным. Когда ты поймешь, где оказался, сможешь сам решить, что тебе делать, и тогда сможешь делать все, что захочешь.

— Что-то мне кажется, что я к тому времени буду уже слишком стар, чтобы чего-нибудь хотеть.

— Нет, я так не думаю. Можешь начать прямо сейчас. У меня есть кое-какие идеи. Во-первых, хотя у меня здесь и не слишком много полезных книг, есть довольно точная история Соединенных Штатов и краткая мировая история. Да, и еще словарь и довольно свежая энциклопедия. О, и чуть не забыла, краткий кодекс правил поведения, он сохранился у меня с детства. Потом я позвоню в Беркли и выпишу группу записей различной

тематики — их ты сможешь проигрывать на телевиде, когда тебе захочется. Это самый легкий и полезный способ быстренько обучиться.

— Как это работает?

— Очень просто. Ты видел сегодня мое выступление по телевиду. Точно так же можно поставить запись и увидеть и услышать все, что когда-либо было записано и представляет для тебя интерес. Если захочешь, ты можешь увидеть, как президент Берзовский открывает конгресс в январе две тысячи первого года. Или, если захочешь, можешь включить запись любого из моих танцев.

— С этого я начну. К чертям историю!

— Ты не сделаешь ничего подобного. Будешь учиться, пока не приобретешь необходимые представления. Если хочешь увидеть, как я танцую, я буду для тебя танцевать.

— Хорошо, давай прямо сейчас.

Она показала ему язык:

— Давай посерьезнее. С записями понятно. Я подумаю, кто из моих друзей сможет помочь, и попрошу, чтобы они пришли поговорить с тобой и объяснили то, что не могу объяснить я.

— Почему ты так обо мне заботишься, Ди?

— Да любой сделал бы это, Перри. Ты был болен,

замерз, нуждался в помощи.

— Да, но теперь ты взялась за мое образование и хочешь поставить меня на ноги.

— Да, мне этого хочется. Ты мне не позволишь?

— Ну, позволю, наверное. Но послушай, мне разве не следует убраться из твоего дома и подыскать себе другое место?

— Перри, почему? Тебе здесь рады. Тебе здесь неудобно?

— О, разумеется, удобно. Но как же твоя репутация? Что скажут люди?

— Не понимаю, как это может отразиться на моей репутации, ты ведь не танцуешь. И какое имеет значение, что подумают люди? Они могут решить, лишь что мы компаньоны, если вообще захотят об этом думать. И, кроме того, помимо моих друзей, об этом мало кто узнает. Этот вопрос находится строго в сфере личных интересов. Обычай на этот счет вполне однозначен.

— Какой обычай?

— Ну как же, тот обычай, который гласит: все, чем люди занимаются вне государственной службы или наемной работы, является их личным делом, если не нарушает другие обычаи. Куда люди ходят, что едят, что пьют или носят или как они развлекаются, кого они любят или как

играют, — это строго личная сфера. Так что никто не может об этом писать или упоминать в трансляциях, равно как и говорить об этом в общественных местах, не имея на то специального разрешения.

— Сообщение для Уолтера Уинчелла![2] Что же вы тогда пишете в своих газетах?

— Много чего. Газеты сообщают о политических новостях, перемещениях кораблей, публичных мероприятиях, дают объявления о развлечениях и почти все сведения о государственных чиновниках — их личные сферы намного меньше, это исключение из обычая. Показывают всякие новые модели одежды, обсуждают новое в архитектуре, предлагают рецепты новых блюд, объявляют о научных открытиях, а также публикуют перечни записей телевида и радиотрансляций, оповещают о последних коммерческих проектах. Что за Уолтер Уинчелл?

— Уолтер Уинчелл, ну, он был… Диана, не думаю, что ты в это поверишь, однако он заработал много денег, в основном рассказывая о вещах, которые у вас входят в эту самую сферу личного.

---

[2] Примечания: 2

Уолтер Уинчелл (1897–1972) — известный американский журналист и комментатор, первопроходец в области сплетен в прессе. — *Примеч. перев.*

Диана наморщила нос:

— Какая гадость!

— Люди хавали. Но послушай, а как насчет твоих друзей? Им это не покажется странным?

— С чего бы это? Вовсе не странно. Я многих из них развлекала.

— Но у нас же нет дуэньи.

— Что такое дуэнья? Это что-то вроде женитьбы?

— О боже, я сдаюсь. Послушай, Ди, давай притворимся, что мы это никогда не обсуждали. Я буду крайне рад остаться, если ты хочешь, чтобы я остался.

— Разве я уже не сказала, что хочу?

Их прервало появление огромного серого кота, который вышел на середину комнаты, спокойно принял командование, сел, аккуратно обвил себя хвостом и громко мяукнул. У него было только одно ухо, и выглядел он как закоренелый преступник. Диана строго посмотрела ему в глаза:

— Ты где шлялся? По-твоему, в такое время надо являться домой?

Кот снова мяукнул.

— О, так тебя теперь и покормить надо? Хочешь сказать, что это просто место, где рыбу хранят?

Кот подошел ближе, запрыгнул на диван и

принялся тереться головой о бок Дианы, при этом громко урча.

— Ладно-ладно. Пойдем. Показывай, где она.

Кот спрыгнул и, задрав хвост — он стоял прямо, словно столб дыма в безветренный день, — быстро засеменил в сторону Деметры, затем сел и стал выжидающе смотреть вверх. Он снова мяукнул.

— Прояви терпение. — Диана подняла блюдо с сардинами. — Покажи мне, куда поставить.

Кот прошагал к камину.

— Хорошо. Теперь ты доволен?

Кот не ответил, он уже занимался рыбой. Диана вернулась к дивану и потянулась за сигаретой.

— Капитан Кидд. Старый пират, не обремененный моралью и манерами. Он здесь главный.

— Я так и понял. Как он вошел?

— Сам себе открыл. У него своя маленькая дверка, которая открывается, когда он мяукает.

— Господи ты боже! Это что, такое теперь стандартное оборудование для кошек?

— Ну что ты! Это просто игрушка. Он же не может войти через мою дверь. Она открывается только на звук моего голоса. Но я записала, как он мяукает, когда дает понять, что желает войти в дом, и отправила запись на анализ, а замок потом настроили на этот звук. И теперь этот замок

отпирает его собственную маленькую дверку. Полагаю, что двери, открывающиеся на звук голоса, тебя до некоторой степени изумляют?

— Мм… и да и нет. У нас уже были такие штуки, но без коммерческого распространения. Я видел, как они действуют. Более того, я считаю, что смог бы спроектировать такое, если бы мне пришлось.

Она удивленно подняла брови:

— Правда? Я и не подозревала, что в ваше время технические достижения зашли так далеко.

— Наша культура довольно много внимания уделяла технике, но, к сожалению, большая часть этой техники не применялась. Люди не могли себе позволить платить за то, что способны были создавать инженеры, особенно если речь идет о такой роскоши, как автоматические двери, телевидение и все прочее.

— Телевидение не роскошь. Это необходимость. Как еще держать связь? Лично я была бы без него просто беспомощна.

— Да, я верю, что ты именно так думаешь. В мое время люди что-то подобное начали говорить о телефоне. Но факт остается фактом. Мы знали, как создать довольно качественное телевидение, но не сделали этого, поскольку не было рынка.

Люди не могли себе этого позволить.

— Не понимаю, почему нет.

— Не знаю, как тебе объяснить. Наверное, я тоже не понимаю, почему нет, разве что подсознательно. Но у нас действительно было много неиспользуемых или мало используемых знаний в механике и технике. Применение любого новшества в технике или искусстве ограничивалось наличием людей, способных заплатить за такое применение и желающих это сделать. Я пару лет прослужил на одном из больших авианосцев. Там были ребята — военные моряки, — которые работали с совершенно удивительными техническими устройствами, механическими мозгами, способными решать наиболее сложные баллистические задачи, задачи алгебры с десятками переменных, задачи, на которые у опытных математиков уходят целые дни. А машина решала их за долю секунды и применяла решение. Так вот, более половины этих ребят выросли в домах, в которых не было ванн и центрального отопления.

— Какой ужас! Как же они оставались чистыми и здоровыми, находясь в таких домах?

— Никак. Не думаю, что смогу описать условия жизни множества людей так, чтобы ты могла себе представить такую жизнь. Мой сокурсник по

флотской академии вступил во флот, потому что устал ходить за мулом и пахать. И вот он протопал пятнадцать миль до города босиком и заснул на крыльце почтового отделения. Когда утром появился почтмейстер, этот парень записался на службу. Его выбрали для учебы в Академии флота, и он стал одним из самых выдающихся молодых офицеров, экспертом по применению и проектированию такого оборудования, в сравнении с которым бледнеет твоя автоматическая дверь. Но его отец, его мать, его братья и сестры по-прежнему жили в однокомнатной лачуге с земляным полом, грязные, больные, страдающие от анкилостомы, анемии и недоедания.

— Зачем же правительство тратило столько ресурсов на машины для авианосцев, в то время как его граждане жили в такой отвратительной нищете?

— Ну, полагаю, у нас было что-то вроде ваших личных и публичных сфер жизни, Ди. Жизни этих людей относились к сфере личного, а национальная оборона — к сфере публичного.

— Но ведь очевидно, что это одно и то же. Любой правительственный чиновник понимает, что если люди голодают и болеют — это для всех опасно. Даже с самой эгоистичной точки зрения:

если люди болеют, они могут стать очагом эпидемии, и всем известно, что голодный человек не отвечает за свои действия и может сделать что-то опасное.

— У меня нет ответа, Диана. Мы во флоте, конечно, все это понимали, так что людей держали в чистоте, заботились об их здоровье, хорошо кормили, но я не поручусь, что любой правительственный чиновник понимал такие вещи. Что ж, или люди стали намного мудрее за последние сто пятьдесят лет, или же случилось что-то, что изменило прежнюю точку зрения.

— Не думаю, что мы хоть на каплю умнее, чем люди в твое время. Сомневаюсь, что можно поумнеть за четыре-пять поколений. Но как можно быть такими близорукими, я точно не понимаю.

— Даже согласись чиновник с твоей точкой зрения и захоти он сделать что-то, ему пришлось бы спросить: а откуда мы возьмем на это деньги? И никто ему не ответил бы. Затраты правительства и без того были уже слишком высоки.

— Откуда мы возьмем на это деньги? Ох, Перри, никогда мне не приходилось слышать такие глупости. А откуда вообще берутся деньги? Когда правительство видит, что есть потребность в обмене, само собой, оно создает деньги. У вас же это

было, Перри. Вот тут, в изначальной Конституции, сказано: «Конгресс имеет исключительное право чеканить деньги и регулировать их ценность».

— Да, я помню эту фразу. Но в мое время получалось все иначе. Деньги создавались банками — большая часть денег, самая важная их часть. Если правительству требовались деньги и оно не могло вовремя собрать их посредством налогов, то занимало деньги у банков.

— Не понимаю, банки ведь часть правительства.

— В мое время было иначе. Банки были частными организациями. Возможно, уместно будет сказать, что банки были правительством. В некоторых смыслах они были сильнее правительства.

— Но это же была полная анархия!

— Это она и была по преимуществу.

— Погоди, Перри. Здесь что-то не сходится. Ты прибыл из тридцать девятого года, когда президентом был Франклин Рузвельт. В истории я ориентируюсь не очень хорошо, но знаю, что он считается первопроходцем эры новой экономики. Да у нас тут в Вашингтоне памятник ему установлен — «Рузвельт кормит голодающих».

— Да, господин Рузвельт был в курсе всего этого. Но содействия получал крайне мало, даже от тех, кому пытался помочь. Моя очередь спрашивать. Скажи-ка, голодных больше не осталось?

— Разумеется, нет. Во всяком случае, в Соединенных Штатах.

— Я и говорил про Штаты. А больные есть?

— О да. Но конечно, их не много.

— Как они живут?

— Их лечат, о них заботятся, чтобы они поправились. А что еще можно сделать?

— Наверное, ничего. Безработные есть?

— Безработные? Это в смысле те, кто не работает за деньги? Конечно. Подозреваю, что в любой момент времени не более половины населения работает за деньги.

— А те, кто работает, не возражают, что им приходится работать, пока другие бездельничают?

— С чего бы это? Не могут все постоянно работать, тогда ведь ни у кого не будет времени пользоваться плодами своего труда, не будет времени тратить свой кредит. Каждый работает, когда у него возникает потребность пополнить свой кредит или же, независимо от потребности в деньгах, если любит свою профессию.

— И все работают, когда захочется?

— Нет. Большинство специалистов работают регулярно, потому что им это нравится. Возьми, к примеру, хирурга. Он работает сорок недель каждый год. Он известен и любит свою работу, так что в отпуске он будет столь же занят, как работая за деньги. С другой стороны, я работаю сейчас каждую неделю и уже довольно давно раз в неделю выхожу в эфир, как сегодня, а есть еще записи для постановок и песни.

— Этот эфир и есть вся твоя работа?

— Мне приходится много репетировать, и от меня ждут каждую неделю нового танца.

— А как насчет неспециалистов, различных ремесленников и разнорабочих, торговцев и тому подобных?

— Кто-то работает постоянно, кто-то время от времени. Очень многие люди работают несколько лет подряд, а затем уходят. Некоторые не работают вовсе — во всяком случае, за деньги. У них простейшие вкусы, их устраивает жизнь на наследство, — это, скажем, философы, математики, поэты и тому подобные. Правда, таких не очень много. Большинство людей работают хотя бы иногда.

— Диана, в Штатах теперь социализм?

— Никак нет, если под социализмом ты под-

разумеваешь, что заводы, магазины, фермы и прочее принадлежат правительству. Такое правительство в Новой Зеландии, и, на мой взгляд, оно работает довольно хорошо, но, по-моему, американскому темпераменту этот строй не подойдет. Ты пойми, Перри, я не экономист. У меня есть приятель из Калифорнийского университета, вот он экономист. Я попрошу его, после того как ты обновишь свои знания по истории, выбраться к нам, и он сможет ответить на все твои вопросы. И между прочим, чтобы тебе получить записи завтра, мне бы надо их заказать. — Она шагнула к коммуникатору.

Перри слышал, как она звонит в Калифорнийский университет в Беркли.

— Ты сможешь сделать заказ столь поздним вечером? — спросил он.

— Наверное, нет, не заплатив излишне много сверху. Я просто оставлю сообщение, и они займутся заказом завтра, прямо с утра.

— Как это делается?

— Есть два способа. Записываю свой голос или пишу при помощи телеавтографа. Перри, ты хочешь увидеть, как работает телеавтограф?

Он встал с ней рядом:

— Они не очень-то изменились.

— Хочешь сказать, что в тридцать девятом году вы уже умели передавать письмо на расстояние?

— Ага. Они не очень часто использовались, но я помню, как видел один в Канзас-Сити, на станции «Юнион!». Он использовался для передачи расписания поездов.

— Хм, возможно, наши механические чудеса удивят тебя не так сильно, как я предполагала.

— Уверен, я найду много удивительного для себя. Но не забывай, Ди, я ведь был инженером, хоть и в тридцать девятом году. А ты, прежде всего, творческая личность. Меня может не впечатлить то, что *ты* ожидаешь.

— Наверное, это правда.

Она медленно писала на телеавтографе, иногда останавливаясь, чтобы подумать. Наконец она поставила подпись и закрыла машину:

— Для начала сойдет. Я заказала еще и общий каталог, чтобы ты мог отобрать записи, которые заинтересуют тебя.

— А записи нужно покупать?

— Только если возникает такое желание. За их просмотр взимается небольшая плата. Если же тебе хочется оставить запись насовсем, нужно заплатить.

— У тебя есть здесь какие-нибудь записи?

— О, конечно, но, если не считать моей профессиональной библиотеки, их не так много. А профессиональных записей у меня прилично, там и мои танцы, конечно, и всякие другие разного толка. А остальное — записи постановок, просто для развлечения. Хочешь увидеть некоторые из них?

— Конечно.

— Я покажу тебе, как пользоваться приемником для воспроизведения. Вот смотри. Это переключатель режима. Поворачиваешь его в положение «Воспр.». Затем вставляешь запись вот так и крепишь край ленты к этому фиксатору. Теперь включаешь питание. Нет, погоди, не нажимай. Вот этот регулятор позволяет менять уровень громкости. Теперь включай питание.

Аппарат мягко зажужжал, большой экран ожил. Шут в пестром костюме злобно засмеялся с экрана.

— Здорово, дурачина, — заорал он, — желаешь ли ты еще одну сказочку от Тачстоуна? Тогда подходи поближе и слушай меня внимательно! Тачстоун расскажет сказку! Много-много лет назад в Древней Греции жила девица с решительно чудовищным юмором.

Огромный крюк возник из-за края экрана и

вонзился в тело шута. Его ухмылка перешла в испуг и распалась на тысячу кусочков, которые затем собрались в надпись: «Лисистрата. Комедия нравов»[3].

Диана заметила, что Перри узнал эту вещь:

— Так ты это знаешь?

— Да. О да.

— Выключить?

— Нет, прошу.

Весь следующий час они смеялись и фыркали над нестареющим фарсом о браке и войне. Перри был особенно рад узнать Диану среди гречанок и, весь светясь, указал на свое открытие. Диана выглядела польщенной, но запротестовала, когда Перри принялся шепотом настаивать, что ей следовало отдать главную роль.

Наконец постановка подошла к своему бесшабашному финалу, и машина со щелчком остановила ленту. Перри увидел, что Диана силится сдержать зевоту. Она состроила гримасу:

— Прости, я встала раньше тебя.

— Я и сам сонный.

---

[3] Примечания: 3

«Лисистрата» (букв.: «Разрушительница войны») — комедия древнегреческого драматурга Аристофана, написанная около 411 г. до н. э. В ней гречанки прекратили войну между Спартой и Афинами, объявив сексуальную забастовку. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Готов в кроватку?

— Полагаю, что да. Где я сплю?

— Где захочешь. Можешь лечь там же, где вчера.

Перри принял предложение и удобно расположился в привычной части дивана. Девушка легла в другой части комнаты, вяло пожелала спокойной ночи, легко, как кошка, свернулась калачиком и, казалось, сразу уснула. Перри лежал на спине, закрыв глаза, и в голове его метались перепутанные впечатления и цепочки идей, каждая из которых требовала немедленного внимания. Уснуть представлялось невозможным, однако уже через несколько минут он погрузился в теплое мягкое свечение, предшествующее сну. Вскоре он уже размеренно дышал, засыпая.

Примерно через час крик ужаса прорезал комнату. Диана села и включила свет. Перри тоже сидел — побелевший, с широко раскрытыми глазами. Она подбежала к нему:

— Перри, Перри, дорогой мой, что случилось?

Он вцепился в ее руку:

— Я падал. И как будто мое падение прервалось здесь, в темноте. Я уже в порядке. Это просто плохой сон.

— Ну же, ну, все хорошо, — успокаивала его

Диана. — Погоди всего минуту. Я оставлю свет. — Она отошла и быстро вернулась с чашкой той же насыщенной ароматной жидкости, которую он пил накануне. — Пей медленно.

Он прикоснулся к ее руке:

— Ди, я понимаю, что веду себя как ребенок, но не могла бы ты немного побыть со мной?

— Конечно, Перри.

Когда он допил, она легла рядом, обвила его руками и положила его голову себе на грудь.

— Теперь просто расслабься и лежи спокойно. Ты в безопасности, и я тебя не оставлю.

Через несколько минут Перри снова мирно спал. Диана подождала немного, затем, стараясь его не потревожить, отстранилась и села. Она помассировала затекшую руку, разгоняя «иголочки», и наблюдала за лицом Перри. После долгого ожидания она наклонилась и поцеловала его в губы, быстро и нежно. Он улыбнулся во сне. Затем она вернулась на свое место на диване. Теперь настала ее очередь пытаться заснуть. Почему она его поцеловала? Как глупо. Она не была влюблена в него. Разумеется, нет. Она не знала его и не испытывала к нему сильного физического влечения. В дикарей в любом случае не влюбляются. А он, по сути, был именно дикарем. Хотя не вел

себя как дикарь. И все же человек, рожденный в первой половине двадцатого века, не может быть для современной девушки подходящим компаньоном. Он ведь будет наверняка эмоционально нестабилен. Он это уже продемонстрировал своим громким криком в ночи. А ведь бояться ему было нечего. «Но что, если бы я упала и разбилась насмерть?» — задумалась она. Он не был мертв, нет! Но думал, что умер. Да нет, и не думал. Все было очень запутано. Он выглядел таким одиноким, таким болезненным! А когда потом уснул, то стал казаться таким юным, что она растаяла. Вот в чем дело, это просто было сочувствие, она поцеловала его точно так же, как пушистую макушку Капитана Кидда, когда вытащила шип из его лапки. Просто сочувствие. Но зачем она уговаривала его остаться, пока он обвыкнется? Для этого ведь есть специальные учреждения, более опытные и намного лучше подготовленные, чем она. Вот черт, почему она сразу не сдала Капитана Кидда, когда он впервые стал мяукать под дверью и требовать внимания? Диана, ты дурочка, и любое животное, ребенок, мужчина или женщина выгонит тебя из собственного дома, стоит им только захотеть! Разве не построила она этот дом для уединения? Разве не переехала сюда,

чтобы обнажать свою душу и исследовать ее без свидетелей? И как теперь это делать? А какие у него интересные глаза! И все же он не смотрел на нее, только иногда встречал ее взгляд. Может ли быть, что он не считает ее красивой? Или она уже просто *стареет*? Или женщины в 1939 году были красивее, чем нынешние? А что, если ему так кажется? Ну и что, если кажется? Уж *ей* это точно неинтересно!

Диана встала и сделала себе чашку успокоительного, выпила, нашла на диване новое место, свернулась в клубочек и уснула[4].

---

[4] Примечания: 4

Диана в детстве часто переезжала. Оба родителя любили ее и интересовались ею, а она, по счастью (или, возможно, вследствие этого), испытывала к ним уважение и сердечную привязанность. И отец и мать предпочитали бессистемное, не дающее гарантий обучение, которое ребенок получает от заинтересованных родителей, предположительно, более научному и определенно более системному обучению, которое ребенок проходит в наших центрах развития. Ее отец большую часть жизни занимался техникой в сфере питания и был человеком богатого воображения и значительных организаторских талантов. Ему мы обязаны, частично или полностью, существованием целого ряда удобств в наших домах. Он изобрел саморазогревающийся контейнер для еды и сподвиг других развить его до существующего уровня, когда контейнеры стали настолько дешевыми, что их можно использовать один раз и тут же выбрасывать. Около сорока лет назад, будучи ассистентом инженера «Кулинарной компании» (предшественницы «Юниверсал фудз»), он начал первое движение за натуральные текстуры в синтетических белках. Еще будучи молодым человеком, он уволился и основал компанию «Амброзия, лтд», чтобы дать возможность двум химикам, не считая денег, работать в лаборатории. С результатами мы каждый день встречаемся за обедом — это сосиски, никогда не знавшие свиней, и крепкий бульон из пробирки.

Едой его интересы не ограничивались. Его неприятное противостояние с Поленским на тему преимуществ гравюр, исполненных сухой иглой, и существующего кислотно-термального процесса помнят все поклонники этого эзотерического вида искусства. Его утверждение, что современный человек лучше своих далеких предков-дикарей приспособлен справляться с дикой природой голыми руками, причем на всех уровнях — и физическом, и умственном, и эмоциональном, — вызвало целую бурю споров, достигших своей зрелищной развязки в год его практического опыта на необитаемом острове в южной части Тихого океана. В это приключение он взял с собой Диану, тоненькую девочку десяти лет. Его триумфальное возвращение — современного Крузо, крепкого, здорового, гордого собой, — известно всем мальчишкам-романтикам и стало основой многочисленных постановок, написанных, срежиссированных и сыгранных юными мужчинами.

Мать Дианы была человеком не столь ярким, но не менее важным для развития характера девочки. Она работала хирургом и происходила из династии хирургов и целителей. Спокойная и хладнокровная, с длинными тонкими костлявыми руками, более выразительными, чем ее бесстрастное лицо, она казалась отстраненной от окружающего мира и лишь тогда была живой, когда ее чувствительные деликатные пальцы пересекали грань между жизнью и смертью. И хотя заниматься танцами девочку поощрял отец, именно мать настояла, чтобы Диана продолжала учебу, пока не достигнет достойного результата

— собственного стиля.

Диана росла то с одним родителем, то с другим и, наконец, с двумя одновременно, когда их непохожие занятия позволяли вести семейную жизнь. Ее мать отбирала учебные записи для формального базового образования и культурного ориентирования ребенка. Отец дополнял эту программу небольшими экскурсиями в культурные и промышленные центры, чтобы придать реальности тому, что она узнавала из записей. По настоянию матери Диана, будучи подростком, два года прожила в Центре развития, чтобы испытать на практике реальность социального самоуправления и понять, чем живет основная масса населения.

Идеальной была эта среда или нет, Диана цвела и росла, была не просто здоровой и сильной, но отличалась гибким и не стесненным условностями умом, характером радостным и свободным от скуки, памятью, сохраняющей огромные объемы информации, и навыками, достаточными для разумной интеграции в общество. Возможный недостаток ее характера, если это вообще недостаток, заключался в том, что она быстро проникалась симпатией на эмоциональном уровне, легко чувствовала боль и печали других людей. Из-за этого она не смогла пойти по стопам матери и стать хирургом — ей не давалась отстраненность, необходимая, чтобы защитить хирурга от эмоционального натиска страданий пациентов. Эта уязвимость слишком легко затягивала ее в эмоциональные отношения, особенно

с противоположным полом. Когда ей не было еще двадцати лет, она испытала огромную боль в результате любовной связи с молодым поэтом, больным циклоидным неврозом, вероятно психического происхождения. Он стал одержим ее танцами и покончил с собой, наблюдая за кульминацией одного из ее эмоциональных номеров. Конечно, легко говорить, что он не должен был находиться на свободе, однако читателям, как и автору, хорошо известно, что наши превентивные диагнозы не являются безошибочными и что мы не можем позволить себе рисковать нарушением обычаев, на которых основана наша свобода.

Как бы то ни было, для Дианы это чуть не стало катастрофой. Физические последствия, естественно, дали о себе знать, учитывая ее характер: и истерический гастрит, и нарушенный метаболизм, разумеется; нервный срыв был гораздо сильнее. Мгновенный переход к интровертности, избыточная застенчивость и ужас перед танцами — таковы были основные симптомы. Отец бросил все, чем в тот момент занимался, и поспешил к ней, устроил разборки с медиками относительно ее лечения, сотворил бедлам и в итоге умыкнул ее, чтобы вовлечь в полугодовой шумный аттракцион, не оставляющий времени на раздумья. Ближе к концу этого срока лишенное воображения «красивое молодое животное» соблазнило ее вернуться к нормальной половой жизни. Она быстро устала от любовника, а он от нее, и однажды утром она проснулась и почувствовала себя полностью исцеленной и жаждущей не только танцевать, но и наслаждаться миром и населяющими его людьми.

Болезнь Дианы, возможно, не усилила ее способности танцовщицы, но расширила ее горизонты. Ее по-прежнему очень интересовал танец, и она твердо верила, что это самое живое и самое личное из всех искусств, однако она теперь чувствовала себя не только исцеленной, но и взрослой, и в ней проснулся живой интерес к жизни, ко всем знаниям, ко всей культурной модели. А ее репутация танцовщицы все возрастала, хотя для нее танец все больше становился лишь средством, дающим возможность более полно насладиться мириадами других аспектов жизни. — *Примеч. автора.*

Глава четвертая

На следующее утро Диана проснулась с ощущением, что день будет хороший. Она потянулась и довольно зевнула. Приподнявшись, она увидела Перри — растрепанного и все еще спящего. Она посидела неподвижно, а затем на лице ее появилась улыбка. Конечно, вот оно что. Ее более не одолевали сомнения и дурные предчувствия, как ночью. Напротив, помогать потерянному мальчику казалось правильным, уместным и весьма приятным. Тихонько напевая, она отправилась в ванную комнату приводить себя в порядок и готовиться к новому дню. Возможно, она дольше обычного провозилась с прической. Как бы то ни было, прошло довольно много времени, прежде чем она ступила, порозовевшая и довольная, в гостиную. Она бросила взгляд на Перри, сказала себе, что он еще спит, а затем принялась готовить все для завтрака, стараясь не шуметь. Вскоре ее прервал голос из-за спины:

— Доброе утро.

— Ой, ты меня напугал. Доброе утро, Перри. Хорошо спал?

— Да, но, послушай, ты великолепно выгля-

дишь! Диана смутилась и опустила глаза:

— Не пытайся мне подольстить.

— Но это правда.

— Это такой обычай вашего времени — делать столь прямолинейные личные комплименты?

— Вообще-то, да. А сейчас разве не так?

— Ну, так, если ты желаешь сказать что-то приятное, а комплимент заслуженный.

— Считаю, ты самое прекрасное создание из всех, что я видел.

— Но… Тьфу ты! Давай-ка быстренько освежись. Завтрак скоро будет готов.

Перри засмеялся и нырнул в гостевую туалетную комнату. Диана решительно продолжала возиться с завтраком. Она по ошибке насыпала в заварочный чайник муки вместо чая, залила ее кипятком, затем топнула ногой и снова сказала «тьфу ты», после чего принялась отмывать получившуюся вязкую смесь. Перри сунул голову в комнату:

— Ди?

— Что, Перри?

— Есть тут какой-нибудь способ побриться? А то вид у меня тот еще.

— В моей туалетной есть капиллотомер. Можешь взять и использовать у себя.

— Что за катиллопомер?

— Не катиллопомер, а капиллотомер, он стрижет волосы.

— А побрить сможет?

— Будешь гладкий, как младенец. Давай-ка я тебе его раздобуду.

Она принесла прибор и показала Перри, как им пользоваться.

— Так это же просто старая добрая электробритва, только обтекаемая и с высшим образованием.

— Действительно, старомодная вещь, но я не особенно интересуюсь депиляторами. Хватит играть в нее, давай брейся. Я уже накрываю.

— Сей момент.

— Годится, но смотри, чтобы момент не растянулся дольше чем на пять минут.

Завтрак был мечтой гедониста. Яркие лучи зимнего солнца короновали снег на далеких горах. Легкий ветерок вил причудливые узоры на водопаде. За прозрачным экраном два голодных здоровых молодых человека смотрели друг на друга поверх чашек с дымящимся черным чаем, и каждый находил второго весьма приятным на вид. Фоном звучал оркестр из Гонолулу, заменяя беседу. Наконец от тостов ничего не осталось, а

также и от яиц пашот, и от фруктов из вазочки.

Диана поднялась и потушила сигарету.

— Твое образование начинается сегодня, дружок. Ты готов?

— Я уже приготовил яблочко для учительницы.

— Как мило звучит. А теперь за работу. Давайка выберем несколько книг. Вот эта, да, и вот эта тоже подойдет. И ни в коем случае не забыть про «Правила поведения». Куда же я ее задевала? Ага, вот она. И вот это тебя может заинтересовать — здесь в основном инженерные дела. Теперь посмотрим, доставили ли записи. — Она сделала шаг и открыла приемник. — Да. Смотри, что нам принес Санта-Клаус: «Историческое обозрение Соединенных Штатов, части 11–20, XX век, части 21–28, XXI век» плюс обновления по сегодняшний день и непрерывная повествовательная аннотация. «Интегрированная история мира в четырех частях». Первые две части тебе не понадобятся, но все равно можешь просмотреть. «Иллюстрированные правила поведения для детей, от младенчества до пубертатного периода», в шести частях. То же для юношей и девушек, а еще связующая серия для приобретения гражданства. «Табу: история социальных условностей».

Это тебя займет надолго, а из общего каталога ты можешь выбрать то, что тебя заинтересует. В начале большого каталога есть еще список специализированных каталогов. Если захочешь изучить конкретный предмет более тщательно, начни с каталога этого предмета. Кстати, я тебе показывала, как останавливать воспроизведение и повторять фрагменты?

— Нет, вроде бы не показывала.

— Значит, покажу. Полезно для учебы, особенно для таких медлительных, как я. Ты столкнешься с тем, что вот этот сериал по истории несколько раз ссылается на вот эту книгу по истории Соединенных Штатов. Можно останавливать просмотр, читать материал по ссылке, а затем продолжать просмотр с того места, где остановился. Хорошо, что они прислали этот сериал! Его создал тот же магистр, который написал книгу.

— С чего мне лучше начать?

— Я бы на время отложила книжки и нырнула прямо в исторические записи. Затем просмотрела бы все записи, посвященные обычаям. А завтра ты можешь начать изучать их фрагментарно вместе с книгами, если хочешь. Но обязательно полностью прочитай «Кодекс правил поведения». В записях многие обычаи не показаны.

— Отлично, где там эта первая запись? Попробую ее правильно поставить. Так, по-о-оехали.

Спокойный, ровный голос ведущего объявил название записи и описанный период, затем на экране появилась надпись: «Вашингтон, 1900».

Глядя в стереоскопическое изображение, Перри обнаружил, что плывет над Пенсильвания-авеню в сторону запада. По зимнему, холодному, серому пейзажу он двигался над довольно плотным потоком повозок и двуколок, над лошадьми, цокающими по грязной мостовой, и слякотью, хлюпающей в автомобильных колеях. Зазвенел и тронулся с места трамвай. Перри плыл над крышами машин и обнаружил, что приближается к Белому дому. Он проник через переднюю дверь, проследовал в западное крыло и обнаружил президента Маккинли за его столом. С ним рядом, расслабленно, но всем своим мощным телом излучая энергию даже в состоянии покоя, сидел единственный и неповторимый Тедди, Тедди Рузвельт, любимец публики.

— Говорю вам, господин президент, что единственный путь справиться с этим — говорить мягко, но держать в руках дубину.

Изображение померкло, и стали появляться другие картины, сопровождаемые голосом ком-

ментатора за кадром. Иногда голос рассказывал историю, а персонажи лишь иллюстрировали ее. Затем историю начинало передавать изображение, а диалоги персонажей давали достаточно информации, но сцена постоянно менялась. Братья Райт ото рвались на своей «безумной штуковине» от земли в Китти-Хок. Панамский канал был вырыт, а желтая лихорадка побеждена. «Слишком горд, чтобы сражаться»[5]. «Лузитания»[6]. Война в воздухе. Высокая стоимость жизни. Автомобили заполонили континент. Появление сетевых магазинов перетекало в нефтяной скандал и обвал рынка. «Мои друзья...» звучало из радио над камином и росла плотина Боулдер.

Перри напряженно подался вперед, когда на экране появились события после 1939 года. Два часа он сидел почти молча, лишь изредка удивленно восклицая. После этого перестал удивляться. Один раз он отвлекся, чтобы попросить у Дианы сигарет, и затем еще раз, чтобы выпить

---

[5] Примечания: 5

Речь Вудро Вильсона, президента США, произнесенная 10 мая 1915 г. в Филадельфии. — *Примеч. С. В. Голд.*

[6] Примечания: 6

«Лузитания» — пассажирский лайнер, потопленный немецкой подводной лодкой 5 мая 1915 г. — *Примеч. С. В. Голд.*

воды. Именно в этот последний раз он обнаружил, что Диана куда-то вышла. Прошло много времени, и он почувствовал прикосновение к своему плечу.

— Не кажется ли тебе, что для одного раза уже хватит?

— Ой, прости, ты меня напугала. Наверное, ты права, но эта штука здорово затягивает. — Он отключил питание. — Отложить так же сложно, как детектив.

— Что такое детектив?

— История о расследовании преступления. В тридцать девятом году это был самый писк. Половина публиковавшихся историй посвящалась загадочным убийствам.

— Боже правый! Убийства случались настолько часто?

— Нет, эти истории были типа головоломок, как шахматные задачи.

— О! Слушай, Перри, я тебя отвлекла, чтобы узнать, не хочешь ли ты поплавать перед ланчем. Ты умеешь плавать?

— Конечно, но где мы будем плавать? Не слишком ли для этого холодно?

— Нисколько. Увидишь сам. Идем.

В дальнем от каньона конце комнаты откры-

лась дверь наружу, но вместо январской зимы Высокой Сьерры Перри увидел лето, лето в тропическом саду. Солнце ярко освещало множество цветов, а также зеленую лужайку, окружавшую небольшой каменный бассейн с прозрачной водой и белым песком. Длина бассейна позволяла сделать пять или шесть гребков. Прямо за садом снова начиналась зима и заснеженные пики. Но сад и бассейн явно никак не были ограждены от сурового горного климата.

Перри обернулся к Диане:

— Знаешь, Ди, я верил во все остальное, но это точно сон. Разбуди меня. Как, как это сделано?

Диана восторженно заулыбалась:

— Здорово, правда? Я покажу тебе, как это сделано. Иди по тропинке вдоль бассейна. Когда подойдешь к границе сада, вытяни руки.

Перри так и сделал. Протянув руки к краю, он внезапно остановился и удивленно хмыкнул. Затем он осторожно поводил руками вверх и вниз по тому, что, судя по его действиям, было стеной из воздуха.

— Черт, это же стекло!

— Да, разумеется.

— Должно быть, у него удивительно низкий показатель преломления.

— Полагаю, что так.

— Послушай, Ди, я эту штуку не могу видеть. Скажи мне, где она, чтобы я в нее не тыкался.

— Тебе и не придется. Садик сделан так, что от любого его края до этого стекла остается примерно полметра, а над головой оно довольно высоко. Основание его проходит вот здесь, — она обвела рукой большую часть полукруга, — а вон там восходит к дому. Если присмотришься, то увидишь соединяющую кромку, она идет по каменной стене к земле. По форме стекло похоже на мыльный пузырь.

Перри задумчиво сказал:

— Хм, понимаю. И поэтому стеклу не требуется опора. Но как оно сюда попало?

— Его надули на месте, как мыльный пузырь. Это и есть пузырь. Слушай, разве дети не надували пузыри, когда ты был маленький?

— Надували.

— Приходилось ли тебе намочить тарелку, коробку или столешницу, а затем опустить на нее пузырь и заставить его принять нужную форму?

— Да-да, я начинаю понимать.

— Так вот, сначала они покрыли стену и подложку на земле клейкой субстанцией — смесью для пузырей, ограничившись предполагаемой

площадью пузыря. Затем поместили трубку для надувания пузырей в центр и стали дуть. Когда пузырь достиг нужного размера, они прекратили его надувать.

— В твоем изложении это как будто очень легко.

— Это не очень легко. Я смотрела, как они работают: у них лопнули четыре пузыря, прежде чем удалось зафиксировать этот. Несколько часов пузырь сохнет, и, пока он не высохнет окончательно, его может разрушить любое прикосновение.

— Не имею ни малейшего понятия, как можно заставить стекло вести себя таким образом.

— А это не стекло, не кремниевое стекло во всяком случае, а синтетическое пластиковое. Один из техников сказал, что его молекулы подобны очень длинным цепочкам.

— Разумно.

— Я в этом не понимаю. Но знаю, что, когда эту штуку цедят, она клейкая и похожа на белую патоку, а когда застывает — становится очень жесткой и твердой, как стекло, только, в отличие от стекла, совсем не хрупкой. Она не разбивается, и ее очень сложно прорезать или порвать.

— Что ж, в любом случае это замечательная

идея. Знаешь, в мое время были патио и гостиные во дворах и бассейны в садах, но, как правило, наслаждаться ими не позволяла погода — было то слишком холодно, то слишком жарко, то слишком ветрено. А еще вечно эти насекомые — мухи, комары. В патио моей тетушки водились пчелы. Очень смущает, когда пытаешься позагорать, а пчелы ползают по тебе и жужжат у тебя над ухом.

— Перри, ты плохо переносишь пчелиные укусы?

— Нет. С пчелами я справляюсь. Они меня не жалят, но мою тетку доводили чуть ли не до безумия. Бедная женщина не получала никакого удовольствия от своего сада. Они ее жалили, и она раздувалась, как воздушный шарик, и у нее начинались проблемы с желудком. Грустно, ведь она так любила этот сад, но так мало получала от него удовольствия.

— Тогда почему она держала пчел?

— Она не держала. Их держал один ее сосед.

— Но ведь это не по обычаю… Забудь. Я спросила тебя о пчелиных укусах потому, что пчелы больше не жалят.

Перри хлопнул ладонью по лбу и изобразил притворную агонию:

— Хватит, женщина, хватит! Больше ни слова! Все. Остановись. И еще кое-что. Ответь мне на этот вопрос, чтобы я умер счастливым. У арбузов есть семечки?

— А что, раньше были?

Перри подшагнул к краю бассейна, принял позу оратора и продекламировал:

— Прощай, о скорбный мир. Папа склеивает ласты! Sic semper[7] семян.

Он зажал нос большим и указательным пальцем, зажмурился и спрыгнул в бассейн солдатиком. Он всплыл, отфыркиваясь, и обнаружил, что Диа на, истерически смеясь, утирает слезы.

— Перри! Ну ты и клоун! Прекрати!

— Поведай же мне, мрачная птица[8], а в ежевике все еще есть косточки? — торжественно спросил Перри.

Диана сдержала смех:

— В ежевике есть косточки, дуралей.

— Лишь это я хотел узнать.

Голова Перри исчезла, и он принялся убедитель-

---

[7] Примечания: 7

Такова участь *(лат.). — Примеч. перев.*

[8] Примечания: 8

В оригинале «bird of mournful numbers» — птица печальных строф; возможно, отсылка к «Псалому жизни» Г. Лонгфелло. — *Примеч. С. В. Голд.*

но изображать утопающего, издавая булькающие звуки. Диана нырнула в бассейн, догнала Перри на дне и принялась его энергично щекотать. Они всплыли вместе. Перри кашлял и фыркал:

— Ну ты и вредина, я из-за тебя чуть не задохнулся.

— Прости. — Она снова захихикала.

Несколько минут спустя Перри лежал на боку, обсыхая, и наблюдал за Дианой, оставшейся в бассейне. Она лежала на спине, над водой выступали лишь ее лицо и изгибы грудей. Волосы расплылись нимбом вокруг головы.

Теплое солнце прогрело тела молодых людей, навеяло вялость и умиротворение. Перри отщелкнул камешек в бассейн. Камешек плюхнулся в воду и брызнул Диане на лицо. Она повернулась на бок, двумя легкими движениями достигла края бассейна и положила руки на край.

— Ты голоден, дружок?

— Вот ты спросила, и я сразу понял, что чего-то не хватает.

— Тогда давай поедим. Нет, не вставай. Мы поедим здесь. Все уже готово.

Диана вернулась с груженым подносом размером с нее саму.

— Перри, перебирайся в тень. У тебя нет моего

загара, и мне не хотелось бы, чтобы ты сгорел.

Минут сорок пять спустя Диана зашевелилась, прервав обеденную спячку.

— Прежде чем ты вернешься к учебе, я хочу, чтобы с тебя сняли мерку для кое-какой одежды.

Перри выглядел удивленным:

— Одежды, постой, у меня сложилось впечатление, что в ней нет необходимости.

Диана озадаченно посмотрела на него:

— Ты не можешь вечно сидеть дома, Перри. А снаружи холодно. На завтра у меня запланирован пикничок, но сначала понадобится добыть для тебя теплую одежду. И заодно ты можешь заказать другие вещи, которые тебе понадобятся.

— Смелей, Макдуф![9]

Диана набрала комбинацию на телевиде. На экране возник господин семитского вида. Он потер руки и улыбнулся:

— А, мадам, могу я быть вам полезен?

— Благодарю, вот мой друг, ему нужны костюмы. Прежде всего костюм для снежной и очень снежной погоды и еще кое-что.

— А, превосходно. У нас есть новые модели, невероятно эффектные и о-очень практичные

---

[9] Примечания: 9

У. Шекспир. Макбет. — *Примеч. С. В. Голд.*

к тому же. А теперь не попросите ли вы своего друга занять положение?

Диана подтолкнула Перри поближе к телевиду и развернула к нему экран. Семитский господин был вне себя от удовольствия:

— О да! Красивая фигура. Одно удовольствие шить для человека, которому одежда пойдет. Минуту. Дайте подумать. Точно! Я создам для него новую модель. С такими пропорциями плеч и длиной ног…

Диана перебила его:

— Не сегодня, спасибо. Возможно, в другой раз.

— Но, мадам, я ведь художник, а не бизнесмен.

Губы Дианы едва шевелились.

— Не позволь ему себя одурачить, Перри. Художник он лишь на одну часть, а на три части бизнесмен. — И она продолжила, обращаясь к телевиду: — Нет, одежда нужна нам сегодня. Пожалуйста, используйте стандартную модель.

— К вашим услугам, мадам. — Он поднял устройство, похожее на то, которым снимали отпечаток ладони Перри, но большего размера. — Ваш друг находится на расстоянии ровно четырех метров от экрана?

— Так точно.

Собеседник что-то подстроил в камере:

— Ваш экран корректирует угловые аберрации?

— Да.

Он снова подстроил прибор:

— Итак, анфас. Превосходно, теперь правый бок. Спиной, пожалуйста. Левый бок. Наклонитесь, пожалуйста. Вытяните обе руки. Теперь по очереди поднимите колени. Это все. — Аппарат исчез. — Желаете ли вы выбрать материалы?

— Нет, пусть все будет из хлопка с вискозной подкладкой. А цвета, Перри? Подойдет ли тебе темно-синий?

— Вполне.

— Могу я предложить белый кант? — обеспокоенно встрял продавец.

— Превосходно.

Диана также дала добро на приобретение поясной сумки с пристяжным килтом для путешествий и появления в общественных местах, нескольких пар спортивных сандалий, а также пары легких тапочек для прогулок по городу. Она твердо пресекала любые дискуссии на тему украшений, драгоценностей, безделушек и аксессуаров и отказывалась даже обдумывать какие-либо женские штучки для себя. В итоге «художник» сдался, и экран опустел.

Перри вернулся к своей учебе. Одна запись сменяла другую, и незаметно для Перри день начал близиться к концу. Диана как-то заглянула, чтобы изменить положение экрана и поудобнее усадить Перри на подушках. Чуть позже она принесла чашку чая и бутерброд. Перри едва замечал ее вмешательство. Его поглотила бесконечная запредельная драма. Уже почти стемнело, когда урчание проигрывателя возвестило об окончании последней записи. Перри встал и потянул затекшие конечности. Дианы не было видно. Он огляделся, вздохнул, сел и закурил. Наконец Диана появилась на пороге двери из садика.

— Как далеко ты продвинулся, Перри?

— Один раз посмотрел все вплоть до сегодняшнего дня.

— И что скажешь?

— Впервые я действительно чувствую себя в две тысячи восемьдесят шестом году. Но для одного раза эта порция великовата.

— Я пригласила своего старого друга посетить нас сегодня вечером, Перри. Он здорово тебе поможет. Он магистр истории, а в прошлом — один из моих учителей.

— Что ж, это замечательно. Когда он приедет?

— Должен быть к ужину. Он летит из Беркли.

Гость появился меньше чем через час. Плотный мужчина с мощными широкими плечами. Большой череп, глубоко посаженные глаза, лицо простое и грубое. Он сгреб Диану в медвежьи объятия, оторвал ее от пола, поцеловал в обе щеки, затем поставил на место и принялся разоблачаться, избавляясь от своего летного костюма. Перри решил, что мужчина неплохо сохранился, и на вид дал ему пятьдесят пять — шестьдесят лет, с интересом отметив, что гость, похоже, сбривает волосы на теле, оставляя нетронутыми лишь кустистые серые брови. Диана представила их друг другу. Звали мужчину, как выяснилось, магистр Каткарт.

— Могу я помочь тебе, мой мальчик… — Вопрос это или утверждение, Перри не смог разобрать. — Диана поведала мне кое-что о твоем случае. Нам о многом придется поговорить.

По настоянию Дианы отложили все исторические дискуссии до окончания ужина. Затем, как только магистр Каткарт уговорил свою трубку с огромной чашкой задымить, он перешел прямо к делу:

— Мне следует, как я понял, считать, что фактически ты являешься жителем тысяча девятьсот тридцать девятого года нашей эры, хорошо све-

дущ в своем времени и попал сюда посредством черной магии. Да будет так. Ты изучал сегодня записи? Какие именно?

Перри перечислил.

— Сойдет. Теперь ты мог бы сделать краткую сводку того, что узнал сегодня, а я буду пояснять, прояснять и отвечать на вопросы так хорошо, как только смогу.

— Что же, — ответил Перри, — это непросто, но я попытаюсь. На момент моей аварии, в июле тридцать девятого, президент Франклин Делано Рузвельт занимал свой пост во второй раз. В работе конгресса был объявлен перерыв после практически полного краха программы президента. В испанской войне победили фашисты. Япония воевала с Китаем и, по всей видимости, собиралась воевать еще и с Россией. Безработица и дисбаланс бюджета по-прежнему оставались двумя главными проблемами Со единенных Штатов. Тысяча девятьсот сороковой был годом президентских выборов. Президенту Рузвельту пришлось баллотироваться на третий срок ввиду отсутствия достойного последователя, способного продолжить его начинания. Его выдвижение на съезде демократов привело к тому, что консервативное крыло демократов переметнулось

к Республиканской партии. Тем временем движение национальных прогрессивистов[10] уже разрослось до масштабов страны и ввело в игру молодого Боба ла Фоллета. Республиканцы выдвинули сенатора Ванденбурга. Ванденбурга избрали, однако он набрал значительно менее половины голосов избирателей и не получил поддержки большинства ни одной из палат конгресса. Его правление изначально было обречено. За четыре года администрация сделала крайне мало, если не считать нерешительной попытки сбалансировать бюджет, отменив пособия, но беспорядки и голодные походы вскоре вынудили конгресс начать увеличивать эту статью. Весной сорок четвертого года смерть господина Рузвельта в авиакатастрофе деморализовала остатки Демократической партии, и большинство ее участников присоединились к республиканцам или прогрессивистам. Демократы распустили свой съезд, даже не выдвинув кандидата. Прогрессивисты выдвинули Ла Гуардиа, неутомимого маленького мэра Нью-Йорка, тогда как республиканцы после множества голосований — сенатора Мэлоуна. Президент Ванденбург, как

[10] Примечания: 10

Прогрессивисты — объединение независимых политических групп, создано в 1938 г. Робертом ла Фоллетом. — *Примеч. С. В. Голд.*

и его предшественник, президент Гувер, попал во власть обстоятельств, которые не понимал и не контролировал. Сенатор Мэлоун был политиком Среднего Запада, типичным демагогом моего периода, если я могу об этом судить. На записях он всегда раскрасневшийся и пронзительный, человек из народа. Мэлоун за основу своей платформы выбрал обвинение — он во всем винил Европу и радикалов. Он требовал немедленной выплаты военных долгов, что было довольно глупо, поскольку уже шла вторая европейская война. Он призывал объявить Коммунистическую партию вне закона, защитить американскую землю и вернуться к рационализму в образовании (то есть к чтению, письму, арифметике), а кроме того, проявлял крайне агрессивный ура-патриотизм. Он выступал за депортацию всех приезжих, ратовал за законы, запрещающие женщинам занимать мужские должности и защищающие нравственность молодежи. Он говорил, что восстановит процветание, и обещал всем «американский» уровень жизни. И он победил — с минимальным перевесом на голосовании в коллегии выборщиков. Ла Гуардиа потом говорил, что, поскольку Мэлоун пообещал им луну с неба, все, что ему оставалось предложить со своей стороны, — луна

со взбитыми сливками, а это показалось Ла Гуардиа непрактичным.

Заняв пост, Мэлоун принялся действовать властно. Конгресс на первом же заседании выразил готовность принять практически любой закон по его желанию. Один из наиболее важных законопроектов касался общественной безопасности, — по сути дела, речь шла о кляпе для прессы и других средств массовой информации. Поскольку поначалу закон использовался для подавления новостей о трудовых беспорядках, вызванных отменой пособий, подчиненная правительству пресса приняла это, не ведая, на что подписывается. Затем был проведен закон, значительно увеличивший полномочия правительственных чиновников и агентов федеральных силовых служб и подчинивший их непосредственно первому лицу. Мэлоун укомплектовал эти увеличившиеся и сильно изменившиеся подразделения сотрудниками политической машины родного штата. Тем временем, невзирая на контроль прессы, люди начали беспокоиться, поскольку даже экономически стабильные граждане подвергались нападкам голодных, обездоленных и безработных. Мэлоун, очевидно, боялся вторых выборов, даже досрочных. Воз-

можно, он никогда и не собирался их проводить. Как бы то ни было, он объявил чрезвычайное положение, а в качестве оправдания использовал толпы безработных. Он стал абсолютным диктатором для гражданского правительства. Посредством армии и флота он сметал любые мелкие затруднения. С его новой секретной службой и контролем над средствами связи и пропаганды это стало вполне возможным. Кстати, в записях утверждается, что он смог применить армию и флот для уничтожения демократического строя правления. Вот в это мне сложно поверить, магистр Каткарт. Понимаете, я сам служил во флоте и не думаю, что американские службисты исповедовали фашизм. Как вы это объясните?

— Я рад, что ты поднял эту тему, Перри. Кажется вероятным, что Мэлоун с самого начала именно это планировал. Как минимум он предвидел, что придется использовать военную машину против народа. Его метод был простой и почти безупречный. Его разведка изучила политические симпатии и экономическое положение каждого офицера флота и армии. Если находился офицер, стойко державшийся демократических или либеральных взглядов, его не увольняли и не подвергали трибуналу. Мэлоун действовал

тонко. Когда находили такого офицера, его переводили на новое место назначения, не связанное с боевыми действиями: офицером-вербовщиком, инструктором по подготовке офицерского резерва, инспектором по довольствию, в военный колледж, в Академию армии или флота и так далее. Если же офицер определенно был склонен к милитаризму, ура-патриотизму, оказывался прирожденным садистом, его помещали на ключевой пост — руководить войсками и действительно прибегать к силе по необходимости. Рядовых фильтровали в меньшей степени. Так что, когда Мэлоун готовился к удару, его поддерживала военная машина, служившая его целям.

— А как же Национальная гвардия?

— О, с ней все было сложнее — но только на первый взгляд. Потому что оружие гвардии принадлежало федеральному правительству и находилось под его контролем. За неделю до переворота практически всю амуницию гвардии отозвали под предлогом ее замены. Разумеется, заметь кто-нибудь, что вся амуниция всех частей гвардии отозвана одновременно, начались бы неприятности, но контроль над средствами связи и тот факт, что каждый приказ классифицировался как конфиденциальный приказ

военного времени, позволили Мэлоуну это все провернуть.

— Это проясняет мои затруднения, — сказал Перри. — Я так и думал, что здесь что-то нечисто. Если я правильно помню, эта диктатура, или, как ее называют записи, междувластие, продолжалась всего года три. В пятидесятом году Мэлоуна убил один из его приспешников. Комментатор, похоже, считает, что этот режим был, по существу, нестабилен и все равно распался бы в скором времени. Как бы то ни было, убийство Мэлоуна стало сигналом к восстанию по всей стране. Всего за три недели всех «быков» Мэлоуна перестреляли или вынудили скрываться. Человек, занимавший в начале междувластия пост губернатора штата Мичиган, созвал всех губернаторов. Они выбрали одного временным президентом и назначили дату всеобщих выборов. Выбрали Ла Гуардиа. Он занимал пост два срока.

— Все четко, — вставил Каткарт. — Теперь давай поговорим немного о мире в целом. Вторая европейская война по времени совпала с правлением администрации Ванденбурга. После поражения лоялистов в Испании фашистские государства стали готовы атаковать демократические. Францию терзали внутренние раздоры и стачки. В

Англии правила партия консерваторов, которая, по всей видимости, придерживалась политики невмешательства. Фашистские державы нанесли удар, но повторилась история Первой мировой. Демократические государства отказывались сдаваться, хотя терпели поражение за поражением. Конец войне положило вовсе не вмешательство Соединенных Штатов — у Ванденбурга на это не хватило бы духа, — но экономический коллапс Германии. Она затеяла наступление, находясь в значительно более худшем физическом состоянии, чем в тысяча девятьсот четырнадцатом году, и затяжную войну не осилила.

— Что стало с диктаторами?

— Адольф Гитлер совершил самоубийство, прострелив себе нёбо. Муссолини вышел из игры намного более элегантно. Он обратился к королю, которого держал под рукой на протяжении всего срока своего пребывания в должности, с прошением об отставке, и король назначил ново го премьер-министра, социал-демократа. Но, на мой взгляд, наибольший интерес в наступлении этого мира представляют конкретные условия мирного договора.

— Снова-здорово какая-то Лига Наций, не так ли?

— И да и нет. Крайне одаренный молодой француз, потомок Лафайета, заявил, что континентальное правительство, или федерация, необходимо для установления продолжительного мира, а кроме того — что конституционная монархия является наиболее стабильной формой существования для всех свободных людей. И так возникла Соединенная Европа. Романтика здесь в том, кого выбрали главой этого многоязычного создания. Габсбурги и Гогенцоллерны отпадали по очевидным причинам — враждебность и плохая история. Предлагался английский король, но он не вызвал энтузиазма, поскольку по характеру был пессимистом, да к тому же застенчив и с дефектами речи. У возможных претендентов, находившихся в тот момент в изгнании, не было достаточного числа последователей. Но был один принц, давно уже захвативший воображение всего мира. Избранником стал Эдвард, герцог Виндзорский, отрекшийся от трона Британии в тридцать шестом году, чтобы не оказаться в полной власти собственного премьер-министра.

— Черт возьми, а! — пробормотал Перри. — Кажется, в записях этого не было.

— Ты же смотрел обзорный вариант, — объяснила Диана.

— В начале войны Эдвард вернулся домой и потребовал, чтобы его взяли на военную службу. Он проявил удивительный талант, особенно на поприще поддержания боевого духа товарищей. Во многом благодаря ему постоянные поражения в битвах не стали причиной капитуляции перед натиском фашистов. Когда выдвинули его кандидатуру, она была принята при всеобщем одобрении. Он поначалу отказывался, но в конечном итоге согласился с условием, что его жена приобретет формальный статус, равный его собственному. Он получил желаемое, несмотря на протесты британской делегации, и супругов короновали на церемонии, завершившей конференцию в Бордо двенадцатого июня тысяча девятьсот сорок четвертого года. Эдвард стал королем государств и императором Европы. Разумеется, Уоллис стала королевой и императрицей. Говорят, что королева Англии так никогда с этим и не смирилась.

— Шикарно! — хмыкнул Перри.

— Из Эдварда вышел отличный правитель. Он помогал создавать конституцию новой сверхдержавы и настоял на включении в нее некоторых пунктов. Свободная торговля между странами-участницами, общая валюта, общая армия и

флот, причем небольшие. Все международные споры должны были решаться имперским трибуном. Эта система довольно хорошо проработала четверть века, несмотря на необходимость смазывать и чинить скрипучий механизм.

— И что же положило ей конец?

— Его смерть. Он умер в тысяча девятьсот семидесятом году, не оставив наследников. Уже в тот момент, когда трибун объявил Уоллис регентом — до дня, пока не будет выбран преемник, — отряд местных гвардейцев пересек мост в Восточной Европе и захватил небольшой, не более тысячи жителей, городок. Основанием послужила какая-то туманная историческая претензия по битве, состоявшейся за пять сотен лет до этого. Отряду противостояли местные полицейские силы и пришедшие к ним на помощь организации ветеранов. Через два дня вся граница уже вела партизанскую войну, а за две недели сражения полностью охватили континент. Подлила масла в огонь Великобритания — она отказалась признавать регентство Уоллис, несмотря на власть трибуна в таких вопросах, и отозвала свои корабли и войска.

— И так началась Сорокалетняя война?

— Примерно. Некоторые из государств пона-

чалу воздерживались от участия, а некоторые время от времени переставали воевать. Но для всех практических целей можно считать, что на следующие сорок лет Европа погрузилась в войну.

— Как она закончилась?

— Формально она не заканчивалась. Просто прекратилась, как огонь, сжегший все, что могло сгореть. В тысяча девятьсот семидесятом году в Европе проживало более четырехсот миллионов человек, если не считать Советский Союз, Швецию и Норвегию, которые в войне почти не участвовали. Разумеется, Советский Союз никогда и не был частью Соединенной Европы. В две тысячи десятом, когда, как принято считать, закончилась война, в Европе, по некоторым оценкам, проживало менее двадцати пяти миллионов человек.

Диана побелела. Перри медленно проговорил:

— Хотите сказать, за сорок лет было убито более трети миллиарда человек?

— Не все погибли от выстрелов или яда. От голода умерло больше людей, чем в сражениях. Массовую гибель вызвало не смертельное оружие, но развал экономической системы. Люди редко осознают в полной мере степень нашей

экономической взаимозависимости. Военные действия уничтожили средства коммуникации. Поставки нарушились. Кредитная система раздулась и взорвалась, и людям осталось уповать лишь на бартер. Бартер для столь крупной экономической структуры — все равно что весла для боевого крейсера. Правительства прибегали к ангарии[11] и экспроприации, чтобы обеспечивать свои войска, но заканчивалось все опустошением, и люди это знали. Эта беспощадная система развивалась естественным путем. Фермеры занимались накопительством, а горожане умирали от голода. Время от времени горожанин убивал фермера и забирал накопленное. Когда заканчивалась и эта еда, горожанин умирал, потому что не владел искусством земледелия. И по всем этим людям катком проходили армии. Разумеется, развал наступил не сразу везде. Первые несколько лет промышленная цивилизация работала еще более интенсивно, чем до того, но в лихорадке войны питалась сама собой. Уничтоженные урожаи и урожаи, что не были посажены, опустошенные зернохранилища, разбомбленные

[11] Примечания: 11

Ангария — захват воюющими государствами имущества нейтрального государства с обещанием последующей компенсации. — *Примеч. С. В. Голд.*

системы водоснабжения — когда их оказалось так много, что муки голода почувствовал каждый, это и стало началом конца. Современный город — это практически беспомощный и очень нежный организм. Он утратил способность производить необходимое для жизни. Несмотря на транспортную систему, он не способен перемещаться, что и узнала Европа при эвакуации Лондона. Город подобен идиоту-переростку в инкубаторе. Он совершенно беспомощен без своих многочисленных слуг. Он способен думать лишь очень медленно и коллективно, а в экстренной ситуации не способен думать вовсе. Могут думать отдельные люди, но город — самостоятельный организм, ему требуется руководящий разум и нервная система. Уничтожь его систему водоснабжения, и он умрет. Прекрати давать ему пищу, и он умрет. Отними у него руководящий разум, и он совершит самоубийство. Города первыми рассыпались на части. Рождаемость упала до самой низкой отметки в истории. Отчасти это было следствием контагиозных абортов — одной из многочисленных эпидемий, поразивших континент. Отдельные социологи находят свидетельства того, что часть женщин просто отказывались иметь детей. А многие мужчины

становились стерильны, даже если выживали, из-за лучей, которые милосердная наука вручила фельдмаршалам. Вот так умирала Европа.

— Как же нам удалось во все это не влезть?

— Немного удачи, но в основном благодаря гению и силе характера одного человека. Франклин Рузвельт предложил и частично разработал законы, оберегающие Соединенные Штаты от участия в войнах. Эти законы усиливал Ла Гуардиа, и в итоге президент получил право полностью отзывать Соединенные Штаты из опасных зон. К тысяча девятьсот семидесятому году Соединенные Штаты уже давно и плодотворно находились в экономических отношениях с Европой. Однако на момент смерти Эдварда в президентском кресле в Вашингтоне находился Джон Уинтроп, избранный Консервативной партией, — человек, от которого можно было бы ожидать повторения ошибок четырнадцатого года. И вот этот-то человек при первых признаках неприятностей прервал все поставки морем. Когда стало очевидно, что всеобщей войны не избежать, он эвакуировал наших граждан при помощи воздушных и морских сил, после чего обнародовал Декларацию невмешательства. Мы отозвали всех дипломатов и торговых представителей. Коммерческие

отношения с Европой полностью прекратились. За рядом исключений, ни один американский гражданин официально не посещал Европу в течение двадцати лет. Естественно, такое решение привело к ужасным экономическим неурядицам в Соединенных Штатах. Но президент стоял на своем. Когда была обнародована Декларация невмешательства, конгресс находился на каникулах, и до следующего заседания оставалось еще пять месяцев. Уинтроп отказался созывать конгресс, а его законное право сделать то, что он сделал, поддержал Верховный суд. Кажется вероятным, что он, возникни такая необходимость, пошел бы и против суда. Изображения Уинтропа сжигали, но, когда собрался конгресс, действия Джона многим показались разумными. Ему объявили недоверие, но в результате процесса он был оправдан с небольшим перевесом голосов, и так Соединенные Штаты спаслись, несмотря на собственное нежелание это делать. Но прежде чем мы слишком углубимся в разговоры об Уинтропе, следует немного отмотать назад историю Соединенных Штатов.

— Через секунду после того, как мы окончательно закроем тему Европы. Что случилось после войны?

— Мы не знаем, Перри. Точнее, только в общих чертах. Правило невмешательства так никогда и не прекратило полностью действовать, и мы не возобновили торговые или дипломатические отношения. Знаем, что население постепенно растет. Область по преимуществу аграрная, экономика носит в основном деревенский и загородный характер. Большая часть населения не имеет образования, а технические знания практически утрачены. Мы знаем не все, хотя у нас существует ряд миссий, проводящих этнологические и социологические исследования. А теперь расскажи мне, что произошло после убийства Мэлоуна.

— Что ж, Ла Гуардиа занял офис в пятьдесят первом и находился на посту два срока. Парень, что режиссировал эту запись, похоже, считает, что самым большим достижением Ла Гуардиа стало реформирование банковской системы. Он называл это Борьбой Банков.

— Да, и важность этой реформы в том, что она сделала возможной существующую ныне экономическую систему.

— Подождите секунду, прошу вас. А *какова* существующая экономическая система? Диана говорит, что не социализм. Значит, капитализм?

— Можешь называть ее так, если угодно. Я бы предложил тебе пока что считать ее приватизированным индустриализмом. Ла Гуардиа уничтожил капитализм в твоем понимании. Он начал с нуля и основал государственный банк, Банк Соединенных Штатов.

— А разве Банк федерального резерва к тому времени уже не существовал?

— Да, но Банк федерального резерва, несмотря на свое название, не был государственным банком. И вообще в привычном понимании слова банком не являлся. Физическое лицо не могло получить заем в этом банке и не могло поместить в него деньги на хранение. Этим банком могли пользоваться лишь банкиры, которые им и владели. Ла Гуардиа хотел создать реальный банк, которым владели бы граждане и пользовались граждане. Но банкиры противодействовали ему на каждом шагу. Они контролировали большинство газет, владели значительной частью благ страны, а на остальную часть у них были закладные того или иного рода. В политической машине положение банкиров было тоже весьма устойчивым. Так что банкиры начали войну против него. И это его рассердило. Судя по тем свидетель-

ствам, что нам доступны, сердить Цветочек[12] всегда было небезопасно. Он протолкнул свой законопроект о банках, используя личное обаяние и запугивание, и объявил всей стране, что готов давать деньги в заем всем и каждому, кому отказали в кредитах частные банки. Понимаешь, банки сеяли панику и страх, отзывая займы и отказываясь давать деньги в заем.

Ла Гуардиа восстановил спокойствие еще раньше, чем успел подготовить все механизмы для управления банковским бизнесом. И теперь ему уже мало было просто открыть собственный банк. Этот банк строился как финансовый агент правительства, способствующий проведению финансовых операций между правительством и гражданами, задуманных еще Франклином Рузвельтом. Ла Гуардиа преисполнился решимости разорить частных банкиров. Он обратился к ряду финансистов и сам изучил теорию денег. Он пришел к убеждению, что обычное коммерческое финансирование может обходиться в стоимость обслуживания плюс стоимость страхования, что гораздо меньше, чем взимавшиеся банками процентные ставки, основанные на

[12] Примечания: 12

Цветочком мэра Ла Гуардиа прозвали за маленький рост. — *Примеч. перев.*

спросе и предложении и представлении о деньгах как товаре, а не государственном средстве обмена. Он начал давать деньги взаймы, исходя из этой теории. Его бухгалтерия достаточно точно рассчитала стоимость обслуживания и оценила цену покрытия страховки. По мере развития системы страховка просто стала отражать удельный вес потерь предшествующего периода. Правительство давало кредиты такого типа и с таким дисконтом, что потери были невысоки, и всего через год федеральное правительство уже выдавало деньги гражданам по средней годовой ставке в три четверти процента.

Затем Ла Гуардиа нанес решающий удар. Его новое банковское законодательство позволяло правительству регулировать процент частичного резерва, который банки обязаны были держать, чтобы обеспечить выдачу депозитов вкладчикам. Если ты изучал банковские законы своего периода, то знаешь, что так называемый частичный резерв — это уловка, позволяющая банкиру давать взаймы деньги, которых у него никогда не было. Система фактически позволяла банкиру создавать новые деньги, не обеспеченные ни золотом, ни собственными средствами банкира, но за счет денег клиентов. И Ла Гуардиа отре-

гулировал этот процент до самого предела. Он запустил программу, обязывающую банки увеличить частичный резерв в течение трех лет до ста процентов. Раздраженные банкиры устроили показательное разбирательство и довели дело до Верховного суда. Генеральный солиситор[13] заявил, что закон и порядок, установленные программой, не просто конституционны, но и призваны прекратить нарушение Конституции, коим определенно являются частичные резервы, ведь в Конституции правом чеканить монету и регулировать ее ценность наделяется только конгресс. Суд поддержал администрацию по всем пунктам в знаменитом решении господина Франкфуртера Правосудного[14], и денежные манипуляции в США перестали существовать.

— Так, значит, частным банкам пришел конец?

— Не совсем. Они сохранились как полезный институт депозитарного хранения, поскольку

---

[13] Примечания: 13

Генеральный солиситор — второе по значимости лицо после министра юстиции. Представляет в Верховном суде интересы правительства США. — *Примеч. С. В. Голд.*

[14] Примечания: 14

У автора — Mr. Justice Frankfurter, *господин Правосудие Франкфуртер*. Автор, очевидно, имеет в виду Феликса Франкфуртера, занимавшего пост в Верховном суде США с 1939 г. (по 1962-й). — *Примеч. перев.*

вскоре стали предлагать своим клиентам услуги, не предлагавшиеся Банком США. Если тебе требуется доставка вклада на дом или же ты хочешь обналичить чек посреди ночи, частные банкиры с радостью окажут тебе такую услугу. А кроме того, по-прежнему оставалось большое пространство для спекулятивных кредитов — благодаря людям, желавшим рискнуть своим капиталом в надежде на крупную прибыль. Банки продолжают давать в долг под большие проценты в областях, где риски велики и их непросто оценить заранее, однако теперь они обязаны ссужать реальные деньги, а не то, что они извлекали из чернильницы. Новая система резервирования положила этому конец. Ты узнаешь, какую важную роль банкиры-спекулянты сыграли в проникновении в Южную Америку. Они и сейчас играют важную роль. Они создают в промышленности элементы частной инициативы и предпринимательства, которые не способно создать правительство.

— А что там с проникновением в Южную Америку? Записи на эту тему как-то туманны, или, может быть, я просто уже не смог это переварить.

— Отдельные историки считают, что это было скорее изнасилование, чем проникновение.

Вплоть до тысяча девятьсот семидесятого года Соединенные Штаты неуклонно теряли свои позиции в Южной Америке. В период правления Эдварда Европа постепенно становилась все более индустриальной и свой самый большой рынок сбыта нашла в лице Южной Америки. Азиатские рынки не представляли интереса с тридцатых годов, а Южная Америка с ее сырьем оказалась в удобном положении партнера. С другой стороны, Соединенные Штаты были страной аграрного экспорта, и это раздражало некоторые южноамериканские государства, в особенности Аргентину. Но Сорокалетняя война изменила ситуацию. Соединенные Штаты прошли через экономический рост в результате введения Закона о банковской деятельности, который сократил разрыв между производством и потреблением, снизив накладные расходы для товаров, недоступных покупательной способности.

— Не понимаю, что вы говорите.

— Предлагаю тебе сделать пометку и подождать с этим, пока не начнешь изучение существующей экономической системы. Вероятно, тебе преподавали традиционные экономические теории твоего периода, великолепные и весьма оригинальные, но — и я надеюсь, что ты простишь

мне это, — совершенно неправильные. Вернемся к нашим баранам. Улучшение экономической ситуации привело к обычной политической реакции, и после Ла Гуардиа к власти пришла консервативная администрация. Однако между потреблением и производством по-прежнему оставался значительный разрыв. Традиционный взгляд на вещи, в особенности это касается экономических верований Консервативной партии, всегда гласил, что процветающей нации необходим благоприятный торговый баланс, или весовой баланс, как его раньше называли. Говоря простым языком, для страны лучше, когда она экспортирует больше, чем импортирует. В такой формулировке звучит глупо, поскольку несомненно, что страна, вывозящая больше, чем привозит, с каждым годом теряет реальные ценности. Однако зерно истины в этой позиции имелось, и для того времени — зерно весьма практичное. Экономические процессы были организованы столь забавно, что каждый год совокупная стоимость произведенных страной товаров превышала покупательную и потребительскую способность ее жителей. Это называли перепроизводством, и не было числа эзотерическим бессмыслицам, которые говорились о

перепроизводстве. Однако сложные объяснения не требовались. Просто система из необходимости производила больше, чем могла потребить. Математику этого вопроса ты можешь освоить позже. Будучи инженером, ты непременно увидишь правдивость этой оценки и, вероятно, немало повеселишься.

— Хотите сказать, что в мое время в бизнесе Соединенных Штатов было неправильным лишь это?

— Да, только это. И все ваши беды с занятостью, с бедностью, с физическими страданиями, все были настолько же ненужными, насколько прискорбными.

— Это полный абсурд. Будь все так просто, можно было бы все исправить. Я бы и сам смог разработать механизмы, как это исправить, штук пять таких механизмов. Во флоте мы черта с два стали бы мириться с настолько мерзкой бессмыслицей. Почему же никто этого не понял?

— Кое-кто понял. К. Х. Дуглас, Гулдз Гейнсборо, Бронсон Каттинг и некоторые другие, но убедить людей в этом факте им было столь же трудно, как и более раннее поколение убедить в том, что Земля круглая. В обоих случаях факт истинен и прост, однако крепкий здравый рассудок чело-

века, с детства впитавшего веру о плоской Земле или «благоприятном торговом балансе», отвергает истину. Социалисты, разумеется, эту истину понимали, однако настаивали, что существует лишь одно решение. А хороших решений этой простой проблемы существовало множество. Сегодня мы верим, что нашли более подходящее для Соединенных Штатов решение, нежели социализм. Но позволь, мы уже очень сильно отвлеклись от Южной Америки.

В период с тысяча девятьсот семидесятого года и до конца века было найдено временное решение. Мы стали закачивать свои избыточные блага в братский континент, и он превратился в новые неизведанные земли. Золотодобыча в Чилийских Андах какое-то время поддерживала жизнеспособность выдумки о благоприятном торговом балансе. Помимо этого и в дополнение к этому, практически все виды незаконного финансирования принимались как средство поддержания потоков товара на юг. Частные банкиры обратились к новому полю наживы и убедили население, что под Южным Крестом лежит новое Эльдорадо. Сей крайне сомнительный бизнес рос до тех пор, пока практически весь континент не оказался в долгах по расплате за

товары, которые мы сами потребить не могли и которые отравили бы нас, оставь мы их при себе. Латиноамериканский темперамент нашел простой выход. Иногда я задаюсь вопросом, было это спланировано или же явилось неизбежным результатом обстоятельств. Но когда наставал день расплаты, правительство страны складывало с себя полномочия, а новое правительство хладнокровно отказывалось от обещаний своего предшественника.

В апреле две тысячи второго года произошла первая вспышка в войне А. Б. Ч. Правительство Аргентины отказалось признавать свои долги перед нами, как государственные, так и частные, и случился обмен довольно жесткими нотами. Наша южноамериканская эскадра получила приказ подтягиваться к Буэнос-Айресу. Чили и Бразилия уведомили Соединенные Штаты, что любая демонстрация силы в Аргентине будет расцениваться как недружественный акт.

Тем не менее эскадру, два старых авианосца и с десяток кораблей поменьше, не отозвали. Она прокралась в залив и, едва успев встать на якоря, была атакована с воздуха и пошла ко дну вся, до последнего матроса, прежде чем успел подняться хоть один самолет. Мы до сих пор не знаем, кто это

сделал, но знаем, что чилийские и бразильские ВМФ и авиация перед тем занимали позицию в двух сотнях километров от Буэнос-Айреса.

— Как проходила война? На мой профессиональный вкус, записи на эту тему излишне поверхностны.

— Полно, Перри, тебя ведь в действительности не интересуют *убийства*? — Диана разволновалась и смотрела на него с недоверием.

Он похлопал ее по руке:

— Нет, Ди, вовсе нет. Но вопросы стратегии, тактики и вооружения для меня представляют интеллектуальный интерес, так же как тебя могут интересовать какие-нибудь церемониальные танцы, сопровождавшие кровавые жертвоприношения ацтеков.

Морщинки на ее лбу разгладились.

— Да, полагаю, что так. Но все же это варварство.

— Думаю, что с вооружением ты хорошо знаком, Перри. Соединенные Штаты до того не воевали много лет, а история учит нас, что в мирное время новое оружие появляется не часто. Военный разум цепко держится за привычные методы — надеюсь, без обид. Стратегический принцип внешних границ определил течение

войны. Ни одна из сторон не имела технической возможности нанести второй решающий удар. Противников разделяли слишком большие расстояния, а территории стран были чересчур велики. Атаковать коммерческий транспорт было невозможно, поскольку практически все поставки на момент войны происходили между Соединенными Штатами и Южной Америкой. Стороны могли совершать налеты на города противника, но оккупация потребовала бы формирования обширных сетей связи для защиты оккупационных войск и создала бы серьезные стратегические уязвимости. Налет на Манхэттен стал единственным неожиданным инцидентом в этой войне.

— Расскажите мне о нем.

— Разумно было бы эвакуировать Манхэттен в начале войны, но на практике это сопряжено с огромными неудобствами, и население заверили, что никакие силы противника не способны пробраться так далеко на север. По факту — практически все боевые действия происходили ниже экватора. Если не считать двух налетов на Залив и одного на Палм-Бич, а ни один из них особого ущерба не причинил, Соединенные Штаты вообще не пострадали. Однако в декабре

две тысячи третьего года два авианосца, «Санта-Мария» и «Королевское сияние», атаковали Манхэттен. Они проследовали в Нью-Йорк маршрутом через дальневосточную часть Атлантики и, благодаря везению и отчасти своей прозорливости, достигли Северной Атлантики, не будучи обнаруженными. Им способствовала погода — последнюю тысячу километров они шли в густом тумане. Они нанесли удар в полдень, свалившись на город с облачного неба, — в тот день облака находились не выше двухсот метров над землей. Атака была срежиссирована очень точно, — казалось, каждый пилот знает, что ему делать и куда лететь. Сначала они разбомбили мосты и посадочные площадки. Полагаю, это было ужасное зрелище — смотреть, как огромные вертолеты выплывают из облаков и лениво уничтожают свои цели, в то время как быстрые истребители сопровождают их и вьются вокруг, словно шершни. Они взорвали и туннели под реками. Вертолет садился на конечной станции, его экипаж травил местных газом, пока десант занимал поезд и загружал его взрывчаткой. Затем поезд отправлялся в последний путь — с бомбой замедленного действия на борту.

— Какой был ущерб?

— Практически полное разрушение. Водоснабжение уничтожено вместе с электростанциями. Небоскребы разрушены до оснований. По всему городу пожары от «зажигалок». Невероятная для военных действий эффективность — взрывчатку не разбрасывали по городу на авось, ее аккуратно располагали там, где она могла нанести максимальный ущерб. Считается, что вертолеты сделали два или три захода. Все это, разумеется, стало возможным благодаря погоде, особенно газовая атака, завершившая налет.

— Как она прошла?

— Судя по всему, истощив запасы мощной взрывчатки, они принялись систематически патрулировать остров, оставаясь в облаках, и сбрасывать газовые контейнеры. Им приходилось много раз возвращаться на свои плавучие базы, поскольку все это длилось тридцать шесть часов кряду.

— Я ничего не услышал про сопротивление.

— Сопротивление, конечно, было, но… Ты же пилот. Как атаковать врага в облаках?

— Никак.

— Вот и ответ. Они уничтожили Манхэттен и около восьмидесяти процентов его населения. И хотя атака не была решающей, а служила лишь

акцией устрашения, косвенно она привела к завершению войны.

— Каким образом?

— Во время налета на Манхэттен погибли пятеро из шести глав ведущих международных банков, не говоря уже об уничтожении основной части записей по финансовым операциям, из-за которых все и началось. И разумеется, поджарились сотни мелких сошек, крутившихся в банковском рэкете. В отсутствие зачинщиков конфликта конгресс прислушался к своему народу, который никогда и не хотел воевать. В феврале две тысячи четвертого года было объявлено перемирие. Условия мира включали мораторий на международные обязательства — то есть, вежливо говоря, их отмену, а также создание Всеамериканского экспортно-импортного банка, обеспечивающего дальнейшую торговлю на условиях немедленной оплаты за любой купленный товар.

— Что-то еще?

— В общем-то, это все. Разрушение Манхэттена пошло в зачет налетов на Рио и Буэнос-Айрес. Но самый важный результат — двадцать седьмая поправка.

— Это ведь поправка о военных референдумах?

— Да. В записях рассказывалось о том, как она

действует?

— Ну, как я понял, это установление о том, что люди должны проголосовать, чтобы можно было объявить войну.

— Истинно так. По существу, данная поправка гласит, что во всех случаях, за исключением вторжений в Соединенные Штаты, конгресс не имеет силы объявлять войну, не проведя по этому вопросу референдум. Статья кратко обрисовывает механизмы проведения такого референдума и устанавливает временные ограничения на его проведение. Однако самая занимательная особенность данной статьи — в определении участников голосования.

— Разве не все могут голосовать?

— Отнюдь, голосовать разрешается лишь гражданам, пригодным к военной службе.

— А женщинам не разрешается голосовать?

— И да и нет. Если действующее законодательство декларирует, что женщины могут участвовать в боевых действиях, они голосуют. В противном случае — нет.

Перри присвистнул:

— Готов поспорить, что это вызвало бурю негодования.

Каткарт ухмыльнулся, словно смакуя шутку:

— Безусловно, вызвало. Воинствующие феминистки завывали с пеной у рта. Затем им было указано, что предложенная поправка никоим образом не упоминает половую принадлежность граждан и что они могут, если им угодно, сделать женщин пригодными, включив положение в соответствующий законопроект о военной службе.

— Но это же непрактично.

— Как раз наоборот. Даже более того, закон многие годы явным образом делал женщин пригодными к военной службе. Женщины могут замещать мужчин практически на всех военных должностях. Далеко не всегда эффективно, однако такие вещи случались много раз. В твоей военной истории наверняка об этом рассказывалось.

— Полагаю, вы правы. Да, я совсем забыл о женских батальонах смерти. И еще, разумеется, женщины — превосходные пилоты.

— В настоящее время к службе допускаются ограниченные классы женщин, они-то, соответственно, могут участвовать в голосованиях по вопросам войн.

— Но послушайте, мне кажется, что несправедливо оставлять вопрос на усмотрение лишь тех, кто может служить. Если я что и усвоил из сегодняшней истории, так это то, что война за-

трагивает всех граждан страны, что она способна уничтожить целый народ. Да даже в мое время все это знали.

— Ты верно думаешь. Однако не предполагается — по крайней мере, всерьез, — что на войне будут убивать мирное население. В войне А. Б. Ч., если бы банкиры, погибшие в налете на Манхэттен, предполагали, что их будут травить газом и бомбить, никакой войны не случилось бы. Но они этого не предполагали. Они думали, что войной будут заниматься профессионалы, причем очень далеко от них. Нет, гражданские в массе своей никогда не воспринимают войну как что-то личное, если до каждого из них не донести, что им придется лично участвовать. Лично ему, Джону. Поэтому раньше народы так легко объявляли войны, а затем были вынуждены вводить воинские повинности, чтобы в этих войнах сражаться. Страна желает ввязаться в войну. О, разумеется… «Это тело Джона Брауна…», «Сделайте мир безопасным ради демократии», «Шотландцы никогда не будут рабами»… Однако, если война чуть больше, чем заварушка, приходится набирать людей, чтобы в ней участвовать. Не сочти за неуважение, Диана, женщины в этих вопросах были похуже мужчин. Женщин

всегда можно раззадорить до состояния военной лихорадки. Половина мужчин, идущих воевать добровольно, не дожидаясь призыва, делают это по понуждению или будучи пристыженными тетками, считающими такой по ступок прекрасным и романтичным. В мирное время женщины эмоциональные пацифистки, но, стоит заиграть оркестрам, они начинают ходить строем куда быстрее, чем мужчины. О чем задумался, сынок? У тебя такой вид…

— Мне вспомнилась организация, от которой мороз по коже, — Комитет солдатских матерей. Он появился после мировой войны, и, чтобы входить в состав комитета, женщина должна была потерять сына на войне. Собрания, офицеры, съезды, национальные председатели — в общем, все, как в масонской ложе. Просто волосы дыбом вставали.

Тут вмешалась Диана:

— Знаешь, Перри, я считаю, что такая организация могла бы стать могущественной силой добра.

— Могла бы, но не стала. Посвяти они себя тому, чтобы сделать невозможной новую войну, все было бы замечательно. Но они же устроили просто еще одну ложу, еще один клуб для женщин. Но

давайте же вернемся к нашей теме. О Комитете матерей я предпочту забыть.

Каткарт продолжил:

— Я не рассказал тебе о самой замечательной особенности этой поправки. Как мы обсудили, лишь способные сражаться могут голосовать. Выступившие за объявление войны автоматически вступают в ряды вооруженных сил на время ее ведения. В бюллетене каждого даже содержится информация о том, куда явиться следующим утром. Воздержавшиеся от голосования идут в следующий набор, а проголосовавшие против служат последними.

Перри был озадачен и немного раздражен:

— Но это ведь получается премия за трусость? Если войну объявили, шансы должны быть равными у всех. Будь моя воля, я сделал бы все ровно наоборот.

— Не спеши, Перри, остановись и подумай. Премия за трусость? Наверное, так. Но разве это еще и не премия за разумное суждение? Возможно, война не стоит того, чтобы ее начинать. Я всю свою жизнь изучаю историю и могу вспомнить лишь две или три войны, которые мне показались достойными их причин, да и на их счет есть у меня сомнения. Как бы то ни было, если

человек принимает ответственность и голосует за то, чтобы ввергнуть страну в ситуацию, способную уничтожить эту страну и наверняка убить и покалечить множество граждан этой страны, не должен ли он принять последствия своего решения, встав в первых рядах бойцов? Сурово, но справедливо. По этому правилу ни один человек не может проголосовать за то, чтобы отправить другое человеческое существо под пули, лучи, ядовитые облака, не будучи готовым встать рядом с ним и встретить ту же участь.

— Но послушайте, в демократическом государстве мы ведь все в одной лодке. Почему не все должны на равных защищать страну?

— Ты рассуждаешь здраво, Перри, но этот аргумент здесь неприменим. Ты забыл, что, если происходит вторжение в Соединенные Штаты, референдум не требуется. Если быть точным, достаточно вторжения в любую часть Североамериканского континента или приближения к нашим территориальным водам флота с очевидно враждебными намерениями — тогда конгресс может действовать, не советуясь с народом. Референдум же созывают только для событий вроде Первой мировой войны, или испано-американской войны восемьсот двенадцатого года,

или войны А. Б. Ч. Строго говоря, президент обладает властью действовать даже без одобрения конгресса, с целью отражения вторжения или для оказания помощи нашим гражданам за границей. Нет, цель поправки — позволить людям самостоятельно решать, является ли инцидент или ряд инцидентов достаточно серьезной причиной, чтобы они захотели покинуть страну и воевать с кем-либо. Разумеется, производителям оружия поправка не понравилась, равно как и многим финансистам и промышленникам, однако она была демократичной и разумной, так что народ проголосовал за поправку, когда разобрался, что к чему. А вот оружейники зубами и когтями держались за прежнюю систему, чем и вырыли себе могилу в конечном итоге.

— Каким образом?

— На следующем заседании конгресса в обычном порядке был предложен законопроект государственной монополии на отрасль вооружений. К этому моменту оружейники уже пользовались дурной репутацией, и конгресс принял закон.

Перри рассмеялся:

— Так им и надо, а? А если серьезно, эта схема вроде бы подходит к современным условиям, но я не верю, что она сработала бы в мое время.

Каткарт поднял мохнатые брови:

— Почему нет?

— Слишком обременительно. Ушли бы недели, чтобы подготовиться к голосованию, и снова недели, чтобы подсчитать голоса. К тому времени вся стратегическая ситуация изменилась бы, и война была бы проиграна, объяви мы ее.

— Думаю, ты переоцениваешь сложности, Перри. Полагаю, что знаю твой период настолько хорошо, насколько возможно для историка, потому что специально изучал его. Если бы конгресс обсуждал вопрос объявления войны, разве не узнал бы об этом каждый гражданин? Президент регулярно обращался к населению при по мощи радиотелефонов, ведь так? Так что, обратись он к стране с объявлением о результатах голосования в конгрессе и о созыве референдума, его слушали бы все, разве нет?

— Девяносто девять процентов населения или больше.

— Превосходно. Созвать референдум легко. Как скоро его можно провести? Нет необходимости ждать, чтобы люди все изучили и взвесили за и против; если ситуация действительно критическая, они уже и без того несколько недель следили за ней и наверняка что-то для себя решили за-

долго до того, как конгресс начал действовать. Следующий вопрос в том, как скоро можно будет физически провести голосование. Любой гражданин, достигший возраста голосования, знал или мог очень быстро узнать, где находится избирательный участок в его районе. И на каждом избирательном участке работал официально назначенный представитель властей. Напечатать бюллетени было бы достаточно легко, поскольку вопрос для голосования всего один, или же их можно было бы печатать заблаговременно, а имя врага оставлять для заполнения или же неявно предполагать. Подсчет голосов на каждом участке — столь же простое дело, он занимает от силы 20 минут. Единственное новшество здесь — сбор информации о голосах. Скажи, ведь по всей стране были пункты передачи телеграмм?

— О да, вероятно, поблизости от каждого избирательного участка был хотя бы один. Я начинаю понимать вашу мысль.

— Тогда пусть каждый телеграфист страны считается специальным чиновником избирательной системы. При достаточно эффективной системе промежуточных подсчетов и регистрации окончательные цифры окажутся на столе президента в течение часа после закрытия всех

избирательных участков.

Перри кивнул:

— Да, это возможно, полностью возможно. Я чувствую себя глупым оттого, что сразу этого не понял.

— Не стоит. Я описал, с незначительными поправками, некоторые из положений исходного закона. В твое время существовала адекватная задаче организация и достаточно быстрая сеть передачи информации. Не хватало лишь решения их использовать. Сказать по правде, этот метод работал практически идеально с момента внедрения.

— Так этот механизм реально использовали?

— Трижды с момента принятия поправки. Каждый раз люди голосовали против войны, и каждый раз, на мой взгляд, история утверждала их правоту. Таким образом, Соединенные Штаты *не* совершили самоубийства. И все же в каждом случае, можешь быть уверен, без референдума конгресс вверг бы нас в войну. На это указывает сам факт, что конгресс созывал эти референдумы. Однако ты поднял еще вопрос о стратегической потребности в быстром решении. Такой подход не только не тратил ценного для стратегического планирования времени, но и выигрывал его.

— Почему вы так считаете?

— Потому что мобилизация первого набора происходила на следующий после объявления войны день. Это по меньшей мере на шесть недель быстрее всех ранее применявшихся методов набора в армию. Далее, в мирное время могли проводиться адекватные подготовительные мероприятия, чтобы полностью обеспечить такую армию, а также учения и милитаризация в масштабах, которые сами по себе не провоцировали бы военные действия. Такой механизм позволял мирным, лишенным имперских амбиций гражданским быть полностью готовыми к любой возможной войне.

Перри энергично кивал:

— Действительно, по описанию схема очень надежная. Преклоняюсь перед ее военными особенностями не меньше, чем перед политическими. Благодарю, что вы указали на эти особенности. В мое время предлагалось множество планов по сохранению мира, но мне ни один из них не казался работоспособным. В большинстве своем они как будто бы основывались на идее, что отсутствие вооружений и подготовки убережет Соединенные Штаты от участия в войне. Я почитал кое-что по истории и убедился,

что это как раз верный способ ввязаться в войну.

— Полагаю, ты прав, Перри. Разумеется, у ряда людей возникло одно возражение против плана референдума.

— А именно?

— Оно принимало различные формы, но смысл всегда был один и тот же. Предположение, будто люди не знают, что для них хорошо, и что они слишком недалекие, чтобы доверять им такую власть. Оно сводится к полнейшему неверию в демократическую форму правления. И что странно, оно исходило от тех самых групп, которые громче других выступали против американской формы правления и американизма (пусть и никто не знает, что это такое), если эта форма не была демократией. С таким возражением выступали школьные учителя, проповедники, представители ветеранских и патриотических организаций, профессиональные демагоги и тому подобные. Интересно, что армия и флот не выступили против предложенной схемы, хотя им и было отказано в праве голосовать на референдуме.

— Приятно это слышать, но я не удивлен. Профессиональный военный не поверит в романтическую чушь о войне, даже если он к войне уже привык.

Диана воспользовалась возникшей паузой:

— Жаль прерывать этот разговор, но мне уже хочется спать. Магистр, вам нужно вернуться сегодня?

— Сегодня нет, но я хочу уехать завтра с утра. Вы приютите меня на ночь?

— Конечно. Рада принимать вас в любое время. Мужчинам дозволяется не спать сколько хочется и рассказывать хоть до утра всевозможные военные байки. Я заварила кофе, и к нему прилагается поднос с бутербродами.

Она погладила Перри по щеке, послала воздушный поцелуй Каткарту и скользнула в тень в дальнем конце комнаты. Перри проводил ее взглядом, и Каткарт заметил, как он на нее смотрит:

— Замечательная девушка.

— Ч-что?.. О! Да, да.

— Думаю, нам стоит вскоре последовать ее примеру. Но раз уж мне утром возвращаться, давай-ка пробежимся по последним восьмидесяти годам как можно быстрее, чтобы ты имел представление о сегодняшнем дне. Опиши вкратце наиболее характерные события истории страны в начале века.

— Что ж, война закончилась в две тысячи

четвертом году. Мы только что поговорили о ее результатах. В две тысячи шестом страна вступила в тяжелые времена, но до полномасштабной депрессии оставалось еще несколько лет, отчасти благодаря тому, что Банк Соединенных Штатов не лопнул, а отчасти благодаря досрочному погашению военных облигаций и выплате военных бонусов. Но безработица неуклонно росла год от года. В две тысячи десятом президентом стал Уэнделл Холмс. С одиннадцатого по пятнадцатый год он проводил экономические реформы, превратившиеся сегодня в стандарты. Бизнес подхватил его инициативы, и все довольно хорошо складывалось вплоть до конца двадцатых, когда зародилось движение Новых Крестоносцев, или неопуритан. Похоже, что это было некое религиозное возрождение, вызвавшее в конечном итоге множество проблем. Своего пика оно достигло в середине тридцатых, и после этого целый год по всей стране бушевали беспорядки. Президент Мишель усмирил это безобразие, и в результате были проведены некоторые конституционные реформы. С тех пор и по сегодняшний день я не припоминаю действительно значимых событий. Много мелких событий, разумеется, и множество новых изобретений, но ничего такого, что изме-

нило бы ход истории.

— Да, это верно. Последние полвека — период спокойного развития без ярких перемен, постепенный рост и устойчивый социальный прогресс. Похоже, что мы вошли в период динамического равновесия, когда человечество может развивать искусства и совершенствовать науку в относительном комфорте и безопасности. Тебя, возможно, удивят совокупные изменения, произошедшие с момента окончания Нового Крестового похода, но для меня не представляется возможным указать на единственный фактор, вызвавший такие изменения. И в этом нет необходимости. Постепенно ты сам все поймешь, поскольку теперь имеешь общее представление. У тебя есть вопросы касательно этого периода?

— Да, меня беспокоят две вещи. Я не понимаю экономических реформ Холмса и не понимаю смысла Нового Крестового похода. Подозрительная ерундовина.

Каткарт ухмыльнулся:

— Как удачно, что мои профессиональные исследования дают некоторое представление об идиомах твоего времени. Это *действительно* была ерундовина. Но давай по порядку. Ранее мы обсуждали причины экономической депрессии,

и я попросил тебя принять на веру идею, что единственной причиной депрессии стала финансовая система, автоматически создающая разрыв между произведенными товарами и объемом денег у населения, или, как это называли для приличия, перепроизводство. Сейчас я тоже не хотел бы углубляться в математическую теорию. Можешь освоить ее позже с экономистом или при помощи книг, которые я порекомендую. Президент Холмс оказался одним из тех редких обитателей Белого дома, у кого хватило проницательности и математических талантов увидеть проблему, ее причины и создать решение. Он держал в руках мощное оружие, Банк Соединенных Штатов, и обладал свободой мысли, чтобы сделать необходимое, не затуманивая суть вопроса морализаторскими рассуждениями. Он лично помогал формулировать реалистичную социальную этику, ставшую основой и отправной точкой его реформ.

Для начала в своей системе отсчета он принял перепроизводство за недостаточное потребление, или дефицит покупательной способности. Он приказал штату актуариев[15] снабжать его

[15] Примечания: 15

Актуарий — специалист по статистическим страховым расчетам. — *Примеч. С. В. Голд.*

примерными цифрами, отражающими процент недостаточного потребления и его долларовое выражение за истекший год. Затем он принялся компенсировать недостающую покупательную способность, буквально раздавая посредством Банка Соединенных Штатов необходимые объемы денег. Он понимал, что без определенного контроля над ценами это приведет к их раздуванию и снова возникнет разрыв между производством и потреблением. Поэтому он удерживал примерно половину созданного покупательного ресурса и использовал его для контроля над ценами следующим образом. Все розничные продавцы потребительских товаров в стране были приглашены в Новый цикл экономики. Приняв приглашение, продавец принимал и обязательство не увеличивать цены относительно их текущей отметки. Более того, он должен был продавать все товары с десятипроцентной скидкой, чтобы затем, представив бухгалтерскую отчетность, получить от Банка Соединенных Штатов компенсацию. Затем Холмс принялся выдавать через Банк двадцать пять долларов в месяц любому желающему. Естественно, бизнес расцвел. Цены не повысились, поскольку все клиенты ушли к продавцам, принявшим выше-

указанное соглашение.

В итоге и все другие торговцы присоединились к программе, чтобы участвовать в дележе прибылей. Заводы вновь открывались, потребовалась рабочая сила, безработица растаяла, как снег в июле. Страна рокотала. Таков примитивный набросок создавшейся ситуации, Перри. Безработицы не существует, для любого найдется хорошо оплачиваемая работа, и ежемесячно каждый желающий получает достаточно кредитов, чтобы достойно содержать тело и душу.

— Погодите, — озадаченно начал Перри. — На первый взгляд все замечательно, но откуда он взял деньги? Вряд ли из налогов, страна-то уже была разорена. И не у частных банков. Этих уничтожила война.

(Ниже дана сноска для тех читателей, кто лю-

бит арифметику…)[16]

Каткарт снова улыбнулся:

— Наличные он добыл тем же способом, каким мы всегда их добывали с тех пор, как Рузвельт закопал золото обратно, то есть прямиком с печатных станков. Но ему не пришлось печатать много денег. В Банке выдавались чеки, у торговцев и у многих простых граждан в Банке были счета, так что наличность практически не меняла хозяев. Большая часть денег существовала лишь в учетных записях банковских служащих. Холмс сделал то, что банкиры умели на протяжении многих сотен лет, — и то, что запретил им делать Ла Гуардиа, — стал извлекать деньги из чернильницы. Что с тобой, сынок? Ты недоволен?

— Ох, даже не знаю. Вроде бы вы рассказываете

---

[16] Примечания: 16

Для читателей, тяготеющих к арифметике:

A. Стоимость (цена) потребительских товаров, произведенных в 2010 г.: $ 540 000 000 000,00.

Средний доход на человека: $ 2413,33.

B. В общей сложности доходы граждан (зарплаты, дивиденды, страховые выплаты, пособия) составили $ 434 400 000 000,00.

C. Разница, или недостаток потребления: $ 105 600 000 000,00.

Проверка на практике:

D. Стоимость предполагаемого избытка запасов (недопотребление): $ 110 400 000 000,00.

Ошибка составила $ 4 800 000 000, или ± 4,45 %.

E. Эмпирическое проверочное число (C + D)/2: $ 108 000 000 000,00. Разделим на население, 180 000 000 граждан, чтобы получить недостаток потребления за 2010 г. на одного человека: $ 600,00.

Разделим на 12, чтобы получить месячный показатель: $ 50,00.
Выдадим половину суммы наличными: $ 25 в месяц каждому.
Отношение непотребленных товаров (E) к произведенным (A) составляет один к пяти, то есть 20 %. Скидка должна компенсировать половину этой разницы. Таким образом, скидка составляет 20 %.
И т. д.
Я позволил себе округлить числа. Точные значения из вашингтонских архивов такие: $ 27,813 в месяц, а скидка составляет 11,87 %. — *Примеч. автора.*

дельные вещи, но ведь если неопределенно долго вливать в страну деньги, обязательно получите инфляцию, и не важно, заморожены ли цены.

— Речь не идет о том, чтобы их вливать. Добавляем лишь столько, сколько требуется, чтобы механизмы работали. В каждом учетном периоде эта добавка является наилучшим приближением к тому объему денег, который предотвращает разрыв между потреблением и производством, и исходит эта добавка из стоимости нераспроданных запасов.

— Но почему нужно постоянно *добавлять* деньги?

— Я сказал, что буду воздерживаться от теории, но вот тебе наводка: в каждом периоде добавка теоретически равна объему сбережений, инвестированных в виде капитала в предшествующем периоде. И еще наводка: разве не требуется для работы государства сегодня больше денег, чем требовалось во время президентства Джорджа Вашингтона? А теперь давай перейдем к Новому Крестовому походу, потому что уже поздно.

— Хорошо.

— Непросто проанализировать истоки любого религиозного движения. Похоже, существуют массовые движения человеческого духа, которые

мы не до конца понимаем. Карл Маркс пытался интерпретировать историю в жестких рамках материалистической причинности, но как это поможет объяснить Крестовый поход детей? Карлейль склонял нас к тому, что история — не более чем деяния конкретных великих людей, героев. И в это мне также сложно поверить. Стал бы Джордж Вашингтон чем-то большим, чем вежливым плантатором, правь Англия своими колониями более либерально? Я считаю, что история — это повествование о поступках отдельных людей, действующих соответственно своим убеждениям в имеющихся обстоятельствах. Перемена убеждений или обстоятельств изменила бы и конечный поступок. Во взаимодействии жизней встречаются сильные персонажи — герои Карлейля, — оказывающие мощное влияние на своих соратников силой своего характера и интеллекта, и вот они-то и формируют среду для существования менее доминирующих существ. Если в определенный период рождаются такие люди и им удается попасть в окружение, где именно их таланты находят максимальное выражение, их имена крупными буквами вписываются на страницы истории. «В делах людей прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы

успеха»[17].

Такой доминантной личностью был Неемия Скаддер, зачинатель Нового Крестового похода и лидер неопуритан. Он обнаружил применение своим исключительным талантам на Среднем Западе в третьей декаде этого века. Впервые он стал известен примерно в две тысячи двадцатом году. В те годы он был странствующим миссионером малоизвестной фундаменталистской секты. Проповедовал в большинстве поселений долины Миссисипи и, хотя не был достаточно заметен, чтобы попасть в горячие новости, пользовался репутацией в своей области благодаря убедительности проповедей и заразительности, с которой призывал отмщение Господне на головы заблудших братьев. В его жизни не происходили никакие заметные события вплоть до двадцать третьего года, когда умерла миссис Рэйчел Биггс, семидесятилетняя вдова богатого производителя обуви. Госпожа Биггс оставила четыре миллиона долларов в виде чека и еще столько же в виде трастового фонда, завещав на эти средства создать и поддерживать молитвенный дом и телестанцию для целей преподобного Скаддера.

---

[17] Примечания: 17
Из трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь». — *Примеч. перев.*

И прежде наши священники и политические проповедники много раз оказывались на радио с богоугодными речами, но лишь для того, чтобы люди сразу переключали свои приемники, а вот брату Неемие удалось передать по волнам свою притягательную личность, и, единожды его услышав, люди становились его последователями, если органически были готовы к огню и сере его производства. Ему также удалось выбрать и вдохновить других проповедников на помощь в организации быстро возраставшего числа верующих последователей. Примерно в двадцать четвертом году он интерпретировал стихи Апокалипсиса таким образом, что Новый Иерусалим уже построен, что Армагеддон близок и что его последователи призваны начать битву. Он создал рыцарей Нового Крестового похода в качестве своего орудия для Армагеддона. Эта организация практически во всех деталях походила на ку-клукс-клан предыдущего века, даже во многих деталях ритуала, униформы и устава, которые брат Неемия не потрудился изменить.

Чтобы понять, что случилось далее, и оценить, насколько большой властью обладал Скаддер, следует понять этого человека и окружавших его людей. То был человек колоссальной физической

выносливости и психологической энергии, среднего роста, но крепко сложенный. Его манеры поведения и речь указывали на провинциальное происхождение. Глубоко посаженные глаза под выдающимися бровями горели и сверкали, прожигая собеседника взглядом. Он говорил обычно тихо и мягко, но мог выкрикивать и громко возносить хвалы, когда было нужно. Большой рот, полные рыхлые губы. Когда он молчал, они казались чувственными, но когда говорил — выражали его садистское наслаждение своей работой. Что до его личной жизни, о ней мы знаем мало. Он был женат, жена сопровождала его и обслуживала его, но время от времени в его штат принимались и другие послушницы. Очевидный вывод, скорее всего, ошибочен — упорно ходят слухи, что этот человек, несмотря на всю свою огромную силу, был на самом деле сексуальным импотентом.

Большая часть населения была готова к такому лидеру. С момента первых поселений в Новом Свете в теле социума присутствовало два сильных диссидентских элемента. Первый — анархистский и толерантный, второй — жестко авторитарный и до фанатизма моралистический. Ошибкой было бы считать, что наши предки

пришли на этот континент в поисках религиозной свободы. Напротив, они искали место, где смогли бы реализовать собственный вариант религиозного тоталитаризма. Вполне вероятно, что религиозные преследования и моральная нетерпимость, применявшиеся к раскольникам колонистами Новой Англии, были более суровыми, чем те, от которых они сами бежали. Удивительно, что Конституция явным образом включала гарантии религиозной свободы. Этот, так сказать, просчет можно списать на два момента: взаимное подозрение между колониями и непоколебимая приверженность свободе Томаса Джефферсона, написавшего ту статью. Очень важно отметить, что положение о религиозной свободе было предписанием для федерального правительства. Штаты оно не ограничивало. В один период штат Виргиния завел собственную официальную церковь, а религиозная нетерпимость практиковалась в рамках закона в каждом штате Федерации. Помимо пуританского фактора американской культуры, действовала еще и пружина римского католичества — причем довольно сильно в ряде регионов страны, которые во многих аспектах поддерживали нетерпимость протестантских церквей.

Все виды организованных религий схожи в ряде социальных моментов. Каждая претендует на роль единственного поборника главной истины. Каждая считает свое мнение окончательным по всем вопросам этики. И каждая церковь просила, требовала или приказывала, чтобы государство насаждало присущую этой церкви систему табу. Ни одна церковь никогда не отказывается от своих видов на абсолютный контроль моральности жизни граждан, предписанный свыше. Если церковь слаба, она подло пытается превратить свои кредо и дисциплину в закон. Если сильна — применяет дыбу и тиски для пальцев. Удивительно, насколько хорошо церквям Соединенных Штатов удавалось при форме правления, формально не признающей никакую религию, вносить в законодательные акты свои кодексы моральных запретов и отбирать у государства привилегии и особые концессии, чтобы создавать себе денежные пособия. Это особенно заметно на примере евангелистских церквей Среднего Запада и Юга, но было так же верно для основных оплотов католической церкви. Это было бы верно для любой церкви, будь то трясуны, магометане, иудеи или охотники за головами. Это свойство любой организованной религии, а не какой-то

конкретной секты.

Перри перебил его:

— Возможно, в двадцатом году все это было именно так, но в моем времени я ничего такого не замечал. Разумеется, у нас были церкви, и в детстве я ходил в воскресную школу, а будучи курсантом, в часовню, но, помилуй Господь, я не замечал их, когда повзрослел. Они не трогали меня, а я не трогал их.

Каткарт насмешливо улыбнулся:

— Никто не скучает по тому, чего у него никогда не было. Возможно, будет познавательно, если я перечислю ряд законов и имевших силу закона обычаев твоего времени, истоки которых можно проследить прямо до некоторых сильных организованных церквей.

— Прошу вас.

Каткарт принялся загибать пальцы:

— Запрет на торговлю по воскресеньям; освобождение от налогов на церковную собственность; практически все законы, связанные с браком и отношениями между полами — включая и запреты на разводы, и национальное правило, предписывающее заключать только моногамные браки, и законы против внебрачных связей и прочих табуированных форм сексуальных от-

ношений, и запреты контрацепции; запреты на обучение определенным научным доктринам, особенно устанавливающим родство человека с животными; вся основанная на соображениях морали цензура прессы, сцены, радио, речи; определенные табу на слова и формы речи; запреты на оголение определенных частей тела; запреты на употребление алкоголя; запреты на курение; все законы, по-отечески ориентированные на то, чтобы гарантировать моральное соответствие граждан, вместо того чтобы регулировать их поведение, предотвращая нанесение вреда одним гражданином другому.

— Но наверняка же перечисленные вами законы основаны на здравом смысле, а не на религии?

— Ты в это веришь, потому что воспитывался в среде, созданной церковью. Тебя приучили считать эти положения естественным порядком вещей. Но исторические летописи культур, где организованные религии иначе смотрели на мораль, отражают полную противоположность всех перечисленных мной законов. Но опять же, мы отвлекаемся от преподобного Скаддера и его шайки святых фанатиков.

Несмотря на то, о чем я говорил, американ-

ские церкви на протяжении четырехсот лет сражались в арьергарде. От пуританских законов раннего Массачусетса до терпимости и простой морали обсуждаемого периода — путь неблизкий. Либертарианский дух был особенно крепок в городах. Совершенствование методов контроля зачатия и уничтожение заразных заболеваний, связанных с сексуальными контактами, очень быстро преображали сексуальные обычаи людей. Новый экономический режим еще более изменил мораль отношений и упростил разводы. Другим его эффектом стало уничтожение моралистической природы работы как самоцели. Все это было оскорбительно для людей, придерживавшихся прежних взглядов, и ни для кого не было оскорбительно более, чем для преподобного Неемии Скаддера. Он проповедовал против изменений, предсказывая обрушение адского огня и серы на безбожный народ Соединенных Штатов! Он осуждал удовольствия плоти, любое легкомыслие, возмутительные одеяния, зеленого змия, танцы, азартные игры, мирскую музыку, легкую литературу и всевозможную мирскую суету. Он призывал своих последователей искоренить все эти явления, сразиться в битве Армагеддона и сразу же оказаться в Новом Иерусалиме, где

благочестивые никогда не умирают, но живут вечно, воспевая гимны и восхваляя Бога. Далее он подробно объяснял своей пастве, как именно достигнуть этого счастливого конца. Он был от природы организатором и при помощи своего гения собрал самую эффективную группу меньшинств за всю историю американской политики. Прежде всего, он утверждал, что представляет все население и что большая часть населения — его личные последователи.

Настолько сильным было действие его организованной пропаганды, что он убедил доверчивые неорганизованные массы, что его приверженцы являют собой большинство. В частности, ему удалось убедить политиков, что он контролирует достаточное число голосов, чтобы влиять на исход выборов. В результате этого убеждения, было оно обоснованным или нет, ему удавалось политическими средствами проводить нужные изменения в законы, а то, чего он не мог добиться законным путем, добивались его ночные всадники, Рыцари-террористы Нового Крестового похода, или Ангелы Господни, как их еще называли. И в лучших из нас существует латентная нотка садизма. Преподобный Скаддер высвободил ее.

В период между двадцать пятым и тридцатым годом ни один человек не был в безопасности у себя дома. Ночные всадники могли постучать в дверь и похитить человека, чтобы высечь его и, скорее всего, вымазать дегтем и вывалять в перьях за такие преступления, как непосещение церкви, или неуважительное отношение к движению Новых Крестоносцев, или любое другое воображаемое отклонение от жесткого морального кодекса братьев, пришедшее на ум нетерпимому фанатику-крестоносцу. Дочь могли оторвать от родителей, раздеть донага и клеймить раскаленным железом в наказание за какую-нибудь безобидную фривольность, считавшуюся у братьев смертным грехом. Владелец магазина мог обнаружить, что стекла разбиты, а товар испорчен, если совершил преступление и нанял безбожника. К двадцать восьмому году Скаддер держал долину Миссисипи в ежовых рукавицах и имел сильное влияние во всей стране. Вся жизнь долины была подчинена пуританским законам. Ни один транспорт не ходил в воскресенье. Во множестве городов посещение церкви стало обязательным, и везде посещать церковь было безопаснее, чем не посещать. Женщины носили унылую одежду, полностью скрывавшую их

тела. Танцы, любое пение, помимо псалмов, игры и все прочие мирские занятия были запрещены. Высшее образование не поощрялось. Праздность приравнивалась к бродяжничеству и считалась преступлением. Скаддер с нетерпением ожидал введения двух глобальных законов: отмены выдачи кредитных чеков, не обеспеченных работой, и открытого признания истеблишмента церкви.

Но террор порождает террор, да и гонения не остаются без ответа. Либертарианский элемент в населении, обычно неорганизованный, открыто выступать не мог, но не был повержен. Под давлением необходимости эти люди создали собственную организацию, тайную, подпольную. Они выдвинули собственных кандидатов к следующим выборам в конгресс и были готовы победить любой ценой. Более жесткие организовали подпольную террористическую группу, чтобы потчевать Рыцарей их собственным лекарством. Более консервативные обратили свое внимание на приближающиеся выборы и завалили страну памфлетами, утверждавшими, что скаддериты лишь маленькая группа населения, и призывавшими людей голосовать за свои убеждения. День выборов прошел в беспорядках, а подсчет голосов закончился многочисленными

стычками между Рыцарями и приведенными в боевую готовность гражданами. Когда дым рассеялся, стало очевидно, что Скаддер проиграл выборы. Он потерпел крах на обоих побережьях и утратил большую часть позиций в крупных городах долины. Даже признай его противники свое поражение в сельскохозяйственных оплотах, он все равно проиграл бы во всех штатах, кроме Теннесси и Алабамы.

Члены нового конгресса, избранные из списка противников Скаддера, принесли клятву проводить конституционные реформы, чтобы предотвратить потерю личных свобод по любым причинам. Как следствие, было предложено несколько сотен поправок в первые же дни сессии. Парламентские тупики привели к очень умному законодательному маневру. На съезде либертарианцев было принято решение, что небольшой комитет из делегатов партии предложит съезду поправку в виде новой Конституции, которая, будучи принятой и одобренной, заменила бы прежнюю Конституцию полностью. В комитет вошли пятеро мужчин и одна женщина, все без исключения — великие умы. Сайрус Филдинг, Роза Вайнштейн, Джон Делано Рузвельт, Людвиг Диксон, Джозеф Берзовский, Ко-

лин Макдональд. Филдинг осуществлял надзор и распределял работу. Жаль, что у нас нет времени подробно обсудить их дискуссии. Они трудились днем и ночью почти четыре месяца. К счастью, у нас есть полная запись всех заседаний, которую ты можешь изучить по своему желанию, и, кроме того, имеется ряд прекрасных резюме этого материала. Они представили свой отчет съезду двадцатого апреля двадцать восьмого года, после чего дебаты продолжались еще три недели. Но члены комитета выполнили свою работу столь качественно и, в частности, столь умело сохранили формулировки исходного документа, что новые поправки были утверждены съездом в неизмененном виде и представлены на голосование в виде единого законопроекта, подписанного каждым участником съезда. Принятие законопроекта, разумеется, было предрешено. Он был одобрен тридцатью семью штатами двенадцатого ноября двадцать восьмого года.

Я не стану вдаваться в детали документа, но некоторые нововведения стоит сегодня упомянуть. Самое важное — новое ограничение на власть правительства. Ни один закон не может считаться конституционным, если лишает хотя бы одного гражданина какой-либо свободы

действия, не препятствующей равной свободе действия другого гражданина. Прошу простить, я плохо это сформулировал. Вот формулировка новой Конституции: Каждый гражданин имеет свободу совершать любое действие, не ограничивающее равную свободу другого гражданина. Ни один закон не будет запрещать какое-либо действие, не вредящее физическому или экономическому благополучию другого человека. Никакое действие не будет нарушением закона, если не наносит подобного вреда или не имеет явных последствий, связанных с подобным вредом».

Ты понимаешь важность последнего пункта? До той поры у преступления было две составляющих — акт его совершения и намерение. Теперь, помимо намерения и действия, появилась третья составляющая — вред, который должен быть в каждом случае доказан. Последствия этого изменения сложно переоценить. Оно навсегда утвердило американский индивидуализм, потребовав от государства в каждом случае оправдывать свое вмешательство в дела человека. Более того, правомерность должна основываться на измеримом ущербе или потенциальном ущербе для одного человека или нескольких.

Пострадавшей стороной может быть школьница, получившая травму или подвергшаяся опасности из-за беспечного водителя, а может быть каждый гражданин страны — в результате разглашения военных тайн или манипулирования ценами на продукты массового потребления, но не может быть некий бездушный суперчеловек, воплощение государства или его величество закон. Новая Конституция уменьшила государство до его истинных размеров, стала инструментом на службе индивидуума, а не божеством, которому поклоняются и которое прославляют. А самое главное — она положила конец притеснениям меньшинств посредством банальной заплесневелой лжи о том, что «большинство всегда право».

В другом разделе Конституции определяются юридические лица и устанавливается, что у них нет никаких прав, помимо ситуаций, когда они представляют права физических лиц. Юридическим лицам не может быть нанесен ущерб. Действие, совершенное против юридического лица, должно нанести доказуемый ущерб физическому лицу, чтобы считаться преступлением. Эта поправка подрезала крылья корпоративным фондам, грозившим заменить людей из плоти и крови.

Была определена и новая гражданская свобода, право на неприкосновенность частной жизни. Ты поймешь ее лучше, когда изучишь кодекс обычаев. Другие реформы, в большинстве своем очевидные, — прямые выборы президента, новое определение «общего благополучия», упрощающее коррекцию курса в меняющемся мире. Произошли и важные изменения в методах законодательной деятельности. Палата представителей получила право принимать законы в обход вето, наложенного сенатом. Обсуждалась полная отмена сената или, как вариант, его реорганизация с целью пропорционального представления, однако какой-то мутный параграф исходной Конституции не позволял сделать этого без единогласного одобрения всех штатов. Возможно, самое яркое изменение — власть главы правительства инициировать законодательный процесс и настаивать на рассмотрении инициатив. Согласно этому положению президент при помощи своих советников может создавать проекты законов, которые автоматически вступают в силу через девяносто дней, если их не отвергнет конгресс. Разумеется, исчисление этих девяноста дней происходит только в то время, когда конгресс заседает.

— А что, если конгресс на каникулах?

— Президент может созвать его по своему усмотрению.

— А если вопрос настолько важный, что нельзя ждать девяносто дней?

— Конгресс может принять решение сразу, если есть такая необходимость. Иногда об этом просит президент.

— А конгресс при этом утратил свои полномочия на инициативу в законодательстве?

— Нет-нет, ни в коем случае. Он мог принимать любой закон по желанию и отвергать любой закон по желанию. Но если случался глобальный раздрай, любая из ветвей правительства имела право потребовать немедленных общих перевыборов. Президент мог распустить конгресс, а конгресс выдвинуть президенту вотум недоверия. По последнему вопросу голосование проводилось только палатами, сенат не участвовал. Это лишь одно из серьезных изменений. Новая Конституция требовала пересмотра всех законов каждые десять лет и строго предписывала всем законодателям применять простой язык и избегать абстракций. Так появился способ признавать законы не имеющими силы просто потому, что они не были написаны понятным

английским языком.

— Вот это мне нравится, — отозвался Перри. — Я всегда считал, что юристы намеренно напускают тумана своей многозначительной болтовней. В школе у меня был курс по составлению приказов. Официально считалось, что это языковой курс, связанный с сочинительством, только критерием оценки служил не стиль и не литературные достоинства, а то, насколько однозначным является смысл документа. Полагаю, большинству юристов пошло бы на пользу, пройди они этот курс.

— Уверен, что так. Что ж, Перри, вроде бы мы со всем разобрались. Последние шестьдесят лет в основном примечательны развитием и ростом, которые тебе будет лучше всего оценить собственными глазами. Прошу меня простить, я отправляюсь спать.

— Здравая мысль. Но прежде позвольте поблагодарить вас за ваши старания. Вы были очень терпеливы.

— Не стоит благодарности, сынок, мне это и самому понравилось. В ближайшем будущем хотелось бы подробно расспросить тебя о твоем периоде. Ты окажешь мне огромную услугу, поделившись подробными и точными личными воспоминаниями о времени, в котором жил.

— Сочту за честь и удовольствие.
— Что ж, спокойной ночи, сынок.
— Спокойной ночи, сэр, и еще раз спасибо.

Глава пятая

— Хочешь весь день проспать, соня?

Перри потянулся и зевнул, затем улыбнулся стоявшей над ним Диане:

— Который час?

— Довольно поздний. Теряем световой день. Магистр Каткарт давно уже уехал. Если хочешь позавтракать со мной, лучше поторопись.

Перри вскочил и исчез в освежителе. Когда он вернулся десятью минутами позже, ощущая кожей покалывание после душа, Диана как раз ставила у окна поднос, от которого исходили аппетитные запахи.

— Что здесь у нас? Гречишные оладьи. Сосиска. Свежий ананас. Диана, ты просто золото. Прошу, усынови меня и корми так каждое утро.

— Садись и ешь, дурачок. — Она скорчила гримасу, но ее глаза сияли. — Давай быстрее, нам сегодня нужно много куда попасть.

— Где эти места?

Чашка с кофе вопросительно застыла в воздухе.

— Здесь и там. Везде, где ты захочешь. Большой просторный мир. Что ты хочешь увидеть?

— Я пока не знаю что.

— Вот туда-то мы и отправимся.

После завтрака Диана зажгла сигарету и бросила посуду в огонь.

— Надень-ка вот это, — сказала она, повернувшись к Перри. — Остальные твои вещи уже в машине.

«Вот это» оказалось парой сандалий с застежками на молниях и декоративными ремешками. Перри нацепил их и поспешил за Дианой, которая уже успела открыть внешнюю дверь. Он обнаружил, что стоит не на улице, а в небольшой прихожей. Слева стройные ноги Дианы исчезали в пролете ступеней. Он поторопился и нагнал ее. Они вышли в средних размеров ангар, в котором покоился — очевидно — летательный аппарат, но вид аппарата напомнил Перри иллюстрации в сенсационных воскресных газетных приложениях. По форме он походил на яйцо примерно восемнадцати футов в длину и двенадцати в высоту. Аппарат поддерживали три убирающихся колеса шасси: два у тупого переднего конца и одно на корме. На остром конце «яйца» был установлен гребной винт с тремя пятифутовыми лопастями. В самой верхней точке яйцевидного фюзеляжа располагалось небольшое цилиндри-

ческое возвышение, из которого в сторону кормы торчал пучок плоских пятнадцатифутовых лопастей, их ширина была не более восемнадцати дюймов в самой широкой части. Перри догадался, что пучок разворачивается в несущий винт, превращая летательный аппарат в вертолет. Он попытался в полутьме сосчитать лопасти и пришел к выводу, что их пять или шесть. Крыльев не было видно, однако Перри обратил внимание, что на каждой стороне «яйца», примерно на уровне верха миделя, располагались четырехфутовые горизонтальные щели. Диана подтвердила его догадку, что в них сложены крылья, которые могут раскрываться по мере необходимости. Но сколько Перри ни искал, ему так и не удалось найти следы управляющих поверхностей — не было ни руля, ни стабилизаторов, ни киля.

Матовый медный цвет фюзеляжа нарушало только пластиковое остекление на носу и на бортах, в средней части. Дверь располагалась там, где заканчивался огромный иллюминатор по правому борту. Диана распахнула ее, и они ступили внутрь. Весьма просторный интерьер «яйца» имел около пяти футов в ширину, и столько же свободного места оставалось позади кресел двух пилотов. Внешнюю стену опоясывала ска-

мья — вплоть до кресел пилотов, где начиналась панель приборов, выше и ниже ее стена была прозрачной. Перри увидел, что панели пола и внешние панели фюзеляжа тоже по большей части стеклянные.

Диана заняла кресло правого пилота:

— Перри, присаживайся рядом.

Он сел и принялся изучать дублирующие органы управления, расположенные прямо перед ним. Диана коснулась рычага, аппарат выкатился на платформу. Затем она ухватилась за джойстик и потянула его к себе, одновременно нажимая большим пальцем кнопку в верх нем торце джойстика. Перри услышал мягкое гудение, и над кабиной возникла тень. Несущий винт развернулся. Гудение перешло в высокий визг, а затем исчезло. Аппарат вздрогнул, и Перри ощутил небольшую тяжесть. Он взглянул себе под ноги и увидел уплывающую вниз гору, усыпанную скалистыми уступами и покрытую сос нами. Через несколько минут Диана вернула джойстик в вертикальное положение. Перри показалось, будто он ехал на скоростном лифте, который только что остановился на верхнем этаже. Аппарат висел примерно в двух тысячах футов над горой Дианы.

Она повернулась к нему:

— Куда отправимся?

— Не желаю никуда отправляться, пока не научусь пилотировать эту штуку.

— Вообще-то, я не инструктор по пилотажу, но попробую. Ты видел, как я выполнила взлет. Сначала запустила главный мотор — вот этот переключатель в режим вертолета. Я потянула на себя рычаг, чтобы подняться. Когда рычаг приведен в вертикальное положение, аппарат зависает. Рычаг не двинется, пока не нажмешь кнопку на конце. Двигаешь его от себя — вот так, — и аппарат снижается. Затем возвращаешь в вертикальное положение, когда достигнешь желаемой высоты. При посадке все делаешь плавно, слегка нажимая на рычаг от себя.

— А что, если главный мотор остановится в режиме вертолета?

— Мы сядем на авторотации. Шасси автоматически раскроется. Оно удерживается магнитной силой поля, производимого главным мотором. Посадка при этом довольно жесткая, примерно как падение с десяти метров над уровнем моря. В этом разреженном воздухе — чуть пожестче. Но шасси поглощает большую часть удара, а эта пневматическая обивка поглощает остальное.

И все равно удар ощутимый. Любой стоящий в кабине должен успеть быстро лечь на скамью.

— А что, если аппарат упадет на воду?

— Он плавает. Если сможешь вновь запустить мотор, то даже сможешь взлететь с воды. Я так делала на этом аппарате — взлетала с озера Тахо. Если не можешь взлететь, то просто сиди и жди, пока тебя спасут.

— Теперь расскажи мне, как на этой малышке маневрировать.

— Переведи главный переключатель из режима «вертолет» в режим «самолет». Выдвигаются крылья, — (тут Перри увидел, как раскрылись крылья справа и слева от аппарата), — и запускается гребной винт. По мере того как растет скорость, подъемная сила становится достаточной, поэтому несущий винт замедляется, останавливается и складывается. Если ты остановишь гребной винт, переведя аппарат обратно в положение «вертолет», или же что-то случится с гребным винтом, несущий винт стартует автоматически. Крылья не убираются, пока несущий винт осуществляет подъем. Смотри, он замедляется.

Большие лопасти проплывали мимо, все медленнее с каждым оборотом, и наконец, остановившись, сложились, как японский веер, и

исчезли из виду.

— Сейчас мы летим. Если я теперь потяну за рычаг, скорость увеличится. Когда измеритель воздушной скорости показывает нужную мне скорость, я возвращаю рычаг в вертикальное положение. Если я толкаю его от себя, скорость снижается. Если снизить скорость до скорости сваливания, автоматически запустится несущий винт.

— А как менять курс?

— Если тянуть рычаг в сторону, аппарат туда и повернет. Когда окажешься на нужном курсе, просто возвращаешь его в вертикальное положение.

— Эта штука одновременно выполняет крен и рулит? А я что-то не припомню, чтобы видел руль или другие управляющие элементы оперения. За счет чего она поворачивается?

— Управляющих элементов оперения здесь нет. Машина гиростабилизирована. Мы поворачиваем ее относительно жесткого каркаса гироскопов, а дальше гребной винт толкает нас в нужном направлении.

Перри медленно покивал:

— Вроде бы возможно, но ведь тогда аппарат будет при каждом чертовом повороте выполнять

боковое скольжение.

— Именно так, Перри, но обычно это значения не имеет. Если тебе нужно этого избежать, ты можешь компенсировать боковое скольжение, изменив точку и угол входа в поворот.

Лицо Перри просветлело.

— Да, полагаю, что так, но я бы не стал пытаться на этой штуке держать строй в боевом крыле.

— Ты и не смог бы. Это семейная модель, для спокойных людей вроде меня. Не очень быстрая и настолько защищенная от «дурака» и автоматизированная, насколько возможно. Производитель утверждает, что на «Облаке» может летать любой, кто способен управиться с ножом и вилкой.

— Какую скорость она развивает?

— У меня крейсерская примерно пятьсот километров. Могу разогнать до пятисот пятидесяти, но тогда возникает неприятная вибрация. Возможно, пора сменить гребной винт.

Перри присвистнул:

— Если это умеренная скорость для семейного транспорта, каков же сейчас рекорд?

— Около трех тысяч. Но это, конечно, уже с ракетными двигателями. Ракетные машины я не люблю, меня они нервируют, и в управлении — настоящие бесенята. Мне подавай старомодный

электрический автомобильчик. Я ведь никуда не спешу.

— Кстати, об этом. Я уже понял, что эта штука на электроприводе, но как это возможно?

— Винты приводятся в действие индукционными электродвигателями. Питание поступает от аккумуляторов. У каждого гироскопа собственная индукционная обмотка. Гироскопы работают постоянно.

— Аккумуляторы… они же должны быть слишком тяжелыми.

— Для энергии, которую они способны хранить, аккумуляторы совсем не тяжелые. Их называют хлорофилльными, потому что в основе их работы — принципы, сходные с фотосинтезом растений. Только не проси объяснить подробнее. Я занимаюсь танцами, а не физикой. Однако есть на рынке новые модели, которые производят электричество из угля.

— Напрямую?

— Не знаю. Горение там не используется, если ты об этом.

Перри хлопнул себя по бедру:

— Эдисон работал над этим, когда умер.

— Жаль, что он не закончил. У нас такие батареи существуют всего лет десять. Давай, Перри,

хочешь опробовать управление?

— О, конечно. Только погоди немного. Как менять высоту в режиме самолета?

— При помощи этого прибора можно регулировать угол набора высоты или снижения вплоть до десяти градусов. Он вращает аппарат относительно горизонтальной оси гироскопа. Это можно использовать при парении с включенным несущим винтом, чтобы предотвращать снос воздушным течением, при условии, что скорость ветра не превышает семидесяти пяти километров.

— Но ведь в этом случае можно маневрировать при помощи несущего винта, ведь так?

— Конечно, но это медленно. Ты понимаешь, для чего нужны все приборы перед тобой?

— Последи лучше ты за приборами. А я какое-то время полетаю на слух.

Перри поднял машину на пару тысяч футов и осторожно выполнил несколько маневров. Освоившись с управлением, он перешел к активным действиям, чтобы посмотреть, на что способна машина. Аппарат взмывал и падал, летел прямо и резко поворачивал. Перри обнаружил, что может развернуть аппарат на сто восемьдесят градусов и мгновенно остановить при помощи

гребного винта. После этого фокуса Диана тронула его руку:

— Перри, если ты сорвешь гребной винт, нам придется возвращаться домой на несущем.

— Ох, прошу простить, — удрученно сказал Перри. — Я думал, что машина справится со всем, на что способна.

— Это почти что так. Но, знаешь, гребной винт, возможно, не сбалансирован. Как бы то ни было, винт — это тоже гироскоп, и он жестко крепится к каркасу.

Перри выставил органы управления в нейтральное положение и повернулся к ней:

— Диана, если ты танцовщица, а не физик, откуда ты так много знаешь о механике?

— Любая школьница знает столько, сколько я. — Диана не скрывала удивления.

— Я смотрю, образование улучшилось.

Он вернулся к пилотированию и опробовал новые фокусы: скорость сваливания, смену комбинаций, маневрирование при помощи несущего винта. В результате маневрирования он вернулся обратно к каньону — «каньону Дианы», как назвал его Перри, — и его взгляд привлек водопад. Он осторожно снизился и медленно подвел аппарат к стене воды, так что они оказались примерно

на середине высоты водопада и в ста футах от него. Несколько минут оба сидели в молчаливом созерцании, пока внезапный порыв ветра не вынудил Перри вернуться к управлению. Он поднял аппарат из каньона и поставил его на ровный курс. Затем он заговорил, тихо и страстно:

— Клянусь, этот водопад просто нечто! — И, повернувшись к Диане: — Он почти такой же красивый, как ты, Ди.

Она подняла взгляд, и их глаза встретились на мгновение. Она опустила веки, ничего не ответив. Они летели на запад.

— Куда мы летим, Перри? — спросила Диана через некоторое время.

— Я об этом не думал. Куда ты предлагаешь?

— Хочешь увидеть Сан-Франциско?

— Идет!

— Тогда позволь мне проложить курс.

— Я сам могу. Я знаю эту страну.

Он нашел южный рукав Американ-ривер и проследил его взглядом до точки соединения с рекой Сакраменто. Вскоре Диана встала и ушла в заднюю часть кабины. Когда они уже приближались к Сакраменто, она объявила, что готов ланч.

— Невозможно, — ответил Перри. — Я лечу прямо в трафик.

Она заглянула через его плечо:

— Я настрою автопилот на облет Сакраменто и прием луча Сан-Франциско. Не стоит летать в трафике, пока ты не сдашь теоретический экзамен. Теперь идем есть.

Горячий суп. Фаршированные яйца и сельдерей. Овсяные печенья и виноград. Холодное молоко. Когда все это оказалось внутри, Перри более не испытывал желания двигаться. Он лежал на животе, положив голову на край скамьи, и наблюдал через боковой иллюминатор, как внизу скользит земля. Диана лениво наблюдала за ним. Наконец земля сменилась водой.

— Приближаемся к Сан-Франциско! — закричал Перри, вскочил на ноги и уселся в носовой части.

— Не трогай ничего, Перри, — предупредила Диана. — Все приборы в автоматическом режиме.

Перри не ответил, они уже проходили над мостом в заливе.

— Ди, это все тот же мост, что и в мое время?

— Полагаю, что так.

— И в мое время были толковые инженеры, — гордо заметил он.

— Безусловно, были.

— О, а вот же здание паромной переправы.

Только не говори, что оно сохранилось и простояло здесь все эти годы.

— Нет, это реплика. Сейчас там Музей истории Калифорнии.

— А вон там Ноб-Хилл! И отель «Фермонт»!

— Ты прав, но я не понимаю, как ты его узнал. Он стоит здесь всего десять лет.

— Вижу, что он отличается от прежнего. Но место то же.

Аппарат изменил курс и принялся кружить над городом по часовой стрелке. На том же круге с той же скоростью перемещались и другие летательные аппараты.

— На улицах какой-то настил? Что это там движется под стеклянными крышами?

— Это и есть улицы, по ним ездят люди.

— Но как? Не вижу автомобилей или других транспортных средств, а перемещаются они как-то быстро.

— Улицы движутся полосами. Самая близкая к домам полоса движется со скоростью пять километров в час, следующая — десять, и так далее, до середины улицы. На центральных полосах установлены кресла, эти полосы перемещаются со скоростью сорок километров в час.

— А есть конечная остановка?

— Конечная?.. А, они закольцованы. Если оставаться на полосе, то вернешься туда, где на нее сел. Поперечный трафик, естественно, находится уровнем ниже. Садимся, Перри?

Его лоб прорезала глубокая складка.

— А ты что об этом думаешь? Я, наверное, не знаю, как правильно себя вести. И потом, не могу же я выйти в город в таком виде, а? — Он указал на свое обнаженное тело.

— Нет никаких причин этого не делать, разве что хочешь остаться незамеченным. Но ты вчера купил костюм для выходов, он рядом с тобой, в ящичке под скамейкой, на которой ты сидишь.

Диана выудила костюм и отдала его Перри. Перри примерил. Костюм состоял из ярко-синего шелкового килта на широком кожаном ремне, с карманами и разнообразными крючками. Ремень поддерживала лента, которую он накинул на плечо. Разрезы килта были украшены ярким серебристым материалом, который сверкал в движении. Хромовые застежки черного пояса и черной ленты гармонировали с его сандалиями. Диана осмотрела его:

— Вот. Готов? Тогда сажаю.

Она аккуратно провела посадку сквозь лабиринты трафика на платформу в Ноб-Хилле.

Прежде чем покинуть «Облако», она прихватила собственную одежду и влезла в нее. То была открытая с правой стороны туника в греческом стиле, из черного бархата и прихваченная на правом плече серебряной застежкой с драгоценными камнями. Она оголяла левое плечо и левую грудь. Перри присвистнул:

— Ди, ты в этом прикиде выглядишь просто великолепно, но в моем родном городе нас бы уже заперли в тюрьму и выбросили ключ.

— За что это?

— Непристойное обнажение.

— Глупость какая. Идем.

Диана взяла чек у парковщика, и они направились к лестницам. На платформе было холодно. У Перри на груди образовалась гусиная кожа, резкий ветер трепал его килт. Диану, похоже, холод не беспокоил. Но на лестнице было уже тепло. Пока они опускались на уровень улицы, Перри разглядывал других пассажиров. Как оказалось, они с Дианой были одеты вполне достаточно. Большинство женщин одевались примерно так же свободно, но некоторые более вызывающе. На седьмом уровне он заметил в проходе, обозначенном словами «МАСАШ-КОРЕКЦИЯ», крупную скандинавку, одетую только в скучающий вид. И

похоже, что остальные пассажиры лифта не обратили на нее особого внимания. Наряды мужчин были разнообразными. Многие носили комбинезоны из тяжелой ткани — Перри решил, что это механики с платформы. Некоторые были одеты так же, как Перри. Он заметил пожилого господина в римской тоге, тот читал газету. Но уже через мгновение они сошли на уровень улицы, и Перри оказался слишком занят, чтобы беспокоиться об одежде. Бурлящий поток людей сразу отделил его от Дианы. Он испытывал панику, пытаясь найти ее и не находя. Затем маленькая теплая рука скользнула в его руку, и он услышал ее голос:

— Давай-ка я возьму тебя за руку. Меня чуть не унесло.

Он посмотрел на ее лицо и понял, что она пытается дипломатично помочь ему, но ему было все равно. Он крепко сжал ее руку.

— Что ты хочешь увидеть, Перри?

— Господи, я даже не знаю. Может быть, ты меня повыгуливаешь немного? А если мне что-то придет в голову, я тебе скажу.

— Давай так.

Они направились по широкому переходу к улице. Переход заполняли ярко освещенные магазинчики. Перри разглядывал витрины на ходу.

Большинство вещиц, похоже, ручной работы, любопытные и красивые штучки, некоторые были ему знакомы, другие — совершенно непонятны. Наиболее понятными оказались китайские, японские и индийские магазины. В некоторых случаях на вещицах присутствовали ценники. Цифры показались Перри неожиданно большими. Он спросил об этом Диану.

— Естественно, что они дорогие, Перри. Их же сделали вручную. Они стоят того, что за них просит художник, — если ты достаточно сильно хочешь их получить, чтобы заплатить эту цену. Правда, многие из художников — чудаки. Если тебе понравилось что-то, что они сделали, и ты не можешь себе позволить это купить, они иногда просто дарят это тебе.

— И как эти кустари-одиночки конкурируют с фабричным производством?

— Они не конкурируют. Их работы адресованы людям, которые ценят индивидуальное творчество. Ценность создаваемых ими вещей никак не связана со стоимостью материалов или приносимой пользой. Их ценность в эстетике, а ее невозможно стандартизировать.

— А что, если люди не захотят оплачивать работу художника?

— В таком случае он волен делать что захочет — продолжать творить и оставлять результаты себе, или раздаривать свои творения, или же прекратить эту деятельность и заняться чем-то другим.

— Я недостаточно ясно выразился. Как он может продолжать творить, если люди не покупают?

— Он живет на свое наследство или же работает часть времени за деньги, а часть времени посвящает искусству.

Перри умолк. Они прошли мимо ряда публичных видеофонов и добрались до Мейсон-стрит. Перри впервые увидел вблизи трафик самодвижущихся дорожек, и от этого вида у него слегка закружилась голова. Толпы пешеходов перед ним двигались с различными скоростями, причем быстрее перемещались люди, находившиеся от него дальше. Это зрелище напомнило ему о моментах на танцплощадке, когда он кружил проворную партнершу, а затем резко останавливался. В поисках равновесия он обернулся к ближайшему зданию. Затем вновь посмотрел на улицу. Движение постепенно упорядочивалось у него в голове. Он увидел, что каждая лента примерно восьми футов в ширину. Всего он насчитал шесть полос до середины улицы. На дальнем

краю последней ленты стояла непрерывная скамья. На скамье сидели люди лицом к нему — они читали, болтали и наблюдали за жизнью вокруг себя. Между их головами Перри увидел мелькающие в противоположном направлении головы пассажиров на другой стороне улицы. Над их головами стеклянный полог протянулся от одной стороны улицы к другой, начинаясь на уровне окон второго этажа на высоте примерно двадцати футов. Слева от Перри, поверх движущихся полос, изящно изгибался пешеходный мостик. Из-под лент доносились шепот и мурлыканье механизмов. Диана сжала его руку:

— Прокатиться хочешь?

— А то! Ребенок хочет на карусель. — И он занес ногу над внешней полосой.

— Нет-нет, Перри. Смотри против движения полосы. И ступай той ногой, которая стоит ближе к полосе. — (Перри успешно справился с первой лентой.) — Давай, Перри, отойди от края. Сразу внутрь красных ограничителей. А то столкнешься с кем-нибудь, кто идет на пересадку.

Перри посмотрел под ноги и обнаружил, что три фута в центре полосы ограничены красными линиями. Пока Диана произносила наставления, несколько человек оглянулись на них, но быстро

отвели взгляд — все, кроме одного «ежика» примерно лет шести, который продолжал наблюдать за Перри спокойно и без какого-либо выражения на лице. Они без проблем преодолели следующие четыре полосы и уселись на подушках скамьи.

— Порядок? — улыбнулась Диана.

— Все легко, когда разберешься. Просто Элиза бежит по льду[18].

Диана издала булькающий звук. Перри с интересом разглядывал других пассажиров. «Ежик», почтивший его своим вниманием, теперь смотрел на встречный трафик, прижав нос к стеклянному ограждению, поднимавшемуся за спинкой скамьи. Его мать одной рукой придерживала мальчика, ведя при этом беседу с другой женщиной. Движение было довольно плотным, и Перри также с интересом посматривал на встречных пассажиров. Затем его внимание привлекла полноватая женщина средних лет в ярком фиолетово-белом плаще. Она держала на руках мохнатого ясноглазого терьера, который крутил хвостом и пытался вырваться. Женщина смотрела через плечо и болтала со спутницей.

---

[18] Примечания: 18

Отсылка к роману Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». В одном из эпизодов Элиза спасается бегством, пересекая покрытую льдом реку. — *Примеч. перев.*

Она столкнулась с мужчиной, переходившим с пятой полосы, потеряла равновесие и очень резко опустилась на свой широкий зад, ровно на линии примыкания четвертой и пятой полосы, и теперь медленно вращалась, визжа и не в силах подняться. Терьер ускакал на шестую полосу, где принялся бегать взад-вперед, облаивая пассажиров на скамье. Когда его хозяйка почти скрылась из виду, несколько других пассажиров помогли ей встать и отряхнуться. Перри посвистел собаке, которая моментально отозвалась на увертюру, запрыгнула на скамью рядом с ним и принялась вылизывать подбородок и шею Перри своим теплым и мокрым языком.

— Тихо, мальчик, сидеть! Уже достаточно. — Перри схватил собаку за ошейник. — И что нам теперь делать? У нас прибавление. — Он ухмыльнулся.

Диана погладила собаку. Затем поднялась со скамьи:

— Идем, и прихвати своего дружка.

Она быстро перешла на пятую ленту — Перри последовал за ней, — а затем сразу на четвертую и на третью. Остановилась она на второй.

— Скоро мы ее увидим.

Через некоторое время на четвертой ленте по-

казался фиолетово-белый плащ. Диана, Перри и собака переместились на третью полосу, а затем на четвертую — в тот момент, когда женщина приблизилась. Она обрадованно закричала:

— Шушу! Мамина дорогушка потерялась! Мы испугались? — Она поцеловала собаку в нос и обняла ее. Собака проявила терпеливую снисходительность. — Скажи спасибо хорошим людям, Шушу. Они тебя спасли. — Она повернулась к Перри и Диане.

Диана покосилась на Перри и потянула его за пояс. Они запрыгнули на пятую ленту и затем сразу на шестую. Диана села и глубоко вздохнула:

— Наконец-то мы в безопасности.

Некоторое время они сидели, разглядывая проплывающие мимо здания. Через несколько минут Диана ткнула его локтем в ребра.

— Посмотри-ка слева, — прошептала она. Фиолетово-белый плащ приближался и был уже всего в нескольких метрах от них. — Думаю, она нас ищет. Идем. Мы здесь сходим. — Они заторопились через толпу к внешней полосе и вскоре уже стояли на неподвижном тротуаре. — Пронесло.

— Зачем она нас искала?

— Может, и не искала, но я не люблю рисковать. Не выношу, когда меня слюнявят.

— Чем займемся теперь?

Они стояли у входа в крупное приземистое здание из синтетического мрамора.

— «ИКСПРЕС ТРУБ В РАКЕТ ПОРТ», — прочел Перри вывеску над входом. — «Пневмопунт А».

Диана проследила за его взглядом:

— Хочешь увидеть, как работает пневмопочта?

— Конечно.

Они вошли, пересекли обширное фойе и преодолели лестничный пролет, ведущий в бельэтаж. Диана подвела Перри к дальнему краю балкона. Они перегнулись через поручни и смотрели вниз на огромную и глубокую комнату, уровень пола которой, как понял Перри, находился ниже уровня улицы. Диана указала вниз и вправо:

— Вон там они приходят, видишь. Затем они попадают на конвейер, и их сортируют.

Цилиндры различной длины, но одинакового диаметра (около восемнадцати дюймов) потоком выходили из круглого отверстия и падали один за другим на ленту конвейера. Каждые несколько футов над лентой нависал механизм. Время от времени реле щелкали, и широкий крюк снимал цилиндр с ленты, чтобы положить его на другую ленту, проходившую уровнем ниже, поперек первой. С поперечных лент цилиндры рассорти-

ровывались направо и налево.

— Кто управляет процессом?

— Селекторы автоматические. Электрический глаз сканирует адрес пункта назначения. Если найден соответствующий символ, крюк сдергивает посылку. Видишь первый селектор, который сильно загружен? Тот, что с тремя манипуляторами? Он принимает всю почту для Сан-Франциско. Его конвейер разгружается в соседнем помещении, почти таком же большом, как это, и там посылки сортируются по местным пунктам почты.

— Надо думать, в трубах используется сжатый воздух?

— Только при пересылке на небольшие расстояния. В магистральных линиях посылки выстреливаются в разреженный воздух и висят в магнитном поле, которое протягивает их по маршруту. При больших расстояниях они развивают невероятные скорости.

— Если я захочу отправить письмо в Нью-Йорк, оно само доедет в одном из этих цилиндров?

— Да. Однако нет особого смысла писать письмо, когда ты можешь позвонить по видеофону или телеавтографировать.

— Пожалуй, так. Послушай, вот было бы здоро-

во разобрать один из этих селекторов.

— Думаю, это возможно, если ты не поленишься запросить разрешение. Но в них нет ничего такого. Насмотрелся?

— Думаю, да. Что теперь?

Диана бросила взгляд на хронометр на стене:

— Десять минут второго. Мы могли бы рвануть в ракетный порт, если хочешь.

— Очень даже здорово. Вперед!

Они вернулись на улицу и доехали по первой полосе до перекрестка, где сделали пересадку в направлении междугородней маршрутки. Станция была обозначена как «ИКСПРЕС ТРУБ В РАКЕТ ПОРТ». Проводник закрыл их в цилиндр, где стояли очень мягкие кресла. Диана села и прижалась головой к подголовнику. Перри она велела сделать то же самое. На несколько секунд над ними зажегся свет, затем погас. Перри внезапно почувствовал, как тяжелеет и как его вдавливает в подушки кресла. Затем он так же внезапно приобрел свой нормальный вес.

— Упрись ногами, Перри.

На этот раз внезапное увеличение веса наклонило его вперед. Затем вернулся нормальный вес, и дверь открылась.

— Где это мы?

— В порту, примерно пятнадцать километров к югу от города.

— Сан-Матео?

— Нет, западнее, у бухты Пиллар-Пойнт.

Они выбрались из цилиндра и прошли по пандусу в комнату ожидания, где туда-сюда сновали люди, а у дальнего края собралась целая толпа. Диана взглянула на подсвеченное табло, а затем на расположенный рядом хронометр:

— Поторопись, Перри. Мы почти вовремя.

— Вовремя к чему?

— Антипод-экспресс. Прибывает из Новой Зеландии через четыре минуты. Поспешим.

Перри проследовал за ней по пандусу в галерею с окнами, смотрящими на поле. Здесь уже были другие любители поглазеть. Диана повернулась к одному из них, мальчику лет двенадцати:

— Его уже видно?

— Ага, кружит. Видишь? — Он указал им направление. Диана и Перри прищурились, вглядываясь в небо.

— Боюсь, не могу его разглядеть.

— Но он точно там. Посадочные огни уже зажглись. Экраны поднимут в любой момент.

— Какие экраны? — вопросил Перри.

Мальчик поглядел на него с любопытством:

— А ты недавно родился, да? Вот такие экраны.

Янтарные стеклянные ставни поднимались поверх смотровых окон.

— Посмотришь на ракетную вспышку невооруженным глазом и пожалеешь.

— Спасибо, сынок. О ракетах я мало что знаю.

— А я знаю много. Я стану пилотом ракетного корабля, когда вырасту. Вот он. Это старый добрый «Южный Крест». Видишь, как плавно идет? Это сам старик Марко. Он не мечется.

Корабль, едва различимая серебряная щепка, кругами спускался к земле. Нос был задран примерно на двадцать градусов, а хвостовые двигатели извергали реактивный след.

— Похоже, будто набирает высоту.

— Нет и нет. — В словах всезнайки слышалось едва заметное презрение. — Он идет на хвосте. Старик Марко не отключит двигатели, пока не уверен.

Корабль сделал еще круг, ниже и меньше радиусом. Хвостовые двигатели погасли, и ослепительная вспышка возникла под его килем.

— Ух ты! — Глаза мальчика сияли. — Включился движок на брюхе!

Вспышка устремилась к земле и вскоре размазалась по посадочному полю. Поток огня достиг

земли. Вскоре он уже растекался по всему полю. Корабль опускался, пока факел не начал бить в упор, его огонь наполнил заглубленный посадочный круг и скрыл за собой корабль. Реактивный двигатель киля отключился, и корабль оказался перед ними.

Мальчик радостно фыркнул:

— Видали? На старых добрых гироскопах такая гладкая посадка. Как будто соскользнул по канату. Ни разу не вздрогнул даже. Ни разу! Он всегда попадает точно в цель. Однажды Марко полетит на Луну, вот увидите. И я тоже с ним.

Навстречу кораблю катилась небольшая тележка, разворачивая за собой длинный коврик. Перри поинтересовался у мальчишки, что это такое.

— А это асбестовая дорожка. Не советую ходить по посадочному полю в сандалиях после того, как по ней прошелся тормозной движок. Поджаришься! А тележка — она просто для багажа.

Они вместе наблюдали, как проходит высадка пассажиров, потом еще несколько минут гуляли по станции.

— Куда еще ты хотел бы попасть, Перри? — наконец поинтересовалась Диана.

— А у тебя есть предложения?

— Я что-то подустала от этих толп. Давай возвращаться.

Через пятнадцать минут они уже были на платформе, где оставили «Облако». Диана сдала квитанцию, и ее аппарат выкатили на взлетную площадку. Внутри она сбросила свою тунику на скамью и успела поднять машину в воздух прежде, чем Перри снял пояс и смог устроиться поудобнее. Оказавшись в кресле, он прикурил сигарету и протянул ей.

— Куда мы летим?

— Поплавать хочешь?

— О да. А где?

— Я знаю небольшую бухточку у Монтерея, там нет ветра. Хотя вода может быть слегка прохладной.

— Давай попробуем.

Диана переключила «Облако» в режим самолета и дала самый полный ход. Через пятнадцать минут они уже были над заливом Монтерей, пролетели над мысом Пинос, потом прошли еще несколько миль, затем сделали круг, переключились на режим вертолета и опустились у бухточки, смотревшей на юго-запад. Волны мягко бились в узкую полоску пляжа. С двух сторон гранитные глыбы выдавались в море.

Они открыли дверь и вышли. Воздух практически замер, полуденное солнце светило прямо на них. Песок под ногами был теплый. Запах моря, сильный и пряный, проникал в их ноздри. Они пошли к воде, но почти сразу же перешли на бег, ощущая радость от возможности свободно двигаться. Затем плюхнулись в воду, крича и смеясь. Перри нырнул с головой в бурун набегающей волны, затем всплыл и завис в откате, гребя по-собачьи. Рядом с ним из воды появилась голова Дианы.

— Шикарно, — выдохнул он.

— Немного прохладно. Осторожно! Пригнись!

Он повернулся как раз вовремя, чтобы получить удар зеленой воды в лицо, всплыл, отплевываясь, и подгреб туда, где, смеясь, стояла Диана. Он достал руками до дна, опустил ноги и встал с ней рядом.

— Просто классно, Ди. Жаль, что мы так не делали в мое время.

— О мой бог! Нет?

— Я о том, чтобы плавать нагишом. Мы купались, но в купальных костюмах.

Казалось, она не поверила:

— Я об этом читала, конечно, но это же такая глупость?.. Негигиенично. — Она слегка дрожа-

ла. — Пойду-ка я сушиться, Перри. Мне холодно.

— Я только нырну еще разок и догоню тебя.

Она ушла на пляж. Вернувшись, Перри обнаружил ее рядом с дверью машины, она быстро вытиралась большим махровым полотенцем. Он взял второе полотенце, лежавшее в проеме двери:

— Повернись, я вытру тебе спину.

Она послушно повернулась. Когда он закончил, она вытерла спину ему, затем сделала шаг назад и щелкнула его своим полотенцем.

— Ух! — Перри обиженно потер место удара. — Разве вежливо так делать?

— Нет, но зато очень весело, — усмехнулась она.

— Надо бы тебя отшлепать за это.

— Сначала тебе придется меня поймать.

Она убегала по пляжу, сверкая пятками, и ее волосы развевал ветер. Перри припустил за ней и догнал. Он схватил ее сзади, она попыталась вырваться, и вместе они повалились на песок, запутавшись и смеясь. Перри одолел ее и попытался перевернуть в положение, удобное для порки, но Диана оказалась гибкой, словно выдра, и почти такой же скользкой. В результате борьбы их лица сблизились. Перри наклонил голову и

поцеловал ее в губы. Она моментально затихла, в ней чувствовалось напряжение. Он с тревогой разглядывал ее лицо. Выражение серьезное, но вроде бы не злое. Он еще раз медленно наклонился к ней. Она не пошевелилась, но и не попыталась ускользнуть. Его губы нежно коснулись ее губ. Ее тело расслабилось под ним, губы слегка раскрылись, а правая рука блуждала по его шее. Они очень долго не шевелились.

Поцелуй поцелую рознь. Одни поцелуи предназначаются для забавы, другие вызваны страстью. Есть формальные поцелуи для встречи и прощания, а есть небрежные клевки привычной привязанности. Но очень редко бывает так, что губы встречаются и две души сливаются воедино, и тогда вселенная становится завершенной, планеты находятся на верных местах. И тогда одинокая и израненная душа человека излечивается и становится цельной. На какое-то время все его поиски прекращаются, а на все вопросы находятся ответы.

Она тихо лежала в его объятиях.

— О Перри…

— Ди, Ди…

Наконец она зашевелилась:

— Давай вернемся к машине.

Они поднялись на ноги и с удивлением обнаружили, что мышцы затекли, а тела замерзли. Теплый интерьер машины оказался очень кстати.

— Отправимся домой?

Он кивнул, и Диана потянула рычаг на себя. Тени на пляже уже удлинились; тень аппарата оторвалась от них и полетела на восток. Диана набрала высоту и какое-то время занималась настройкой. Наконец она убрала руки с рычагов управления «Облака»:

— Настроила автопилот на Рино. Давай пойдем назад. И они уселись рядом на подушках.

— Сигарету?

— Спасибо.

Он прикурил одну для нее и одну для себя. Наступило долгое молчание.

— Ди, — наконец начал он.

— Что, Перри?

— Я этого тебе не говорил, но, полагаю, ты знаешь, что я люблю тебя.

— Да, я знаю.

— И?

— Я тоже тебя люблю, Перри.

После этого снова воцарилось долгое молчание. Тихое гудение винта и пощелкивание автопи-

лота отмечали течение времени. Он поцеловал ее. Когда поцелуй закончился, она положила свою голову на его плечо. Аппарат заполнился их мыслями. По прошествии времени звякнул колокольчик, и на панели инструментов замигал огонек. Диана поспешно встала:

— Мы рядом с домом, мне нужно взять управление на себя.

Она быстро скользнула в кресло пилота и изменила курс.

— Посмотри вниз, сможешь найти нашу площадку? — спросила она минут через пять.

— Я вижу внизу свет.

— Воспользуйся вот этой кнопкой и посмотри, замигает ли он.

Он так и поступил.

— Да, это и впрямь наша.

— Ты посадишь нас, Перри?

— Ну конечно, если ты этого желаешь.

— Да, я этого хочу.

Он мягко посадил аппарат. Несколько мгновений спустя Капитан Кидд уже объяснял им в самых богохульных выражениях, что он думает о тех, кто на весь день покидает дом. Судя во всему, в его речи упоминались люди безответственные и не считающиеся с другими, а также явно вы-

ражалось намерение нажаловаться в «Таймс». Диана спешно раздобыла блюдце с молоком и еще одно с сардинами. Капитан принял ее извинения — временно.

Когда Перри вышел из освежителя, он обнаружил, что Диана стоит у пищеблока и ее руки просто порхают в воздухе.

— Ди, — позвал он.

— Да?

— Ты забыла снять свои сандалии.

Она посмотрела на ноги и улыбнулась:

— Действительно. Тем быстрее будет готов твой ужин. — Она поставила еще несколько блюд на поднос. — Вот, расставляй это.

Диана нырнула в свой освежитель и вернулась меньше чем через пять минут, без сандалий и с распущенными волосами. Ее тело зарумянилось после быстрого душа. Она уселась на свое место:

— На старт! Внимание! Марш!

Несколько минут они поглощали пищу, как оголодавшие дети. Затем их глаза встретились, и они оба рассмеялись, сами не зная отчего. Закончили ужин они уже спокойнее, и Перри выбросил посуду в камин. Он вернулся, сел рядом с Дианой. Вечер прошел почти без бесед. Они сидели и смотрели на огонь и слушали выбран-

ную Дианой музыку. Она почитала ему стихи. Он спросил, есть ли у нее что-нибудь Редьярда Киплинга, и Диана нашла тонкий томик стихов. Перри отыскал и прочитал вслух «Мэри Глостер». Затем он поцеловал ее мокрую от слез щеку, и она стала еще более мокрой от его слез. По прошествии долгого времени Диана подавила зевок. Он улыбнулся и сказал:

— Я тоже сонный, но не хочу уходить и оставлять тебя.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами и ответила очень серьезно:

— Тебе не нужно уходить, разве что ты этого сам хочешь.

— Но послушай, дорогая, я хочу на тебе жениться, но не хочу торопить тебя с чем-либо, о чем ты потом можешь пожалеть.

— Пожалеть? Не понимаю тебя. Но что до меня, мы уже женаты, если ты этого желаешь.

— Полагаю, мы могли бы завтра отправиться и провести церемонию.

— Нет нужды. Эти вещи находятся в сфере личного. Ох, зачем ты так усложняешь. — Она заплакала.

Перри колебался секунду, затем взял ее на руки и положил на самой широкой части дивана. За-

тем сам лег рядом. Угли в камине потрескивали, и по комнате прыгали тени от огня.

Глава шестая

Перри тянул на себя рычаг управления, и его самолет взмывал все выше и выше. Ему нужно было подняться очень высоко, потому что летевшая с ним Принцесса жила на обратной стороне Луны. Он нажал ряд кнопок, и факелы огня выстрелили из хвоста самолета; самолет продолжал набирать высоту. Перри переполняла радость от собственного пилотского мастерства, от мощности двигателей его самолета и от осознания того, что Принцесса любит его и находится рядом. Принцесса улыбнулась, протянула изящную ручку и нежно коснулась его щеки. Ее лицо приблизилось к его лицу. Самолет и Луна растворились, но лицо Принцессы было по-прежнему близко, рядом с ним.

— Проснулся, дорогой? — Ее голова лежала на его предплечье, а ее рука мягко касалась его щеки.

Перри моргнул. В глазах плавал туман. Он снова моргнул и сфокусировал взгляд на Диане:

— Проснулся? О, полагаю, что так. Думаю, что уж точно почти проснулся. Доброе утро, красотка.

Я люблю тебя.

— И я тебя люблю.

Когда их губы разъединились, он снова заговорил:

— Почему?

— Что почему?

— Почему ты любишь меня? Как я тебя нашел? Почему я был выбран для этой цели? Кто я такой, чтобы предъявлять права на твою любовь? Почему ты такая замечательная и красивая и почему ты меня любишь?

Диана рассмеялась и обняла его:

— Могу ответить только на последнее. Я не замечательная. Я самая обычная человеческая женщина с множеством недостатков. Я тщеславная и ленивая, а иногда раздражительная и злюка. Я красивая потому, что ты так считаешь. И я хочу, чтобы ты говорил мне, что я красивая и замечательная, каждое утро моей жизни.

— И еще каждый вечер и каждый день. — Он снова поцеловал ее.

Через некоторое время она потянулась, зевнула и довольно замурлыкала:

— Голодный?

— Думаю, что да. Да, голодный. Умей я колдовать в этом твоем ведьмовском логове, я принес

бы тебе завтрак в постель.

— Это совсем быстро. Но спасибо. А тебе завтрак подать в постель?

— Ну нет, я сейчас приду толкать тебя под локти и вообще мешаться. — И Перри последовал за ней к пищеблоку. — Скажи мне, Диана, когда привезли все эти свежие фрукты?

— В основном тем летом. Я их размораживаю по мере необходимости. Папа выбирает для меня продукты. Он работает в этой области.

— Твой отец? Он жив?

— Конечно. Почему нет?

— А твоя мать?

— Тоже. Она хирург. А почему ты решил, что они умерли?

— Я не думал этого осознанно. Просто не думал об этом. Я был занят тобой и не успел расспросить что и как. Скажи, у твоего отца в доме есть ружье?

— Для чего бы это?

— Просто мне показалось, он может решить, что я нечестно поступил с нашей Нелл[19].

— «Нечестно поступил с нашей Нелл»? Что это значит?

---

[19] Примечания: 19

Намек на пьесу Леланда Прайса «Городской пижон и наша Нелл» («City Slicker and Our Nell», 1893 г.). — *Примеч. С. В. Голд.*

— Просто такое выражение. Я вот что хочу сказать: знай он о нас, не стал бы он категорически протестовать? Мы, может, и женаты, но никто ведь об этом не знает.

— И с чего бы это всем знать? И папе тоже, если мы не скажем ему сами? И даже если бы ты ему не понравился — а я уверена, что понравишься, — нам что за дело? Ему и во сне не приснится об этом сказать. Слушай, Перри, ты должен осознать, что брак как институт изменился до неузнаваемости. Мы уже как-то говорили об этом. Брак — это более не публичный контракт. Он находится строго в сфере личного. Мы с тобой любим друг друга и хотим жить вместе. Что мы и делаем. Следовательно, мы состоим в браке.

— То есть нет никакой церемонии и никакого контракта?

— Ты можешь провести любую церемонию, обратившись в нужную церковь. Но я надеюсь, что ты не попросишь меня об этом. Мне будет ужасно неудобно, и я себя почувствую… ну, запачканной.

Он нахмурил лоб:

— Я не понимаю некоторые ваши обычаи, дорогая, но то, что устраивает тебя, устраивает и меня.

— Мы могли бы составить контракт домашней экономики, если хочешь. Лично я бы предпочла не заморачиваться. У нас обоих достаточно хорошие кредитные счета, а такой контракт потребует целой бухгалтерии. Давай просто не будем затрагивать эту тему. Даже не будь у тебя вообще заработков, мы вряд ли смогли бы успевать тратить мой доход.

— Не хочу быть жиголо.

— Что такое «жиголо»?

— Мужчина, который разрешает женщине поддерживать себя материально в обмен на занятия любовью.

Ее губы задрожали, а глаза наполнились слезами.

— Перри, тебе не следовало говорить мне такое.

— Милая! Прошу… Прости меня, мне правда очень жаль. Я не хотел ранить твои чувства, но, клянусь небесами, я незнаком с обычаями этого мира-вверх-дном.

Слезы прекратились.

— Хорошо, дорогой. Мне нужно было сделать поправку на это. Но давай больше не будем о деньгах и контрактах. В этом нет необходимости.

После завтрака Перри вновь открыл тему се-

мейных отношений:

— Ди, дорогая, есть всего одна вещь, которая меня беспокоит в этом современном способе жениться. Как насчет детей?

Она посмотрела на него спокойно и хладнокровно произнесла:

— Ты хочешь подарить мне ребенка, Перри?

— Что ты, нет. То есть нет, я не имею в виду «нет». Я думал, что хотел бы, если хочешь ты. Я не думал конкретно о нас, я думал вообще о детях. Погоди, а я что, уже? То есть ты думаешь, что это вероятно?

— Нет, пока мы не решим, что хотим этого.

— Это хорошо. То есть, конечно, это была бы честь и привилегия для меня, но есть ведь твоя карьера и что до меня… Слушай, Ди, так я могу быть отцом?

— Почему нет, Перри?

— Ты знаешь. Это не мое тело.

— Думаю, твое, Перри. Возможно, мы сумеем это прояснить.

— Предположим, ты просыпаешься как-то утром, а меня в этом теле уже нет. Что, если Гордон вернется?

Диана обняла его:

— Не думаю, что такое произойдет, Перри. Не

спрашивай меня почему, я этого не знаю. Но все равно уверена. Ты спрашивал про детей. Дети уже не являются финансовым обременением, как это было в твои дни. Собственного кредитного счета ребенка вполне достаточно, чтобы поддерживать его — появившегося на свет человека. Ребенок может жить со своими родителями, если таково общее желание, а может расти в Центре развития. Если родители расходятся, ребенок может остаться с тем, с кем захочет.

— Звучит совершенно бессердечно.

— Все совсем не так. В основном дети проводят большую часть своих ранних лет с одним родителем или с обоими. Обычно родители настаивают на том, чтобы ребенок провел хотя бы год или два в Центре развития, чтобы быть уверенными, что он приспособлен к социальной жизни. Вот возьми для примера меня. Я жила с каждым из родителей по очереди практически все время, пока мне не исполнилось восемнадцать, за исключением тех двух лет с четырнадцати до шестнадцати, что провела в Центре развития.

— Ты сказала по очереди. Твои родители уже не в браке?

— Напротив. Но они не домоседы, а работа большую часть времени не позволяет им жить

вместе. Вот тебе еще пример — мой сводный брат Фарион. Он сын очень талантливой актрисы, которая до безумия влюбилась в папу и хотела от него ребенка. Но они никогда не вступали в брак. Фарион рос почти все время в Центре развития, потому что ему его родители не нравились. Он был очень серьезным мальчиком, и оба они казались ему слишком легкомысленными. Или вот моя сводная сестра Сюзан; дочь мамы от другого великого хирурга. Не думаю, что они вообще были влюблены в том смысле, как ты это понимаешь, но уверена, что оба надеялись, что их ребенок будет гениальным хирургом. Сью всю жизнь жила с мамой.

— Это же какая-то полигамия.

— Нет, я на самом деле не думаю, что можно это так называть. Не существует обычаев против полигамии или полиандрии, если что. У меня есть две подруги, девчонки, они живут вместе. У них есть друг, мужчина, который большую часть времени живет с ними. Разумеется, я точно не знаю, но думаю, что они обе за ним замужем.

Перри покачал головой:

— Я этого не понимаю. Мне это кажется противоестественным.

— Не беспокойся, дорогой. Со временем ты

поймешь.

В последующие несколько дней Перри был слишком занят, чтобы забивать себе голову опасениями и сомнениями. Он был счастлив, более счастлив, чем когда-либо в жизни. Или в жизнях, и в одной и в другой, — он не знал, как правильно сказать. Жизнь превратилась в пикник, медовый месяц, восхитительную и занимательную школу, рай для гурманов и страну лотофагов[20] — все «в одном флаконе». Он часами слушал записи захватывающих событий, изучал новые технологии и подходы к науке — все в таком формате, в сравнении с которым образовательные инструменты его собственного времени выглядели неуклюжими и бестолковыми. Он бродил по горным снегам вместе с Дианой, наблюдал, как она репетирует свои танцы, вместе с ней слушал музыку и волнующие драмы, летал над сельской местностью на «Облаке» и проводил вечера в объятиях любимой. Их близость вызревала и росла. Диане нравилось слушать рассказы о его прежней жизни, о детстве в Канзасе, о его юношеском триумфе — когда он стал курсантом военно-морского училища, о его

[20] Примечания: 20

Страна лотофагов — в древнегреческой мифологии страна пожирателей цветов лотоса, которые дарили людям сладкое забвение. — *Примеч. С. В. Голд.*

школьных днях, о жизни на службе, о всем том, что он видел и испытал.

В то же время, наблюдая за жизнью современного мира, слушая записи и изучая кодекс обычаев, в беседах с Дианой он обнаружил, что его мнения, доставшиеся в наследство от прежнего мира, стали меняться и что он начал оценивать ту, прежнюю жизнь с позиций гражданина современности. То, что раньше он считал естественным порядком вещей, теперь стало казаться чем-то гротескным. Ценности, сваленные в кучу под ярлыком «спортивное мастерство», теперь казались глупой показухой дикарей. Спортивные соревнования теперь располагались на оценочной шкале от безобидных, но бессмысленных игр до бессердечного садизма. Отличительные элементы чести в обществе джентльменов теперь производили на него впечатление павлиньего позерства. Но более всего он стал презирать почти повсеместный обман, полуправду и откровенную ложь, пронизывавшие жизнь 1939 года. Он осознал, что жил в мире обмана и мошенничества. Политические речи, рекламные слоганы, отвратительные проповедники-проститутки, рекламные щиты, назойливая шумиха, продажная пресса, профессора-хамелео-

ны, невероятный идол общества из папье-маше, визгливый неандертальский стопроцентный американизм, подстилки из контрактов, особые концессии и прочие взятки, купленные сенаторы и нанятые адвокаты, коррумпированные судьи и циничные политики… И над всем этим и во всем этом — несчастный иссушенный дух американского крестьянина, исполненного «житейской мудрости», чьи девизы — «Обмани первым или будешь обманут» и «Не давай сосункам спуска». Бедный преданный болван-переросток, который слишком рано начал иг рать со взрослыми мальчиками и приобрел массу отвратных привычек! Бедный болван, заблудившийся в коллективной лжи, ведь отец вводил его в заблуждение из лучших побуждений. Бедный болван и собственного сына будет вводить в заблуждение из тех же лучших побуждений. Столпы сообщества учат сыновей, что мужчина должен «гулять с женщиной», но женщины, на которых можно жениться, каким-то образом отличаются от женщин, с которыми «гуляешь». Мать учит свою дочь быть благодетельной и сострадательной, но желает выгнать из города свою сестру, которой досталась лучшая доля. Все это племя, лживое, лгущее и слышащее ложь, наученное почитать

успех, даже успех негодяя, и презирать провалы, даже провалы героев.

Перри уже презирал «обычаи того времени» и испытывал тошноту, вспоминая о них, но он не возненавидел ни людей, среди которых он жил, ни себя за то, что был одним из них, поскольку хорошо знал этих людей, знал, что они хорошие люди с добрыми сердцами, благородные, смелые и отважные. Он знал, что любой из «болванов-позеров» бросится под колеса локомотива, чтобы спасти ребенка, что бесчестный продавец недвижимости накормит обедом голодного человека и что амбициозная мать будет голодать, чтобы купить своей дочери вечернее платье. Он знал, что доброта и щедрость встречались столь же часто, как обман и жестокая конкуренция. Перри осознавал, что даже у одного из тысячи не было шанса проявить свой потенциал достойного и честного существа. Он понимал, что обычные люди 1939 года были слишком слабовольными и слишком наивными, чтобы восстать против системы, в которой оказались.

Более всего Перри преклонялся перед американцами «своего периода» за то, что в них уже был потенциал 2086 года. За короткие полтора века эти бесчувственные, добросердечные, легко-

верные, вероломные деревенщины, спотыкаясь и продвигаясь зигзагом, создали культуру, которой можно гордиться. Так или иначе (теперь объяснения Каткарта казались ему слишком простыми), вечное стремление старших поколений ради своих детей изменить ситуацию к лучшему принесло плоды. Возможно, одного этого было достаточно. Возможно, испытывать желание сделать мир лучше для наших детей и для детей наших детей и означает *обрести* бессмертие и *стать* божествами.

Дни шли, и Перри имел множество возможностей рассмотреть эту, новую для него, культуру, услышать рассказы о ней и увидеть ее в своем «театре теней». Он посетил социалистический штат Висконсин, создавший собственные обычаи в рамках Федерации. Они с Дианой провели несколько дней в штатах Залива, где по-прежнему существовали крупные группы чернокожих людей, не ассимилированных белым большинством. Здесь он обнаружил культуру столь же свободную, как и в остальной части страны, — возможно, не столь механизированную, но, несомненно, более яркую, отличающуюся социальным тактом, жизненной энергией и наполненную разнообразными видами искусства.

Постепенно Диана знакомила Перри со своими друзьями и помогала ему преодолевать сложности адаптации к новым социальным обычаям. После нескольких недель, проведенных в легкой, приятной и непринужденной атмосфере круга ее знакомых, он почувствовал, что способен находиться в любой компании, не объясняя особенных обстоятельств своей жизни. Диана согласилась, что он уже готов общаться на равных с представителями цивилизации второй половины двадцать первого века. Перри пришлась по душе склонность здешних людей к уединению, такой образ жизни подходил и ему, и он решил не увеличивать число тех, кто был в курсе его истории.

Однажды утром, примерно через шесть недель после его прибытия, Диана объявила, что ждет гостя. Перри посмотрел на нее с интересом:

— Кто это? Мы знакомы?

— Нет. Это молодой человек по имени Бернард. Когда-то мы были очень близки. Он к тому же танцор, и мы одно время были партнерами.

— Что ты хочешь сказать этим «были очень близки»?

— О, я им увлеклась. Мы жили вместе почти год.

— Что?!

— О Перри, что случилось?

— Что ты хочешь сказать? Хочешь сказать, что жила с ним в том же смысле, в каком мы сейчас живем вместе?

Ее лицо потемнело.

— Ты не имеешь права задавать подобные вопросы, но я отвечу. Мы жили вместе как мужчина и женщина, как сейчас живем с тобой.

Перри сердито ходил взад-вперед по комнате. Наконец он повернулся к ней:

— Диана, это такой способ сказать, что ты меня бросаешь?

Она потянулась к нему и, повинуясь импульсу, положила ладонь на его руку:

— О нет, дорогой. Нет же, нет.

Он отмахнулся от ее руки:

— Тогда почему ты пригласила сюда свою старую любовь? Ты пытаешься меня унизить?

Его лицо побелело от напряжения.

— Перри, Перри, дорогой! Ничего такого. Что ты себе вообразил? Он приезжает, потому что у него есть повод для этого. У нас с ним контракт на серию совместных танцев. Он приезжает, чтобы поработать над хореографией и прорепетировать.

— Почему я об этом ничего не знал?

— Не было повода это обсуждать, Перри. Мы подписали контракт той осенью, а первое выступление будет только в мае. Но теперь нам нужно репетировать.

Перри поднял глаза, его лицо слегка просветлело.

— Ты любила его, Диана?

— Немного. Не так, как я люблю тебя, Перри.

— И он ничего для тебя не значит, совсем ничего?

— Я бы не сказала так. Мне он все еще очень дорог, и он был со мной нежен. Просто мы надоели друг другу и разошлись, но я по-прежнему считаю его верным другом.

— Верный друг, как же, — угрюмо сказал Перри. — Уверен, он до сих пор по тебе с ума сходит.

На лице Дианы отразились боль и недоумение, — казалось, она вот-вот заплачет.

— Перри, Перри, дорогой. Я тебя не понимаю. Что происходит? Чем я тебя обидела? Мы были так счастливы, так сильно счастливы, а теперь вдруг… какая-то глупость мешает нашему счастью. Почему? Почему?

Слезы переполнили ее глаза и потекли по щекам. Перри принял позу оскорбленного и него-

дующего мужчины, которому вечно приходится сталкиваться с иррациональным и непостижимым женским взглядом на жизнь.

— О боже! А ты чего ожидала? Думаю, я таких же широких взглядов, как все, и я никогда не считал своим правом совать свой нос в твое прошлое, но разве ты не понимаешь, что это уже слишком? Появляется парень, который, как ты сама призналась, в прошлом был твоим любовником, а ты хочешь, чтобы я его принимал в доме как друга семьи! По-моему, это перебор. Кто угодно будет ревновать. Ты что думаешь, у меня нет чувства гордости? — Его лицо застыло в угрюмом, замкнутом выражении, уголки рта подергивались. — Свободные и без напряга отношения, может, и годятся для занятий любовью время от времени, но ты, очевидно, не поняла, что наши отношения я воспринимал серьезно. *Я* думал, мы женаты. *Я* думал, что ты так же относишься ко мне, как я к тебе. И я не думал, что эта легкая распущенность, которую ты демонстрировала, выльется вот в это. — Он потер лицо руками. — Ладно. Я дурак. Но ты не переживай. Я соберу вещи и выметусь отсюда моментально. Спасибо за все, что ты для меня сделала, конечно. Я посчитаю, сколько тебе должен, и расплачусь

сразу же.

Диана застыла, сцепив руки; ее лицо исказилось, словно у ребенка, чей мир рухнул в одно мгновение. Жгучие слезы лились из ее зажмуренных глаз и капали на грудь. Он повернулся, чтобы уйти. Она быстро подошла и вцепилась в него:

— Перри! Перри! Нет! Не нужно! Что я сделала? Я не понимаю. Прошу, дорогой, пожалуйста. Что угодно, только не оставляй меня одну.

Она судорожно всхлипывала. Перри неуклюже погладил ее. Рыдания продолжались. Он повернул к себе ее лицо и принялся вытирать ей слезы:

— Не плачь, девочка. Я не могу это перенести. И отпусти меня. Так будет лучше. Прекрати, девочка, прошу. О боже, что я могу сделать?

Рыдания ослабли, а затем и вовсе прекратились. Диана хлюпала носом.

— Перри, это все какая-то ужасная ошибка. Прошу, скажи, что любишь меня и не уйдешь.

— Что ж, я не хочу уходить, — обеспокоенно сказал он. — Послушай, Ди, я тебя люблю и хочу остаться. Знаешь, давай ты позвонишь этому простофиле и скажешь, чтобы он держался от нас подальше?

— Не могу, Перри. — Диана смотрела на него с

несчастным видом. — Он будет здесь с минуты на минуту.

— Тогда что нам делать?

— Я не знаю.

— Господи! — Он быстро подошел к обзорным окнам и принялся наблюдать, прижав кулаки к бедрам. Затем повернулся к застывшей в ожидании его решения Диане. — Послушай, Ди. Полагаю, сегодня мне придется с этим парнем быть вежливым… А когда он уйдет, мы подумаем, что делать с твоим контрактом. — (Она начала было говорить, но умолкла.) — Что скажешь?

— Хорошо, Перри.

Он улыбнулся, заключил ее в объятия и поцеловал. Он чувствовал теплое удовлетворение, как человек, который сделал нечто великодушное. Он не понимал, что Диана по-прежнему сильно встревожена.

Заканчивая ланч, они услышали у себя над головами глухой удар неаккуратной посадки. Вскоре засиял огонек над дверью, и вошел их гость. Молодой человек был высок, в прекрасной физической форме и очень красив. Перри с неприязненным удивлением заметил, как хорошо тот выглядит.

— Привет, красавица! — Молодой человек под-

хватил Диану на руки, поцеловал ее и эффектно поставил на пол.

Диана с беспокойством повернулась к Перри:

— Бернард, познакомься с Перри.

Посетитель на секунду будто бы вздрогнул, потом взял себя в руки, сделал едва заметный поклон и пробормотал:

— Чем могу?

Перри поприветствовал его таким же едва уловимым движением.

Бернард повернулся к Диане:

— Танцор?

Диана отрицательно покачала головой.

— Ладно. Давай начинать. У меня много совершенно новых идей, и скажу тебе, детка, они просто клевые. Погляди на это. — Он вытащил из своего пояса свиток, затем сбросил пояс на диван. — Вот эта вещь для начала. Она историческая, понимаешь? Я армейский авиатор, а ты полевая медсестра. Первую половину мы работаем в костюмах, и там в основном экшен, а в финале мы сбрасываем костюмы, и это будет символичная часть. И все под «Боевых птиц» Радецкого в моей собственной аранжировке.

Они погрузились в обсуждение технических тонкостей, которые Перри совершенно не мог

понять. Он подошел к воспроизводящему устройству, выбрал запись и вставил наушники. Битых два часа ему удавалось мрачно притворяться, будто он занят учебой. Наконец он осознал, что проиграл запись по инженерным материалам и процессам уже три раза, но ничегошеньки из нее не запомнил. Резким движением он выключил машину, повернулся и принялся наблюдать за репетицией. Грацию и красоту Бернарда просто невозможно было не замечать. Широкие плечи, узкие бедра, движения, как у черной пантеры. Его тело было с ног до головы бронзово-золотым, а профиль вполне послужил бы изображением для греческой монеты. За исключением некоторой манерности его поз в моменты отдыха, Перри не мог найти логических причин считать этого человека женственным, несмотря на род его занятий. В этот момент они как раз репетировали сцену, где Диана взмывала в воздух, а Бернард ловил ее в своем собственном вращении. Бернард, похоже, был недоволен.

— Нет, красотка, не так. Ты сбиваешься с ритма. Вот смотри: тата-тата, тата-тата, трррам, пам-пам. — Он жестами показывал, как нужно делать. — Теперь попробуй.

Включилась музыка, Диана закружилась и сде-

лала долгий, парящий подскок. Бернард поймал ее в повороте, закружил и поставил на пол.

— Так лучше. Еще раз. — И он нежно прикоснулся к ее плечу.

Перри ощутил, как мышцы челюстей сжимаются в каменные бугры и в его ноздри проник едкий запах. Диана снова закружилась, выпрыгнула и была поймана в воздухе, словно бабочка в сачок.

— Браво! Браво! — воскликнул Бернард. — Вот так! — Не отпуская Диану, он горячо поцеловал ее в губы и затем прижал к себе.

Перри вскочил на ноги и направился к ним:

— А ну поставь ее!

Бернард посмотрел на него удивленно и с некоторым раздражением:

— Как вы сказали?

— Поставь ее! — Перри грубо схватил его за руку. — Спектакль окончен. Поставь ее.

— Вы понимаете, что ведете себя оскорбительно?

Диана освободилась от объятий и встала между ними:

— Перри, прошу тебя! Бернард, не обращай внимания. Перри, пожалуйста, иди и присядь.

— Минуточку, Диана. — Бернард сделал шаг навстречу Перри. — Ваши слова требуют объяс-

нений. Почему вы вели себя оскорбительно?

— Оскорбительно! Брр! — Перри рассмеялся коротко и жестко.

— Считаю, он ведет себя неразумно. Идем, Диана. — И Бернард положил руку ей на плечо.

Шмяк! Левый кулак Перри встретился с челюстью Бернарда, и тот мешком свалился на пол. Он с трудом поднялся на колени, ощупал челюсть пальцами и теперь смотрел на Перри с выражением абсолютного удивления.

— Вставай и защищайся.

Удивление Бернарда только усилилось. Не двигаясь с места, он произнес:

— Диана, встань позади меня. Он опасен.

Диана вместо этого освободилась от парализовавшего ее шока и набросилась на Перри с укорами:

— Перестань, Перри! Довольно! О господи, только посмотри, что ты успел натворить!

— Диана, отойди от него. Нам нужно отсюда убираться.

Она обернулась, все еще удерживая Перри:

— Нет, мне он не причинит вреда. Ты уходи. Улетай. Прямо сейчас.

— Я не могу оставить тебя наедине с ним.

— Уходи же. Я в полной безопасности. Лети.

Наконец Перри заговорил:

— Делай, как она просит. Я не сделаю ей больно, идиот. Но ты вали отсюда, или я тебя на ленточки порежу.

Бернард попятился в сторону двери, поспешно схватив по дороге свой ремень. В тот момент, когда дверь уже открылась, Диана остановила его:

— Бернард!

— Что?

— Ты ведь ничего не сделаешь?

— Ничего не сделаю? Мне придется об этом сообщить. — Он выскользнул через дверь и закрыл ее.

Диана расплакалась. Перри пристально смотрел на нее:

— Что он имел в виду?

Всхлипывая, Диана сбивчиво объяснила:

— Он сообщит, что ты нарушил основное правило поведения. Они придут и заберут тебя, и тебя будут обследовать, чтобы решить, что с тобой сделать. — Она снова расплакалась. — О Перри, зачем ты его ударил? О дорогой, мы были так счастливы!

— Что нам делать теперь?

— Ничего не сделаешь.

— Думаешь, я буду вот так сидеть и ждать, что

этот сосунок пришлет за мной полицию из-за жалкого оскорбления действием? Слушай, можно взять «Облако»?

Она встревоженно повернулась к нему:

— Перри! Ты ведь не собираешься сбежать?

— Почему нет? Я уже буду далеко, когда они сюда доберутся. Когда все успокоится, я с тобой свяжусь.

— Перри, даже не думай. Ты не сможешь прятаться. Тебя возьмут в тот же момент, как ты попытаешься воспользоваться своим счетом. Это невозможно и только все усложнит.

Замерцал огонек видеофона. Диана машинально приняла вызов. На экране возникла добродушная женщина с уверенными чиновничьими манерами.

— Служба общественной безопасности в Траки. Вы Диана 160-398-400-48A?

Диана кивнула, от расстройства не в силах заговорить.

— Присутствует ли гражданин по имени Перри?

И снова кивок.

— Дайте мне с ним поговорить, пожалуйста. Перри вызывающе вступил в поле зрения камеры.

— Вы Перри?

— Я.

— Бернард 593-045-823-56G сообщил нам, что сегодня вы пережили серьезный атавизм, связанный с актом антисоциального насилия. Вы припоминаете что-нибудь в таком роде?

— Да.

— Как сейчас ваше самочувствие? Испытываете желание нарушить обычаи?

— Я в порядке.

— Это хорошо. Оперативники скоро будут у вас. Сможете ли вы поехать с ними сегодня?

— Мне придется, не так ли?

— Просто так будет лучше. Быстрые расследования всегда дают лучшие результаты.

— Буду ждать их здесь. И поеду.

Женщина улыбнулась:

— Весьма разумно. Скоро у вас будет все в порядке. Ну что ж, в таком случае отбой. — Изображение погасло.

Следующие полчаса в комнате царила мрачная тишина. Диана не решалась заговорить, а Перри был занят собственными неприятными мыслями. Наконец зажегся сигнал двери, которого каждый из них ждал пусть и с тревожным, но нетерпением. Диана впустила двух приятных

подтянутых молодых ребят. Один из них сказал:

— Вы Диана? А вы, должно быть, Перри. Мы из службы общественной безопасности в Траки. Я Билл, а это Лесли. Как я понимаю, мы можем оказать вам услугу?

Перри криво улыбнулся:

— Можете это называть и так.

Второй молодой человек обеспокоенно сделал шаг вперед:

— Как себя чувствуешь, приятель? Требуется ли немедленная помощь? — И он посмотрел на своего партнера.

— Травмы нет, — сказал тот, — равно как и серьезных повреждений. Давай-ка проверим твой пульс. Хм, слегка высоковат, но ничего страшного.

Перри высвободил запястье:

— Завязывайте уже. Я в порядке.

— Отлично. Не люблю пичкать седативными до предварительного осмотра. Такой пульс не повредит. Вещи все собрали? Поехали.

Диана накидывала свою тунику.

— Вы тоже с нами, сестра? Хорошо.

Вскоре после этого Перри одного провели в кабинет управления по гражданским делам в Траки. Его поприветствовал хозяин кабинета,

седовласый темнокожий мужчина средних лет.

Он пролистал подшивку бумаг и передал Перри лист:

— Это резюме донесения на вас. Взгляните.

Перри кинул взгляд на текст и вернул документ. Чиновник выжидающе смотрел на него:

— Правдиво ли описание?

— А я должен отвечать на вопросы? Разве мне не полагается встреча с адвокатом?

— О, безусловно, если вы этого желаете. Но если государству изначально известны точные факты, неприятных задержек и ошибок происходит меньше.

— Ну что ж, я не отрицаю. Что касается общих фактов, это донесение верно.

— Тогда хорошо, и мы можем пропустить предварительное расследование. Считайте, что задержаны до окончания обследования и вынесения решения. Скажем, до завтра, вас устроит?

— Боже правый, а вы, как я посмотрю, очень спешите. Когда я смогу увидеть своего адвоката?

— Если вы возражаете, нет нужды проводить расследование так скоро. Кто ваш адвокат? Я его вызову.

— Я никого не знаю.

— В таком случае я кого-нибудь назначу. — Он

нажал кнопку, и Перри выпроводили.

В последующие два часа его поселили в комнате (веселенькой, чистой и достаточно удобной), выдали ему для ознакомления карту особых обычаев, взвесили, измерили, сфотографировали, взяли кровь на анализ, флюороскопировали, проверили уровень метаболизма и сделали еще десяток клинических тестов. Когда он наконец вернулся в свою комнату, утомленный и совершенно запутавшийся, то сел и попытался привести мысли в порядок.

Засиял огонек двери, и вошел дежурный. Он широко улыбнулся и заявил:

— Обслуживание.

— Обслуживание, — отозвался Перри. — Вы чего хотите?

— Принес ваше меню. Отмечайте то, что желаете съесть. Будете питаться здесь или в столовой?

— Думаю, что здесь. Скажите, а что это за заведение — отель, тюрьма или больница?

— Это Центр задержания. А что, были какие-то проблемы? Вам что-то требуется?

— Благодарю, у меня все есть. Могу я связаться с кем-либо по телевиду? Мне нужно передать сообщение.

— Конечно, панель телевида там, у окна.

— Спасибо.

Дежурный ушел, и Перри попытался вызвать Диану. Ответа не было. Он попытался еще раз, а затем прервал вызов, чтобы открыть дверь, поскольку огонек зажегся снова, предупредив, что кто-то желает войти. Диана стояла на пороге. Когда она наконец выпустила его из объятий, он увидел, что она пришла не одна. Ее спутник, худощавый интеллектуал лет тридцати пяти, сердечно поприветствовал Перри. Диана представила их друг другу:

— Перри, это магистр Джозеф. Он твой представитель защиты, будет тебе помогать.

— Что ж, молодой человек, если считать, что Диана рассказывает объективную правду, ваш случай будет одним из самых странных в моей практике.

Всего за несколько минут магистр Джозеф успокоил Перри и вытянул из него основные сведения о событии, в результате которого тот оказался в своем нынешнем положении. Затем магистр расспросил его о последних неделях его жизни в двадцать первом веке и выслушал невероятную историю возрождения. Разговор перешел к жизни Перри в двадцатом столетии. Магистр Джозеф проявлял совершенно неистощимое любопыт-

ство относительно социальных обычаев того периода, убеждений которых придерживались мужчины, и выяснял мнение Перри относительно нравов обоих периодов. Пока они беседовали, прибыл обед, и Перри пришел в смятение оттого, что не мог пригласить гостей к столу. Джозеф ответил, что все возможно, если есть желание, и проинструктировал дежурного. После обеда беседа продолжилась. Перри спросил его, каковы его шансы. Джозеф обдумал вопрос.

— Что ж, вы, несомненно, нарушаете основной обычай, — рассуждал Джозеф. — Суд определенно признает это обстоятельство.

— И каково наказание?

— Наказание? — Брови Джозефа приподнялись. — Наказания нет. У вас наблюдаются серьезные психологические блоки, и вас попросят пройти лечение.

— Какое лечение?

— Не имею понятия. То, которое назначат лечащие психиатры.

— Психиатры? Какого черта? Вы считаете меня сумасшедшим?

— Нет, но думаю, что вы остро нуждаетесь в психиатрической переориентации.

— Что может адвокат знать о психиатрии?

— Я не адвокат. Я психиатр.

— Тогда почему вас назначили моим представителем защиты?

— Адвокаты не работают на частных лиц. Те, что работают в суде, являются техническими ассистентами судопроизводства. Я организую вам встречу с таким человеком, если желаете, но, скорее всего, он не особенно вам поможет. Адвокат, по всей вероятности, сочтет любое отклонение от норм поведения совершенно неприемлемым, каким оно, собственно, и является. — Он улыбнулся. — Мой вам совет: не беспокойтесь и как следует выспитесь. Я вам выпишу седативное. Нет-нет, Диана, тебе лучше на ночь не оставаться. Я хочу, чтобы он отдыхал.

Джозеф поднялся, подошел к окну и принялся изучать вечернее небо. Он неотрывно смотрел на звезды, пока Перри и Диана прощались на ночь.

Глава седьмая

Вскоре после завтрака комиссия из пяти психиатров подвергла Перри длительным расспросам. Джозеф присутствовал и помогал процессу. Перри казалось, что вопросы к делу не относятся. В какой-то момент один из присутствующих втянул его в оживленное обсуждение влияния изобретения летательных аппаратов на проблему логистики во время войны. По какой-то неизвестной причине все остальные врачи с интересом следили за этой дискуссией. Еще один принялся выяснять детали обычаев или норм, соблюдаемых курсантами военно-морских училищ, и того, до какой степени личная жизнь курсанта отличается от личной жизни учащегося гражданской академии. К наступлению ланча все они, похоже, остались довольны, и собрание окончилось.

Судебное разбирательство, назначенное на четырнадцать ноль-ноль, прошло совершенно непримечательно. По совету представителя защиты Перри признал факты жалобы и запросил разбирательство без присяжных. Судья, ведущий допрос, ответил положительно и зачитал выводы

психиатрической комиссии. Затем обратился к Перри:

— Молодой человек, согласно выводам комиссии, вас с практической точки зрения можно считать совершенно незнакомым с нашими обычаями в области социальной коррекции. Если говорить понятным вам языком, вас признали виновным, и я собираюсь вынести приговор. Опять же, говоря понятным вам языком, вас диагностировали и признали нездоровым, так что я собираюсь выписать вам лекарство. Если вы того не желаете, то вольны не принимать лекарство, однако я надеюсь, что вы все же пройдете лечение. Выводы комиссии хоть и страшноваты, но обнадеживают, и, по моему мнению, вы полностью излечитесь.

— С вашего позволения.

— С моего чего? Ах да, конечно. Прошу.

— Какая есть альтернатива лечению?

— Альтернативой является Ковентри — вас доставят к воротам резервации для индивидуумов, противящихся принятым нормам сосуществования, а ваш кредит будет конвертирован в любое движимое и недвижимое имущество по вашему выбору. Или же, если предпочитаете такой вариант, вы можете эмигрировать в любую страну,

которая согласится вас принять.

— Что будет, если я выберу Ковентри?

— Вы войдете в ворота. Дальнейшее не является заботой государства.

— Как долго я должен оставаться в резервации?

Судья пожал плечами и не ответил.

— Я пройду лечение. Просто мне было любопытно узнать о вариантах.

— Очень хорошо. Из отчета я вижу, что от вас можно ожидать определенных моральных реакций, классифицируемых как аристократические. Признаете ли вы мою власть над вами?

— Да, ваша честь.

— Я попрошу вас дать мне обещание. Вы вольны этого не делать, если не желаете. Я хочу, чтобы вы пообещали воздерживаться от любого насилия по отношению к любому человеку, включая и вас самого, по любым причинам, пока не будете признаны излечившимся или пока не придете ко мне и не заберете обратно данное мне слово. Обещаете?

— Звучит справедливо. Я обещаю.

— Хорошо. Я хочу выпустить вас на поруки человеку, который сам не нуждается в лечении. Кто ваш ближайший друг?

Перри пришел в замешательство:

— Боюсь, у меня нет друзей.

Пока он это произносил, Диана вышла вперед. Судья улыбнулся:

— Она ваш ближайший друг? — (Оба, Диана и Перри, кивнули.) — Что ж, очень хорошо, вы должны понимать, что она отвечает передо мной за то, чтобы инструкции и решения суда выполнялись. — Он повернулся к Диане. — Отвезите его в государственный коррекционный госпиталь в Тахо. Главный секретарь вас проинструктирует. Это все. До свидания и удачи.

В летательном аппарате Диана настроила приборы и повернулась к Перри, в глазах ее было нетерпение и беспокойство.

— Ну, дорогой, как ты себя чувствуешь?

Перри обдумал вопрос:

— Не знаю. Я готовился к неприятному исходу, но со мной обошлись очень достойно. С другой стороны, мне нужно куда-то от тебя уехать и подвергнуться лечению неопределенной продолжительности и непонятной природы. Это унизительно, и меня совсем не радует. Мне не нравится, что меня считают сумасшедшим, когда я точно знаю, что это не так.

Диана погладила его руку:

— Никто не считает тебя сумасшедшим, дорогой. Они полагают, ты страдаешь от злокачественных эмоциональных реакций, связанных с некорректным воспитанием. Теперь они попытаются переучить тебя, чтобы ты мог быть счастлив.

Он грубо вцепился в нее:

— Эти идиоты думают, что смогут отучить меня от любви к тебе, засыпав умными словами?

Прежде чем ответить, она нежно поцеловала его:

— Вовсе нет, дорогой. Ты будешь любить меня так же или даже больше, но ты будешь более счастливым, потому что твоя голова не будет забита ворохом ложных рефлексов и неверных представлений.

— Возможно, так и будет, но я этого не понимаю. Не понимаю, как можно изменить природу человека.

— Ты поймешь лучше через несколько дней. Расслабься и сейчас об этом не беспокойся. Иди ко мне, дай мне тебя обнять.

Она обвила его руками, качая его мускулистые живые плечи, словно младенца. Она разгладила морщины на его лбу и закрыла ему глаза. Наконец маленькие упрямые линии у его рта исчезли,

и он задышал медленнее. Диана заподозрила, что Перри уснул, и сидела тихо. Под ними мелькали километры. Затем она легонько потрясла его за плечо:

— Перри. Перри, любимый. Пора садиться.

— Я не спал.

— Нет, но садиться все равно пора. Вот посмотри, та площадка слева. Посади «Облако» как можно ближе к зданиям, где сможешь найти место.

— Ладно.

В крыле администрации Диана проинструктировала Перри:

— Спроси магистра Гедрика и объясни, кто ты. Они скажут, что делать.

Их попросили подождать несколько минут.

Магистр Гедрик оказался совершенно неприметным маленьким человечком, худым, с редкими седыми волосами и птичьими манерами. Мелкими шажками он приблизился, протягивая руку:

— А, вот и вы. Мы вас ожидали. Добро пожаловать в Шангри-Ла.

— Шангри-Ла?

— Просто поэтическое выражение, старческая прихоть, это из одного образчика классической

литературы, прочитанного мной в детстве. Вы, наверное, никогда о нем не слышали.

— Я его читал, — резко ответил Перри.

— О, вот как? Тогда вы оцените эту аллюзию. Возможно, тут не такое уж блаженство, как описывается в книге, но здесь очень красиво, очень красиво. — Магистр Гедрик весь светился, будто самолично возделывал местные сады. — И мы стараемся, чтобы это место производило тот же эффект, тот же эффект. Надеемся, надеемся. — Он склонил голову набок и посмотрел на них с живой добротой. — Позвольте, чего же мы ждем? Посетителей Шангри-Ла следует прежде всего накормить. Вы уже завтракали? Тогда, возможно, чай или ликер? Нет? А сигарету?

Перри взял из протянутой пачки одну. Она была уже прикурена, когда он ее вытащил. Он с некоторым удивлением рассматривал сигарету. Гедрик снова засветился:

— Умно, а? Для меня ее спроектировал один из наших гостей. Весьма умный человек, но чуть слишком увлеченный механическими устройствами. Спроектировал устройство, чтобы взорвать Землю. Не сработало, ну а теперь он больше ничего такого не хочет. Вместо этого проектирует интегральное оборудование. Очень

изобретательный. Очень изобретательный. Никогда не понимал, как это устроено, однако работает отлично, работает отлично. Пойдемте же, вас ведь еще нужно поселить. Желаете жить в холостяцком здании? Нет — разумеется, нет. У нас есть шикарные апартаменты. Или, быть может, предпочитаете коттедж?

Перри не ответил, однако Диана робко предложила рассмотреть последний вариант.

— Да, понимаю. Идемте со мной.

И он быстро запрыгал вниз по лестнице, а затем в проход, в котором движущаяся лента доставила их к другой лестнице. Одолев подъем, они оказались в приятной и уютной гостиной, оборудованной всем необходимым, за исключением кухонных приборов. Отличное видовое окно смотрело на озеро Тахо. Никаких других зданий видно не было. Гедрик указал на тропинку, уходившую вправо вдоль берега.

— Основные здания в паре сотне метров в ту сторону. В хорошую погоду вам понравится ходить туда пешком. Теперь я вас ненадолго покидаю. Чувствуйте себя как дома. Как следует мы примемся за вас только завтра. — И он ускакал прочь.

Перри посмотрел ему вслед:

— Забавный малыш. Он что, какой-то прославленный швейцар?

— О небо, нет. Он главный психиатр и директор всего этого учреждения.

Перри присвистнул и сменил тему:

— Как скоро тебе нужно будет ехать?

— Что ты, мне не нужно уезжать. До вторника у меня нет эфиров.

— Хочешь сказать, они позволят тебе остаться здесь?

— Конечно же. Почему нет? Мне придется часто уезжать, поскольку здесь нет места для репетиций и для эфиров. Возможно, они попросят, чтобы я уехала на какое-то продолжительное время, однако я определенно останусь сегодня на ночь и на все другие ночи, если кто-нибудь об этом попросит. — Она опустила ресницы.

Перри прикоснулся пальцем к ее подбородку, приподнял ее лицо и поцеловал.

— Конечно же тебя попросят.

На следующее утро пришел Гедрик и спросил, можно ли ему войти и переговорить с Перри. Пока мужчины устраивались для более подробного знакомства, Диана объ явила, что собирается слетать за Капитаном Киддом. Беседа продолжалась несколько часов. Перри обнаружил, что его

провоцируют говорить как можно больше и что ему очень легко это делать. Человечек странным образом обезоруживал Перри. Птичий щебет и мягкие подходы Гедрика сломали сдержанность молодого человека. И постепенно Перри начал говорить один, описывая происшедшие события. Гедрик выслушал все это с благожелательным вниманием, склонив голову набок; его взгляд горел и не упускал ничего. Когда он поднялся, чтобы уйти, Перри, слегка нервничая, поинтересовался, когда начнется лечение. Гедрик улыбался:

— Оно уже началось. Вы разве не заметили? — И он удалился, дав слово как можно скорее пригласить на беседу компетентного экономиста, о котором просил Перри.

Разговоры продолжились как с участием других людей, так и без оного. Гедрик частично передал дело Перри Ольге, крепкой и на вид простоватой блондинке, которая, казалось, была не на своем месте в штате психиатрического заведения. Ее грудь и бедра были самой природой предназначены для рождения детей, и она смотрела спокойным взглядом опытной матери. Но Диана заверила его, что Ольга не единожды ассистировала ее матери, выполняя сложные операции на головном мозге.

Ольга направляла Перри в более тщательном изучении современного мира, чем то, которое он прошел с помощью Дианы. Помимо технических и научных работ, Ольга отобрала для него множество литературных и драматических произведений и настаивала, чтобы он читал или смотрел их. Две женщины поладили, словно старинные подруги. Часто Ольга появлялась с книгой или записью для прослушивания, которую Перри следовало усвоить, а затем дамы отправлялись на продолжительную прогулку по холмам. Во время многочисленных отъездов Дианы Ольга часто обедала и ужинала вместе с Перри и проводила с ним вечера.

Ольга требовала, чтобы Перри много писал, — ее задания он шутливо называл домашней работой или своими экзаменами. Он получил целую серию упражнений, в которых ему предлагалось давать определения словам. В первых заданиях слова, которым требовалось дать определения, были сравнительно простыми: прогулка, дорога, яблоко, кошка. Перри начал выполнять упражнения, полный беспечной решимости доказать, что у него нет глюков. Однако задания вернулись к нему с указаниями на несоответствия и путаницу в определениях — и с просьбой формулировать

определения более точно. Пристыженный, он потратил уйму времени, стараясь как можно точнее выразить словами, что он имел в виду. Со второй попытки он получил в ответ поздравления за тщательность определений, однако был еще и комментарий к определению слова «лошадь»: «Включает ли это определение лошадиные зубы, лошадиные силы, ставку на скачках, дареного коня? Пожалуйста, пересмотрите остальные ваши определения с учетом этого комментария». Перри мрачно засел за правку определений, которые считал невероятно точными. Он изобрел уловку — фразу, которую добавлял ко всем определениям: «…и многие другие значения, зависящие от контекста, личностей говорящего и слушающих или принятых идиом данного исторического периода». И наконец он сделал заявление, что слово определено адекватно, когда используется таким образом, что слушатель и говорящий понимают его одинаково. Он отослал работу в надежде, что вопрос улажен. На следующий день его отрезвили заданием определить следующее: «человеческая природа», «патриотизм», «справедливость», «любовь», «честь», «долг», «пространство», «материя», «религия», «Бог», «время», «общество», «правильный», «неправильный». Через три дня

бесплодных попыток сделать что-нибудь с этими словами он отослал такое сообщение: «Насколько я могу судить, у этих слов нет каких-либо значений, поскольку я не способен придумать способ определить их таким образом, чтобы для говорящего они означали то же самое, что для слушателя». На это пришел загадочный ответ: «Оставь проблему, но не покидай ее. Можно ли спроектировать турбину без знаний о дифференциальном исчислении и энтропии?» Затем его попросили дать определения механики псевдогравитации для закона тяготения, основанного на обратных кубах вместо обратных квадратов. Его захватила красота логических выводов этой задачи, и он написал целую монографию по баллистике для такой среды. Затем его спросили, сможет ли он спроектировать прицел для орудия, стреляющего в описанных условиях. Эта просьба показалась ему идиотской, и он потребовал объяснений у Ольги:

— Ольга, что это за канитель? Какая для меня польза в проектировании бесполезного орудия?

Ольга одарила его долгой улыбкой:

— Я хотела бы пояснить тебе смысл, но не могу. Понимай ты смысл, в этой канители не было бы нужды. Но ты должен сам открыть его. Мы

пытаемся помочь тебе открыть значения слов, которые ты не смог определить.

— Ох, попадись мне тот парень, что придумал эту шуточку!

Она взяла его руку и положила на свое плечо.

— Это была ты? Ольга, я считал тебя своим товарищем.

— Я твой товарищ, Перри, но часть моей работы в том, чтобы твое лечение было связано с предметами, которые ты понимаешь, и в оценке этого воздействия. Впрочем, я думаю, что мы можем пропустить один шаг на данном этапе. Очевидно, тебе совсем не хочется проектировать этот прицел. Но ведь ты смог бы его спроектировать?

— Безусловно. Пустяковое дело. Понимаешь… — И Перри пустился в пространные объяснения, связанные с артиллерией и баллистикой, широкими взмахами рук описывая, что случилось бы со снарядом, которому не повезло оказаться в ограничениях кубического торможения. — И все это, разумеется, в вакууме. Без эмпирических данных не стоит пытаться предсказывать поведение снаряда в газовой среде, существующей в этом же поле.

— Достаточно, Перри. Я не поняла и трети того, что ты сказал, но уверена, что ты мог бы спроек-

тировать этот прицел. Допустим, мы такое орудие установим прямо вот тут. Ты сможешь попасть в парусник на той стороне озера?

— Конечно же нет.

— И почему нет?

— Ну как же, математические формулы, использованные при проектировании этого орудия, неприменимы к условиям, в которых оно стреляет. Чем более тщательно ты будешь прицеливаться, тем больше вероятность, что ты промахнешься.

— Это тебя наводит на какие-нибудь мысли, Перри?

— Навскидку нет.

— Ты помнишь слова, которым не дал определения. Разве не вещами, так названными, человек руководствуется в жизни?.. Честь, любовь, истина, справедливость, долг и так далее?

На его лице появилась тень зарождающегося понимания.

— Да-да, думаю, что так.

— Разве эти вещи не оказывают на человека такое же мощное влияние, как голод или сексуальные порывы?

— Да, это действительно так. Даже более мощное.

— Тогда они *не могут* не иметь смысла. Но как и с этим прицелом: если приписываемое этим словам значение не соотносится с миром, в котором ты действуешь, ты не сможешь использовать их в качестве руководства, чтобы попасть туда, куда тебе требуется. И все же без этого руководства сам человек становится столь же бессмысленным, как орудие, которое невозможно нацелить.

— Звучит очень убедительно, однако человек — не снаряд в стволе орудия, а истина и честь — не прицелы.

— Все верно. Давай здесь избавимся от этой аналогии, а то она доведет нас до абсурда. Тем не менее, я думаю, ты понимаешь, что сказанное мной верно, независимо от аналогии. Побуждают человека действовать очень сложные мотиваторы, обозначенные как долг, любовь, грех и так далее. Тебя самого они побуждают действовать, и при этом ты не способен определить, что имеешь в виду, пользуясь этими словами. Ты принял соответствующие понятия более-менее бессознательно и так мало знаешь о них, что не сможешь предсказать, приведут они тебя к желаемому результату или к катастрофе. Попытайся ты пилотировать самолет, имея столь же ограниченные представления о его приборах, ты наверняка

разбил бы его. Здесь ты оказался потому, что вот так неумело пилотировал собственную жизнь и в результате разбил подбородок другого человека.

— Принимая все сказанное тобой (я пока не признаю, что был не прав, ударив того парня), как найти правильные значения этих слов, которые позволят мне вести себя сообразно этим значениям?

— А как ты научился проектировать прицелы, позволяющие попадать в цель?

— Так теория гравитации делает это с математической определенностью.

— Ты уверен? Мне вспоминается, что теорию гравитации в твое время как раз вывернули наизнанку и поставили вверх тормашками. Разве в результате все прицелы перестали действовать?

Он хлопнул себя по бедру:

— Богом клянусь, ты права. Внешняя баллистика развивалась исключительно эмпирически, методом проб и ошибок. Получив достаточно данных для анализа, мы изобретали соответствующие этим данным формулы. Мы никогда не пытались подгонять практику к теории. Если теория не соответствовала, мы выбрасывали ее и создавали новую. Но это работало. С этим подходом мы создавали машины, которые давали

предсказания с волшебной точностью. — Перри на секунду задумался, и его лицо потемнело. — Но как применить этот подход к жизненным проблемам?

— Что ж, Перри, как мне известно, существует всего два способа выработать практичную теорию человеческих отношений, позволяющую нам счастливо сосуществовать. Первый и сложный путь — пытаться создать эмпирические принципы на основе того, что нам известно о реальном мире. Второй путь — Божественное откровение. Не стану утверждать, будто второй путь невозможен, но мы, современные люди, не привыкли ему доверять. Выводы образца две тысячи восемьдесят шестого года, сделанные первым способом, воплощены в действующем кодексе обычаев. Тот, кто следует этому кодексу, сможет жить в восемьдесят шестом году, почти не сталкиваясь с конфликтными ситуациями, независимо от того, считает ли он кодекс перечнем абсолютных истин или просто грубыми обобщениями. В этом кодексе воплощены со временные значения тех проблемных слов, которые ты не смог определить. У тебя эти слова имеют другой смысл, невысказанный, и, по моему мнению, твой смысл не только неточен, но и опасен,

поскольку, думаю, сумей ты определить свой кодекс в конкретных и объективных терминах, ты обнаружил бы, что он не соответствует окружающему тебя реальному миру.

— Но я все равно не понимаю, как вы пришли к этим обычаям, или эмпирическим формулам поведения, или как еще вы их там решили называть.

— В основном так же, как вы совершенствовали искусство баллистики. Через готовность выбрасывать теории, не соответствующие фактам. К примеру, церкви в массе своей решительно противились разводам. Развод был «грехом». Никто не пытался объективно изучать брак и развод, «грехом» разводы были по Божественному откровению, и это закрывало вопрос. Вред, нанесенный лишь одним этим обобщением, сложно даже вообразить. Отвергнув догматическую точку зрения и изучив проблему в ее естественной среде, мы пришли к совершенно иным выводам. В восемьдесят шестом году развод не является «грехом», хотя возможно представить себе иные социальные структуры, в которых он таковым будет. Или возьми тему одежды как табу. Здесь тоже догмат обобщения социального поведения делал появление без одежды неправильным, по-

зорным, нескромным. Упоминался первородный грех, сложным эстетическим идеям назначалась ложная объективная реальность, и все такое прочее. Лишь на тему одного этого табу было написано удивительное количество философской чепухи — людьми, которым никогда не пришло бы в голову снимать свою одежду в присутствии других, чтобы понять, каково это. Для них подобный непочтительный эксперимент был совершенно неприемлем. Традиционалисты в Средние века отказывались даже наблюдать за экспериментом, способным бросить тень сомнения на совершенство Аристотелевой механики, а эксперимент этот всегда был возможен и прост. К восемьдесят шестому году из чисто экспериментальных соображений табу на обнажение уничтожено. Оно не фигурирует в нашем кодексе обычаев, и человек может одеваться или раздеваться сообразно своему удобству и личным эстетическим предпочтениям.

Или возьми политику. Веками философы пытались придумать идеальное государство, основываясь на собственных неизученных предрассудках, которые привычно считали Божественными откровениями. В две тысячи восемьдесят шестом году мы считаем, что «иде-

альное государство» — бессмысленный набор звуков, не соответствующий возможной объективной реальности. Вместо этого мы создали политическую систему, позволяющую достигать того, чего мы хотели бы достичь в восемьдесят шестом году. Мы не считаем, что она подошла бы для тысячного года нашей эры или современной Европе или что она не будет меняться в будущем. Но мы верим, что создали метод, посредством которого можем заставить государство служить нашим целям в любом веке.

Ольга посмотрела на хронометр:

— Сейчас я должна заняться другими делами. Думаю, тебе стоит обдумать наш разговор и вынести для себя новые идеи. Пока-пока!

Глава восьмая

Упражнения в реалистичном мышлении продолжались разными способами. Перри обнаружил, что не способен различать деятельность, связанную с курсом лечения, события, предназначенные просто для увеселения, чтобы он оставался счастливым на своем месте, и деятельность, которую он самостоятельно выбирал с целью самообразования или самореализации. В самом начале своего пребывания на лечении он выразил желание продолжать изучение современной математики. Ему предоставили для этого все возможности, однако со временем он утратил к математике интерес на фоне других занятий и в особенности на фоне своей растущей дружбы с Ольгой. Его удивил звонок от Гедрика, который настаивал, что Перри следует продолжать математические исследования и по возможности попытаться разработать новый аспект в развитии математики. Перри поинтересовался, является ли это стандартной психиатрической процедурой.

— Ни в коем случае, — поспешил заверить Гедрик, — ни в коем случае. Однако, если у

проходящего лечение человека имеется предрасположенность к математике, исследование этой области может значительно помочь разрешению конкретных трудностей этого человека. В данном случае речь о вас. Ваши мыслительные способности в области физики впечатляют — а ведь там вы применяете по большей части именно математическую терминологию. Вы способны делать достоверные прогнозы и избегать ошибочных определений терминов. Вы способны оценить математические шутки, основанные на преднамеренной путанице в терминологии, и даже самостоятельно придумывать подобные шутки. Вы можете доказать мне, к нашему обоюдному веселью, что один плюс один будет один, а в противном случае летательный аппарат не мог бы подняться в воздух. Это вам не вредит, потому что вы намеренно путаете термины и применяете их различные значения в рамках одной задачи специально, чтобы добиться абсурдных результатов. Когда ваше мышление в области социальных отношений достигнет такого же уровня развития, вас более не будут терзать эмоциональные расстройства, вынудившие вас обратиться к нам.

— Неужели безумие только в этом и состоит, в терминологических неувязках?

— О мой бог, нет. Даже в вашем случае терминологическая путаница не является единственной проблемой. Вы не только путаете различные значения отдельных слов, но и в некотором смысле не воспринимаете структуру своих отношений со средой обитания. Отсюда и неприятности, которые можно сравнить с теми, что испытывает мучимый жаждой путешественник, принявший мираж за озеро. Ваша проблема находится не на простом уровне восприятия физических явлений, а на более высоком уровне абстракций. И все же мне столь же сложно объяснить вам действительную природу вашей беды, как вам объяснить мираж невежественному дикарю. Единственная надежда дать дикарю понимание миражей, как их понимаете вы, заключается в продолжительном базовом курсе современной науки, а перед этим курсом — и это очень важно — придется сначала отучить его от тысяч суеверий и ложных представлений, заполняющих его разум. Сейчас вы находитесь в процессе разрушения собственных заблуждений и суеверий. В то же время вы начинаете вырабатывать более адекватную концепцию окружающего мира. Но я не ответил на ваш вопрос. Вы безумны не более, чем дикарь в нашем примере. Вы просто запу-

тались, как и он. В каждом случае выпутаться можно через подходящее переобучение. Будь вы подходящего возраста, ваше переобучение можно было бы с таким же успехом проводить в Центре развития детей. Но благодаря вашей зрелости и исключительным мыслительным способностям мы готовы дать вам возможность переучиться за долю того времени, которое уходит на обучение ребенка.

Если говорить о других методах лечения, то, естественно, к человеку действительно безумному, страдающему от физических недостатков, будь они врожденные, приобретенные в результате травмы или патологические, мы применяем физические средства, хирургию, химиотерапию, физиотерапию и тому подобное. Часто мы мало чем можем помочь таким людям, мы лишь заботимся о них, не допускаем, чтоб они причиняли вред себе или другим или же давали потомство. Но во всех случаях, когда мозг и нервные структуры физически не повреждены, мы всегда добиваемся удовлетворительного переобучения до состояния полной вменяемости. Мой мальчик, ваш случай даже не является сложным. Я уверен, что результат удовлетворит нас обоих.

Перри беспокойно поежился в своем кресле:

— Возможно, все сказанное вами правда, и я вряд ли стану противоречить специалисту в его же области. Безусловно, за прошедшие недели я освоил множество новых идей, и новых концепций, и новых способов думать о вещах. Тем не менее по отношению к причине моего попадания в эти неприятности я чувствую все то же, что и вначале. Я по-прежнему влюблен в Диану, и я безумно ревную ее. Я с удовольствием врезал тому типу, Бернарду, и с удовольствием сделал бы это снова. Я не желаю, чтобы какой-либо другой мужчина тронул ее хоть пальцем. Несмотря на мою неспособность определить человеческую природу, я думаю, что вы знаете, каким смыслом я наделяю этот термин, и я полагаю, что испытывать то, что испытываю я, — заложено в природе человека, и я не понимаю, как можно изменить человеческую природу, мою или чью-либо еще.

Гедрик улыбнулся, аккуратно сложил кончики пальцев, склонил голову набок и ответил:

— Вы правы, мой дорогой мальчик, совершенно правы, за исключением неизменности человеческой природы — в этом вы немного ошибаетесь. Я вполне готов поверить, что вы физически ревнуете свою женщину, испытывая при этом острые эмоции. Верно, что ревность происходит из ва-

шей собственной человеческой натуры и что она потенциально присутствует во всех мужчинах, а также и в женщинах, хотя в женщинах источник ее более современный, так что женская ревность имеет не столь укоренившийся характер. Ревность самца к самке можно наблюдать в жизни животных, в кошачьих драках, в смертельных схватках оленей-самцов, самцов птиц. Она существует во всех животных, включая человека, и является логичным следствием и определяющей причиной выживания любого двуполого вида. Все очень просто. Самец, не желавший биться с другими самцами за привилегию половых сношений, не оставлял потомства, его линия погибала. Каждое поколение в общем и целом рождалось от самцов, желавших сражаться за самок. Любой фактор человеческой природы, необходимый для продолжения и распространения жизни или способствующий этому, можно назвать фактором выживания, и в каждом поколении эти факторы будут проявляться в силу необходимости: сексуальное влечение, животный голод, лояльность группе, гелиотропизм — любые. Вы можете назвать, если пожелаете, получившееся сложное переплетение инстинктов, желаний, рефлексов, эмоций и тому подобного

«человеческой природой», «животной природой» или «природой жизни». Но вы должны помнить, что это сложные термины, предполагающие множество факторов и проистекающие из мириад вариантов среды в истории вида. И еще вы должны помнить, что среда изменчива. Заметим, что фактор «человеческой природы» остается фактором выживания лишь до тех пор, пока его таковым делает среда. Скажем, на молочной ферме сексуальная ревность более не является для быков фактором выживания, напротив, быку запрещено участвовать в боях, и его самый серьезный фактор выживания — это способность производить дочерей, дающих много молока. Бессмысленно говорить о том, что бык живет в искусственной среде; это лишь кажется важным. Среда, созданная человеком, является настолько же естественной, как джунгли, если вы не станете настаивать на строго лингвистическом отличии, отделяющем человека от остальной природы.

Перри, вы теперь оказались в среде, где фактор физической сексуальной ревности более не является фактором выживания. Напротив, он снижает ваши шансы на выживание. И все же он по-прежнему существует в вашей «природе». Вы утверждаете, что с этим ничего нельзя поделать,

и это было бы правдой, будь вы быком, но вы не бык, а между современным человеком и другими животными есть существенная разница. Люди способны сознательно изучать собственные мотивы, эмоции и так далее и сознательным путем сдерживать или изменять свои реакции, рефлексы и так далее. Они могут контролировать свои эмоции или сознательно модифицировать их, таким образом изменяя «человеческую природу». Считаете, не так? Рассмотрим другой фактор выживания — страх падения с высоты. Вы летаете на воздушных машинах. Вы боитесь высоты? Вызывает ли она какую-либо нервозность? Расстраивает ли ваше пищеварение, мешает ли спать ночами и заставляет ли просыпаться с криками от кошмаров? Сегодня страх высоты потенциально присутствует в унаследованной матрице, которую вы называете «человеческой природой». Он практически столь же древний, как сексуальное влечение.

— Пожалуй, — вставил Перри, — вы правы. У меня в последнее время были подобные сны как раз в результате падения. Но сейчас все в полном порядке, они меня не беспокоят.

— Рассмотрим вариант с голодом, наиболее древним фактором из всех, — он даже старше

происхождения полов. Если «человеческая природа» не подвержена изменениям, она должна быть наиболее сильной и не поддаваться какому-либо контролю. Вы распускаете слюни, как только видите пищу? Набрасываетесь на нее словно дикое животное? Хватаете то, что лежит на чужой тарелке? Не спите ночами, переживая из-за еды? И все же голод в вас существует как базовый фактор. Среда может измениться до такой степени, что люди будут драться за еду, выцарапывать крошки хлеба из мусорных баков, красть, грабить, убивать. Вы сможете найти множество примеров этого в истории и в собственном опыте. Начинаете ли вы понимать, что активное проявление фактора сексуальной ревности будет сегодня столь же глупым, тупым, диким и столь же ненужным, как и принятые в джунглях застольные манеры?

Перри сдержанно кивнул:

— Я начинаю понимать, по крайней мере, головой. Боюсь, мои эмоции не столь готовы к переменам.

— Пусть вас это не беспокоит. Разумные эмоциональные привычки можно приобрести так же, как любые другие, — путем сознательных упражнений за определенный период времени.

Контролируя свои действия в соответствии с нужным образцом поведения и упражняя волю, вы измените свои эмоции. Это может казаться не вполне возможным, однако я уверяю, что это лишь пересказ наблюдавшихся фактов. Аналогии со случаями других примитивных мотивов помогут вам поверить.

Прежде чем мы продолжим, хочу указать на тот факт, что сексуальная ревность, присущая вам и демонстрируемая в среде вашего созревания, не проявлялась одинаково во все времена, во всех регионах и культурах. Вам, разумеется, хорошо знакома полигамия — если не по личному опыту, то понаслышке. Факты таковы, что полигамные культуры не делали своих женщин несчастными. В качестве примера может послужить культура ранних мормонов. Полиандрия не так широко известна, но долгое время была распространена в Тибете и весьма удовлетворительно работала. В определенных регионах Азии в не столь давние времена для хозяев было обычным делом одалживать гостю на ночь свою супругу или дочь. И отказаться было бы неприлично. Среди ряда эскимосских племен вплоть до очень недавнего времени было принято обмениваться женами на длительные периоды, как правило из соображе-

ний бытовой экономики. Оспорить эту практику или развести вокруг нее бучу считалось бы варварством, а то и просто аморальным. У некоторых племен Полинезии беспорядочные связи перед браком были общепринятым правилом. С другой стороны, у зулусов даже в двадцатом веке дева, предназначавшаяся для брака, проходила обследование комиссией старших женщин. Если деву не признавали *virgo intacta*[21], ей отрубали голову. И напротив, у многих народов проституция служила религиозным ритуалом, и по меньшей мере в одной развитой культуре она достигла такого апогея, что женщина не могла выйти замуж, если не провела хотя бы одну ночь в роли общественной проститутки. Антропологические иллюстрации можно приводить до бесконечности. Я перечислил достаточно, чтобы показать вам, что проявления мужской сексуальной ревности во взрастившей вас культуре не были следствием какого-то непреложного закона.

Сексуальная ревность женщин к мужчинам значительно отличается. Она коренится преимущественно в экономических соображениях, тогда как мужская ревность — в биологических.

---

[21] Примечания: 21
Девственница *(лат.). — Примеч. С. В. Голд.*

Желание сексуального соития не является для женщины важным фактором выживания. Оплодотворение может произойти и без желания, и даже на фоне острого сопротивления, как в случае изнасилования. Преобладающим фактором выживания для женщины является потребность в защите и поддержке в период вынашивания и взращивания младенца. Данная потребность принимает форму собственнической сексуальной ревности в любой среде, требующей от женщины стопроцентного внимания одного мужчины для достижения этих целей. Женщина может и не осознавать этого, реакция автоматическая. По существу, в подобных средах лишь женщины, действующие по описанному образцу, способны давать потомство. Многие среды не предъявляют к женщинам такого требования. Если литература и записи по вашему периоду точны, в вашем обществе такое требование существовало.

Как мне видится, соревнование между женщинами за эксклюзивное внимание одного мужчины должно было быть жестоким и беспощадным, как любая схватка в джунглях. Если верить истории, женщины вашего времени и их предшественницы смогли сделать законом и верой убеждение, что мужчина должен принять

одну женщину и поддерживать ее и ее детей, пренебрегая всеми другими интересами. Женщина, помогавшая мужчине нарушить этот строгий кодекс битвы, как и в случае измены, уничтожалась своими же сестрами.

И все же даже в ваше время признаки изменения среды и последующих изменений «неизменной» человеческой природы уже наблюдались, если говорить о женщинах. Они постепенно приобретали все большую экономическую свободу и проистекающую из такой свободы большую сексуальную независимость. Им уже не требовалась такая экономическая поддержка мужей, как раньше. Для женщины, обладавшей нужными способностями и прозорливостью, даже стало возможным рожать и воспитывать детей вообще без экономической поддержки мужчины. Одновременно с этим практичные и удобные средства контроля зачатия вошли в обиход, и женщины до некоторой степени стали свободны от необходимости пленять мужчин и удерживать их. При новом экономическом режиме женщине уже вообще не требовалась поддержка мужчины — ни для себя, ни для своих отпрысков. Женщины впервые в истории достигли социального равенства с мужчинами. До того времени все заявления

о предоставлении женщинам равенства с мужчинами были фальшивками, это были декларации, не имеющие реального воплощения.

Социальные последствия имели невероятное значение как для женщин, так и для мужчин. Впервые в истории женщины и мужчины могли создавать пары на равных, не боясь скрытых мотивов. Жизнь стала намного более богатой, насыщенной, яркой. Любовь между полами теперь могла развиваться на ранее недостижимом эстетическом уровне. Свободная от пороков-двойняшек — замаскированного изнасилования и замаскированной проституции, — она стала красивой, разнообразной и богатой, и ее пределы определялись лишь воображением и чувствительностью конкретных людей. Перемены не просто восславили любовь между мужчиной и женщиной, но сделали возможными более глубокие и менее враждебные отношения между мужчиной и его братом, между женщиной и ее сестрой, поскольку исчезли основные причины соперничества. Исчезли как для мужчин, так и для женщин. Почему?

Вы помните, что главной причиной сексуальной ревности в мужчинах являлось стремление к соитию. В более ранних культурах другие муж-

чины могли переманить желанную женщину посредством экономической наживки или просто украсть. Теперь же женщина не подвержена соблазну, но обладает свободной волей, так что конкуренция между мужчинами за женские прелести с неизбежностью становится менее жесткой. Избыточная ревность в конечном счете противоречит исходным целям, и женщину можно потерять полностью. Вам, Перри, повезло, что ваша избранница достаточно проста в эмоциональном плане и целиком предана вам, так что она решила остаться с вами. Многие женщины попросту послали бы вас к черту и выбрали менее эгоистичного мужчину.

Услышав, как его называют эгоистичным, Перри встревожился. Он начал было говорить, но передумал и придержал язык. На его лице смешалась целая гамма эмоций. Гедрик продолжал:

— Если говорить о практике, мужчина, как правило, находит, что совершенно ничего не потерял, прекратив реагировать на эмоцию ревности. С биологической точки зрения существует множество доказательств того, что потенциальный объем сексуальных потребностей у большинства женщин намного больше, чем у мужчин, причем настолько, что средняя

женщина может быть любовницей, скажем, двух или трех средних мужчин без ущерба для этих мужчин. Что касается духовной стороны вопроса, в природе каждой женщины достаточно от Евы, чтобы позволить ей, если будет такое желание, стать источником духовного обновления для многих мужчин. Мужчина, который верит в обратное, просто дурак, оценивающий душу женщины по скудости собственной души. Ему достаточно взглянуть на мать любого большого выводка, чтобы понять, что способность женщины обновлять души своей любовью ограничена лишь полем ее зрения.

Сейчас я говорю про обычных мужчин и женщин. В некоторых случаях мужчина может стать единственным спутником во всех смыслах более чем для одной женщины, и тогда ситуация становится обратной, но похожей на уже описанную.

— Не хотите ли вы сказать, что такие сочетания сегодня являются обычным делом?

— Вовсе нет. Мы, американцы две тысячи восемьдесят шестого года, остаемся по преимуществу моногамными. Хотя бы по причинам того, что баланс полов примерно равный, уже есть сформированные привычки и это просто удобно. Кроме того, для созревания высокой любви требу-

ется время, и такими дарами не разбрасываются. Сегодня, мой мальчик, вы думаете, что влюблены в Диану, но если через десять лет вы еще будете вместе, то вас удивит, что вы удостоили столь слабую и робкую эмоцию этим названием! Нет, мы создаем пары и обычно живем парами, однако это не исключает формирования и других связей, либо более кратковременных, либо менее глубоких, либо и тех и других. Никакой партнер не способен в одиночку дать другому человеку все великолепие жизни. Я говорю не только о физических сексуальных связях, но также о связях умственных и духовных, таких, как, по моему наблюдению, у вас формируются — прошу простить за откровенность — с нашей хорошей подругой Ольгой.

Перри покраснел до корней волос.

— Полно, полно, сынок. Нет причин для смущения. Я вторгся в вашу личную сферу лишь потому, что я ваш врач и у меня есть повод. Ольга прекрасная женщина, намного более удивительная, чем вам сейчас представляется. Ваша связь с ней обязательно будет для вас полезной во всех смыслах. Я рад, что эта связь возникла.

Магистр Гедрик зевнул и бросил взгляд на свой хронометр:

— Если я вскорости не лягу спать, мне потребуется утром стимулятор для выполнения своих рабочих обязанностей. Скажу еще лишь одно: я хочу, чтобы вы составили перечень вещей, которые предполагали защитить или получить, отогнав того второго молодого самца от Дианы. Пишите как можно более конкретно и аккуратно подбирайте слова. Пусть это займет много времени, если потребуется. Затем ознакомьте меня с результатом. И кстати, когда вы ожидаете ее возвращения?

— Вероятно, завтра. Она только что совершила посадку в Чикаго, там какой-то особый эфир.

— Хорошо. Завтра состоится весьма интересная операция, которую ей было бы интересно увидеть. Мать Дианы прибудет сюда и проведет удаление правого полушария мозга. Вы тоже можете заглянуть, если вас интересуют подобные вещи. Авария. Очень печальная. Юный пилот ракетного корабля.

— Благодарю, сэр. Думаю, что так и поступлю, если Диана вернется.

Гедрик поднялся и выбил трубку.

— Одну минуту, сэр. Неужели никто больше не сохраняет моногамные отношения на протяжении всей жизни?

Гедрик перестал щекотать живот Капитана Кидда и обдумал вопрос.

— Очень может быть, что такие отношения существуют. Сто девяносто миллионов человек — масса возможностей. Хотя это кажется маловероятным. Вы можете ради собственного развлечения попробовать составить уравнение для вычисления вероятности этого. Полагаю, сведений в архивах для этого вполне достаточно. Итак, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, сэр.

Глава девятая

— Посетил бы вас раньше, но вопрос содержал необычные аспекты, и они потребовали дополнительного изучения, — сказал сутулый человечек с выпуклой лысиной на голове. Он смотрел на Перри поверх стаканчика с хересом. — Когда магистр Гедрик сообщил мне, что нужно объяснить существующую экономическую систему в теории и на практике человеку с представлениями тысяча девятьсот тридцать девятого года, я подумал, что ему самому требуется лечение. Когда он разъяснил мне ситуацию, я осознал, что передо мной самая потрясающая задача по педагогике, за какую я когда-либо брался. Я не смог приступить к ней без подготовки. Пришлось изыскать и прочесть множество книг вашего периода, а затем несколько дней провести в медитации, чтобы прочувствовать это время, разобраться со взглядами, оценками и заблуждениями, присущими ему.

Перри смущенно заерзал в кресле:

— Я не хотел доставлять вам такие неудобства, магистр Дэвис.

— Какие неудобства? Вы оказали мне услугу.

Ведь это самый удивительный подход к моему основному предмету. Готовясь объяснять его вам, я и сам начинаю понимать его лучше. Прежде всего расскажите мне, что вы знаете о существующей системе.

— Что ж, во-первых, она сохранила частное предпринимательство в производстве. Так что я считаю ее разновидностью капитализма.

Дэвис кивнул:

— Неподходящее слово, но пока оставим его.

— Однако, — продолжил Перри, — хотя производство и все прочее являются частными предприятиями, каждый гражданин получает от правительства денежный чек, или, что то же самое, кредит на свой счет — каждый месяц, причем просто так. Этих денег достаточно, чтобы обеспечить все необходимое для жизни взрослого человека или же все необходимое для развития ребенка. Все получают такие чеки — мужчины, женщины, дети. При этом практически все люди более-менее регулярно работают, и доходы большинства из них составляют от трех-четырех до двенадцати и более номиналов по сравнению с тем, что выплачивает ежемесячно правительство. Безработицы не существует, потому что всегда есть спрос на дополнительное производ-

ство. Отсюда высокие зарплаты. Но цены низкие, и, что запутывает дело еще больше, продавцы регулярно сбывают товар ниже его себестоимости, а правительство возмещает им разницу. Таково общее положение, если я правильно понял то, что мне объясняли. Все это выглядит совершенно нереально, словно у Алисы в Стране чудес, где сплошные противоречия, несовместимые со здравым смыслом. Меня это беспокоит. Мой рассудок этому противится. Меня меньше обеспокоил бы перпетуум-мобиле.

— Понимаю ваше затруднение, — улыбнулся Дэвис. — Прежде всего необходимо избавить ваш разум от некоторых ошибок, предрассудков и полуправд, которые в ваши дни назывались «экономикой». На минутку взгляните на материальные факты ситуации, в которой оказались. Пока не обращайте внимания на вопросы денежные — размышляйте о товарах, людях, производстве и потреблении. Какова эта ситуация?

— Что ж, как я вижу, у всех достаточно высокий уровень жизни, все живут в хороших домах, едят много качественной пищи, и у каждого есть многочисленные удобства. Это что касается потребления. Что касается производства — множество заводов и ферм и тому подобного,

где производятся большие объемы продукции посредством машин, экономящих труд человека. Работать тяжело приходится только тем, кто этого действительно желает. И каждый, кто так работает, получает серьезное вознаграждение — с точки зрения товаров и услуг.

— Опять же, если не говорить о деньгах, вас в этой картине что-нибудь смущает?

— Ну нет. Материальное богатство налицо, и проделывается достаточная работа, чтобы оно превращалось в высокий уровень жизни.

— Опишите теперь тысяча девятьсот тридцать девятый год с точки зрения материальной экономики — и опять же не касаясь денег. Постарайтесь не применять слова, подразумевающие деньги, — такие как «зарплата», «долг», «цена» и им подобные.

Перри широко улыбнулся:

— Вы готовите мне ловушку, я уже понял.

Дэвис, однако, не улыбался.

— Это не ловушка, а необходимый прием, чтобы позволить вашему разуму избавиться от укоренившихся экономических заблуждений и начать работать в верном направлении. Опишите ситуацию.

— Хорошо. Наша страна была точно так же бо-

гата природными ресурсами — даже более богата. У нас было множество заводов, производивших сырье, но многие из них закрылись. Наши фермы щедро производили много качественной еды, которой было достаточно, чтобы всех накормить. Мы обладали техническими знаниями, инструментами и материалами, чтобы в избытке производить предметы роскоши и комфорта, что, собственно, мы и делали, — наши розничные магазины были до потолка завалены товарами на любой вкус. Это что касается производства. Что касается потребления, примерно половина населения недоедала, причем питались эти люди низкокачественной и не слишком разнообразной пищей. В других отношениях им жилось еще хуже — они существовали в антисанитарных условиях, в домах, превращавшихся в случае пожаров в западни, зачастую без водопровода и с примитивными системами обогрева. У большинства не было медицинского и стоматологического обслуживания, так что эти люди сгнивали заживо. Мой стоматолог сказал мне как-то, что четыре пятых населения никогда в жизни не посещали зубного врача. Еще треть населения, или около того, жила в пограничных условиях — в относительном комфорте, но в постоянном страхе

нищеты. А у небольшой группы наверху всего было больше, чем требовалось. И раз я говорю о потреблении, полагаю, следует упомянуть, что существовала практика ежегодного уничтожения значительной части того, что было произведено, в особенности продуктов питания. Некоторые считали это расточительством, и в результате мы придумывали способы производить меньше, чтобы не уничтожать то, что произведено. Но кончилось все тем же самым.

— Вы говорите, что у небольшой группы было слишком много всего. Знаете ли вы, что случилось бы, получай все поровну?

— Кстати сказать, знаю. Я размышлял об этом и в тридцать восьмом году при помощи логарифмической линейки просчитал вопрос, исходя из цифр, опубликованных в журнале «Тайм». Был такой источник новостей в то время. Средний доход по стране составил примерно сто тридцать долларов в месяц на семью, что не позволяло жить по особенно высоким стандартам. Но те же цифры показывали, что лишь тридцать процентов населения имели хотя бы такой доход, тогда как у семидесяти процентов он был меньше. Мне приходится сейчас говорить о деньгах, но я преобразую эти цифры в товары. По этому

стандарту жизни семья могла позволить себе дешевый дом, подержанную машину, накрывать достойный, но без изысков стол, купить радио и иногда ходить в кино. Но на резервы уже ничего не оставалось, так что болезнь, несчастный случай или потеря работы в одночасье ставили их за черту бедности.

— Теперь, по-прежнему оставаясь в рамках материального, скажите, по большому счету был ли этот средний стандарт жизни лучшим из возможных достижений страны?

— О нет, совсем нет. Страна могла произвести как минимум вдвое больше того, что производила в действительности. Некоторые авторитеты считали, что следует говорить — в три раза. Но любой мог понять, просто оглядевшись, насколько больше всего можно произвести. Взять хотя бы тот факт, что по меньшей мере десять миллионов человек сидели без работы.

— Что ж, очень хорошо. Вы описали две различные экономические системы в терминах материального существования. И какая из этих двух систем противоречит здравому смыслу, какая из них вызывает сопротивление вашего рассудка?

Перри улыбался:

— Вы подстроили ловушку, как я и предполагал. Конечно, глупа именно система тридцать девятого года. Но это все равно не объясняет ваши хитровывернутые финансовые махинации.

— Парадоксы, которые, как вам кажется, вы видите, происходят от изъянов вашей подготовки. Они не существуют в реальности. Я собираюсь озвучить аксиому: все, что физически возможно, может стать возможным и финансово, если граждане государства того пожелают.

— Звучит хорошо, но правда ли это?

— Правда, если граждане государства разбираются в финансах. Скажите, что такое деньги?

— Деньги — это не только деньги, но и многое другое. Это средство обмена, обеспеченное драгоценным металлом, как правило золотом. Это еще и товар широкого потребления, его покупают и продают, а также дают под проценты. И это капитал для промышленности.

— И какое одно из перечисленного — деньги?

— Что ж, если выбирать что-то одно, то думаю, что деньги — это золото.

— Так думал Джей Пи Морган. Во всяком случае, так он заявил сенатскому комитету в тысяча девятьсот двенадцатом году. Интересно, он лгал или заблуждался? Попробуйте такое определе-

ние: деньги — это все, что в любой момент можно обменять на товары или услуги. Полагаю, вы обнаружите, что все виды денег похожи лишь этой характеристикой и этой характеристикой не обладает более никакое средство. Сколько денег требуется стране?

— Неужели кто-то может ответить на этот вопрос?

— Очевидно, до внедрения существующего экономического режима никто не пытался. Деньги печатались и уничтожались самым бессмысленным образом. Скажем, паника тысяча девятьсот седьмого года возникла в результате намеренного уменьшения денежной массы. Однако ответ на вопрос прост, и он проистекает из природы или назначения денег, как мы его определили. Стране требуется достаточно денег, чтобы граждане мог ли выполнять весь насущный обмен товаров и услуг. Ваша система тысяча девятьсот тридцать девятого года не позволяла этого достичь; система две тысячи восемьдесят шестого года позволяет.

— Но простите, в тридцать девятом году денег было достаточно. Это не помогло.

— Разве вы не сказали мне только что, что в тридцать девятом году миллионы людей нуждались в вещах, которые не могли приобрести? И

разве не было продавцов, которые владели всеми этими вещами и невероятно сильно желали их продать, но не могли? Разве ситуация не стала бы совершенно иной и намного более приятной, имей страждущие деньги в своих карманах, чтобы покупать товар у продавцов, которые иначе разорились бы? Разве это нельзя назвать нехваткой денег?

— Разумеется, можно. Но к чему вы клоните?

— Терпение. В восемьдесят шестом году правительство дает людям деньги на эти необходимые покупки.

— Да, я знаю. Магистр Каткарт рассказал мне, что правительство добывает их из печатного станка или из чернильницы. То есть это деньги из бумаги, не обеспеченные золотом. Как они могут чего-то стоить?

— Мы решили, что деньги — это что-то, что *всегда* можно обменять на товары и услуги. Предполагается, что приобретающий такие деньги человек тоже в это верит. Следовательно, деньги остаются деньгами до тех пор, пока все верят, что это деньги. Существует критерий, определяющий, будут ли люди верить в деньги: можно ли использовать их для уплаты налогов? Предоставит ли правительство в обмен на эти деньги

что-то для вас полезное, например услуги почты? Если люди принимают деньги коллективно, как государство, — примет деньги и каждый человек в отдельности. Наши «необеспеченные» деньги соответствуют всем этим требованиям. Соединенные Штаты примут их в обмен на полезные вещи. А вот для вашего золота это уже не так. Золотом нельзя платить налоги. Удастся вам его обменять на что-то или нет — это все равно не деньги, и, возможно, это золото так и останется для вас просто безделушкой. Строго говоря, вся валюта Соединенных Штатов была «необеспеченной» с тех пор, как Соединенные Штаты приостановили платежи золотом в тридцать третьем году. С тех пор золотой стандарт — просто выдумка для целей политики партии. Но я полагаю, что ваше главное затруднение — в понимании того, почему правительству необходимо создавать новые деньги и отдавать их потребителям. Чтобы понять это, прежде всего необходимо понять математику отношений между ценами и покупательной способностью.

Пока мы не углубились в математическую теорию, сформулирую факт, который мы собираемся объяснить. В тридцать девятом году и ранее суммарная покупательная способность

населения всегда была меньше, чем совокупная цена товаров, выставленных на продажу. Иначе говоря, перепроизводство с сопутствующими ему безработицей, нищетой, забастовками и всем прочим было хроническим состоянием. Вообще понимание математической подоплеки этого явления не требуется, если наблюдается факт; точно так же как не требуется устанавливать причину пожара, чтобы осознать, что дом горит и надо тушить пожар. Я сказал, что перепроизводство носило хронический характер, и это равноценно заявлению, что у общества в целом не было денег, позволявших приобретать товары, находившиеся в продаже. Вы, безусловно, согласитесь, что именно такие складывались обстоятельства с двадцать девятого по тридцать девятый год. Эти обстоятельства обычно признавались, и правительство даже частично компенсировало разрыв между ценами и доходами при помощи прямых вливаний — просто раздавая деньги, а также создавая искусственно рабочие места для повышения занятости, — то есть немного подсластив пилюлю морализаторством. Разумный подход, создавай правительство деньги из ничего. Оно же вместо этого заимствовало деньги у *банков*, которые как раз и создавали эти деньги из ничего.

Глупо, потому что в результате рос государственный долг, который в будущем потребовалось бы возвращать, а деньги, нарисованные банками, были ни на йоту не крепче тех, что могло бы нарисовать правительство. Прошу понять, что деньги, одолженные правительству банками для создания пособий, начинали существовать только в момент, когда их одалживали. Банкиры извлекали эти деньги из пустых сейфов — буквально выуживали из чернильниц. В это, может быть, тяжело поверить, но это чистая правда. Всякий раз, когда банк в те дни одалживал деньги, он создавал их. Разумеется, президент Холмс успешно вернул эту практику в лоно правительства десятилетия спустя, но на тот момент она была совершенно неуместна.

Вернемся к перепроизводству. До двадцать девятого года, в период после мировой войны, прежде чем рынок рухнул, разрыв между производством и потреблением поглощался различными способами: огромный скачок частного кредитования или долга, особенно в связи с увеличением покупок в рассрочку; эксплуатация зарубежных рынков, в основном в Центральной и Южной Америке, что означало обмен товаров на бумагу с рисунками, которая позже оказывалась

негодной, и потери, понесенные практически всеми фермерами и многими бизнесменами. Видите ли, многие деловые предприятия терпели крах даже во времена процветания, и в этом случае их товарные запасы распродавались по ценам ниже себестоимости.

Такое состояние в годы мировой войны легко понять. Когда идет война, максимальных мощностей производство достигает ради военной машины, а излишки сжигаются. Разумеется, создается невероятная долговая нагрузка, которую впоследствии необходимо каким-то образом компенсировать. Перед мировой войной многие годы экономическая ситуация походила либо на процветание двадцатых, либо на депрессию тридцатых. В любом случае производство постоянно опережало потребление, а с излишками боролись обычными способами: создавая долги, разрушая стоимость товаров через банкротство, экспортируя больше товара, чем импортировалось, уничтожая товары в военное время и сжигая урожай в мирное.

Случай, когда объем экспорта из года в год превышает объем импорта, заслуживает отдельного упоминания. Много лет он считался идеальной экономической ситуацией, хотя любой ребенок

укажет на абсурдность такого положения, и, однако, его называли разнообразными красивыми словами: «благоприятный золотой баланс», «благоприятный торговый баланс», «американский план», «краеугольный камень американского процветания». В школах это подавалось как естественный закон.

— Да, — задумчиво сказал Перри. — Вспоминаю, как меня этому учили в средней школе. В учебнике по географии целый раздел был посвящен тому, как это важно.

— Строго говоря, такой подход не просто порочен, но и глуп. Каждая нация стремилась продать больше, чем покупала, и в этом крылась главная причина всех войн новейшей истории. Глупость этой идеи вроде бы очевидна, однако природа финансовой системы сделала эту идею неизбежной. Поскольку производство *всегда* значительно превышало потребление в этот период[22], стране требовалось избавляться от излишков как можно активнее, чтобы не столкнуться с внутренними экономическими проблемами. Способов избавляться от излишков существовало множество

---

[22] Примечания: 22

Читателю не предлагается принимать все на веру. По счастью, записи об этом периоде доступны в вашингтонских архивах. Изучите статистику Министерства торговли за указанные годы. — *Примеч. автора.*

— взять хотя бы протекционистские тарифы и субсидирование торгового морского флота.

История знает лишь один период, когда данное конкретное финансовое заблуждение соответствовало потребностям страны, и то был период освоения западных рубежей. Такая система банкротила людей и делала их нищими, жертвы перемещались на запад и способствовали развитию страны. Принято считать, что миграцию на запад вызывало демографическое давление, но это лишь до некоторой степени правда. На востоке во времена пионеров никогда не было слишком тесно — земель и сырья хватало, но в это время уже существовала финансовая система, автоматически создававшая разрыв между покупательной способностью и производством, а значит, и класс безработных, которые ехали на запад с вереницами крытых повозок, чтобы реабилитироваться в более простых экономических условиях. О да, класс безработных у нас существовал уже во времена Эндрю Джексона, только мы их называли пионерами!

Вот и все, что касается того простого факта, что в экономической системе тридцать девятого года перепроизводство, или недостаточное потребление, или же недостаточная покупательная

способность носили хронический характер. Теперь давайте рассмотрим математическую природу покупательной способности, чтобы понять, почему это было так. В процессе мы откроем возможные решения и выберем то, которое нам понравится. Понимаете, я уже решал эту задачу прежде, так что смогу похвастать тем, какой я умный. Вам знаком Джеки-дружок из детского стишка? Я всегда подозревал, что он знал, где находится изюминка, до того как сунуть пальчик в пирог[23]. — Ухмылка, возникшая на угрюмом лике Дэвиса, сделала его похожим на лысого гномика. — Рассмотрите, будьте любезны, две типичные производственные единицы — фабрику и ферму. Пусть фабрика будет большая — у нанимателя много сотрудников, а ферма пусть будет маленькая — семейное дело. Эти два случая типичны там, где дело касается цен и покупательной способности, — для всего эко-

[23] Примечания: 23

Джеки-дружок
Сел в уголок,
Сунул в пирог свой пальчик.
Изюминку съел
И громко пропел:
«Какой я хороший мальчик!»

– Примеч. перев.

номического организма. Сначала фабрика. Она производит, скажем, обувь. Эта обувь попадает на рынок под определенной ценой. В цене есть две составляющих — стоимость производства для владельца обувной фабрики и прибыль. В стоимость производства включены различные затраты, и большую ее часть составляют зарплаты сотрудникам, стоимость сырья, амортизация основных средств, аренда земли, проценты на инвестированный капитал, а также налоги. Дополнительная составляющая цены — это прибыль. То есть компенсация владельцу или предпринимателю его времени, личных трудозатрат, изобретательности и тому подобного, и она является источником обеспечения для него самого и его семьи. Сказать, что прибыль не является обязательной, — все равно что сказать, что наниматели не едят. В ваше время было модно нападать на систему прибылей. Как мы увидим, прибыль предпринимателя *не* является причиной безработицы или финансовых проблем. Разумеется, всегда есть вопрос того, что некоторые предприниматели получают прибыли, не соответствующие объемам производства, однако это уже вопрос морали, и он должен регулироваться существующим кодексом обычаев. Само

по себе это не вызывает безработицы, как будет понятно далее. Более того, большинство людей, ввязывающихся в производство новой продукции, то есть предприниматели, не получают сверхприбылей; большинство из них вообще прибыли не получали и становились банкротами. Простая статистика. В ваше время лишь одному из восемнадцати или девятнадцати бизнесменов удавалось сохранить свой бизнес на плаву в долгосрочной перспективе. Нападавшие на систему прибылей попросту пинали дохлую собаку.

Тем не менее, раз предпринимателям нужно есть, прибыли — это законная составляющая стоимости производства. По этой причине мы будем включать их в состав накладных расходов и считать, что минимальной ценностью произведенной единицы товара является его совокупная стоимость, или же стоимость производства плюс обязательная прибыль.

Перри перебил:

— Хотите сказать, что с системой прибылей в мое время все было в порядке? Сдается мне, что именно она всегда оказывалась крайней при поиске виноватых.

— Система прибылей не была главной бедой. Бедой было непонимание принципов работы

экономических механизмов, и тут предприниматели и вожди промышленности отличились больше других. Трудящиеся как минимум понимали: что-то не так. И они требовали перемен, но промышленники отрицали необходимость в переменах и упрямо сопротивлялись всему новому, проявляя упорство и невежество, достойные Марии-Антуанетты. И сопротивлялись успешно — ведь в их руках сосредотачивалась экономическая и политическая власть. В этом смысле именно они — злодеи, ответственные за все трагедии вашей эпохи. Но не стоит клеймить их слишком яро, поскольку они были невежественны и глупы, а не порочны от природы.

Докажем теперь мои утверждения. Запустим фабрику и посмотрим, как работает цикл производства и потребления. Я сказал, что это обувная фабрика. Такой пример будет слишком ограниченным, чтобы понять всю промышленную систему. Требуется раскрыть математические принципы для общего случая, то есть для случая, где учтены все возможные факторы. После этого любая задача может быть решена, если она решена для общего случая. Вы согласны? Что ж, итак, пусть наша фабрика будет общим случаем любой производящей единицы в стране, кото-

рая задействует труд и капитал. Ее сырье — это материалы, которые она обрабатывает, пусть даже их уже обрабатывали после того, как с ними рассталась природа. Так, мы можем считать стальные пластины или дубленую кожу сырьем для автомобильных заводов или фабрик по производству сумок. Термин «фабрика» включает всевозможные здания и недвижимое имущество, используемое при производстве, но сами по себе они не являются товарами, производимыми на фабрике. Земля — это и стройплощадки, и полосы отчуждения, и все такое прочее. Вы следите за рассуждениями?

Перри кивнул:

— Конечно. Это все равно что любое алгебраическое обобщение, такое, например, как квадратное уравнение: $ax^2 + bx + c = 0$; общее решение для x равно минус b плюс или минус корень квадратный из b в квадрате минус четыре ac; все делится на $2a$. Подстановка условий конкретного случая дает ответы для этого конкретного случая[24].

---

[24] Примечания: 24

$$ax^2 + bx + c = 0 \; ; \; x = \frac{-b \pm \sqrt{b^2 - 4ac}}{2a}$$

Полное решение этой общей задачи можно найти в любом учебнике по простейшей алгебре. — *Примеч. автора.*

— Именно. Давайте выстроим общий случай цикла производства-потребления по правилам вашего периода и решим несколько задач. Затем, возможно, мы увидим, какие действуют принципы, и сможем сформулировать обобщенное решение, чтобы ответить на все наши вопросы относительно экономики.

Перри почесал голову:

— Послушайте. Это все замечательно, если речь идет о простой алгебре — о квадратных уравнениях, но в экономике мы имеем дело с неопределенным числом неизвестных и слишком большим числом факторов. Разве мы сможем это сделать?

— Будем решать проблемы по мере их поступления. Действительно, все частные случаи в реальном мире сложны, даже если говорить о квадратных уравнениях. Но общий случай может оказаться приятно простым. Давайте попробуем сформулировать его и посмотреть, что получится. Есть ли у вас карандаш и бумага? Давайте запишем элементы уравнения.

Перри подумал и произнес:

— Фабрика.

— Да.

— Предприниматель или промышленник.

— Продолжайте.

— Сырье, труд, земля.

— Еще.

— Потребители.

— Верно, но кто эти потребители?

— Все люди без исключения, общество.

Дэвис кивнул:

— Правильно, но это общий случай. Что из этого следует?

Перри озадаченно молчал.

— Тогда отвечу я. Потребители — это люди, которых вы упомянули, плюс их иждивенцы, и более никто. Даже пенсионеры присутствуют в этой картине в качестве капиталистов, или же иждивенцев, или потребителей.

— Да, я думаю, что понимаю это.

— У каждого человека двойная роль, он участвует как в производстве, так и в потреблении. Даже ребенок выступает в роли производителя через своего отца и в роли потребителя продукции, приобретенной его родителями. В дальнейшем мы можем не обращать внимания на иждивенцев, поскольку экономически они представлены главами семей.

— А как можно вписать сюда вдову, которая живет на страховку?

— В качестве потребителя продукции покойного главы семьи. Мы вернемся к этому случаю позже, когда будем готовы его рассмотреть. Давайте продолжим с нашим списком. Что еще нам требуется?

— Банк или банки?

— Да, а также банкиры, акционеры, банковские служащие и все прочие. Позволите ли вы мне называть их всех банком и банкиром, не забывая, разумеется, о коллективном значении этих терминов?

— Думаю, что можно и так.

— Хорошо, продолжим. Требуется ли нам что-то еще?

— Мне ничего в голову не приходит.

— Соединенные Штаты были анархией?

— Нет, разумеется.

— Тогда у нас правительство и все его подразделения, госслужащие, налоги и законы, а также правительство как потребитель.

— Становится сложно.

— Не слишком сложно. Обозначим правительство и все его подразделения как US[25], что можно расшифровать или как «Соединенные

[25] Примечания: 25

US — Соединенные Штаты *(англ.)*, us — мы *(англ.)*. — *Примеч. С. В. Голд.*

Штаты», или как «мы», поскольку правительство в Соединенных Штатах можно считать нашим коллективным представителем. А государственные служащие работают на US. Теперь у нас полный набор элементов?

— А как же фермеры и профессионалы? Это определенно потребители.

— Да, так и есть. Случай с фермером прост. Говоря языком экономики, он производит точно так же, как владелец фабрики, посредством тех же элементов: труд, сырье, земля, предприимчивость и все прочее. Если он использует только собственный труд и труд членов своей семьи, прибыль должна составлять серьезную долю цены продукции, тогда как оплата труда равна нулю. И мы получаем просто частный случай. Профессионалы — это лишь еще один тип трудящихся, которых нанимает производственная единица, как это происходит с корпоративными юристами. Профессионалы на службе общества потребителей напрямую фигурируют в цепи производства-потребления, сохраняя один к одному покупательную способность. Если вы заплатили медику за консультацию десять долларов, ваша потенциальная способность потреблять пончики или автомобили понизилась на десять долларов,

а тот же показатель медика на десять долларов вырос. Однако есть еще один элемент, который мы не упомянули. Сможете ли вы догадаться, что это за элемент?

— Мм… нет, боюсь, что нет. Сдается мне, мы все перечислили. Постойте-ка! Технологии. Знание.

— Именно. Большая часть знаний бесплатна для всех. Но некоторые вещи запатентованы или охраняются авторским правом. Давайте условимся называть владельцев технических знаний изобретателями. Теперь мы готовы к действию. Если мы устроили нашу гипотетическую внутреннюю экономику таким образом, что она во всех отношениях схожа с экономикой вашего периода, она и будет работать так, как работала в ваше время. Если мы изменим эти рукотворные законы на законы настоящего периода, то она будет работать так, как работает в настоящее время. Действующие здесь естественные законы структурно не меняются. Если мы сможем провести различие между рукотворными правилами и естественной необходимостью, то поймем, что можем, а чего не можем делать в рамках системы экономики.

— Разве мы можем создать столь сложную систему в уме и точно знать, что она заработает на

практике, магистр Дэвис?

— Я не попрошу вас выполнять все симуляции сложной функции в уме. Давайте создадим модель. Я вижу вон там набор шахматных фигур. Можно ли его использовать? Фигуры замечательно заменят нам людей. Есть ли у вас что-то, что можно использовать для счета? — (Перри осмотрел комнату и извлек коробку с покерными фишками.) — Игровые фишки? Прекрасно. Теперь нам потребуется что-то, представляющее товары, которые мы будем производить и потреблять. Какие идеи?

— Как насчет коробки с печеньем? — предложил Перри.

— Удачная мысль. Это определенно товар потребления. Но по всему столу будут крошки, и печенье довольно крупное. Найдется колода карт?

— Несомненно. — Перри встал и вернулся с игральными картами. — Вот пара колод.

— Отлично. Каждая карта представляет одну единицу произведенной продукции, и ценность всех единиц одинакова. Это может быть самая разнообразная продукция: одежда, еда, летательные аппараты, игры, стереозаписи, книги, что угодно. Но мы для удобства будем считать, что все

единицы продукции имеют равную ценность. Теперь возьмем шахматные фигуры и назначим им роли. Черный король — это наш предприниматель, промышленник или фермер. — Дэвис записал это на полоске бумаги и прижал ее к столу черным королем. — Вот так. Теперь мы не обознаемся, встретив его.

Обратите внимание, что его ярлык гласит: «Предприниматель-потребитель», чтобы мы не забывали о его двойной функции. Черный ферзь — его супруга. Ее поместим рядом. И еще поместим рядом пешку — это их дети. И еще одну пешку — это ее отец, который у них на иждивении, сварливый престарелый господин, не работавший с тех пор, как застрелили Маккинли, и считающий, что страна катится прямиком в ад. Белый король — банкир. Подпишем «Банкир-потребитель». Вот эта коробка от шахматных фигур будет банком, а вот эта книга — фабрикой. Прикрепим ярлыки, но «фабрику» пока на стол не будем ставить, она еще не построена. Черный слон владеет землей, на которой должна появиться фабрика. Прежде всего требуется удовлетворить его. Белая ладья владеет процессом для нашего производства игральных карт. Теперь возьмем пять или шесть пешек и пометим их как

«Трудящиеся-потребители». Пометим черных коней — «Собственники сырья — потребители». Белых слонов назовем «Государственные служащие — потребители». Теперь напишем на отдельном ярлыке «US», но на него ставить фигуру не будем, поскольку не стоит олицетворять правительство. Потому что US — это мы все, действующие совместно[26].

Теперь мы готовы пройти через типичный экономический цикл. Назовем его продолжительность эрой, и пусть эра покрывает время от момента постройки фабрики до момента, когда фабрика амортизируется до нулевой стоимости и устареет. Это примерно лет двадцать, если вы не можете без конкретных сроков, но в такой конкретике нет необходимости. Предположим, Перри, что вы предприниматель, а я буду играть остальными фигурами. Вы обнаруживаете спрос на игральные карты и принимаете решение их производить. Вы положили глаз на подходящую площадку — ее можно взять в аренду по

---

[26] Примечания: 26

Читателю настоятельно рекомендуется последовать этой инструкции и разыгрывать партию по мере чтения. В противном случае демонстрация утрачивает ценность. Если у вас нет шахматных фигур, подойдут пузырьки для чернил, катушки с нитками, оловянные солдатики и все в таком духе. В качестве счетчиков можно использовать бобы, кости домино или стеклянные шарики. — *Примеч. автора.*

разумной цене, а кроме того, вам известен новый производственный процесс, который можно выкупить. Но чего у вас нет, так это рабочего капитала, поскольку все ваше богатство вложено в материальное имущество, с которым вам не хочется расставаться. Поэтому вы отправляетесь к банкиру и просите в долг сто сребреников. Вы описываете свою идею и предлагаете залог, стоимость которого чуть больше ста сребреников. Ввиду нашего положения мы знаем, что в банке есть всего двадцать сребреников, резерв капитала, предписанный законодательно. Можно подумать, что банкир вам ответит: «Извини, старик. Твое предложение толковое, и мне очень хотелось бы тебе помочь, но в банке попросту нет такого количества денег». Однако он ничего такого не говорит, а просто одалживает вам деньги. Как он это делает? Вы пишете расписку, в которой говорится следующее:

Уважаемый банкир!
Я должен вам 100 сребреников под 10 % в эру.

Подпись.
Предприниматель.

Он регистрирует расписку в учетных книгах

в качестве актива банка, зачисляет на ваш счет сотню сребреников, дает вам номер счета и несколько пустых чеков, а вы благодарите его за эти деньги, то есть за новые деньги, обеспеченные вашим залогом и существующие только в виде бухгалтерских записей. В качестве символа всего этого я даю вам вот эти сто фишек, которые вы должны считать банковским кредитом или чековой книжкой, а не банкнотами или монетами. Но вы можете использовать их как деньги во всех отношениях, поскольку банкир будет обналичивать небольшие суммы из этих ста сребреников из того небольшого запаса наличности, который постоянно держит в банке. Он может позволить себе это делать, поскольку лишь в редких случаях держатели банковских бумаг обращаются за наличными все одновременно, что приводит к банкротству банка. Как правило, наличные деньги, выплаченные банком, возвращаются на следующий день и повторно депонируются.

Теперь у вас сто сребреников, и вы можете приступать к работе. Вы арендуете площадку на эру за четыре сребреника. Положите четыре фишки рядом с черным слоном. Вы строите фабрику, отдав восемь сребреников за сырье и восемь за работу. Оплачивайте. Теперь вы отдаете четыре

сребреника изобретателю за использование его процесса. Фонд оплаты труда за эру составит сорок четыре сребреника. Оплачивайте сейчас. А за сырье придется отдать тридцать сребреников. И еще десять уйдет за эру на оплату налогов.

— Я не могу это оплатить, у меня осталось всего две фишки.

— Не беспокойтесь. Скоро вы начнете продавать игральные карты и сможете выплачивать налоги по ходу спектакля. Теперь вы производите шестьдесят три игральные карты в течение эры. Сложите их рядом с фабрикой. Чтобы кормить себя и семью, вам требуется получить восемь сребреников прибыли в течение эры. Исходя из этого, вы определяете, какой должна быть рыночная цена на игральные карты. Какая она будет?

Перри записал свои расходы и сложил их следующим образом:

Аренда земли – 4 сребреника.
Фабрика (труд) – 8 сребреников.
Фабрика (материал) – 8 сребреников.
Производство (труд) – 44 сребреника.
Производство (материал) – 30 сребреников.
Отчисления изобретателю – 4 сребре-

ника.

Налоги – 10 сребреников.

Прибыль – 8 сребреников.

Проценты по кредиту – 10 сребреников.

126 сребреников необходимо учесть в цене.

63 единицы продукции будет продано, следовательно цена должна быть 2 сребреника за единицу.

Перри поднял голову:

— Получается два сребреника за карту.

— Верно. Как видите, я подобрал цифры таким образом, чтобы получались круглые результаты.

— Но я не могу продать шестьдесят три карты по этой цене. В обращении всего девяносто восемь сребреников, которые могут быть потрачены на мою продукцию.

— Не спешите. Начинайте продавать и посмотрите, что будет. В этот раз мы предположим, что все люди, получившие от вас деньги, нуждаются во всех товарах, которые могут себе позволить. Продайте им эти товары.

Перри раздал карты «Рабочим», «Землевладельцу», «Изобретателю», «Владельцам сырья» и забрал у них по две фишки.

— Сколько карт осталось?

— Четырнадцать.

— У вас в руках оказалось много денег. Советую заплатить налоги.

— Ладно. — И Перри поместил десять фишек на ярлык «US».

— Теперь я выступлю за Дядюшку Сэма и заплачу «Госслужащим» четыре сребреника, куплю сырья на четыре сребреника, а еще два сребреника потрачу на товары вашего производства.

— Пожалуйста. — Перри вручил Дэвису игральную карту, который поместил ее на ярлык «US» и отдал Перри две последние фишки.

— Теперь продайте товар «Госслужащим» и «Владельцам сырья».

Перри так и поступил, расставшись с четырьмя картами и получив восемь сребреников взамен.

— Теперь оплатите проценты по своему займу. Это нужно будет сделать в течение обговоренного периода времени.

— Хорошо, вот десять сребреников.

Дэвис поместил эти деньги в банк.

— Банкир с его семьей, клерки и все прочие — им тоже нужны товары. Вот два сребреника.

Перри взял деньги и торжественно вручил Дэвису карту.

— Теперь выплатите себе прибыль, восемь сребреников. Отдайте их своей супруге. В вашем хозяйстве именно она заведует деньгами. Она берет деньги и тратит их на товары.

Перри взял восемь сребреников, положил рядом с черным ферзем, затем снова взял фишки в руки и положил их рядом с черным королем и напоследок подсунул под фигуру черного ферзя четыре карты. Дэвис прокомментировал:

— Эта операция символизирует то, как тысячи жен предпринимателей тратят доходы своих мужей на всевозможные товары, произведенные тысячами фабрик.

Эра закончилась. Цикл тоже. Ваша фабрика амортизировалась и теперь ничего не стоит. Должен напомнить вам, что в банке ждут выплаты по вашей расписке.

— Минуточку. А почему вы предполагаете, что фабрика теперь вообще ничего не стоит?

— В этом нет необходимости. Если бы вы вели подсчеты для более короткого периода времени, затраты на фабрику выражались бы процентами амортизации за этот более короткий период. Вы произвели бы меньше продукции, и все остальное уменьшилось бы пропорционально. Окончательная стоимость единицы продукции

осталась бы такой же, но мы ведь решили пройти весь цикл, от начала до конца производства. Но полно, полно, вы просто тянете время. Как там моя расписка? Вы должны мне сто сребреников.

Перри сосчитал свои фишки и широко улыбнулся Дэвису:

— Придется вам подождать у моря погоды. У меня всего девяносто два сребреника. И еще четыре игральные карты, которые вы можете включить в баланс.

— К чему мне игральные карты. Я банкир, а вы обещали заплатить.

Перри пожал плечами и не ответил.

Дэвис продолжил:

— Замечательно, теперь переходим к следующему этапу игры. У вас перепроизводство в четыре единицы, и вы не можете полностью погасить свою расписку, данную банку. Но банкир ценит вашу платежеспособность. Ваш исходный залог все еще в цене, а банкир считает, что усло вия по существу стабильные. Он рефинансирует вас, чтобы вы снова могли организовать производство. Вы даете новую расписку, на этот раз на сто восемь сребреников, и у вас на счете оказывается сто сребреников. При этом банкир предостерегает вас не совершать ошибку перепроизводства. И

вы уходите, несколько озадаченный, поскольку не понимаете, где ошиблись, но банкир-то, верно, прав, ведь у вас осталось в итоге четыре карты, которые вы не смогли продать. Вы решаете, что рынок способен переварить лишь пятьдесят девять карт вместо произведенных вами шестидесяти трех. Вы повторяете все сначала и на этот раз производите только пятьдесят пять карт, что с учетом четырех оставшихся с прошлого раза дает как раз пятьдесят девять, которые можно продать. Каков результат?

— Ну как, выход в ноль, я полагаю.

— Неужели? В последний раз вы потратили на зарплаты сорок четыре сребреника и тридцать на материалы, чтобы создать шестьдесят три игральные карты. Сколько вы потратите на этот раз?

— Сейчас я посчитаю. Сорок четыре и тридцать в сумме семьдесят четыре. Труд и материалы в расчете на одну единицу — одна шестьдесят третья часть от этого. — Перри принялся считать на логарифмической линейке. — Получается один, запятая, сто семьдесят пять сребреника на карту. На этот раз мне предстоит произвести пятьдесят пять карт. Пятьдесят пять на один запятая тысяча сто семьдесят пять — получаем шестьдесят четы-

ре и семь десятых сребреника.

— Эти люди в прошлый раз купили тридцать семь карт на свои семьдесят четыре сребреника. Что они смогут купить в этот раз?

— Тридцать две с мелочью.

— Точно. Своему самому крупному сегменту рынка вы продаете на пять карт меньше, чем в прошлый раз. В результате единственного разумного курса действий у вас останется еще больше карт, вы оставите некоторых людей без работы, вы создадите меньше реальных благ для общества и станете еще дальше от погашения своей расписки банку, ведь теперь вы должны сто восемь сребреников, а выплатить можете только девяносто один.

— Девяносто один? У меня вышло девяносто два.

— Все же девяносто один. Вы, быть может, забыли, что проценты со ста восьми сребреников составили уже одиннадцать.

— Действительно. Я посчитал, что десять, как в прошлый раз. И что же теперь? Похоже, меня ждет банкротство.

— Погодите секунду. Вы понимаете, чем было вызвано перепроизводство в первый раз?

— Ну конечно, банкир получил у меня деньги,

но не потратил их на мой товар. Все остальные тратили свои деньги по мере поступления.

— Тогда в чем проблема?

— Думаю, что дело, возможно, в процентах, которые вы назначили. Если бы мне не нужно было платить проценты, я вышел бы в ноль.

— Не торопитесь. Разница была немного другая, поэтому нельзя сравнивать. Даже банкирам нужно есть. Зачем банкиру управлять банком, если за это не платят? Скажите, каким был бы эффект, если бы кто-то другой со хранил часть своего дохода вместо того, чтобы потратить все?

— Ой-ой! — Перри хлопнул себя по бедру. — Понимаю! Если кто-то еще сохраняет доход, полученный в этом цикле, возникает дисбаланс и перепроизводство.

— Именно. В задаче, которую мы только что расписали, я сделал банкира бережливым злодеем просто потому, что банки были наиболее злостными преступниками. Они устанавливали как можно более высокие процентные ставки и почти ничего не тратили, тогда как работягам в большинстве своем приходилось тратить все, что они получали, по ходу дела. Но все поголовно были виновны в экономическом преступлении бережливости, потому что не использовали свою

покупательную способность «по полной программе», и так приводили себя к банкротству — и отец, чья жизнь была застрахована, и ребенок с его копилкой для монет.

— Погодите минуту, магистр Дэвис. Мне кажется, что сэкономленные деньги в конечном счете все равно используются для приобретений, пусть даже через несколько лет. Со временем все сбалансируется. Должны были найтись какие-то потребители, которые тратили свои сбережения в нашем первом цикле и так компенсировали экономию других.

— Они были, разумеется. Если сбережения действительно хранятся в чулке, вреда от этого нет. Выравнивание происходит, нераспроданные остатки продаются в следующем цикле. Но большая часть денег сохраняется совсем иначе. Обычные люди вкладываются в страхование жизни и помещают деньги на сберегательные счета. Промышленники и финансисты вкладываются в наращивание основного капитала — то есть используют деньги для увеличения объемов производства. В любом случае деньги служат для производства новых вещей.

— Но как это может навредить? Мы ведь только что показали, что деньги, использованные

для производства, создают дополнительную покупательную способность, которая идет на произведенные товары.

— Это верно, но вы смотрите лишь на один фрагмент картины. Послушайте внимательно, это важнейший момент: потенциальная покупательная способность, не перешедшая в потребление, но сохраненная и инвестированная в производство в более позднем цикле, в обоих циклах фигурирует в затратах. Будучи реализованной во втором цикле, она оказывается нужна в этом цикле и не компенсирует дисбаланс первого. К примеру, если деньги, сэкономленные в вашем цикле игральных карт, экономились с целью финансирования цикла производства мармелада, каждый сребреник этих денег стал бы частью стоимости мармелада и был бы нужен для приобретения мармелада потребителями. Для приобретения игральных карт эти деньги не стали бы доступны. Чтобы сделать данное изложение более точным, следует упомянуть, что время от времени фонды основного капитала тратятся на потребление и что деньги иногда полностью изымаются из производства, но это также создает безработицу и все сопутствующие напасти. Паника тысяча девятьсот седьмого года

имела именно такую природу — ее искусственно вызвал Банк Моргана и его интересы.

Но вернемся к вашей фабрике игральных карт. У нее проблемы. Циклы продолжаются. И каждый раз банк получает все больше прав на ваш бизнес, и все большее число сотрудников остается без работы. В конечном счете для этих людей наступает критическая ситуация, и здесь уже частная благотворительность не может справиться. конгресс предлагает пособия. Поначалу конгресс пытается компенсировать пособия новыми налогами, но вы, бизнесмены, начинаете выть, что работаете себе в убыток, что действительно так. Налоги без исключений — такие, как налог с продаж, — это попытка облагодетельствовать одних за счет других, и они ни на йоту не повышают покупательную способность. Немного лучше, когда налогом облагается лишь высокий доход, но в долгосрочной перспективе это замедляет производство, нанося удар по источнику основного капитала. Конгрессу приходится изыскивать другие источники денег для субсидирования покупательной способности и выплаты пособий, поскольку разрыв между производством и покупательной способностью вырос до невероятных размеров, — в ваше время он превышал тридцать

процентов и исчислялся миллиардами долларов ежегодно. Один конгрессмен со Среднего Запада, заматеревший в выборных кампаниях Брайана, предлагает, чтобы правительство начало печатать зеленые доллары для обеспечения пособий для безработных, но банкиры клеймят этот подход как «безосновательный», «инфляционный», «радикальный», «наносящий удар» по самой сути нашего института. У банкиров огромное политическое влияние, так что они добиваются своего. Остается лишь один выход, и правительство выбирает его. Оно заимствует средства на пособия у банков. Верно, что у банков очень немного наличных денег, но закон, позволявший им одалживать вам деньги из чернильницы, позволял им одалживать и правительству на тех же основаниях, принимая в обеспечение все Соединенные Штаты, представленные не облагаемыми налогами облигациями, приносящими проценты. Государственный долг вырастает до небес, но система держится еще несколько лет, пока практически все не переходит в собственность банков, включая и правительство.

Перри прочесал пятерней волосы и присвистнул:

— Печальную картину вы нарисовали. Каков

же ответ?

— Мы с вами занимались обобщенной задачей, которая, будучи решена, ответила бы на вопрос: сколько денег требуется стране? Мы создали обобщенный цикл производства-потребления и проработали несколько вопросов в условиях вашего периода. Теперь мы можем решить задачу в общем виде, чтобы прийти к общему ответу. Полагаю, вы сможете это сделать, немного поразмыслив, но я сформулирую общий ответ, чтобы вы его обдумали, а затем одобрили или отвергли. Вот он.

Цикл производства создает необходимую и достаточную покупательную способность для цикла потребления. Если любая часть потенциала не реализуется через потребление, но вместо этого повторно инвестируется в производство, она фигурирует в затратной части вновь произведенных товаров, прежде чем снова преобразуется в покупательную способность. Следовательно, это приводит к потере покупательной способности в более раннем цикле. Следовательно, стране требуется равное этой потере количество новых денег.

Эти деньги должны быть напечатаны, а не позаимствованы в банках, поскольку не существует

способа их вернуть. Потребовать их возврата у страны в целом означает уничтожить покупательную способность, которая будет необходима в будущем. Потребовать их возврата у держателей облигаций — все равно что вежливо аннулировать обязательства по облигациям. Но это было необходимо и время от времени делалось, хоть и окольными путями.

— Как?

— Облигации выкупались за счет новых денег, затем деньги возвращались через налог с наследства и подоходные налоги. Из нашей основной формулировки существует ряд интересных следствий. Вот одно из них: никакая экономическая система не может создавать свой собственный новый капитал. Это должно делаться по решению суверенного государства. Банки не могут этого делать, даже когда им разрешено создавать деньги, поскольку они должны получать обратно деньги, которые создают и дают в долг, плюс оплату своих услуг, или процент. Более того, банкам вовсе не следует разрешать создавать деньги, поскольку они из необходимости заинтересованы лишь в извлечении прибыли. Они подвергают валюту инфляции или дефляции, чтобы получить прибыль, независимо от моне-

тарных потребностей страны. Их процентные ставки отражают искусственно созданный рынок денег, никак не коррелирующий со стоимостью услуги. Нет, банки нужно обязать давать в долг лишь из депозитов с обозначенным долговым назначением, иначе говоря, их резервы должны составлять сто, а не десять процентов, как в ваше время. Они должны строго разделять средства, выделенные для коммерческих операций (то есть текущие счета), средства, размещенные в банке с целью инвестирования или дачи в долг, и суммы, депонированные в сберегательные вклады. В таком случае клиент платит за услуги расчетно-кассового обслуживания и обмена, платит за услуги сбережения и получает проценты с инвестированных сумм. Однако банкир более не манипулирует денежной массой страны по своему разумению.

Далее, исходя из нашего определения денег и нашего исследования цикла производства-потребления, мы достигаем важного заключения, что не обязательно существует однозначная связь между налогами и тратами правительства. Если страна развивается промышленно, как Соединенные Штаты с момента своего основания, правительство обязано раздавать больше денег,

чем получает, больше на размер новых капиталовложений, чтобы избежать дефляции. Это новые деньги, которые никогда не были налоговыми сборами. На самом деле федеральное правительство вообще не нуждается в налогах, разве что в качестве средства регулирования. Ему не нужны вообще *никакие* налоги для получения доходов. Пока производство находится на подъеме, правительство вообще *не должно* собирать налоги на те суммы, которые оно тратит или раздает. Это дает правительству невероятную свободу. В ваши дни, если возникала потребность в новом линкоре или в новом шоссе, экономически разумно было бы просто взять и построить, заплатив новыми деньгами. Конгрессу следовало рассмотреть лишь два вопроса. Нуждается ли страна в этом линкоре или в этой дороге? И достаточно ли страна богата людьми и материалами, чтобы это построить? Если ответ на оба вопроса утвердительный — вперед, печатайте новые деньги и принимайтесь за работу.

— Минуточку, магистр Дэвис. А какова стоимость этих новых денег, если она у них вообще есть?

— В каком это смысле?

— Ну, в мое время деньги можно было обменять

на золото — нетривиально, но вполне возможно. Как можно быть уверенным, что эти новые деньги не просто бумажки?

— Как я уже говорил ранее, правительство принимает эти деньги в уплату налогов и за услуги — такие как услуги почтовой службы. Но вы хотите знать, чего они стоят в терминах реального богатства, как прежние доллары в крупинках золота. Хорошо. Если вы представите чек на тысячу кредитов или банкноты на тысячу долларов в любой из нескольких правительственных складов, казначей выдаст вам набор базовых товаров широкого потребления, веса и стандарты которых регламентируются законодательно.

— Где правительство берет эти товары широкого потребления?

— Выращивает или производит, покупает на открытом рынке и время от времени принимает некоторые из них в уплату налоговых сборов.

— По-моему, это ужасно сложно по сравнению с золотым стандартом.

— Сложно, но стоит того, ведь это гораздо более стабильное средство обмена, чем золото. Практика такова, что запасы товаров широкого потребления у правительства очень невелики, поскольку при наличии стабильного стандарта

денег народ предпочитает наличные или кредиты Банка Соединенных Штатов неудобствам возни с товарами широкого потребления. Всем достаточно знать, что можно получить реальное богатство в установленных размерах когда заблагорассудится.

— А как же международная торговля? Такого рода деньги стали бы в ней помехой.

— Золото, наравне с платиной, серебром и прочими удобными продуктами, по-прежнему применяется в экспортной и импортной торговле. Правительство покупает и продает эти продукты на открытом рынке для удобства граждан.

— Полагаю, теперь все проясняется. Но все равно сложно.

— Да, Перри, не так просто. Но это ерунда в сравнении с лабиринтом анархии вашей прежней денежной системы. Давайте вернемся к вопросу налогов. Тот факт, что между тратами правительства и налоговыми сборами не существует прямой и взаимно однозначной зависимости, поначалу пугает, однако он очевиден и проистекает из природы денег. Деньги в руках отдельного человека — это символ того, что все мы должны одному из нас. Этот символ в руках правительства означает, что все мы должны всем нам, — а

это уже абсурд. Нельзя быть должным себе, кроме как в поэтическом смысле. В руках федерального правительства деньги — это клочки бумаги с рисунками. Они приобретают смысл только в руках отдельных людей или групп людей.

В наше время признано, что федеральное налогообложение есть процесс дефляции, а траты федерального правительства — процесс инфляции. У каждого из этих процессов есть важные вторичные эффекты, посредством которых они могут служить для регулирования общего благосостояния. Налогообложение может применяться для предотвращения нездорового аккумулирования богатства, а также для компенсации слишком большого разброса чистых доходов отдельных людей. Выпуск новых денег — еще более мощный инструмент формирования экономической реальности, отвечающей нашим желаниям. Это средство гарантировать социальную безопасность всего населения посредством чеков на дивиденды или наследство. Оно может стимулировать производство и предотвращать раздувание цен — при помощи дисконтов. Оно используется, чтобы дать всем детям равные начальные условия. По сути, знание того, как использовать деньги, позволяет нам поощрять

что угодно или препятствовать чему угодно, без какого-либо физического давления. По своему желанию мы могли бы учредить в Соединенных Штатах настолько полный социализм, насколько захотели бы, не прибегая к конфискации и не прибирая к рукам средства производства. Нынешняя система подходит нам здесь и сейчас. Мы можем менять систему, если захотим, когда захотим, поскольку понимаем механизм экономики. Экономический детерминизм Маркса — это раздутое пугало, а американский народ — хозяин, а не раб своей экономической системы.

Дэвис отпил хереса и выглядел теперь слегка возбужденным.

— Надеюсь, вы простите мой энтузиазм. Это мой предмет, и я временами увлекаюсь.

— Меня это не удивляет, — отозвался Перри. — У вас на то есть причины. Признаюсь, что не все следствия мне пока очевидны, но звучит потрясающе.

— Вы все поймете, — парировал Дэвис, — причем через тот самый метод, который мы использовали. Вы можете рассмотреть любой возможный случай при помощи шахматных фигур. Скажем, добавьте в картину профессионалов, и вы увидите, что цикл не изменился.

Создайте торговый дисбаланс экспорта-импорта в нашу пользу и выясните, как можно этот баланс вернуть. Затем международную торговлю, при которой нас заваливают товарами, и поймете, как это дезориентирует нашу экономическую систему. Затем измените объемы таким образом, чтобы добиться баланса, и выясните, как нам извлечь из этого выгоду. Играйте на двух столах и проводите торговые сделки между столами. Пусть на одном столе будет цикл фермерского производства, а на другом — цикл фабричного. Добавляйте корпоративные организации, трастовые фонды, повторно дисконтированные ценные бумаги и тому подобное. Пусть профсоюзный лидер организует рабочих и устроит забастовку. Раздайте множество кредитов, а затем выстройте у банка очередь желающих получить наличные. Выпустите акции и наблюдайте за колебаниями рыночных цен. Объявите войну и переведите производство на военное положение. Подвергните валюту инфляции. Затем дефляции. Экономьте прибыль для расширения бизнеса. Снижайте цены в целях конкуренции. Разоряйтесь на аренде. Начните с примитивного бартера и переходите к более современным формам с использованием дивидендов, дисконтов и замахивайтесь на

общенациональный масштаб. Выполняя все перечисленное, не забывайте дублировать структуры реального мира. Это захватывающая игра, и она расскажет вам о деньгах и экономике больше, чем сможет рассказать кто-либо другой. Держите в голове сформулированную нами фундаментальную теорему о необходимости новых денег для наращивания капитала. Если вы обнаружите ситуацию, которая с виду этому противоречит или противоречит любому из наших прочих заключений, начните игру сначала, записывая подробно каждый шаг. Если ошибка не найдется, позвоните мне. Но я уверен, что вы найдете ее самостоятельно[27].

[27] Примечания: 27

Для пользы читателей некоторые типовые случаи рассматриваются в приложении в конце романа. Приводится типичный современный цикл, демонстрирующий в действии дивиденды и дисконты. Особый интерес представляют примеры экономики двадцатого века, показывающие глупейшие тупики, в которых оказались наши предки просто из-за неспособности понять природу денег. — *Примеч. автора.*

Глава десятая

Перри последовал совету магистра Дэвиса и провел несколько дней, выдумывая задачи и разыгрывая их при помощи своих экономических оловянных солдатиков. Он пригласил в игру Ольгу и Диану, и женщины добросовестно разыграли вместе с ним различные комбинации финансовых и экономических ситуаций. Поначалу они играли, чтобы просто угодить Перри, но затем поддались очарованию странных возможностей финансов прежних дней. Ольга проявила необыкновенные навыки в манипулировании акциями и товарами массового потребления, в результате чего скопила невероятное состояние — на бумаге. Диана выступала против этого и отстаивала точку зрения, что, очевидно, было бы незаконно, начни кто-либо проделывать такие безнравственные вещи с предметами первой необходимости. Отсылки к истории убедили ее лишь отчасти. Диане нравилось управлять фабриками, но банкир из нее вышел никудышный, поскольку она не видела никакого смысла в процентах и с трудом могла заставить себя принимать жесткие меры в отношении должников.

Обе признались, что раньше не понимали, как работают финансы и промышленность, и скорее принимали экономический режим за данность. Перри оказался в приятном положении — у него появилась возможность поучить уроженцев новой Америки тому, как работает их собственная среда обитания.

Наступил момент, когда он почувствовал, что полностью понимает функционирование обеих экономических систем, как старой, так и новой, и способен грамотно анализировать любую возможную экономическую систему. Тем не менее он обнаружил, что внутри его зарождается странная неприязнь к современной системе. Да, теперь он понимал ее механику и осознавал, что математическая теория в основе этой системы верна, и все же она не соответствовала его вкусам. Он решил позвонить Дэвису и пригласить его к себе, чтобы обсудить с ним свои сомнения.

Дэвис вскоре явился и, закурив и глотнув портвейна, открыл беседу:

— Что случилось, мой мальчик? Нашли черного лебедя?

— Почему черного лебедя?

— Это классический пример ошибочности дедуктивного метода. Силлогизм был такой: все

лебеди белые; эта птица — лебедь; следовательно, она белая. И вот в девятнадцатом веке кто-то нашел черного лебедя, и идеальный силлогизм пошел ко дну.

— Нет, черного лебедя я не нашел, но проблема у меня возникла.

— Не думаю, что вы нашли бы черного лебедя в сделанных нами заключениях. Вы можете столкнуться с тем, что многие проблемы просто не покрываются законом о капиталовложениях. Но сам по себе закон — это лишь описание принципа действия изобретенной людьми математической сущности, денег. Иногда мы сталкиваемся с дилеммами просто потому, что не способны различить математическую необходимость и объективную реальность. Маркс впал в эту ошибку, и она испортила всю его работу. К примеру и в частности, взять его определение стоимости. Вы заметили, что мы говорили о затратах в деньгах и ценах в деньгах, но ни разу не упомянули стоимость?

— Теперь, когда вы об этом сказали.

— Можете ли вы дать определение стоимости?

— Пожалуй, не смогу. Но, как мне кажется, я знаю, что означает это слово.

— Маркс считал стоимость мерой — числом

часов работы, необходимых, чтобы произвести конкретную вещь. Для реального мира его определение бессмысленно, так что он столкнулся со всевозможными затруднениями, которых пытался избежать, латая свое определение. Но определение было ошибочным, так что вся Марксова красивая, монументальная, логичная теория оказалась непригодна. Важен лишь его вклад в качестве агитатора против социальной несправедливости, а искусству экономики он подарил больше заблуждений, чем истин. Похожую ошибку он совершил, предположив, что человек живет своим желудком, а не головой. Так живут животные, а не люди. Верно, что человек должен заботиться о своем желудке, однако в остальном его мотивы могут не иметь ничего общего с экономикой. Отсюда следует, что экономический детерминизм Маркса был недействителен. Но я опять отвлекаюсь. Стоимость в экономике — это отношения между человеком и предметом или услугой. Это личные отношения, которые выражают, насколько сильно конкретный человек *желает* получить предмет или услугу. Экономическая стоимость предмета или услуги является приближением к среднему значению личных оценок предмета или услуги всех людей, состав-

ляющих общество потребителей. Стоимость плюс покупательная способность общества потребителей составляют фактический спрос. Цена есть функция спроса и предложения. Стоимость может выражаться в долларах и центах в этих сложных функциональных связях, однако стоимость — это не цена и не мера рабочего времени, это просто слово, выражающее желание отдельного человека обладать предметом или услугой. Я не даю этому слову новое определение, я просто констатирую факт, что именно это имеют в виду люди, когда говорят о стоимости. Продажа происходит, когда стоимость для потенциального покупателя превышает стоимость для владельца. Обратите внимание на разницу между Марксовой идеей стоимости и тем, что сформулировал я. Маркс пытается измерить стоимость затраченным трудом. А очевидный факт реального мира такой, что неэффективный, небрежный или же лишенный воображения работник может батрачить часами, чтобы произвести вещь практически бесполезную, которую никто не купит, то есть вещь, не имеющую стоимости. Умный, умелый и изобретательный работник может за короткое время создать вещь, которую будут с руками отрывать по высокой цене. У какой вещи

стоимость больше?

— Конечно же у той, что сделана лучшим работником.

— Конечно же. Один старый афоризм весьма точно это описывает: ценность вещи определяется тем, сколько эта вещь принесет. Даже при нашей текущей системе, когда правительство гарантирует сохранение достаточной покупательной способности, если предприниматель настолько неэффективен, что производит вещи, ценность которых ниже себестоимости, он разоряется. Но я снова отвлекся. Просто я старый болтун. О чем вы хотели поговорить?

— Что вы! Мне понравилось это отступление, и оно кое-что прояснило. А относительно моих затруднений — полагаю, что понял существующую финансовую систему, и вижу, что она действует более гладко, чем система моего времени, но некоторые ее особенности я все равно не способен оправдать. Особенно этот чек на дивиденды или наследство. По какому такому волшебству каждый гражданин должен просто так получать деньги на свои траты, независимо от того, работает он или нет? Я допускаю, что это нормально в случае вдов и сирот, больных, слепых и калек, но зачем потворствовать лени какого-нибудь

болвана-переростка, если он слишком ленив, чтобы обеспечивать себя? Зачем поощрять лень? Вот моя мысль: давайте увеличим дисконт, если требуется, и дивиденды для тех, кто нуждается в деньгах, но сам себя обеспечивать не может, а вот трутень, если не хочет работать, пусть помирает от голода. Зачем же позволять ему кормиться за счет всех остальных?

— Понимаю вашу мысль. Вам докучает, если кому-либо, способному трудиться, позволяется жить не работая. Но почему вы считаете труд добродетелью?

— Потому что эти бездельники используют товары, которыми могли бы в противном случае наслаждаться работяги.

— Вы знаете кого-нибудь, кому не хватает чего-либо из тех прекрасных вещей, что существуют в мире?

— Мм, нет.

— Тогда как вы можете утверждать, что бездельники потребляют вещи, по праву принадлежащие работягам?

— Ну, это кажется очевидным.

— Вы хотите сказать, что это кажется логичным вам. Но если вы не можете найти примера в реальном мире, может ли такая логика быть

верной? Боюсь, вы повстречались с черным лебедем.

— Возможно. Но как можно оправдать безделье трудоспособных людей?

Дэвис поджал губы.

— Этика — это больше вопрос мнения, чем наука. Мораль — это обычаи, а не закон природы. Однако, если вам необходимы аргументы из области морали, чтобы оправдать ситуацию, я их вам озвучу. В ваше время кто-нибудь жил не работая?

— О, разумеется, люди на пособиях.

— Я говорю не об этих людях. Предполагалось, что они хотели трудиться, просто не могли найти работу, а мы уже математически доказали, что они ее и не нашли бы. Я говорю о других, кто мог бы работать, но не желал, а жил все равно хорошо.

— Хм, нет.

— Уверены? Как насчет купономанов, землевладельцев, капиталистов, не занятых управлением? Праздных сыновей и дочерей богачей? Никого из них не существовало?

— О да, конечно же. Их было, может, несколько тысяч. Но они имели право бездельничать, если того хотели. Они сами или их отцы заработали

на такое безделье. Определенно, человек имеет право обеспечить своих детей.

— Все сегодняшние бездельники — это богатые сыновья работящих отцов.

— Вы меня разыгрываете?

— Я не шучу, всего лишь применил фигуру речи. Скажите, какие факторы создают реальное богатство?

— Так, для начала, конечно, труд, а также сырье и земля.

— Какими были факторы, когда мы начали играть в производство и потребление?

— О да, еще капитал, предприятие или управление, изобретение или технические знания, там еще и правительство участвовало, но я не уверен, что оно является фактором производства.

— Является, как вы сами увидите. Давайте рассмотрим эти факторы и попытаемся дать грубую оценку их важности. Везде, кроме самого райского из островов Южных морей, человек должен работать, чтобы жить. Маркс совершил ошибку, решив, что, раз этот фактор был открыт первым, он единственный достойный внимания, хотя даже в собственных работах Маркса подразумевалось существование и других факторов. Предприимчивость важнее работы. Без

инициативы, управления, руководства и воображения стала бы невозможной наша современная высокопроизводительная культура. Предпринимательство есть разновидность творческой работы, и она сложнее подражательной работы трудящихся и абсолютно необходима для высокоскоростных производств. Капитал, а точнее, капитализация есть, по сути, готовность владельца накопленного богатства рисковать этим богатством в надежде получить еще больше. Возвратом являются проценты. Но сегодня это уже не имеет такого значения. Капитал существует в достатке, а путем прямой конкуренции через Банк Соединенных Штатов мы снизили процентные ставки до таких значений, что прибыль стала соизмерима с риском. Этот урок нам преподнес Франклин Рузвельт на примере Корпорации финансирования реконструкции[28] и Федеральной жилищной администрации[29].

---

[28] Примечания: 28

Корпорация финансирования реконструкции — федеральное ведомство, основанное в 1932 г. Г. Гувером для распредления средств на строительные и иные проекты с целью ослабления экономического кризиса. — *Примеч. С. В. Голд.*

[29] Примечания: 29

Федеральная жилищная администрация — созданная во исполнение национального закона о жилье 1934 г. структура, которая занималась страхованием кредитов на строительство, регулированием системы ипотеки и другими вопросами. — *Примеч. С. В. Голд.*

Как я сказал, правительство — один из факторов. Так и есть, как минимум по той причине, что оно при помощи сил полиции делает среду нашего обитания безопасной для работы. Без правительства никто не смог бы аккумулировать богатство, и серьезные накопления стали бы невозможны. Если сказать иначе, отдельные люди приобретают богатство только с молчаливого согласия общины, а община может потребовать какой-то доли этого богатства для обеспечения всеобщего благосостояния. Правительство выполняет и многие другие нужные функции, слишком многочисленные, чтобы их перечислять, но вы поняли, что я хочу сказать.

Земля и сырье — очевидные факторы в создании богатства. Даже в простейшей экономической системе рабочим нужно что-то, из чего производить, и место, где можно производить богатство.

Последний фактор — технические знания или изобретения. Я говорю не только о новых изобретениях, на которые сейчас выданы патенты, но также про все полезное собрание знаний, начиная с каменного века. И хотя богатство можно создать без знаний или с минимальными знаниями, этот фактор самый важный из всех. Чтобы

согласиться с этим, достаточно рассмотреть любой распространенный товар. Скажем, пару обуви. На современной обувной фабрике один рабочий может производить примерно шестьсот пар обуви за день. Если учесть затраты на сырье и капитальные затраты, цифра упадет до всего четырехсот пар в день на одного рабочего. Может ли один человек произвести четыреста пар обуви в день самостоятельно? Посадите его в сапожную мастерскую — предположим, что он опытный сапожник, — в лучшем случае он сделает в день одну пару. Возможно, дело в руководстве? Руководство играет важную роль, ведь плохой менеджер снижает мощность производства процентов на пятьдесят, но фабрика все равно производит намного больше пар обуви, чем целая команда сапожников, в которой было бы столько же сотрудников, как на фабрике. Очевидно, что техническое знание и есть фактор, позволяющий добиться такого прироста производительности, и это вклад творчества изобретателя и творчества дизайнера. Именно поэтому сегодня мы так высоко оплачиваем их труд. Одна характерная черта работы творца-первооткрывателя в том, что его работа живет и после него и дает накопительный эффект. Мы обязаны неизвестному гению, создав-

шему колесо и ось, больше, чем всем рабочим, сегодня живущим на земле. Далее, изобретатели стоят на плечах всех своих предшественников. Ни одно современное изобретение не было бы возможно без работы, проделанной Бэконом, да Винчи, Уаттом, Фарадеем, Эдисоном и многими-многими-многими другими, несть им числа.

— Да, это все очевидно, ну и что с того? Каким образом труд этих людей оправдывает сегодняшнюю лень?

— Эти люди — наши праотцы. Они оставили каждому из нас самое ценное, помимо доброй земли и самой жизни, — наследство. Каждому из нас, заметьте, включая и ленивых, и трудолюбивых. Отказать своему брату, предпочитающему не работать, в его доле произведенных благ по причинам морали, причем морали в своем понимании, — значит присвоить себе то, что не ты заработал и на что у тебя нет прав.

Перри был сбит с толку, но не убежден:

— Допустим, то, о чем вы говорите, действительно так — я склонен в это поверить, — и все же требуется труд, чтобы применять доставшееся в наследство техническое знание. Разве не должен каждый трудоспособный человек вносить свой равный вклад в этот труд?

— Перри, уверен, вы понимаете, что в этом мире на всех не хватит тяжелой работы. Машины освободили нас от проклятия Адама. Как нам всем пробиться к пультам управления машинами? Конечно, вахты короткие, и большинство техников и обслуживающего персонала рано уходят на пенсию, но менять людей каждые пятнадцать минут — непрактично, равно как и готовить новый персонал каждые несколько недель. Вы ведь не предложите копать ямы, а потом снова забрасывать их землей, просто чтобы все были заняты работой? Не предложите уничтожить машины и вернуть к жизни сапожные мастерские? Спрос на творческую работу есть всегда, и он ничем не ограничивается, но и упаковать творчество в рабочий день невозможно в принципе. Если творчество у человека в крови, мы можем лишь дать ему свободное время, чтобы он развивал в себе это творческое начало. Скажите, вы много видели праздных людей?

— Нет, пока не видел.

— И не увидите. Потребность работать испытывают более девяноста процентов населения. Освободите человека от тяжелого труда, и он будет ковыряться в саду, в мастерской, станет учиться рисовать, попытается писать стихи, по-

лучать образование, ударится в политику, начнет изобретать, петь, придумывать приправы для салатов, покорять вершины, исследовать глубины океанов, а еще попытается полететь на Луну. По пальцам можно со считать тех, кто греется на солнце и мается от безделья.

— И что, они правда пытаются полететь на Луну?

— Да, конечно. Но я хочу дать вам картину существующей ситуации. Пусть в ваше время у семи мужчин имеется в общей собственности большой автомобиль, и все они хотят поехать из Сан-Франциско в Нью-Йорк. Джон калека, вести машину не может. Джо для этого слишком молод. Джек водить не умеет. Джейк — хороший водитель, но ненавидит это занятие, потому что у него слишком нервный характер. Джеп просто ленив, предпочитает смотреть в окно, а вот Джим и Джордж — оба хорошие водители, и оба не имеют ничего против того, чтобы порулить. Разумеется, в каждый момент времени за рулем может быть только один человек. Вы предлагаете, чтобы все они, за исключением калеки и ребенка, по очереди сидели за рулем? Но разве не более разумно заплатить двум водителям за их услуги, чтобы все вместе они с удобствами

попали в Нью-Йорк? Именно так мы поступаем сегодня. Мы оплачиваем тяжелый труд на благо нации — и оплачиваем хорошо — в дополнение к дивидендам от наследства.

Перри вскинул руки в театральном жесте капитуляции:

— Довольно. Хватит. Откровенно говоря, я пока не убежден, но доказывать вы, безусловно, мастер.

Дэвис пожал плечами:

— Лично меня моралистические соображения не интересуют. Американцы выбрали существующую систему, чтобы она служила им на данном этапе развития нации. Она подходит моему темпераменту, так что я не пытаюсь ее менять. Если вам нужна другая система — вы теперь умеете создавать такую систему, которая будет экономически целесообразна. Затем вы вольны попытаться убедить округ принять эту систему. Или даже штат. В ряде штатов есть свои особенности.

— Я так и понял. Какие?

— Что ж, в Висконсине очень высокие подоходные налоги, и, помимо федеральных дивидендов, там выплачивают еще и дивиденды штата. Там почти что полный социализм, и большинство

бизнес-предприятий являются кооперативами. Жителей штата это устраивает, но я нахожу это место довольно скучным. Кстати, позвольте мне сказать о практических выгодах всеобщих дивидендов в сравнении с вашим моралистическим вариантом. Во-первых, гарантируется высокая оплата труда, поскольку люди, не испытывающие в том экономической необходимости, не станут работать по ставкам потогонной системы. По той же причине гарантируются и хорошие условия труда. Профсоюзы становятся не нужны. Существующие сегодня профсоюзы представляют скорее клубные организации, чем батальоны классовой борьбы. Во-вторых, гарантируется социальное обеспечение для всех и каждого, что значительно упрощает работу правительства. В ваше время бюрократия социальных служб росла как на дрожжах. Нам не нужны работники социальных служб, потому что бедность не существует. И никому из частных лиц не приходится испытывать невыносимое вмешательство социальных институтов, сующих во все свои длинные носы и проводящих допросы, чтобы определить достойнейших из бедных. Дивиденды желательны хотя бы по той простой причине, что они положили конец бесконечной волоките

и недостойным моментам вашей прежней системы пособий, труда на благо общества, а также частной благотворительности.

— Но послушайте, дивиденды же не позволят оплатить операции и больничные. Что, если бездельник заболеет?

Дэвис не скрывал удивления:

— Вы разве не поняли, что услуги здравоохранения бесплатны? Как же может быть иначе? Община не может позволить кому-либо болеть из-за рисков эпидемии и дерегуляции социума. Не будь медицина национализирована, мы не смогли бы искоренить, скажем, сифилис и гонорею, и существующие социальные стандарты просто не появились бы. Медики являются госслужащими и входят в число наиболее высокооплачиваемых членов общества.

— А разве медицина при этом не становится безынициативной и не стремится ходить проторенными дорожками?

— Разве такое произошло с армией и флотом в ваше время? До того они были частными предприятиями, если вы помните. Но терапевт не должен обязательно быть госслужащим. Он может заняться частной практикой, если пожелает. Однако работа на общество оплачивается лучше,

нет экономических ограничений на стоимость лечения, даются все возможности для исследований с неограниченными средствами — в таких условиях практически все лучшие специалисты предпочитают работать на правительство.

— Вы мне напомнили еще об одном возражении. При такой системе все будут хотеть, чтобы их лечили только лучшие терапевты.

— И все хотят, но если у терапевта больше дел, чем он может осилить, он выбирает интересные и сложные случаи, а посредственным терапевтам достаются распространенные случаи. Так получается лучше для всех. В ваше время богатый ипохондрик мог купить время ценных людей, время, которое им следовало бы потратить на работу над сложными случаями.

— Полагаю, это достаточно справедливо. Медицина меня всегда завораживала.

— Вам следует слетать как-нибудь в Медицинскую академию Соединенных Штатов и попросить, чтобы вам устроили экскурсию. Это откроет вам глаза. За последние сто пятьдесят лет мы очень здорово продвинулись.

— Благодарю за идею. Однажды я так и поступлю. Но вернемся к нашему спору. Я сопротивляюсь до последнего. Прямо сейчас все, быть может,

и выглядит замечательно, но я в этой системе, как мне кажется, вижу источники будущих проблем. Разве она не поощряет воспроизводство непригодных людей в неограниченных количествах? Не был ли в конечном итоге прав Мальтус? Разве, делая жизнь слишком простой, вы не ослабляете всю расу?

— Не думаю, что это так, и считаю ваши страхи безосновательными. Размножение патологически непригодных людей ограничивается сочетанием специальных экономических стимулов и мягким давлением через угрозу оказаться в Ковентри. Исключительно умные и творческие люди популярны в качестве родителей. Известный хирург, музыкант или изобретатель получает буквально тысячи предложений по оплодотворению женщин, желающих родить исключительных детей или жаждущих социальной чести вынашивания отпрыска гения. В физическом отношении наша порода улучшается путем развития терапии желез и иммунизации. Родившийся сегодня ребенок никогда не станет излишне полным или излишне тощим, не сможет подхватить брюшной тиф, даже находясь в одной постели с больным. Вместо того чтобы защищать ребенка от инфекции, мы изменяем

гены его деда таким образом, что живучесть отпрыска десятикратно превышает оную дикаря из джунглей. Что до доктора Мальтуса, в его время не было добровольного зачатия. Если нам потребуется ограничить численность населения, мы к этому готовы.

— Да, мне теперь есть над чем поразмыслить. Но я просто чувствую, что тут где-то притаился черный лебедь. Возможно, я снова к вам пристану через несколько дней.

Дэвис усмехнулся:

— Действуйте, мой мальчик. Такой хорошей разминки у меня не было уже много лет. В той бутылке еще портвейн остался? Достаточно. Спасибо.

Глава одиннадцатая

Однажды утром Ольга обнаружила, что Перри бродит по своим апартаментам с сигаретой в зубах. Груда окурков рядом с почти нетронутым завтраком демонстрировала его душевное состояние. Он отрывисто поздоровался. Ольга широко улыбнулась:

— Да ты просто образчик жизнелюбия. В чем дело, сонная тетеря? Свалился с непрощухой?

Перри агрессивно потушил сигарету в блюдце.

— Хорошо тебе шутить, а для меня это все серьезно. Чертово место, меня от него уже тошнит.

Ольга сразу перестала улыбаться:

— Что не так с этим местом, Перри? Что случилось? Кто-то был с тобой суров?

Он нахмурился:

— Нет. Ничего такого, с чем ты могла бы помочь. Место отличное, и все ко мне добры. Просто меня от него тошнит, вот и все. Я знаю, что должен оставаться здесь, что мне это нужно, и я не спорю со своим приговором, но ты меня не заставишь это место полюбить. Я психую в четырех стенах.

Ольга просветлела:

— Что ты, Перри, ты не должен здесь оста-

ваться.

— Что? Почему это не должен? Меня же направили сюда на лечение.

— Да, конечно. И тебе следует проводить здесь достаточно много времени, чтобы нам было удобно тебя лечить. Но ты свободен в своих перемещениях.

— Ты это серьезно?

— Я всегда говорю серьезно.

Перри обрадовался:

— Разойдись, парни! Мы взлетаем! Слушай, я могу арендовать летательный аппарат?

— Бери мой, если желаешь. Мне он пока без надобности.

— Так, у меня появилась идея. Ты сегодня занята? Сможешь полететь со мной? Устроим пикник.

— Пожалуй, что я могла бы. Уверен, что не хочешь побыть один?

— Ни в коем случае. Ты отличная спутница. Не беспокоишь мужчину, если он не хочет разговаривать.

— Хорошо, летим. Я поищу какую-нибудь еду.

Уже очень скоро Перри потянул на себя джойстик, и аппарат взмыл вверх с максимальным ускорением. Перри поднимал его все выше и

выше, пока не достиг потолка этой маленькой летательной машины. Затем он выпустил крылья и разогнал аппарат до максимальной скорости. Они пронзали воздух в полной тишине, и единственным аккомпанементом служило приглушенное рокотание винта. Ольга сидела, откинувшись на подушки, и наблюдала за ним с одобрительной полуулыбкой матери, которая присматривает за играющим ребенком. Устав от полета по прямой, Перри выполнил маневры на винте, на крыле, пикирование и быстрые повороты. Наконец он выровнял аппарат и заговорил:

— Это было классно. Жаль, тут нет моего драндулета. Я бы тебе показал настоящую акробатику. Ты когда-нибудь делала петлю или летала вверх ногами? Выполняла пикирование в звене с работающим мотором? От этого эмаль с зубов слезает. Эта посудинка шикарная, но по сравнению с нашими старыми истребителями — просто детская коляска с амортизаторами.

— Звучит восхитительно, но ведь это же было ужасно опасно?

— Конечно, это было занятие для профессионалов. Да и для них это не был званый чай. Многие мои товарищи погибли из-за безрассудства, сбоя двигателя или чего-нибудь еще. Но это была

чумовая забава. Смешно, в воздухе со мной никогда ничего не происходило, а жалкое падение из автомобиля меня прикончило. Только не до конца. — Он по-мальчишески улыбался. — Чертовски забавно, что я тут появился через столько лет. Поначалу меня это здорово беспокоило. Боялся, что засну и проснусь кем-нибудь еще. Ты знаешь того индуса, приятеля Гордона? Наверняка помнишь, он приходил меня навестить. Похоже, он считает, что Гордон и я — один и тот же человек, просто у нас разные дорожки памяти. Я этого не понял и не знаю, как он сможет это доказать, но он утверждает, что если Гордон вообще вернется, то у меня просто будет две памяти. Он много болтал о последовательных наблюдателях и последовательном ощущении времени. Я не понял, но ему удалось меня приободрить.

Ольга тронула его за руку:

— Это хорошо, я рада.

— Самое веселое — это что я теперь могу просто быть гражданином этого мира и не чувствовать себя уродцем. Скажи-ка, ты голодна?

— Не особенно, я не соблюдаю расписание приема пищи. — Она погладила себя по мягкому заметному животику.

— Я вроде как пропустил завтрак. Давай где-ни-

будь упадем и поедим на природе.

— Хорошо. Где мы? — Они вместе склонились над экраном карты, затем Ольга выглянула в иллюминатор. — Как насчет этого? — Она ткнула пальцем в точку на карте.

— Минут двадцать, плюс-минус. Выглядит вдохновляюще.

— Я приготовлю ланч, пока ты пришпориваешь лошадей.

Полчаса спустя они сидели на южной границе Большого каньона и молча ели, наслаждаясь вечной красотой этого места. Затем Перри нарушил молчание:

— Знаешь, я видел это много раз, дважды после моего появления здесь и несколько раз в прежней жизни. От этого места у меня такое ощущение, что произошедшее со мной во времени — лишь случайность, не более значимая, чем десять секунд без сознания, проведенные боксером в легком нокауте. Здесь прошло сто пятьдесят лет, но изменения невозможно заметить.

Ольга кивнула, но ничего не ответила. Она смотрела вперед и вниз. Наконец она поднялась и стряхнула крошки со своего комбинезона:

— Давай выбираться. Это место я могу переваривать только в малых дозах.

Она шагнула внутрь машины и расстегнула молнию у горла. Перри последовал за ней и загерметизировал дверь. Когда они были в воздухе, убрав комбинезоны и закурив, Перри вопросил:

— Куда теперь?

— Мне все равно.

— Здесь вроде недалеко экспериментальный полигон лунной ракеты?

— Да, он к востоку от Флагстаффа. Хочешь туда?

— Очень хочу.

Он выровнял аппарат, проложил курс и включил автопилот. Ольга лежала на спине, погрузившись в мягкую дремоту. Перри наблюдал за ней, размышляя. Поездка оказалась весьма приятной, ничуть не менее приятной, чем путешествия с Дианой. Или почти столь же приятной. Ольга — классная девчонка, с ней весело. Она ему, безусловно, нравится. Не так, разумеется, как предположил магистр Гедрик, никакой привязанности Перри не испытывал. Он влюблен в Диану и предан ей, независимо от того, была ли такая преданность общепринятой в новом веке или нет. Смог бы он влюбиться в Ольгу, встретив ее первой? Возможно. Она не так красива, как Диана, и не так молода (Перри улыбнулся этой

мысли — время слишком сильно перепуталось, чтобы возраст имел значение), но определенно по-своему не менее соблазнительна. Она не делает прически и не применяет косметику с виртуозной изысканностью Дианы, но всегда тщательно выбрита и требовательна к себе настолько, что это необычно даже для человека две тысячи восемьдесят шестого года. Что до ее характера и личности, здесь вопросов нет — она что надо! Да, решил наконец Перри, он мог бы сильно влюбиться в нее — не встреть он Диану прежде. Жаль, что он не познакомился с Ольгой, когда был еще холост. Привлекает ли он ее? Он нравится ей, совершенно точно, но Ольге нравятся многие люди. Реагирует ли она как женщина на него как мужчину? Перри многое отдал бы, чтобы узнать. Он задумался: что она сделает, если он начнет за ней ухаживать?

Его грезы нарушил настойчивый звон сигнализации. Автопилот сдал управление и подвесил аппарат. Перри выглянул в иллюминатор и увидел колонну ярко-красных столбов, словно марширующих по холмистому плато. В нескольких милях за ними виднелась группа зданий. Прямо под аппаратом располагалась небольшая посадочная площадка и ангары. Посадочные

огни заморгали, предписывая посадку, и Перри с Ольгой повиновались. Их встретил худой загорелый обитатель пустыни, который показал, где припарковать аппарат, и ткнул большим пальцем в лестницу, ведущую к транспортной трубе. Они спустились вниз и пристегнулись внутри цилиндра. Ольга коснулась кнопки на пульте дистанционного управления, защелкали реле, и практически сразу же они при были на полевую станцию. Они поднялись по лестнице в большую комнату, оборудованную креслами, пультом управления, телевидом и скамейками. Здесь было почти безлюдно. Молодой человек разговаривал с девушкой в асбестовом комбинезоне. Ее капюшон и маска были откинуты назад, открывая копну рыжих локонов. Она рассмеялась его словам и что-то тихо ответила. Пожилой мужчина с озабоченным видом вошел из коридора справа и быстро исчез в соседней комнате. Больше никого видно не было. Ольга и Перри несколько секунд постояли в нерешительности, затем Перри сделал несколько шагов, тронул молодого человека за руку и обратился к нему:

— Прошу прощения.

Молодой человек вздрогнул и обернулся:

— О, извините. Я вас не видел. Могу я быть

полезен?

— Можете, — сказал Перри. — Мы хотели бы тут осмотреться, если это возможно.

— Безусловно. Добро пожаловать. Однако вам потребуется экскурсовод. Джо!

Из-за спинки кресла возникла светловолосая голова, за ней последовало рослое тело.

— Ага?

— Здесь парочка гостей, им бы поглазеть, что тут к чему на нашем заводике. Мне нужно контролировать запуск для Вивиан в следующем испытании. Ты не мог бы?

— Наверное, мог бы. — Юнец хлопнул журнал на кресло и присоединился к ним, протягивая длинную руку.

Перри поблагодарил его:

— Уверен, что тебя это не затруднит?

— Совершенно. Я рад немного развлечься. Здесь ведь довольно скучно. Идемте. Что вы хотите посмотреть в первую очередь? Ракеты? В основном всех это интересует.

Он привел их в огромный темный ангар. Большую часть ангара занимало исполинское полированное металлическое чудище, возвышавшееся над их головами. Перри присвистнул:

— Вы продвинулись дальше, чем я думал.

Джо проследил его взгляд:

— Вы об этом? Не ждите слишком многого. Это просто устаревшая стратосферная ракета. Максималка не позволяет ей пробить даже слой Хевисайда. Мы ее постарались оснастить для симуляции условий открытого космоса, насколько это возможно. Сейчас там заперт экипаж — пытаемся понять, смогут ли они это выдержать и не сойти с ума. Они там уже полтора месяца. Время от времени мы им устраиваем небольшой сюрприз — например, стравливаем половину воздуха. — Он широко улыбнулся. — И есть еще один сюрприз, которого они не ожидают. Один из них получил секретное указание — сойти с ума и стать источником неприятностей.

— Они могут оттуда выйти?

— О да, если командир потеряет самообладание. В противном случае — нет.

Ольга сжала кулаки:

— Зачем такое делать? Это бесчеловечно.

Джо наградил ее насмешливым взглядом:

— Сестра, если они не могут это выдержать, каковы их шансы в космосе?

— Зачем нужен этот космос? Разве Земля недостаточно велика?

Джо снова обратил свое внимание на Перри:

— Невозможно сделать так, чтобы человек всегда был доволен в чистой, милой, обустроенной цивилизации. Нам это нужно, вот и все. Там есть на что посмотреть, и мы посмотрим.

Перри кивнул. Ольга прикусила язык.

— А вон те малышки, это как раз то, над чем мы работаем. Курьерские ракеты. — Джо указал на угловатые металлические корпуса цилиндрической формы, сходящей на конус. — Конкретно эти модели были забракованы, но они очень похожи на те, которые мы реально испытывали. Одна такая вышла на постоянную орбиту, как нам кажется. По крайней мере, на выходе она делала примерно пять километров.

Ольга шевельнула губами:

— Вроде бы не очень быстро, триста километров в час.

— Не триста, восемнадцать тысяч. Ее скорость была пять километров в секунду. Но этого недостаточно. Нужна скорость в одиннадцать запятая три километра в секунду, чтобы вырваться из поля Земли.

— Это скорее применимо к выстрелам, а не к ракетам, не так ли?

— Верно. Разбираешься в баллистике, а, приятель? Подойдет любая скорость, если сила уско-

рения больше силы притяжения. Но расстояния тут просто огромные. Если не будет серьезного ускорения, можно за полет постареть.

— Вряд ли постареешь за полет до Луны.

— О нет. Луна-то рядом. Но, добравшись туда, мы построим базу и попробуем дальний прицел. Из слабого гравитационного поля, как у Луны, мы наверняка сможем отправиться к любой планете системы.

— Какое планируется использовать ускорение?

— Два *g*, больше уже будет невесело. Я десять часов такого ускорения выдерживаю в центрифуге, но я здоровый. И все равно испытываю дискомфорт, поначалу вообще тошнило от этого. Разумеется, на короткое время можно поднимать ускорение до шести или семи *g*, если есть хороший корсет, крепления и водяная подушка. Я вырубаюсь примерно на пяти с половиной.

— Что такое *g*? — прошептала Ольга на ухо Перри.

— Сила тяжести на уровне моря на Земле. При двух *g* ты будешь себя чувствовать так, как будто весишь в два раза больше, чем сейчас.

— А теперь посмотрите на эту малышку, — продолжал Джо, указывая на серебристо-серую

десятифутовую торпеду. — Мы таких отправили восемь штук к старушке Луне. Полезный груз — магниевая стружка, так что получается сигнальная ракета. Одна из них достигла пункта назначения — во всяком случае, из Флагстаффа сообщили о вспышке в Море Дождей. Поднимите. — (Перри наклонился к торпеде и приготовился тянуть огромный вес. Торпеда оторвалась от пола очень легко, и он чуть не упал на спину.) — Легкая, да? Это сплав вольфрама и алюминия, он легче калия и к тому же инертен.

— Я думал, он будет пористым, — сказал Перри.

— Он и есть пористый, но внутри зеркальная поверхность толщиной в две молекулы, она и предотвращает неприятности. Реальный металл здесь только в самих реактивных двигателях.

— Слушайте, — вставила Ольга, — если маленькая ракета добралась, почему не построить такую же побольше и не отправиться на Луну на ней?

— Понимаете, этой малютке нужно только вскарабкаться до точки равновесия, где силы притяжения Луны и Земли будут равны, — а затем просто падать. Чтобы достичь Луны и вернуться, нужно вскарабкаться, затем опуститься на Луну, используя ракетное топливо для компенсации

падения, затем снова вскарабкаться и опуститься уже на Землю, то есть пройти четыре стадии. Пока что мы этого сделать не можем. Но, как нам кажется, мы уже на пути к тому, чтобы построить ракету, способную пройти две стадии: покинуть Землю, облететь Луну, после чего вернуться обратно. Над этим работает Вивиан, та девушка из вестибюля. Она собирается испытывать новый вид топлива в наземных испытаниях.

— Наземные испытания?

— Это самые близкие к полетным условия, которые мы можем создать на Земле. Топливо испытали в лаборатории, пожгли в автономных реактивных двигателях, и для него спроектировали ракету, достаточно крепкую и легкую, чтобы все получилось. Сегодня испытание на макете ракеты с полноценным пультом управления и полноразмерными двигателями, но вся конструкция крепко пришпилена к земле. Реактивная струя создает напряжение и натяжение вместо ускорения. Эти нагрузки мы измеряем. Если все параметры будут в рамках расчетных, мы опробуем топливо на реальной ракете в полете.

Ольга перебила его:

— Если вы уже провели все эти предварительные испытания, что вы узнаете при помощи

ракеты, прикрепленной к земле? У вас уже есть данные о том, что будет?

Джо покачал головой:

— Не совсем так. Мы думаем, что знаем, что должно получиться, но это мы знали, уже когда составили уравнения синтеза топлива. Однако это полностью новая конструкция. А что, если она поведет себя иначе? Мы должны знать об этом до того, как корабль оторвется от земли.

Теперь заговорил Перри:

— А почему испытание проводит эта девушка, Вивиан? Разве это не мужское дело?

— Она проводит испытание, потому что имеет право. Именно она специалист по молекулярному синтезу, она создала топливо. Правда, это все, что она может себе позволить, потому что она не ракетный пилот.

Скорбно завыла сирена вне здания. Джо пошел к двери:

— Дуйте за мной, если хотите это увидеть.

Они вернулись по коридору, прошли через вестибюль, поднялись по винтовой лестнице и оказались в небольшом наблюдательном пункте. В сторону ракетодрома смотрело широкое и узкое окно из янтарного стекла. Несколько человек, уже расположившихся у окна, подвинулись,

чтобы освободить для них место. Джо обратился к одному из зрителей:

— Когда начинают?

— Вот-вот. Вивиан уже поднимается.

Перри взглянул вниз и увидел небольшую фигурку, казавшуюся вспученной из-за особой формы комбинезона, на лестнице, ведущей в люк наверху тупоконечной металлической конструкции. Фигурка замешкалась на полпути и повернула голову в шлеме к зданию. Перри показалось, что девушка улыбнулась. Она махнула рукой и исчезла в люке. Крышка люка закрылась изнутри, повернулась на девяносто градусов и замерла. Какое-то мгновение в комнате было тихо, а на ракетодроме ничего не происходило. Перри слышал частое дыхание Ольги, стоявшей рядом. Затем маленькая вспышка лилового пламени выплеснулась из-под кормы тестовой ракеты. «Понеслась», — сказал кто-то из зрителей, и напряжение спало. Пламя усилилось, стало светлеть и превратилось в ослепляющий белый язык, настолько же непроницаемый для глаза, как раскаленный добела металл. Пламя слегка раздувалось, и там, где оно касалось почвы пустыни, возникали мириады зеленых искорок. По комнате пошло обсуждение:

— А здорово, да?

— Да, на этот раз у нее получилось.

— Оно темнеет. В вакууме это была бы чистая энергия движения.

Пламя основного реактивного двигателя потемнело, стало лиловым и погасло. Мелкие двигатели, расположенные посредине ракеты, стали запускаться один за другим, и на мгновение сверкнул носовой двигатель. Послышались новые комментарии:

— Просто открытка, так чисто работает.

— Да, а мне все равно нравится прецессия. Управление мелкими дюзами слишком сложное.

— Красота, здорово смотрится.

Мелкие двигатели отключились, и снова заработал хвостовой двигатель, на этот раз лиловое пламя очень быстро превратилось в белое. Несколько минут оно было стабильным, затем задрожало, и Перри показалось, что он видит легкую тень в нижней части макета. Язык пламени вдруг стал темно-лиловым и разделился на две части. Перри услышал крик: «Ложись!» — и кто-то резко дернул его за руку, лишая равновесия. Он упал на Ольгу в тот момент, когда белая вспышка, похожая на вспышку от фотоаппарата, временно ослепила его. Раздался глухой рокот,

короткий скрежещущий удар, и затем наступила тишина. Перри с трудом поднялся на колени и поморгал. Рядом поднимался Джо. Они заторопились к окну. Ракета все еще стояла на поле, но она неуклюже накренилась в их сторону, и в паре метров от хвостового двигателя в корпусе зияла дыра. Облачко желтоватого маслянистого дыма мешало как следует все разглядеть. Джо повернулся и сбежал вниз по лестнице. Никого из других зрителей уже не было. Перри даже не заметил, когда и как они успели уйти. Он снова смотрел в окно, пытаясь разобраться, и тут услышал рядом с собой голос Ольги:

— Что произошло, Перри?

— Пока не знаю. Что-то пошло не так.

— Та симпатичная рыженькая — она пострадала?

— Сложно сказать. Не думаю. Ракета не выглядит так уж плохо.

— Давай спустимся.

Они вернулись в приемную и принялись беспокойно ожидать, когда кто-нибудь появится. Наконец возник Джо, и Перри перехватил его взгляд.

— О да, это вы, ребята. Я про вас забыл.

Он остановился рядом, неловко и почти с доса-

дой. Перри забросал его вопросами:

— Что случилось?

— Пока никто не знает. Это или топливо, или сопло.

— Кто-нибудь пострадал?

— Только оператор.

— Погибла?

— Пока нет такой информации. Обгорела до хруста и правую ногу потеряла. Слушайте, не хочу грубить, но я ужасно занят. Прошу прощения.

— О, разумеется. Извини.

И Джо исчез. Ольга взяла Перри за руку:

— Давай улетим отсюда, пожалуйста, Перри.

— Точно.

Никто из них не произнес больше ни слова, пока они не вернулись в летательный аппарат.

Глава двенадцатая

Следующие несколько дней Перри упивался вновь обретенной свободой. Он совершил несколько путешествий просто потому, что свобода была так приятна. Иногда его сопровождала одна или обе девушки, но чаще он делал это в одиночестве. Он приобрел привычку сообщать Ольге или другому ответственному лицу о том, куда направляется и когда планирует вернуться, и ни разу не столкнулся с возражениями относительно своих планов. Его путешествия были разнообразными. К этому моменту он практически полностью познакомился с обычаями страны и мог даже прогуляться по мегаполису, не вызывая комментариев окружающих. Он провел несколько дней в Сан-Франциско, изучая город и глазея по сторонам. Он посетил Беркли и нашел магистра Каткарта — тот был рад видеть Перри и устроил ему экскурсию по университету. Перри поразила совершенно неакадемическая атмосфера этого места. Студентов, похоже, было немного, так что университет совсем не походил на муравейник, как академические институты его времени. Он спросил у Каткарта, какова чис-

ленность студентов.

— Порядка пятидесяти тысяч, — ответил Каткарт.

Перри заметил, что, наверное, сейчас каникулы. Каткарт ответил, что дело не в каникулах, — мало кто из студентов живет в Беркли. Он объяснил, что существующая практика требует присутствия учащихся лишь для выполнения лабораторных работ, тогда как на смену лекциям пришли стереоскопические записи наподобие тех, что смотрел Перри. С другой стороны, существуют близкие личные отношения между учителями и учащимися, поскольку прямая передача знаний происходит в основном на семинарах, а не на классных занятиях. В основе обучения — дискуссионные группы и регулирование направлений учебы, а не шаблонная зубрежка к экзаменам образца 1939 года.

Каткарт собирался ехать в Вашингтон на заключительные дебаты текущей сессии конгресса. По существу, он собирался в отпуск, поскольку эти дебаты мог с большим комфортом слушать у себя дома, изучая записи в собственное удовольствие. Однако, как он сказал Перри, ему нравилось пастись на заседаниях в Вашингтоне и сплетничать с официальными лицами, чтобы

лучше прочувствовать атмосферу места. Он считал, что это помогает ему в передаче знаний о существующем положении дел.

Узнав, что Перри еще не был в Вашингтоне, Каткарт пригласил и его. Перри объяснил, немного смущаясь, что он пока не вполне свободен. Однако звонок магистру Гедрику разрешил это затруднение, и Перри отправился на ракетодром, расположенный на берегу залива.

Это было первое путешествие Перри на ракетном корабле. Три часа он провел словно маленький мальчик, заполучивший сразу два рожка мороженого. Прозрачная переборка разделяла кресла пассажиров и отсек навигации. Перри устроился в первом ряду кресел и попытался разобраться, как устроено управление. Вместо основного джойстика за базовое управление отвечали двойные ряды кнопок, располагавшиеся по периметру торчавшего из приборной панели фланца. Перри поинтересовался у Каткарта причинами столь странного расположения, но историк признался, что никогда об этом не задумывался. Каткарт вызвал стюардессу и устроил с ней небольшое совещание. Она поколебалась, но все же направилась в отсек навигации и завладела вниманием одного из пилотов, который

оглянулся и встретился с Перри взглядом через прозрачную перегородку. Затем он что-то ответил стюардессе. Она кивнула и снова вошла в пассажирский отсек.

— Командир говорит, — обратилась она к Каткарту, — что ваш друг может занять кресло инспектора, если пристегнется и будет вести себя тихо при маневрировании.

Перри поднялся, сияя от радости, поблагодарил девушку и повернулся к Каткарту:

— Вы точно не против?

— Вовсе нет. Я хотел бы подремать.

Стюардесса пропустила Перри в отсек навигации и пристегнула его в кресле, расположенном прямо за пилотом и навигатором, дюймов на десять возвышавшимся над их креслами. Командир коротко кивнул Перри и отвернулся. Перри проследил его взгляд и увидел, как огни на поле загорелись красным, а затем маяк прямо по курсу стал зеленым и замигал двойными вспышками. Командир протянул руку и зажал пару тумблеров между большим и указательным пальцем. Зазвучал звонок, на табло зажглась надпись «ПАСАЖИРАМ ПРИСТЕГНУТЬСЯ». Перри ощупал свой ремень безопасности. Пилот надавил пару кнопок, а потом, работая очень

быстро и последовательно, еще несколько пар. Перри ощутил тяжесть, облако белого дыма заволокло смотровые иллюминаторы. Оно почти сразу растаяло, а земля оказалась далеко внизу. Под ними исчезал город Сан-Франциско. Руки пилота возбужденно перемещались по органам управления. Перри наблюдал, как на альтиграфе сменяются цифры: две тысячи, три, пять, десять, тринадцать… высота продолжала расти. На двадцати тысячах метров пилот выровнял корабль и начал ускорение — оно росло до тех пор, пока они не достигли скорости тысяча семьсот километров в час. Освещение в отсеке казалось нереальным, повсюду словно мелькали вспышки и резкие тени сварочной дуги. За бортом струилось темно-фиолетовое небо и немигающие четкие звезды. Прямо по курсу Перри разглядел восходящий серп созвездия Льва. Он изогнулся в кресле и попытался увидеть Солнце, но его заслоняла корма корабля. Пришлось удовлетвориться своим воображением, представляя, как могли бы выглядеть протуберанцы и пятна на Солнце. Ему вспомнилось предупреждение, напечатанное на посадочном талоне: «ОПАСНОСЬ! ВОЗМИ ТЕМНЫЕ ОЧКИ У СТЮАРДЕСЫ ПРЕЖДЕ ЧЕМ СМОРЕТЬ НА СОНЦЕ», — и тот факт, что воз-

можностью взять у стюардессы темные очки он пренебрег. Земля внизу проплывала, словно пластиковая миниатюра с мельчайшими деталями. Миниатюра удивительно напоминала подсвеченную карту маршрута, развернутую на панели инструментов. Мерцающая красная точка плыла по поверхности карты. Перри признал в этой штуке устройство счисления пути и заинтересовался, как оно работает. На основе воздушной скорости? Вряд ли. На основе планетарной индукции? Возможно, но затруднительно, особенно с учетом полезной широты. Радио? Более вероятно, но все равно непростой фокус[30].

Когда пилот добился нужных показателей, Перри решился заговорить:

— Прошу прощения.

Пилот бросил взгляд назад, и его угрюмость слегка рассеялась.

— А, это вы. Забыл про вас. Что-то хотите?

— Только одно. Почему все органы управления дублированы?

— Вообще-то, они счетверенные, расположены парными сериями вокруг кресел пилотов. Думаю, вы интересуетесь, почему кнопки — щипковые

---

[30] Примечания: 30

Наверное, стоит напомнить, что в 1939 г. не было ни GPS, ни радаров, ни аэронавигации в современном понимании. — *Примеч. С. В. Голд.*

двойные.

— Да, почему не обычные кнопки, которые нажимаются?

— Каждая половина и есть обычная кнопка, но нужно свести вместе пару кнопок большим и указательным пальцем, чтобы выполнить действие. Глядите.

Пилот провел пальцем по клавиатуре, нажав не меньше десятка кнопок. Ничего не произошло.

— Это мера безопасности против случайных нажатий при высоких ускорениях. Я могу потерять сознание и упасть лицом на клавиатуру, но двигатели не отреагируют. При этом мой компаньон сможет посадить корабль при помощи своей клавиатуры. А если бы у нас были обычные кнопки и я нажал бы комбинацию предельного торможения, меня прижало бы к клавишам собственной инерцией, и не факт, что я смог бы отменить действие систем. А так мне нужно сделать щипок, или ничего не произойдет.

— Спасибо. Скажите-ка, как долго нужно учиться, чтобы стать пилотом ракетного корабля?

Пилот с любопытством посмотрел на Перри, но ответил:

— Если у вас подходящий темперамент, уложитесь в три месяца. Но всегда найдется что-то, чего

еще не знаешь.

В отсеке возникла голова стюардессы.

— Готовы пить чай, командир? А ты, Джек?

Навигатор молча кивнул. Командир согласился на чай и сказал Перри:

— Думаю, вам лучше выпить свой чай в салоне для пассажиров.

Перри отстегнулся и вернулся к Каткарту, который приветственно кивнул:

— Увидел, что хотел?

— Да, и меня весьма дипломатично выпроводили.

Бутерброды, чай и маленькие пирожки погрузили его в сон. Разбудил Перри сигнал торможения, когда они уже кружили над Вашингтоном. Он вовсю глазел на город. Это было место, которое время не изменило до неузнаваемости. Потомак и приливный бассейн были на месте. Памятник Вашингтону был там же, а Линкольн по-прежнему смотрел в зеркальный бассейн. Белый дом по-прежнему простирался среди раскидистых деревьев, безмятежный и невозмутимый. А на Капитолийском холме все еще покоился массивный греко-римский шедевр — Капитолий, обширный, мощный, бессмертный. У Перри перехватило дыхание и на глаза навернулись слезы.

Посещение Вашингтона получилось занимательным, но и без особых происшествий. Конституционные изменения были неочевидными. Город во многих мелочах изменился, однако основные его достопримечательности сохранились. Улицы не закрывались колпаками, а благодаря отсутствию автомобильного движения представляли собой популярные места для прогулок и отдыха. Перри побродил по этим улицам, заглядывая в музеи и галереи искусств. Один день он провел в галерее в Белом доме, без особого интереса слушая дебаты, ради которых приехал Каткарт. Президент дал распоряжение построить флот быстрых, не оснащенных вооружением патрульных судов дальнего действия, как воздушных, так и морских, для постоянного патрулирования границ от Алеутских островов до Гавайев и далее до Эквадора. Он выделил для этих целей часть дивидендов. План президента практически не встретил возражений, однако одна группа пожелала его расширить — выпустив новые деньги на создание более тяжеловесных бронированных ракет ближнего действия для обороны береговых линий. Дебаты тянулись своим чередом, и компромисс казался вероятным. Поскольку Перри больше не служил во флоте,

тема его не слишком заинтересовала — тем более что предлагавшееся вооружение явно не годилось для наступательной войны. Он пришел к выводу, что американский народ решительно настроен не сражаться и решительно настроен дать понять всему миру, что готов сопротивляться вторжению.

Тем вечером за ужином в Новом Мэйфлауэре Каткарт спросил у Перри о его самых ярких впечатлениях от Капитолия. Перри ответил, что самым ярким впечатлением стали конгрессмены, и объяснил, что они, похоже, во многих отношениях превосходили конгрессменов 1939 года. Каткарт кивнул.

— Вероятно, так, — сказал он. — Если в ваши дни и появлялись толковые выборные должностные лица, то это была дикая удача, которой вы не заслужили.

— И чем вы объясняете такие перемены?

— Многими вещами. На мой взгляд, нет единственного ответа на этот вопрос. Эта проблема находится в самом сердце политики, и она терзала философов на протяжении многих тысяч лет. Платон и Конфуций попытались ее решить, но тщетно. Эзоп сардонически сформулировал ее в басне о сходке мышей: «А кто наденет коло-

кольчик на кота?» Положительные перемены относительно твоего периода можно, как я полагаю, объяснить исправлением ряда очевидно неверных вещей, не углубляясь в теорию. Во-первых, все наши выборные должностные лица сегодня получают хорошую оплату, а также полную пенсию. Во-вторых, каждое должностное лицо дает полный отчет о своем финансовом положении, вступая в должность, затем ежегодно и, наконец, покидая свой кабинет в последний раз. В-третьих, государственная служба постепенно превратилась в почетную карьеру, как служба в армии и военно-морских силах в твое время. Учеба в Институте социальных наук сегодня столь же вожделенна, как в тридцать девятом году поступление в военное училище Вест-Пойнт. Большинство наших помощников министров и представителей исполнительных ветвей власти — выпускники этого института. Их вербуют, потому что они обладают такой же репутацией в плане коэффициента полезного действия и неподкупности, какой всегда обладали выпускники ваших Вест-Пойнта и Аннаполиса.

Разумеется, искусству политики в институте не научишь. Лучшие люди по-прежнему приходят со стороны. Наша полноценная система соци-

ального страхования дает возможность любому человеку с интересом к политике действовать в этой области, а некоторые изменения в кодексе обычаев даже побуждают их этим заняться. Фонды кампаний и допустимые виды агитации сегодня держатся в очень жестких рамках, и это изменение настолько же значимо, как различие между вашим временем и выборами в начале девятнадцатого века, когда человек объявлял о своем выборе счетчику голосов в участке и выбранный кандидат пожимал этому человеку руку и наливал ему виски. Сегодня наша цель — гарантировать, что каждый голосующий имеет возможность узнать биографию, историю и предложения каждого кандидата. Кандидаты должны совместно пользоваться правом бесплатной рассылки писем. Они должны появляться в эфире вместе, они должны воздерживаться от определенных видов эмоциональных призывов. Людям проще разобраться в предложениях кандидатов сейчас, чем в тридцать девятом году, благодаря совершенствованию образования. Избиратели уже не так поддаются магии слов, их сложнее очаровать.

Думаю, самая важная перемена — та, что повысила содержание честности и увеличила

коэффициент полезного действия в правительстве, — это расширение гражданских прав сразу после разгрома неопуритан. Ты помнишь новый конституционный принцип, запретивший принимать законы, предотвращающие совершение гражданами действий, не вредящих другим гражданам? И это означало конец пуританским законам, а также мерзопакостного бессознательного симбиоза между преступным миром и организованными церквями — ведь самым великим оплотом преступного мира всегда были моральные символы церковной веры. Все еще считаешь, что это невероятно? Подумай о том, что церкви обладали огромной политической властью. Было практически невозможно получить место в администрации, если церковь противилась этому. Исторический факт — и его легко проверить — в том, что любой публичный лидер любой коррумпированной политической машины неизменно оказывался видным деятелем крупной, могущественной секты. Он всегда щедро жертвовал церкви, особенно на ее благотворительные цели. С другой стороны, любая церковь публично выступала за честность в правительстве. И в то же время требовала, чтобы правительство подавляло любые виды действий,

безобидных по сути своей, но оскорбительных для Символов веры. Церкви и духовенство обычно охотно принимали слова, не подкрепленные делами. Торжественные заявления о чистоте в сочетании с десятиной и пением псалмов, а также готовность законодательно утверждать предрассудки церквей — вот и все, что обычно требовалось церкви от кандидата. Предводители преступных группировок, с другой стороны, были закаленными реалистами. Им было плевать на показную набожность кандидата, если на него можно было положиться в смысле защиты от преследования для поддержавшей кандидата группировки. Пуританские законы им были на руку до тех пор, пока не распространялись на них самих, ведь именно запрещенные вещи делали прибыльным их товар. Был ли в ваших тридцатых годах хоть один предводитель группировки, который желал бы скорейшей отмены восемнадцатой поправки?[31]

Именно пуританские законы, которые сами они нарушали, давали им в руки оружие конкурентной борьбы — механизм, под защитой которого они находились, можно было приме-

[31] Примечания: 31
Поправка, которой был введен «сухой закон». — *Примеч. перев.*

нять и для уничтожения врагов, не купивших кусочек местного правительства. И так продолжалось годами в каждом крупном американском городе — гангстеры и проповедники, по разным соображениям, поддерживали и избирали одних и тех же кандидатов. Это было неизбежно, потому что церкви требовали от правительства того, что правительство не могло или не должно было делать, — заставлять человека быть «хорошим» ради спасения души, вместо того чтобы вмешиваться в его жизнь лишь тогда, когда он пытается навредить окружающим. Церкви предлагали правительству тысячи обоснований, доказывая, что совать во все свой нос необходимо для благополучия всех людей.

К примеру, Браун торгует порнографией, и его необходимо остановить, ведь если он продолжит, то нанесет вред покупателю Смиту. Однако заметим, что Смита нужно избавить от вреда ради блага его, Смита, души, так говорит церковь. Каскады аргументов иногда весьма протяженные, но в каждом случае цепочка ведет к тому, что церковь пытается использовать государство, чтобы принудить гражданина к соблюдению веры — веры, к которой церковь не сумела привести гражданина без принуждения. Когда такое проис-

ходит, возникают условия, в которых неизбежно развивается мощная преступность. Она захватывает местное правительство и часто, управляя местными политическими машинами, захватывает правительства штатов и всей страны.

Всегда найдется человек, который поинтересуется: «А как же милые невинные дети? Их разве не нужно защищать?» Разумеется, нужно, но многое из того, что считалось для детей вредным, было таковым лишь в непроветриваемых умах религиозных моралистов. К примеру, сейчас мы знаем, что для детей не вредно привыкать к обнаженным человеческим телам, напротив, отсутствие такой привычки есть нездоровая ситуация. Мы знаем, что знакомство с объективным фактом двуполого размножения не вредно для детей, напротив, удовлетворяя их естественное любопытство ложью, мы создаем неприятности в будущем. Но мы знаем также, что никотин и алкоголь наносят детям больший физический вред, чем взрослым, так что мы наказываем взрослых, предлагающих это детям. Кроме того, мы с неодобрением смотрим на церковь, которая, прикрываясь обучением истинному Слову Божию, наполняет умы детей садистскими сказками о жестоком племени мстительных варваров. Мы

осуждаем показ изображений и статуй человека, пригвожденного к деревянному каркасу. Я говорю — осуждаем, но не запрещаем, поскольку ущерб — пусть он, наверное, и превосходит ущерб от наркотиков, вызывающих привыкание, — сложно доказать. Однако мы настаиваем, чтобы дети несколько лет учились в общественных Центрах развития, где их умы очищают от садизма, фобий, искаженных фактов, ложных определений и пере путанных абстракций, которые проповедники и священники старались им привить.

— Государство активно борется с религией?

— Разумеется, нет. Воспитывать в оппозиции к определенным догмам конкретных сект — не значит бороться с религией. Однако, если церковь продолжает преподавать антисоциальную доктрину, государство оставляет за собой право бороться с этими доктринами, предоставляя контрдоказательства. Важно помнить, что охота за головами[32] — ритуал религиозный. Должны ли мы его терпеть? Наиболее популярные секты твоего времени практиковали разновидность символического каннибализма. Обязано ли государство бездействовать в благоговейном страхе

[32] Примечания: 32

Здесь имеется в виду уничтожение оппонентов, а не подбор кадров. — *Примеч. С. В. Голд.*

перед этим весьма тошнотворным мифом? Наш ответ прост. Любая религия вольна проповедовать и практиковать, однако государство и все конкретные люди имеют равное право давать отпор этим доктринам любыми мирными средствами.

— Разве некоторые секты не пытались противодействовать нетрадиционному обучению своих детей?

— Да, и в ряде экстремальных случаев они выбирали переезд в Ковентри, прямо целыми сектами. Они откололись от нас, так что мы, вместо того чтобы сражаться, отделились от них. Но мы говорили о политике, а теперь вдруг углубились в религию. На чем я остановился? Ах да, почему в нашей администрации люди получше, чем раньше. Думаю, большую часть причин я изложил. Естественно, этому помогло разрушение политической власти финансового капитала. Обязательность голосования тоже способствует появлению в администрации порядочных людей — дивиденды могут получать только те, кто проголосовал, а право голосования требует прохождения достаточно плотного учебного курса по особенностям функционирования правительства.

— А если человек не сдал экзамен, он теряет право голоса?

— Экзамена не существует. Ведь правящая партия могла бы использовать его, чтобы лишить оппозицию прав на голосование, — подобные законы использовались для лишения права голоса негров на Юге в твое время. Мы просто хотим убедиться, что гражданин получил подробную информацию относительно устройства правительства. Электорат интеллектуально развивается, и выявляют лучших кандидатов. Несмотря ни на что, у нас в администрации тоже есть определенный процент глупых, неумелых, малодушных людей. Это, знаешь ли, не Утопия. Это просто Соединенные Штаты Америки две тысячи восемьдесят шестого года.

Глава тринадцатая

В это время в Калифорнии Диана нанесла визит магистру Гедрику. Он сразу же принял ее и сопроводил в свой кабинет; гостеприимная улыбка на его лице плясала так яростно, что он ухитрялся походить на птицу сильнее обычного.

— Прошу, прошу, моя дорогая. Чем могу помочь? Я по тебе скучал в последнее время. Но мне удалось посмотреть некоторые твои эфиры в Чикаго по телевещанию. Ты была великолепна. Прелестна! Прелестна! Посажу тебя вот здесь, у огня. Что-нибудь поесть? Нет? Сигарету? Небольшой бокал вина? Что ж, хорошо. На той неделе я ездил на север и встретил твоих родителей. Оба здоровы и энергичны, наслаждаются жизнью.

Диана ерзала в своем кресле.

— Магистр Гедрик, меня кое-что беспокоит, и мне нужен совет.

Его лицо посерьезнело.

— Надеюсь, что смогу тебе помочь. Расскажи мне, что стряслось.

Она рисовала круги на полу большим пальцем ноги, обдумывая слова.

— Даже не знаю, как начать. Вы уже знаете

довольно много об этом вопросе. Знаете, как у Перри начались сложности и почему его направили сюда. А я очень привязана к Перри. Я думала и по-прежнему надеюсь и верю, что наш союз продлится до конца нашей жизни и будет усиливаться и развиваться. Но проблема с моим партнером по танцам, Бернардом, подпортила нам начало. Меня беспокоит, что это может произойти снова, и мне это настолько не все равно, что я, кажется, готова сделать что угодно, чтобы избежать повторения чего-то подобного.

— И как ты думаешь избегать подобных эксцессов?

— Сама не знаю. Я могла бы прекратить танцевать с Бернардом, когда истечет этот контракт, и больше с ним не встречаться. Но эта последняя совместная программа так хорошо пошла, что нам уже предложили новый контракт и значительное повышение зарплаты. Я знаю, Бернард ожидает, что я приму предложение. Он уже даже планирует, как потратит свои дополнительные кредиты.

— Ты веришь, что могла бы быть счастливее с Перри, отказавшись работать с Бернардом?

— Ну, это то, что я обдумывала. Как бы ни было, хотя Бернард ничего не говорил, а зрители,

очевидно, не заметили, я-то знаю, что моя с ним работа не так хороша, как когда-то. Меня от нее отвлекает боязнь мнения Перри. Если в танце есть любовная сцена, я не могу перестать думать о Перри. Я думаю о том, смотрит ли он и не считает ли мою игру слишком реалистичной.

— Ты собираешься вообще прекратить танцевать с партнерами?

— Я не заглядывала так далеко. Не знаю.

— Разве у тебя не может возникнуть аналогичный страх с любым другим партнером?

— Наверное, может.

— Ты понимаешь, что провести жизнь, определяя свои действия возможными мнениями другого человека, страдающего заблуждениями, будет очень непросто?

— Да, я понимаю, что вы правы. Но я готова попробовать, если это сделает Перри счастливым и он будет меня любить.

— Это положительно говорит о твоем сердце, но не о твоем здравомыслии. Ты нормальная здоровая девушка, и твои вкусы и желания настолько нормальны, насколько это возможно. Однако я полагаю, что вижу последствия такого курса действий куда более ясно, чем ты. Во-первых, этим ты не поможешь Перри поправиться.

Ты навсегда сделаешь его эмоциональным инвалидом. Вся твоя жизнь станет принужденной и неестественной. Перекроив себя в угоду его ложным стандартам, ты примешься менять и окружающий тебя мир, чтобы предотвратить конфликты с его тщательно пестуемыми заблуждениями. Постепенно твои друзья перестанут с тобой общаться, поскольку их будут тревожить ограничения, накладываемые тобой на их поведение и слова. И в конце концов наступит день, когда ты станешь одной из наших пациенток. Скажи мне, тебе нравится наша подруга Ольга?

— Ольга? Ольга просто замечательная.

— Ты когда-нибудь испытывала беспокойство из-за них с Перри?

— Нет, не сказала бы. Разве что как-то по мелочи. Иногда мне казалось слегка несправедливым, что он так наслаждается ее компанией в мое отсутствие, когда я так несчастна с Бернардом.

— Предположим, ты отказалась от Бернарда и любых близких связей с другими людьми в пользу Перри и что вы живете вместе. Предположим, Перри решает поехать в гости к Ольге на несколько дней, а тебя с собой не берет. Какова вероятность, что ты будешь люто обижена на Ольгу?

— Какая-то есть, наверное. Сложно вообразить, что я обиделась на такого замечательного человека, как Ольга.

— Я заметил, что Перри очень сильно заинтересовался ракетной техникой. Ольга рассказывает мне, что вам обеим это не нравится из-за физических опасностей такой работы. Ты потребуешь, чтобы он отказался от этого?

— Как я могу? — удивилась Диана. — Он должен решать самостоятельно, должен найти себя в том, что ему нравится. Я не должна вмешиваться.

— И при этом ты планируешь отказаться от собственной карьеры или значительно переменить ее, чтобы соответствовать его заблуждениям. Не скажешь ли ты однажды, что принесла ему в жертву лучшие годы своей жизни и в благодарность за это он должен по меньшей мере не лезть в опасные дела?

— Никогда я так не скажу. Это было бы неправильно. О боже, может, и скажу. Я не знаю. Все очень сложно.

Гедрик улыбнулся и коснулся ее руки:

— Не позволяй своему сердцу беспокоиться, дочка. Ситуация не настолько серьезная. Я лишь показал тебе некоторые из возможностей, чтобы ты смогла понять последствия своих решений.

Во-первых, твой молодой человек будет полностью излечен. У него хороший прогресс, очень хороший. Ты можешь, соответственно, пересмотреть свои планы. Ты страдаешь от легкого атавизма, ретроградной ложной идентификации, которую подхватила от него. Простой человек не осознаёт, что психические расстройства, не связанные с травмами, могут быть столь же заразными, как дифтерия или коклюш. Даже, я бы сказал, более заразными. В былые дни один человек мог заразить целый народ, особенно после изобретения радио. У тебя легкий случай. Физически ты здорова и сильна, прекрасный образец цивилизованной девушки, однако мысленно ты немного соскользнула в сторону женщины каменного века, греющейся на корточках у огня и съеживающейся в страхе перед случайным недовольством своего спутника жизни. Теперь, когда ты знаешь, в чем беда, исправь ситуацию. Перри будет в порядке, так что больше не беспокойся о нем. Иди вперед, живи своей жизнью. Принимай свои решения и своим умом. Общайся с мужчинами и женщинами так же свободно, как делала до встречи с Перри, и не беспокойся.

Диана встала, улыбаясь, и протянула руку:

— Большое спасибо, магистр. Я попробую. По

крайней мере, я решила принять тот контракт.

— Замечательно. Если снова начнешь тревожиться по этому поводу, приходи, и мы все обсудим.

— Еще раз спасибо. Теперь я могу отправиться домой и уснуть.

Глава четырнадцатая

В следующие две недели от Перри не было никакого прока в компании. Он с головой ушел в изучение ракетной техники и астронавтики, полный решимости быстро наверстать свое полуторавековое отставание в технических знаниях. Его можно было с легкостью убедить оставить учебу и влезть в летательный аппарат, но он постоянно настаивал на том, чтобы лететь к лунному ракетодрому. Ни Диану, ни Ольгу это не устраивало. Со временем они примирились с его целеустремленностью и энтузиазмом и нашли компромисс в том, чтобы он регулярно делал зарядку и вовремя ел.

Перри обнаружил, что наверстывать — не такая уж непосильная задача. В инженерных вопросах он обладал простыми эмпирическими взглядами, поэтому изменения в теории его не смутили. Математика баллистики и астронавтики оказалась проще, а не сложнее, чем баллистические формулы, которые он когда-то применял для расчета траектории снарядов. В частности, метод переменных экспонент Сиаччи — Верне намного проще описывал действие движущегося тела в

газовой среде, чем громоздкие эмпирические формулы самого Сиаччи. Химия металлов и химия взрывчатых веществ совершили огромный скачок, но с развитием знания теория, как обычно, упростилась, и вскоре Перри обнаружил, что способен понимать и оценивать по достоинству современные технические публикации. Он искал и не смог найти какие-либо описания применения в ракетной технике знакомых ему взрывчатых веществ. Он сделал мысленную пометку, поскольку казалось возможным, что и он сможет кое-чему научить современных инженеров.

В конце апреля ему позвонил Каткарт и удивил деловым предложением. Каткарта наняли в качестве технического консультанта для постановки исторической приключенческой драмы, действие которой разворачивалось в Соединенных Штатах времен Перри. В ряде сцен предполагались воздушные бои в духе времени, но ни Каткарт, ни автор фильма не были довольны лабораторным моделированием сцен. Поэтому Каткарт звонил из Голливуда поинтересоваться, сможет ли Перри пилотировать музейный самолет. Перри обдумал идею и спросил, что это за самолет. Каткарт не знал, но переключил Пер-

ри на камеры ангара, так что тот смог увидеть машину. Это был легкий бомбардировщик «дуглас» с двигателем Пратта — Уитни, лошадей на семьсот пятьдесят. Перри прикинул, что максимальная скорость составит примерно 250 миль в час. Посадка будет жестковата. Он снова оглядел самолет и кивнул:

— Если машина на ходу или может быть поставлена на ход, я смогу пролететь на ней по водосточной трубе.

Через несколько часов он уже был в Голливуде, с любовью поглаживая органы управления самолетом. Его предварительный осмотр одновременно оказался приятным и разочаровал. Приятным, потому что машина была, по существу, в хорошей форме, а разочаровал, потому что очень многое требовалось сделать, прежде чем она поднимется в воздух. Металлические детали требовалось просветить и подвергнуть испытаниям и, по всей видимости, частично заменить. Хуже всего было отсутствие бензина, так что Перри пришлось раскопать старые технические публикации и объяснить молодому инженеру-химику, назначенному выполнять эту работу, что от того требуется.

Смитсоновский институт, одолживший само-

лет, нашел и парашют, послуживший образцом для нового парашюта. Парашют Перри складывал сам, поскольку оказался единственным живым человеком, кто знал, как это делается. Еще до того времени, как самолет поднялся в воздух, Перри приобрел у местных репутацию волшебника, поскольку Каткарт хранил в тайне источник знаний Перри. Наступил день, когда пилот застегнул ремень безопасности и запустил двигатель. Он покатался по полю, а затем, удовлетворенный, потянул на себя рычаг и взлетел. После деликатного жужжания современных летательных аппаратов рев мотора оглушал, но Перри радовался обжигающему ветру на своих щеках и приятной мощи дросселя. Он развернулся и снова пролетел над полем, уронив машину совсем низко. Крохотные фигурки носились по полосе и махали ему руками. Он знал, что люди ликуют. Он поднял старую калошу метров на шестьсот и испытал ее — мертвая петля, бочка, вираж, штопор, «падающий лист»[33]. Машина вела себя как хорошо обученная лошадь. Нако-

[33] Примечания: 33

«Падающий лист» — фигура высшего пилотажа, когда планирующий самолет попеременно делает крен вдоль продольной или поперечной оси, переходя в скольжение в ту или другую сторону. — *Примеч. С. В. Голд.*

нец он вернулся, совершил посадку и покатился обратно в ангар. Двигатель чихнул и затих. Толпа радостных раскрасневшихся людей вытащила Перри из пилотского кресла, его похлопали по спине и сопроводили внутрь.

Две недели спустя он пораньше отправился в Тахо, испытывая приятное чувство от проделанной работы. Сама по себе работа была, по его мнению, проста и совершенно безопасна. Любой военный пилот его времени привычно выполнял значительно более сложные задания. Однако коллеги сочли его умения феноменальными и относились к нему с огромным уважением. Из порта приехали пилоты ракетных кораблей, чтобы посмотреть, как он работает, и Перри с удовольствием прокатил некоторых из них с ветерком. Больше всего их поразило признание Перри, что он не умеет пилотировать ракетные корабли. Его заверили, что у него не будет совершенно никаких трудностей с получением вожделенной «падающей звезды» профессионального пилота. Его общее удовлетворение дополнял и лежавший теперь в кармане кредитный чек, увеличивший размер его счета в несколько раз. Он вспомнил времена, когда рисковал головой в патруле над морскими водами за десять долларов в день, и

хмыкнул. Закон спроса и предложения сыграл в его пользу. В этом мире ему буквально всучили довольно большие деньги.

Летательный аппарат мирно мурлыкал, а мысли Перри теперь занимала Диана. Она обрадуется ему, а он будет рад увидеть ее. Репетиции для новой серии танцев не позволяли им часто видеться, пока он был в Голливуде, а общение по стереоскопическому телевиду встречей не считалось. Нет, никак не могло считаться… по крайней мере в некоторых отношениях… Он улыбнулся своим мыслям. Наверное, она не в Тахо. Однако она может быть и дома. Домом Перри считал домик в Высокой Сьерре. Почему бы сейчас не заглянуть туда?.. Вот бы удивить ее, если она там!

Он нашел нужный каньон, взял направление на водопад, поискал взглядом маленькую крышу и посадочную площадку. Мягко приземлил аппарат, прошел через ангар и вниз по ступеням. Заговорил с дверью и помедлил, когда она бесшумно отъехала назад, после чего шагнул внутрь и огляделся. Поначалу он никого не увидел, но постепенно его глаза адаптировались к полумраку. Он замер и долгие секунды стоял неподвижно, сердце колотилось в груди, кровь пульсировала в висках. Затем медленно подался назад, стараясь

не шуметь. На цыпочках, но очень быстро он взошел по лестнице и сразу взлетел.

Удалившись на несколько миль, он подвесил аппарат в воздухе и обдумал ситуацию. Именно этого он и боялся. И они ожидали, что он будет мирно переносить такое! Что ж, он хотя бы сумел не нарушить условия своего освобождения и не поставил себя в идиотское положение, устроив сцену. Что теперь? Куда отправимся теперь? «Куда отправимся, ребята, куда отправимся теперь?»[34] Единственное достойное, что можно сделать, — удалиться и более не беспокоить Диану. К счастью, у него было достаточно денег, чтобы он мог себе это позволить. Он поступит кадетом в Порт-Годдард, как только его отпустят из Тахо, и в должное время получит свою «падающую звезду» и место пилота ракетного корабля. Возможно, удастся убедить Гедрика отпустить его сразу. Это было бы лучше всего. Жаль, что он не сможет регулярно встречаться с Ольгой. И очень грустно оттого, что не будет видеть Диану. Все это просто ужасно, стоит признать! Не говоря уже про Капитана Кидда! Кому в эти дни достается опека над кошками? Он раньше никогда особенно не

[34] Примечания: 34

Слова из популярной в годы Первой мировой войны песенки Говарда Джонсона «Where Do We Go From Here?». — *Примеч. С. В. Голд.*

любил животных, но привязался к этому старому коту — ворчливому и требовательному негодяю! А как он умеет лапками «замешивать тесто» на животе у приглянувшегося ему человека, включив свой моторчик в режиме электрического вентилятора. Да, Перри будет скучать по Капитану Кидду.

Размышляя, Перри постепенно осознал, что в его сердце нет гнева, нет красноглазой злобы, нет черной ненависти. Даже Бернард не вызывал ненависти. Перри не ожидал, что этот парень ему когда-нибудь понравится, мужчины-артисты попросту были не его круга люди, но он вдруг понял, что больше не испытывает праведного стремления обрушить свой гнев на беднягу. Он чувствовал лишь глубокое сожаление, что обстоятельства сложились так, что пришлось разорвать отношения с Дианой. Теперь он сожалел, что решил сделать ей сюрприз. Что ж, об этом знал теперь только он один. Однако! Знал лишь он один, а *он больше не испытывал ревности*. Перри сидел очень тихо, обдумывая этот удивительный факт. Могло ли так случиться, что он разлюбил Диану? Он обдумал и это. Нет. Диана была ему так же мила, как и прежде. При мысли о ней его кровяное давление все так же поднималось.

Он бы хотел, чтобы она сейчас оказалась здесь, чтобы обняла его. Нет, он более не испытывал потребности держать ее взаперти и огрызаться на каждого, кто к ней приблизится. Теперь он чувствовал даже большую уверенность в своей любви к ней и в ее любви к нему.

Стало быть, ничего менять не нужно. Можно просто игнорировать все эти дела. Ему сразу стало намного легче. Он громко рассмеялся, разблокировал управление и потянул на себя джойстик.

Двадцать минут спустя он открыл дверь своего маленького домика в Тахо. Вошел, весело насвистывая, отстегнул ремень и плюхнул его в угол. Ольга лежала на диване и читала. Она подняла взгляд, отложила книгу и сказала:

— Здравствуй, ясноглазка. Чему это ты так рад? Подойди. Хочу сосчитать твои руки и ноги. Хм, все, похоже, на месте. Возможно, ты остался без головы, но по ней ты не будешь скучать. Наигрался в салочки с облаками в этой диковинной штуковине? Хочу ради твоей пользы порекомендовать для тебя усиленную опеку.

Он приподнял ее и, держа в воздухе, наградил сильным поцелуем в губы. Затем он сел, развернув ее так, чтобы она оказалась у него на коленях.

— Так-то! Теперь можем поговорить. Ты скучала по мне?

Она извивалась и уворачивалась:

— Перри! Верни меня на место. Разве так нужно обращаться со своим лечащим врачом?

Но он крепко держал ее в руках:

— Не меняй тему, пожалуйста. Я хочу поговорить о нас с тобой. Скажи-ка, шлюшка, ты ведь возбуждаешься и не можешь с собой совладать, когда я рядом. Вот как сейчас. — Он потерся щекой о ее руку.

— Возбуждаюсь и не могу совладать? Что за выражения? Перри, что же ты хочешь этим сказать? Ты ведь должен быть влюбленным в Диану.

Он широко улыбнулся ей:

— Да, а еще должен страдать от патологической ревности. Ага, об этом я все знаю, но, понимаешь, я только что обнаружил, что исцелился.

Она повернулась у него на коленях и взглянула ему в лицо:

— Хочешь сказать, обнаружил, что больше не влюблен в Диану?

— Напротив, я люблю ее преданно, только более не одержим ревностью. Поэтому я и насвистывал, когда вернулся. Затем увидел тебя и вспомнил, что уже давно хотел сделать кое-что, поэтому

взял и сделал. Но ты не ответила на мой вопрос. Юная дева, возбуждаю ли я ваши первобытные страсти?

— Я не дева, и что это, черт возьми, за подход к занятиям любовью?

— Ты ведь все поняла. Как насчет этого? Говори.

— Что ж, раз ты настаиваешь, около тебя всегда, кажется, теплее.

Он снова поцеловал ее:

— Тогда давай. Чего же мы ждем?

— Перри, чертенок ты этакий, разве обязательно быть таким дерзким?

— Я думал, что вы, современные психиатры, не верите в красивые названия простых идей.

— Слова не важны, но ни одна женщина не будет против капельки нежности.

— Хорошо. — Он продемонстрировал свою нежность лаской. — Так лучше?

— Намного лучше.

Он перекинул ее через себя на диван и сам растянулся рядом.

— Нет, Перри. — Она чуть слышно вздохнула. — Право, не стоит. Я недавно позавтракала.

— Тогда задержи дыхание, пока я считаю до десяти тысяч по два.

— Ты безнадежен.

Она вздохнула и закрыла глаза.

Следующим утром Перри проснулся, чувствуя стеснение и зажатость. Он обнаружил, что его удерживают на достаточно узком диване два крупных объекта. Когда он смог сфокусировать взгляд, то обнаружил, что голова Ольги покоится на его правом плече, а голова Дианы на левом. Он мягко попытался высвободиться. Диана открыла глаза и сонно улыбнулась:

— Здравствуй, дорогой.

— Здравствуй. Будь я в тридцать девятом, я бы закурил «Мурад»[35].

— Что это значит?

— Не важно. Когда ты вернулась?

Ответила Ольга:

— Вчера поздно ночью. Я не спала, а ты так замечательно храпел, что мы решили тебя не беспокоить. Поэтому просто тихонечко шептались через твою мужественную грудь.

Перри решил не развивать эту тему. Очевидно, девочки уладили все вопросы какими-то женскими способами, выходящими за пределы его понимания. Раз это работает, лучше ничего не

---

[35] Примечания: 35

«Мурад» — турецкие сигареты. — *Примеч. перев.*

трогать.

Диана потянулась и зевнула:

— Умираю, как хочу есть. Кто-нибудь будет завтракать? Я закажу.

После завтрака Перри объявил, что собирается найти магистра Гедрика. Ранее он уже сказал женщинам о своем намерении поступать в Годдард и теперь принялся за осуществление своих планов.

Гедрик принял его с обычной любезностью. Перри рассказал, чем занимался в последнее время, а затем поднял вопрос о своей будущей учебе, которая откроет ему путь к пилотированию ракетного корабля. Гедрик с одобрением кивнул.

— Но, понимаете ли, сэр, если я отправлюсь в Годдард, мне потребуется постоянно находиться там по меньшей мере три месяца. Я не смогу появляться здесь каждый день или каждые два дня. Теперь я считаю, что излечился и полностью приспособился к современной жизни. И определенно я не страдаю сексуальной ревностью. Как вы считаете?

— Вы определенно излечились, мой мальчик. Последние ассоциативные тесты, которые вы сдали, неопровержимо доказывают это.

— Так вы уже какое-то время знали, что я из-

лечился?

— Действительно, действительно. Строго говоря, я сообщил суду, что вас освободили как заново приспособившегося более трех недель назад. Но вам я сказать не мог. Вы должны были узнать самостоятельно.

— Ох, будь я проклят!

Гедрик улыбнулся:

— Это вряд ли, сынок.

Глава пятнадцатая

Все наши американские общественные институты подразумевают, что каждый человек желает лишь двух вещей:

Во-первых, как можно более стабильной экономической обстановки, возможности смотреть в будущее, не боясь холода или голода, не боясь за себя или своих близких.

Во-вторых, возможности делать все, что *он* захочет делать, заниматься тем, что *его* интересует, тем, что *ему* кажется стоящим.

Первого нам удалось достичь вместе, ибо ни один человек не мог достичь этого в одиночку. В одиночку это неосуществимо. Так что мы сделали это – все мы вместе – при помощи дивидендов.

Второе возможно, если вещи, которые он хочет совершить, не вредят другим людям. Наш кодекс обычаев направлен на предотвращение такого ущерба, *и у него нет иных целей*. А большинство людей не желают вредить другим и не будут этого делать сознательно. Мы придерживаемся такой позиции, что если человек чего-то хочет и это не вредит другим людям – ради бога, пусть он это сделает!

Президент Монтгомери на праздновании трехсотлетия Билля о правах, 2089

Диана, Перри и Ольга сидели за круглым столом в небольшой, но уютной гостиной. Перед ними стояли остатки гурманской трапезы. Перри, налив вино в две крохотные чашечки, передал их девушкам:

— За удачу! Сохраните эту бутылку с остатками вина для меня, я допью, когда вернусь. — Девушки выпили за удачу, и Перри снова наполнил чашечки. — Мы счастливы, что ты приехала, Ольга. Нам тебя недоставало весь этот год.

— Ты знаешь, что я не могла остаться в стороне, Перри.

— Спасибо. — Он поднялся и шагнул к окну. Была ночь. Огромная луна виднелась высоко на юге и своим светом превращала пустыню Аризоны в неземную страну фей. — Какая приятная ночь! Не то чтобы это имело какое-то значение, но так гораздо лучше. — Он бросил взгляд в сторону настенного хронометра. — Еще около часа до полуночи, можем еще посидеть.

Ольга нервно крутила в пальцах сигарету и в конце концов сломала ее.

— Сколько тебя не будет, Перри?

— Чуть меньше двадцати четырех часов.

— Ты вернешься так быстро? Но Луна ведь так далеко!

— Довольно далеко, до нее примерно триста восемьдесят тысяч километров. Протяженность моей орбиты примерно восемьсот тысяч километров в общей сложности. Но моя скорость будет довольно высокой.

— Насколько высокой, Перри?

— Средняя скорость составит примерно шестьсот километров в минуту, пятьсот восемьдесят шесть и две десятых, если быть точным. На петле вокруг старушки Луны я буду лететь быстрее, но это потому, что я хочу снизиться, чтобы сделать несколько снимков.

— Мне кажется, это ужасно быстро. Тебя не раздавит ускорение до такой ужасной скорости?

— Нет, вовсе нет. Я мог бы развить эту скорость чуть больше, чем за полчаса, если делать это на половине *g*. Но если не считать первых минут, оно будет даже меньше. В первые четыре минуты я получу огромный импульс, а затем сброшу первую ступень.

— Она на твоем новом топливе, да?

— Да, использует пикроид. Я его спроектировал на основе бризантной взрывчатки, которая когда-то применялась, но мне удалось взять реакцию под контроль. Мы применяли вещество, из которого она делается, пикриновую кислоту, в бомбах и снарядах, но не в ружьях, потому что реакция шла слишком быстро и разрывала ствол. Но пикроид я могу контролировать и получать с его помощью невероятный импульс. Когда пикроид сгорит, я сброшу его баки и дюзы и все остальное, и останется вполне обычный ракетный кораблик.

Диана встала со своего места и посмотрела ему в глаза:

— Перри, откуда тебе знать, что эта штука не загорится вся сразу?

Он нежно улыбнулся:

— Не переживай, родная. Такого ни разу не было на испытаниях и не будет, или грош мне цена как математику.

Снова заговорила Ольга:

— Перри, ты точно решил лететь?

— А ты как думаешь?

Она покачала головой:

— О, ты и правда решил. Боже, разве ради этого мы изменили мир? Заботились о детях? Вернули миру здравомыслие?

Она отошла в дальний конец комнаты и повернулась к ним спиной. Перри последовал за ней, взял ее за плечи и развернул к себе:

— Ольга, посмотри на меня. Именно *к этому* стремились люди. Экономические системы ничто, кодексы обычаев ничто, если они не помогают человеку следовать за своим сердцем в поисках самореализации, искать смысл вещей, создавать красоту, находить любовь. Послушай меня. Если бы появилась новая смертоносная чума, ты ведь поехала бы в самый центр эпидемии, разве нет?

— Да, но чтобы спасать человеческие жизни.

— Не говори мне такое. Это вторичная причина, твое оправдание. Ты поехала бы, прежде всего чтобы изучить что-то, чтобы узнать, как

это работает.

— Но твое путешествие такое бессмысленное.

— Бессмысленное? Может, и так. Но Пастер не знал, какая польза в изучении одноклеточных организмов. Ньютон считал свое исчисление математической забавой. Мне все равно, будет польза или нет, но ты не можешь точно знать, что ее не будет. Я знаю лишь то, что у Луны есть и другая сторона, которую мы никогда не видим, и я собираюсь отправиться туда и увидеть ее. За мной однажды последует кто-нибудь другой в более совершенном корабле, и этот человек произведет посадку на Луну, прогуляется по ней и вернется, чтобы об этом рассказать. А в следующие несколько лет и веков человеческая раса распространится по планетам, словно пчелы, роящиеся весной, — находя себе новые дома, новые способы жить, новые и более прекрасные занятия. Я до этого не доживу, но, клянусь Богом, я проживу достаточно долго, чтобы показать им этот путь.

И я не погибну в этом путешествии. Во всяком случае, у меня нет такого предчувствия. Завтра в это же время я уже буду здесь, и мы снова вместе поужинаем. — Он сверился с хронометром. — Пора идти.

В вестибюле станции лунного ракетодрома было полно людей. Перри встретил у лестницы директор, сдерживающий толпу возбужденных посетителей. Крупный молодой человек в промасленном комбинезоне проталкивался через шумную компанию. Перри поймал его взгляд:

— Все готово, Джо?

— Все готово, магистр Перри.

Перри хлопнул его по плечу:

— Хватит уже этих магистров, парень. Я скоро вернусь. Да и ты сам полетишь в следующий раз.

Джо улыбнулся:

— Ловлю на слове, Перри.

— Годится. Ладно, слушай. Ты уже все закончил, да? Приглядишь за девочками здесь? Пусть им достанутся удобные места для наблюдения за стартом. Спасибо. — Он повернулся к Диане и Ольге. — Вот и все, я лечу. До запуска меньше десяти минут. Вас на поле быть не должно. Поцелуйте мужчину и идите. — Он огляделся и громко сказал: — Личная сфера!

Сканеры телевидов перестали щелкать.

Затем он поцеловал каждую из девушек, и они прильнули к нему. Он неуклюже обнял обеих, одной рукой Диану, другой — Ольгу, затем мягко отстранился. Сканеры снова включились. Джо

повел девушек к лестнице обсерватории, а Перри шагнул в шлюз взлетного поля.

Джо нашел места Диане и Ольге в башне обсерватории. Они видели Перри в белом свете прожекторов, он шел к кораблю размеренным парадным шагом. Корабль серебрился в лунном свете, огромный, странный. Он покоился на стартовом столе, чуть отклоняясь от вертикали и указывая на запад от меридиана. Перри вскарабкался по лестнице, вмонтированной в стартовый стол, достиг люка в боковой части ракеты и просунул ноги внутрь. Затем, полусидя, обернулся к зданиям и помахал правой рукой. Диане показалось, что она смогла уловить блеск его улыбки. Затем Перри скользнул внутрь и исчез. Крышка люка закрылась изнутри, повернулась на девяносто градусов по часовой стрелке и замерла.

Приложение к девятой главе

ПРИМЕЧАНИЕ: Это приложение не обязательно читать вместе с основным текстом. Оно приводится, чтобы развить замечания Дэвиса и дать читателю возможность понять причины экономических сложностей в начале двадцатого века.

Есть старинная байка о пяти слепых, которых привели посмотреть слона. Каждый изучил слона так хорошо, насколько смог, а затем описал его на основании своего опыта.

Один ощупал ногу и сказал: «Слон похож на ствол дерева».

Второй схватился за хвост и заявил: «Что за глупость! Это веревка».

Третий возразил: «Ты ошибся, брат. Он немного похож на веревку, но в действительности он как могучая змея». Этот слепой трогал слона за хобот.

Четвертый провел рукой по широкому крепкому боку зверя и воскликнул: «Как вы можете так заблуждаться?! Истинно говорю, это стена!»

Последний, пятый, не трогал слона вовсе, но слышал, как тот трубит. Он убежал, ибо счел, что его преследует ангел смерти.

Все они были правы, исходя из имевшихся у них сведений. *И все они, обладая лишь частью истины, пришли к разным, но неверным заключениям.*

Экономисты двадцатого века, независимо от школы, практически поголовно впадали в ту же ошибку. Примеры того, как они совершали подобные ошибки, основанные на частных случаях цикла производства-потребления, приводятся ниже.

ПРОБЛЕМА РЕНТЫ

(аргумент единого налога)

Используйте те же данные, что Перри и Дэвис, но учитывайте:

1. Банкир тратит весь приобретенный процент.

2. Владелец земли не тратит полученную ренту.

Перепроизводство: две игральные карты.

Тем не менее право на землю часто приводит к приобретению отдельными людьми ренты,

непропорциональной вложениям. Это так называемый «нетрудовой доход Генри Джорджа». Однако сам по себе нетрудовой доход не вызывает перепроизводства, так что, обложив его налогом, мы *не сможем* сбалансировать цикл. Наоборот, цикл разбалансируется еще больше. Обложение налогом нетрудового дохода есть лишь средство *социальной* коррекции.

ПРОБЛЕМА ПРИБЫЛИ

(социалистический аргумент)

Те же данные, но учитывайте:

1. Банкир тратит весь приобретенный процент.

2. Предприниматель тратит только два сребреника.

Перепроизводство: три игральные карты.

Та же ситуация, что и выше. Если прибыль предприятия кажется непропорционально большой, ее можно уменьшить заградительным налогом, но это не приведет к балансированию цикла, если эквивалентное количество денег не будет получено кем-то, кто их потратит.

ПРОБЛЕМА ТРУДА

(консервативный аргумент)

Используйте те же данные, но с банкиром, который тратит весь приобретенный процент в двух параллельных циклах. Пусть в дополнительном цикле будут проблемы с трудом из-за забастовки рабочих, требующих высоких зарплат и добивающихся в итоге своего. Пусть дополнительная стоимость труда составит 31,5 сребреника. Тогда в этом цикле цена карт составит 2,5 сребреника за штуку. Однако первый цикл может продавать на том же рынке по 2 сребреника за карту. Независимо от того, какой будет конечная рыночная цена, в обоих циклах получим перепроизводство, или же во втором цикле не получится компенсировать затраты, или и то и другое одновременно. Результаты:

А. Рыночная цена 2 сребреника, первый цикл балансируется, второй продает все произведенное, но заканчивается банкротством, 31,5 сребреника в минусе.

Б. Рыночная цена 2,5 сребреника, общее перепроизводство составит 15,75 игральной карты.

ДЕМПИНГ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

(аргумент высоких тарифов)

Используйте те же данные. Поместите на рынок игральные карты из другого цикла с более низкими затратами, в особенности затратами на труд, по цене 1 сребреник за карту. Наш предприниматель вынужден снизить цены и разоряется. Ортодоксальное решение двадцатого века: заградительный тариф на импорт. Рациональное решение: прекратить производить тот вид товаров, по которому нас демпингуют, и оплачивать импорт собственной валютой. Мы получим прирост реального богатства.

ПРОЦЕНТЫ

(антисемитский аргумент)

В этом аргументе есть зерно истины — оно в том, что непотраченные проценты разбалансируют цикл. Иллюстрация, приведенная в настоящем повествовании, является тому доказательством. И вне всякого сомнения, в банковском бизнесе было множество евреев, хотя ни в коем случае

не большинство. И на этом скудном основании множество раз в истории создавалась невероятная конструкция из полуправд и откровенных вымыслов, чтобы доказать, что евреи плетут заговор с целью порабощения всех остальных людей. Нам, в просвещенном двадцать первом веке, трудно осознавать, что этот абсурдный миф был причиной пыток, массовых убийств и бесконечного числа жестоких актов расовой дискриминации.

МОНОПОЛИЯ

(аргумент трестового банкротства)

Эту задачу следует решать в трех вариантах: монополия на сырье, монополия на технические знания и монополия в сфере предпринимательства. В каждом случае изменяйте данные таким образом, чтобы держатель монополии (а) получал слишком большие прибыли и (б) выдавливал с рынка конкурента.

Монополия на сырье противоречит общественным интересам. Государство должно применять свое право контроля или экспроприации, чтобы предотвратить ее.

Монополия на технические знания сегодня

ограничивается правами изобретателя на отчисления, однако в прежние времена изобретатель мог легально монополизировать свое изобретение, вплоть до варианта «собака на сене», когда не пользовался изобретением сам и не позволял другим делать это.

Монополия в сфере предпринимательства, если она не основывается на монополиях других типов, обычно указывает на более высокую эффективность, и ее следует в общественных интересах контролировать, а не пресекать. Сегодня мы считаем, что интересы общества потребителей первостепенны. Ранее считалось, что первостепенны интересы малого бизнеса. Эта точка зрения примерно похожа на позицию луддитов в начале индустриальной революции в девятнадцатом веке.

Очевидно, что естественных причин вполне достаточно, чтобы уничтожить крупный бизнес, который обслуживает людей менее эффективно, чем малый, при прочих равных условиях.

Приведенные выше иллюстрации, хоть они и неисчерпывающие, показывают виды ошибок, которые совершали наши предки. В каждом случае защитники приведенных аргументов брали частный случай уравнения производства-

потребления и считали его общим случаем. В каждом случае они были правы — как слепцы со слоном, — но, считая частные случаи общими, неизменно приходили к ложным выводам.

Для сравнения с экономикой двадцатого века мы сейчас рассмотрим задачу, которую разыгрывали Перри и Дэвис, в качестве иллюстрации общего случая цикла производства-потребления с применением современных методов дивидендов-дисконтов для балансирования цикла.

> Общая стоимость произведенной продукции – 126 сребреников.
>
> Число единиц (игральных карт) – 63 сребреника.

Предположим, что обладатели покупательной способности не потратили 26 сребреников. Следовательно, если правительство выпустит 13 сребреников в виде дивидендов и даст добро на дисконт в 13,126 сребреника, что составляет примерно 10 %, разрыв между производством и потреблением будет ликвидирован. Капитализация страны увеличится на 26 сребреников, и в следующем фискальном периоде объем производства возрастет, что увеличит и реальное

богатство страны.

Чтобы оценить задачу, ее следует изучать с использованием шахматных фигур или их эквивалента. Она подробно рассматривается в девятой главе.

Изобретение метода дисконтов для предотвращения инфляции обычно приписывается К. Х. Дугласу, шотландскому экономисту начала двадцатого века.

Реквием

Реквием

На одном из высоких холмов Самоа есть могила, и там, на надгробном камне, начертано:

К широкому небу лицом ввечеру
Положите меня, и я умру,
Я радостно жил и легко умру
И вам завещаю одно —

Написать на моей плите гробовой:
«Моряк из морей вернулся домой,
Охотник с гор вернулся домой,
Он там, куда шел давно»[36].

Эти же строки можно увидеть и в другом месте – они выцарапаны на регистрационной пластине от баллона со сжатым воздухом, которая приколота к грунту ножом.

---

[36] Примечания: 36

Из стихотворения Р. Л. Стивенсона «Завещание», выбитого в камне на его могиле на острове Самоа. Перевод А. Сергеева. — *Примеч. перев.*

Ничего особенного ярмарка собой не представляла — бывают и лучше. Скачки тоже не обещали никаких сюрпризов, хотя, по уверениям организаторов, в нескольких заездах участвовало потомство незабвенного Дэна Патча[37]. Палаток и лотков на площади было немного, да и сами торговцы выглядели довольно уныло.

Шоферу Д. Д. Гарримана казалось, что останавливаться тут незачем, поскольку их ждали в Канзас-Сити на совещании совета директоров. Вернее, там ждали только Гарримана, однако и у шофера были свои причины торопиться — веселая компания на Восемнадцатой улице. Тем не менее Гарриман не только велел остановиться, но и решил задержаться.

За ипподромом располагался большой огороженный участок. Перед входом высилась полотняная арка, украшенная флагами.

Красные с золотым буквы гласили:

> Только у нас:
> ЛУННАЯ РАКЕТА!!!
> Хотите отправиться в полет?
> Демонстрационные полеты дважды в

[37] Примечания: 37

Дэн Патч — рысак-иноходец, установивший в начале XX в. мировой рекорд в скачках на дистанцию в 1 милю. — *Примеч. перев.*

день.

У нас НАСТОЯЩАЯ РАКЕТА, на такой же

человек ВПЕРВЫЕ достиг ЛУНЫ!!!

Не упускайте свой шанс – всего 50 долларов!!

У входа, разглядывая ракетный щит, околачивался мальчишка лет девяти-десяти.

— Хочешь взглянуть на корабль, сынок?

Глаза у мальчишки заблестели.

— Еще бы, сэр. Конечно.

— Я тоже. Пошли.

Гарриман заплатил доллар за два розовых билетика, которые дали им право пройти за ограждение и осмотреть ракетный корабль. С детской непосредственностью мальчишка выхватил у него из рук свой билет и, не оглядываясь, умчался вперед. Гарриман подошел к ракете поближе и, окинув ее округлый обтекаемый корпус профессиональным взглядом, отметил, что это однодюзовая модель с кольцом маневровых двигателей вокруг живота. Затем, прищурив глаза за стеклами очков, прочел название корабля, выписанное золотыми буквами на празднично-красном корпусе: «Беззаботный». Заплатив

еще двадцать пять центов, Гарриман прошел в кабину управления.

Иллюминаторы были закрыты темными противорадиационными фильтрами, и, когда глаза привыкли к царившему в кабине полумраку, Гарриман медленно, любовно прошелся взглядом по клавиатуре приборной консоли и циферблатам, расположенным полукругом над ней. Каждый прибор — на своем месте, и все до единого он знал по памяти, словно они были выгравированы у него в душе.

Охваченный теплым ностальгическим чувством, Гарриман задумчиво разглядывал пульт управления, но тут в кабину вошел пилот и тронул его за руку:

— Прошу прощения, сэр, но нам пора отправляться в демонстрационный полет.

— А? — Гарриман вздрогнул и посмотрел на вошедшего: симпатичный, черт, — крупная голова, сильные плечи; глаза бесшабашные, чувственный рот, но волевой подбородок… — Да, извините, капитан.

— Ничего страшного.

— Мм… Я хотел спросить, капитан, э-э-э…

— Макинтайр.

— Капитан Макинтайр, вы не возьмете в этот

полет еще одного пассажира? — Старик с надеждой взглянул на капитана и даже чуть подался вперед.

— Разумеется, если вы желаете. Прошу за мной. — Он провел Гарримана в павильончик у ограды, на дверях которого значилось «Контора». — Пассажир на осмотр, док.

Гарриман хотел было возразить, но все же позволил доктору прослушать его худощавую грудь стетоскопом, а затем застегнуть на руке резиновый бандаж. Спустя несколько секунд тот убрал прибор, взглянул на Макинтайра и покачал головой.

— Не судьба, док?

— Верно, капитан.

Гарриман перевел взгляд с одного на другого и сказал:

— Но сердце у меня в порядке. Почти не болит.

Врач удивленно вскинул брови:

— Ой ли? Впрочем, дело не только в сердце. В вашем возрасте кости становятся хрупкими — слишком хрупкими, чтобы рисковать на перегрузках при взлете.

— Извините, сэр, — добавил капитан, — но Контрольная комиссия округа Бейтс платит доктору именно за то, чтобы он не допускал к полетам лю-

дей, которые могут пострадать при перегрузках.

Плечи старика поникли.

— Я, в общем-то, был готов к этому.

— Извините, сэр. — Макинтайр повернулся и вышел, но Гарриман последовал за ним:

— Минутку, капитан…

— Да?

— Не согласитесь ли вы и ваш… э-э-э… бортинженер пообедать со мной после полета?

Пилот взглянул на него с интересом:

— Почему бы и нет… Спасибо.

— Я никак не могу понять, капитан Макинтайр, что может побудить человека оставить маршрут Земля — Луна.

Жареные цыплята и горячие бисквиты в отдельном кабинете лучшего из отелей, которым мог похвастаться маленький городок Батлер, плюс трехзвездочный «Хеннесси» и сигары «Корона» создали идеальную атмосферу для откровенного разговора.

— Мы просто там не понравились.

— Да брось ты, Мак. Тебя же вышибли из-за правила «Джи», — сказал механик и налил себе еще бренди.

Макинтайр насупился:

— Ну подумаешь, выпил пару раз лишнего. В

конце концов, для меня бросить — раз плюнуть. Но мне просто осточертели эти дурацкие правила… И вообще, кто бы говорил? Контрабандист!

— Ну и что? А кто бы не польстился, когда там эти камешки на каждом шагу валяются? Красотища! Они просто сами просятся на Землю. Один раз у меня был алмаз величиной… Да если бы меня не поймали, я бы сейчас сидел не здесь, а где-нибудь в Луна-Сити. И ты тоже, пьянь ты этакая… Представляешь: все нас угощают, девочки стреляют глазками и сами вешаются на шею… — Он уронил голову на стол и тихо всхлипнул.

Макинтайр потряс его за плечо:

— Набрался.

— Не важно. — Гарриман махнул рукой. — Но скажите, вас в самом деле устраивает, что вы больше не работаете на лунных перевозках?

Макинтайр закусил губу.

— Он прав, конечно… Разумеется, нет. Этот балаган меня совсем не устраивает. Одно время мы перебрасывали всякий хлам вверх и вниз по Миссисипи — спали в туристских лагерях и постоянно ели какую-то дрянь. А теперь… В половине случаев местный шериф налагает на корабль арест, в остальных же обязательно находится Общество-Против-Того-Сего, которое, едва

мы появимся, подает в суд, чтобы запретить наши полеты. Что ж это за жизнь для космического пилота?

— Если вы попадете на Луну, это поможет?

— Да… Пожалуй. Обратно на трассу Земля — Луна меня не возьмут. Но если бы я оказался в Луна-Сити, я бы устроился возить руду для Компании: у них вечно не хватает пилотов, и там мое прошлое никого не волнует. А со временем, если все будет чисто, меня бы даже взяли обратно на трассу.

Гарриман задумчиво повертел в пальцах ложечку и поднял глаза:

— Джентльмены, вы готовы выслушать деловое предложение?

— Возможно. А в чем оно заключается?

— «Беззаботный» принадлежит вам?

— Да. В смысле, Чарли и мне. Правда, есть парочка долговых расписок, где он у нас стоит в обеспечение… А что?

— Я хотел бы арендовать корабль… чтобы вы с Чарли доставили меня на Луну.

Чарли рывком выпрямился:

— Ты слышал его, Мак? Он хочет, чтобы мы летели на этой старой калоше на Луну!

Макинтайр покачал головой:

— Ничего не выйдет, мистер Гарриман. Развалюха не выдержит. Чтобы достичь скорости отрыва, нужно специальное горючее, а мы даже стандартную смесь не используем — только бензин и жидкий кислород. И то Чарли постоянно что-то там латает. Когда-нибудь эта рухлядь просто взорвется.

— Послушайте, мистер Гарриман, — вставил Чарли, — а что мешает вам получить экскурсионное разрешение и отправиться туда кораблем Компании?

— Это не для меня, сынок, — ответил старик. — Пустой номер. Ты же знаешь условия, по которым ООН передала Компании монопольное право на использование Луны. Ни один человек, чье физическое состояние вызывает сомнения, не может быть допущен в космос. Компания принимает на себя всю полноту ответственности за безопасность и здоровье любого гражданина Земли, находящегося за пределами стратосферы. Официально — чтобы избежать лишних жертв в первые годы освоения космического пространства.

— И у вас никаких шансов пройти медкомиссию?

Гарриман покачал головой:

— Ну тогда… Если уж вы, черт побери, в состоя-

нии позволить себе нанять нас, почему бы просто не подкупить кого-нибудь из медиков Компании? Это уже делалось, и не раз.

Губы Гарримана изогнулись в печальной улыбке.

— Я знаю, Чарли, но тут тоже ничего не выйдет. Видишь ли, я для этого слишком известен. Меня зовут Делос Д. Гарриман.

— Что? *Тот самый* Гарриман?! Вот дьявольщина! Один из владельцев Компании! Да нет, что я говорю, вы же *и есть* Компания! Вы можете там делать что захотите! Для вас правила не писаны.

— Это весьма распространенное мнение, сынок, но оно, к сожалению, неверное. У богатых людей свободы отнюдь не больше, чем у других, — скорее меньше, намного меньше. Я уже пытался провернуть такой фокус, но остальные члены совета директоров мне просто не позволили. Они боятся нарушить условия ООН и потерять монопольное право. Ситуация и без того обходится недешево… Политические контакты и прочее…

— Чтоб я сдох! Ты что-нибудь понимаешь, Мак? У человека полно «капусты», а он не может ее потратить, как ему вздумается!

Макинтайр промолчал, ожидая, что скажет Гарриман.

— Капитан Макинтайр, если бы у вас был корабль, вы бы взялись доставить меня на Луну?

Тот задумчиво потер подбородок:

— Это противозаконно.

— Но я могу очень хорошо заплатить.

— Конечно же он возьмется, мистер Гарриман! О чем речь, Мак? Вспомни: Луна-Сити и все такое… О боже!..

— А почему вам так хочется на Луну, мистер Гарриман?

— Капитан, это единственное, чего я хотел всю свою жизнь. С самого детства. Я даже не знаю, смогу ли это объяснить. Вы молодые, росли вместе с освоением космоса, как я рос с развитием авиации. Я ведь намного старше вас, по крайней мере лет на пятьдесят… Когда я был мальчишкой, почти никто не верил, что когда-нибудь люди достигнут Луны. Вам-то ракеты знакомы всю жизнь, и первый человек высадился на Луне, когда вы еще под стол пешком ходили. А когда я был в таком возрасте, люди просто смеялись над этой идеей.

Но я верил. Все равно верил. Читал Уэллса,

Жюля Верна, Смита[38] и верил, что мы можем… нет, что мы обязательно будем на Луне. Еще тогда я решил, что непременно стану одним из тех, кто оставит на Луне свои следы, что увижу ее обратную сторону, увижу висящую над головой Землю…

Помню, я ходил голодный, потому что деньги, которые мне давали на ланч, тратил, чтобы заплатить взносы Американскому ракетному обществу. Мне верилось, что я помогаю приблизить день, когда мы доберемся до Луны… Правда, когда этот день настал, я был уже стариком. Я прожил явно дольше, чем следовало, но я не могу умереть — не умру! — пока не побываю на Луне.

Макинтайр встал и протянул ему руку:

— Ищите корабль, мистер Гарриман. Я готов.

— Молодец, Мак!.. Я уже говорил, что он согласится, мистер Гарриман.

По дороге до Канзас-Сити, которая заняла около получаса, Гарриман, убаюканный легким покачиванием машины и собственными мыслями, то и дело погружался в тревожную стариковскую

---

[38] Примечания: 38

Эдвард Элмер Смит (1890–1965; более известный как Док Смит) — американский писатель-фантаст. В его романе «Космический жаворонок» описывается первый выход человека за пределы Солнечной системы. — *Примеч. С. В. Голд.*

полудрему. Словно неуловимые тени, всплывали и растворялись в памяти эпизоды его долгой жизни. Вот тот случай… Когда же это было?.. В 1910-м, пожалуй… Маленький мальчик на улице теплой весенней ночью… «Что это, папа?» — «Комета Галлея, сынок». — «А откуда она взялась?» — «Не знаю, сынок. Прилетела откуда-то издалека, должно быть». — «Как *краси-иво*! Папа, я хочу ее потрогать». — «Боюсь, ничего не выйдет, сынок…»

Или… «Делос, ты хочешь сказать, что вложил все деньги, которые мы скопили на дом, в эту бредовую ракетную компанию?» — «Ну не горячись, Шарлотта. Никакая она не „бредовая“ — это трезвый деловой расчет. Когда-нибудь — уже скоро — ракеты заполнят все небо. Корабли и поезда останутся в прошлом. Вспомни наконец, что уготовила судьба людям, у которых хватило ума вложить деньги в дело Генри Форда!» — «Я эту песню уже слышала». — «Шарлотта, поверь мне, настанет день, когда люди вознесутся над Землей, достигнут Луны и даже других планет. Мы еще в самом начале пути». — «А кричать-то зачем?» — «Извини, но…» — «У меня опять начинается головная боль. Не шуми, пожалуйста, когда будешь ложиться спать».

Он тогда так и не лег. Всю ночь напролет просидел на веранде, глядя, как ползет по небу полная луна. Утром придется расплачиваться за бессонную ночь, утром будут сердито поджатые губы жены, обиженное молчание, но он не уступит. В чем угодно, но только не в этом. И ночь будет его. Сегодня он один на один со своим старым другом. Он вглядывался в ее лицо. Где Море Кризисов? Забавно, он не мог его разглядеть. Когда он был мальчишкой, он привык его видеть так ясно… Наверное, нужны новые очки — эта постоянная работа в офисе вконец испортила ему зрение.

Впрочем, ему даже не нужно их видеть, он и так помнит их наизусть: Море Кризисов, Море Плодородия, Море Спокойствия — как хорошо это звучит! — Апеннины, Карпаты, старый кратер Тихо с раскинувшимися в стороны таинственными лучами.

Двести сорок тысяч миль — всего десять раз вокруг Земли по экватору. Неужели людям не под силу будет перекинуть мост на столь мизерное расстояние? Ведь вот она, Луна, почти рядом, за ветвями старого вяза, — кажется, протяни руку — и дотронешься…

Но он ничем не может помочь, не хватает образования.

«Сынок, мне нужно серьезно с тобой поговорить». — «Да, мама». — «Я знаю, что ты надеялся поступить в следующем году в колледж… — (Надеялся! Он ради этого только и жил! Сначала Чикагский университет, обучение под руководством Молтона, а затем Йеркская обсерватория[39], работы у самого доктора Фроста…) —…и я тоже надеялась. Но теперь, когда мы остались без папы, а девочки уже подрастают, нам очень трудно будет свести концы с концами. Ты хороший сын и работал изо всех сил, чтобы помочь семье… Я знаю, что ты поймешь…» — «Да, мама».

Экстренный выпуск! Экстренный выпуск!

СТРАТОСФЕРНАЯ РАКЕТА ДОСТИГЛА ПАРИЖА!

Читайте экстренный выпуск!

Худощавый невысокий мужчина в бифокальных очках выхватил у разносчика газету и заторопился обратно в контору. «Ты только посмотри, Джордж!» — «А? Да, любопытно, а что?» — «Да

[39] Примечания: 39

Йеркская обсерватория в Виллиам-Бэй, штат Висконсин, принадлежит Чикагскому университету; там расположен крупнейший в мире телескоп-рефрактор с диаметром объектива 102 см. — *Примеч. перев.*

как же ты не понимаешь? Следующий шаг — Луна!» — «Ну и лопух же ты, Делос. Похоже, тебе вредно читать эти дрянные журнальчики. Я тут на прошлой неделе нашел у своего парня один такой — „Удивительные истории“ или еще что-то подобное — и устроил ему хорошую взбучку. Твоим родителям следовало поступить так же». Гарриман расправил узкие, уже поникшие к середине жизни плечи. «Но они будут на Луне!» Его партнер рассмеялся: «Как скажешь. Чем бы дитя ни тешилось… Однако ты лучше займись скидками и комиссионными — вот где нас ждут деньги!»

Длинная машина пошелестела по Пасео и свернула на бульвар Армор. Старик Гарриман судорожно дернулся в полудреме и что-то невнятно пробормотал.

— Но, мистер Гарриман… — В глазах молодого человека с блокнотом промелькнуло беспокойство.

— Ты слышал, что я сказал, — проворчал старик. — Продавай. Я хочу обратить в наличные все мои акции, и как можно скорей: «Спейсуэйс», «Спейсуэйс провижен корпорейшн», «Шахты Артемиды», «Луна-Сити рекриэйшнс» — все до

единой.

— Но они сразу понизятся в цене. Вы не получите их полной стоимости.

— Ты думаешь, я этого не понимаю? Но я могу себе это позволить.

— А как насчет акций, которые вы собирались завещать обсерватории Ричардсона и стипендиальному фонду Гарримана?

— Да, верно. Эти не продавай. Организуй передачу акций в попечительство соответствующих фондов. Давно это следовало сделать… Скажи молодому Каменсу, пусть подготовит необходимые документы. Он знает, что мне нужно.

Вспыхнул экран интеркома на столе.

— Джентльмены уже прибыли, мистер Гарриман.

— Пригласите их. Это все, Эшли. К делу.

Выходя из кабинета, секретарь столкнулся в дверях с Макинтайром и Чарли. Гарриман поднялся из-за стола и засеменил им навстречу:

— Входите, ребята, входите. Очень рад вас видеть. Усаживайтесь поудобней. Сигары. Угощайтесь.

— Мы тоже рады вас видеть, мистер Гарриман, — признал Чарли. — Сказать по правде, нам просто необходимо было вас увидеть.

— Какие-то осложнения, джентльмены? — Гарриман перевел взгляд с одного на другого.

— Ваше предложение по-прежнему в силе, мистер Гарриман? — спросил Макинтайр.

— В силе? Разумеется. А вы, часом, не собрались на попятную?

— Ни в коем случае. Эта работа нам теперь просто необходима. Дело в том, что «Беззаботный» сейчас на дне реки Осейдж и дюза маршевого двигателя у него лопнула до самого инжектора.

— Боже правый! Но вы не пострадали?

— Нет, разве что несколько царапин и синяков. Пришлось катапультироваться.

— Я даже поймал зубами какую-то рыбину, — добавил Чарли и фыркнул.

Вскоре они перешли к делу.

— Вам двоим придется купить для меня корабль. Сам я не могу сделать это в открытую: мои коллеги сразу же поймут, что я задумал, и попытаются мне помешать. Необходимые средства я предоставлю. Ваша задача — найти корабль, который можно будет переоснастить для полета к Луне. Придумайте убедительную легенду: мол, получили заказ на стратосферную яхту от какого-нибудь богатого бездельника или собираетесь открыть туристический марш рут Арктика

— Антарктика — словом, что-нибудь в этом духе. Главное, никто не должен заподозрить, что вы готовите корабль к перелету на Луну.

Затем, когда Транспортный департамент выдаст вам лицензию на стратосферные полеты, вы посадите корабль в пустыне, где-нибудь на западе — я выберу подходящий участок земли и куплю его, — и дождетесь меня. После чего мы установим дополнительные баки для горючего, поменяем инжекторы, таймеры и все такое — короче, подготовим корабль к перелету. Ну как план?

Макинтайр с сомнением покачал головой:

— Та еще работенка… Как по-твоему, Чарли, ты справишься с этим делом в полевых условиях?

— Я-то? Конечно справлюсь, если ты не будешь отлынивать от работы. Дайте мне необходимые материалы и оборудование, и я все сделаю сам. Только не очень гоните. Разумеется, получится не бог весть как красиво, зато…

— Красота меня не интересует. Мне нужен корабль, который не разнесет на куски, когда я начну щелкать переключателями. Изотопное горючее — с ним шутки плохи.

— Не волнуйся, Мак, не разнесет.

— То же самое ты говорил и про «Беззаботно-

го».

— Ну, это просто нечестно, Мак. Ей-богу, мистер Гарриман… По «Беззаботному» давно уже свалка плакала, и Мак прекрасно это знает. Но сейчас все будет по-другому. Мы ведь не будем жалеть денег и сделаем все честь по чести. Верно, мистер Гарриман?

Тот потрепал его по плечу:

— Верно, Чарли. Денег можешь тратить сколько угодно. Это наименьшая из наших проблем. И кстати, устраивает ли вас предложенное вознаграждение? Мне бы не хотелось, чтобы вы остались потом на мели…

— …Как вам известно, мои клиенты являются ближайшими родственниками мистера Гарримана, и они озабочены исключительно его благосостоянием. Мы утверждаем, что поведение мистера Гарримана за последние несколько недель — и приведенные здесь доказательства подтверждают это — свидетельствует о старческом слабоумии, постигшем человека, известного некогда своими блестящими финансовыми операциями. Следовательно, мы с глубочайшим прискорбием просим уважаемый суд, буде он согласится с нами, объявить мистера Гарримана недееспособным и назначить опекуна для

соблюдения его финансовых интересов и финансовых интересов его будущих наследников и правопреемников. — Довольный собой адвокат сел на место.

Адвокат Каменс взял слово:

— Если мой глубокоуважаемый коллега *действительно* завершил свое выступление, я с позволения суда замечу, что последними словами он практически подытожил суть выступления и обнажил его смысл. «Финансовые интересы его будущих наследников и правопреемников»! Совершенно очевидно, что заявители убеждены, будто мой клиент должен вести свои дела таким образом, чтобы гарантировать его племянницам, племянникам и их потомкам ничем не заслуженное беззаботное существование до конца их жизни. Жена моего клиента умерла, и своих детей у них не было. Известно, что мистер Гарриман всегда был щедр к своим сестрам и их детям в прошлом и, кроме того, он позаботился о ежегодных выплатах для ближайших родственников, не имеющих достаточных средств к существованию.

Теперь же ближайшие родственники моего клиента, как стервятники — хуже, чем стервятники, потому что они даже не позволяют ему

умереть спокойно, — решили воспрепятствовать его праву наслаждаться своим состоянием так, как ему заблагорассудится. Верно, он распродал все свои владения, но что же тут странного, когда пожилой человек решает отойти от дел? Верно, в результате этой финансовой операции он потерял какую-то часть своих средств, однако, как говорится, вещь стоит ровно столько, сколько за нее дадут. Мой клиент решил уйти на покой и потребовал наличные — что же тут необычного?

Я согласен, он отказался обсуждать свои действия с нежно любящими его родственниками. Но с каких это пор человек должен обсуждать со своими племянниками вообще что бы то ни было?

Поэтому мы просим глубокоуважаемый суд подтвердить право моего клиента поступать со своей собственностью таким образом, как ему заблагорассудится, отклонить исковое заявление родственников клиента и указать им на то, чтобы они не лезли в дела, которые их не касаются.

Судья снял очки и в задумчивости протер стекла.

— Мистер Каменс, этот суд относится к свободе личности с не меньшим уважением, чем вы. Можете быть уверены, любое его решение будет

принято исключительно в интересах вашего клиента. Тем не менее люди действительно стареют, действительно порой впадают в старческие заблуждения, и в таких случаях они нуждаются в защите от самих себя. Я откладываю вынесение решения до завтра. Заседание суда закрывается.

«Канзас-Сити стар»:

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

ЭКСЦЕНТРИЧНОГО МИЛЛИОНЕРА

…не явился на очередное заседание суда. Судебные приставы, направленные по адресам, где обычно бывает Гарриман, вернулись с сообщением о том, что его никто не видел с предыдущего вечера. Вынесено постановление о неуважении к суду и…

Закат в пустыне возбуждает аппетит не хуже, чем варьете в ресторане. Чарли убедительно доказал это, старательно подобрав куском хлеба последние остатки мясной подливы в тарелке, после чего Гарриман протянул молодым людям по сигаре и взял одну сам.

— Мой врач утверждает, что это вредно для

сердца, — заметил он, раскуривая сигару, — но с тех пор, как я прибыл к вам сюда, на ранчо, я чувствую себя намного лучше, и его рекомендации вызывают у меня серьезные сомнения. — Гарриман выпустил облако серо-голубого дыма и продолжил: — Похоже, здоровье человека больше зависит не от того, что он делает, а от того, хочется ли ему это делать. Я вот сейчас делаю как раз то, что мне хочется.

— Чего же еще желать от жизни? — согласился Макинтайр.

— Как, ребятки, продвигается наша работа?

— У меня почти полный порядок, — ответил Чарли, — сегодня мы закончили повторную опрессовку новых баков и топливопровода. Все наземные проверки проведены, осталось только откалибровать датчики. Это быстро — всего часа на четыре, если ничего не случится. А как ты, Мак?

Макинтайр принялся загибать пальцы:

— Продукты и вода уже на борту. Три скафандра плюс один запасной и аварийные наборы. Медицинские припасы. Все, что необходимо для стратосферного полета, входило в комплектацию с самого начала. Пока не прибыло только навигационное оборудование для сближения с Луной.

— Когда вы его ожидаете?

— С минуты на минуту. Считайте, что оно уже здесь. Кстати, оно не так уж и нужно. Вся эта болтовня о том, как трудно добраться до Луны, — полная чушь, они хотят произвести впечатление на публику. Вы ведь в любой момент можете *видеть* пункт назначения — это совсем не то, что навигация в океане. Дайте мне секстант и хороший радар, и я посажу вас в любую точку на Луне, какую захотите, не заглядывая в астрономический каталог или таблицы светимости. Мне достаточно просто знать величины относительных скоростей.

— Будет тебе хвастаться, Колумб! — сказал Чарли. — Мы и так верим, что шляпой в стену ты не промахнешься. Надо понимать, ты готов отправиться прямо сейчас, а?

— Точно.

— Ну раз так, то я *вполне* могу провести калибровку и сегодня. Что-то я немного нервничаю — уж слишком гладко все шло до сих пор. Если ты мне поможешь, мы управимся еще до полуночи.

— Ладно, только сигару докурю.

Некоторое время они курили в молчании. Каждый думал о приближающемся полете и о том, что с ним связано. Гарриман старался унять

возбуждение, охватившее его при мысли о том, что мечта всей его жизни вот-вот осуществится.

— Мистер Гарриман?

— А? Что, Чарли?

— Как люди становятся богатыми — вот как ты хотя бы?

— Богатыми? Трудно сказать. Я никогда не старался разбогатеть. Никогда не хотел ни богатства, ни известности, ни чего-либо еще в таком духе.

— Как это?

— Просто я хотел жить долго и все увидеть своими глазами. Впрочем, парней вроде меня было тогда много: мы сами мастерили радиоприемники, делали телескопы и строили аэропланы. У нас были научные клубы, подвальные лаборатории, научно-фантастические лиги — для таких, как мы, в одном номере «Электрического экспериментатора» больше романтики, чем во всех книгах Дюма. Нам не хотелось стать одним из героев Горацио Алджера[40] и разбогатеть, нет, — мы просто мечтали строить космические корабли. И некоторым из нас мечта покорилась.

---

[40] Примечания: 40

Горацио Алджер (1832–1899) — американский писатель, главной темой творчества которого был жизненный путь бездомных нищих детей, добивающихся богатства и славы. Хайнлайн вырос на книгах Алджера и использовал их в качестве одной из отправных точек, когда сам занялся детской литературой. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Да, папаша, судя по твоим словам, вы нескучно жили.

— Так оно и было, Чарли. Двадцатый век — век романтики и надежд, несмотря на все его трагедии. И с каждым годом он все лучше и интереснее. Нет, я не хотел быть богатым, мне просто хотелось прожить до тех пор, когда человек отправится к звездам, и, Бог даст, полететь на Луну самому. — Гарриман осторожно стряхнул на блюдце столбик белого пепла. — Я прожил хорошую жизнь. Мне не на что жаловаться.

Макинтайр оттолкнул кресло назад:

— Ладно, Чарли, если ты готов, то пойдем займемся делом.

— Пойдем.

Гарриман тоже поднялся. Он хотел что-то сказать, но вдруг схватился за грудь, и лицо его стало смертельно бледным.

— Держи его, Мак!

— Где у него лекарство?

— В нагрудном кармане.

Они уложили его на диван. Макинтайр отломил головку ампулы, обмотав ее платком, и сунул ампулу под нос Гарриману. Содержимое ампулы, похоже, помогло, и щеки старика немного порозовели. Мак и Чарли сделали, что было в их

силах, и теперь просто ждали, когда Гарриман придет в себя.

Первым нарушил молчание Чарли:

— Мак, а может, бросить нам все это дело?

— Почему?

— Это же чистое убийство. Старик не выдержит стартовой перегрузки.

— Может, и не выдержит, но он сам этого хочет. Ты же его слышал.

— Но мы обязаны помешать ему.

— С какой стати? Это его жизнь, и ни ты, ни это вонючее правительство, которое всюду сует свой нос, не вправе запрещать человеку рисковать своей жизнью, если он действительно этого хочет.

— Все равно мне как-то не по себе. Он же такой классный старикан.

— Так чего ж ты хочешь? Отправить его обратно в Канзас-Сити, к этим старым гарпиям, которые засунут его в дурдом? Чтобы он умер там от тоски по своей мечте?

— Боже, нет!

— Ну тогда давай дуй к ракете и готовь приборы к испытаниям. Я сейчас подойду.

На следующее утро в ворота ранчо заехал джип с широкими колесами и остановился перед домом. Из машины выбрался плечистый, крепкий

мужчина с твердым, но добродушным лицом и обратился к Макинтайру, который вышел из дома навстречу:

— Джеймс Макинтайр?

— А в чем дело?

— Я — заместитель начальника полиции в здешних местах. У меня ордер на ваш арест.

— По какому обвинению?

— Действия, имеющие целью нарушить Акт о безопасности космических полетов.

Из дома вышел Чарли:

— Что за шум, Мак?

— А вы, надо полагать, Чарльз Каммингс? — сказал приезжий. — На вас тоже есть ордер. И еще один — на человека по фамилии Гарриман, и судебное постановление опечатать ваш космический корабль.

— У нас нет никакого космического корабля.

— А вон в том ангаре что?

— Стратосферная яхта.

— Да? Ну тогда за неимением корабля я опечатаю яхту. Где Гарриман?

— А вон он. — Чарли указал, не обращая внимания на мрачную гримасу Макинтайра.

Гость повернул голову. Чарли врезал ему, должно быть, точно в солнечное сплетение, потому

что тот свалился как подкошенный.

— Черт бы его побрал, — пробормотал Чарли, морщась и потирая костяшки пальцев. — Тот же самый палец, что я уже сломал один раз, когда играл в баскетбол. Вечно ему достается…

— Быстро давай старика в кабину, — перебил его Макинтайр, — и пристегни его к противоперегрузочному гамаку.

— Слушаюсь, капитан.

Они прицепили ракету к тягачу, вывезли ее из ангара, развернули и немного отъехали в пустыню, чтобы найти место для взлета. Затем забрались в кабину. В правый иллюминатор Макинтайр заметил очухавшегося полицейского — тот беспомощно смотрел им вслед.

Макинтайр пристегнул ремень безопасности, поправил лямки и вызвал машинное отделение по внутренней связи:

— Все в порядке, Чарли?

— Да, капитан. Но мы не можем взлететь, Мак. *У корабля нет названия!*

— У нас нет времени на твои суеверия!

Тут раздался слабый голос Гарримана:

— Назовите его «Лунатик». Лучше и не придумаешь.

Макинтайр откинул голову и противопере-

грузочную подушку, нажал две клавиши, затем подряд три другие, и «Лунатик» взлетел.

— Ну как ты тут, папаша?

Чарли с тревогой оглядел лицо старика. Тот облизал губы и с трудом произнес:

— Все в порядке, сынок. В лучшем виде.

— Ускорение закончено. Теперь будет полегче. Я тебя развяжу, чтобы ты мог шевелиться, но пока тебе лучше оставаться в гамаке.

Он потянул за пряжку ремня, и Гарриман коротко простонал.

— Что такое, папаша?

— Ничего. Все нормально. Но полегче с этим боком.

Чарли пробежался по его боку пальцами, легкими, уверенными прикосновениями опытного механика отыскивая повреждения.

— Тебе меня не перехитрить, папаша. Но тут уж до самой посадки я ничем не смогу помочь.

— Чарли…

— Да?

— Ты можешь передвинуть меня к иллюминатору? Я хочу увидеть Землю.

— Пока еще смотреть не на что. Она под кораблем. Но как только мы развернемся, я тебя передвину. А сейчас, пожалуй, дам тебе снотвор-

ного и разбужу после разворота.

— Нет!

— Что такое?

— Я не буду спать!

— Как скажешь, папаша.

Чарли, словно обезьяна, пробрался в нос корабля и ухватился за крепление пилотского кресла. Макинтайр посмотрел на него вопросительным взглядом.

— Жив, — ответил Чарли, — но в нелучшей форме.

— Что с ним?

— Два ребра сломаны точно, а уж что там еще, я не знаю. И неизвестно, протянет ли он до конца полета, Мак. Сердце у него совсем ни к черту.

— Он выдержит, Чарли, не беспокойся. Крепкий старикан.

— Крепкий? Да он как канарейка — еле-еле душа в теле.

— Я о другом. Он в душе крепкий, а это важнее.

— Ладно. Но если ты хочешь, чтобы после посадки команда была в полном составе, тебе нужно будет садиться о-о-очень мягко.

— Сяду. Я сделаю полный оборот вокруг Луны и пойду по сужающейся спирали. Горючего у нас, думаю, хватит.

Теперь они двигались без ускорения. Когда Макинтайр развернул корабль, Чарли пришел к Гарриману, отцепил гамак и перенес его к боковому иллюминатору. Макинтайр зафиксировал «Лунатика» в положении дюзами к Солнцу, затем дал короткий тангенционный импульс двумя расположенными в середине корабля маневровыми двигателями — корабль начал вращаться вокруг своей оси, создавая слабое подобие гравитации. Период невесомости, наступивший по окончании первого этапа полета, вызвал у старика, как это обычно бывает, тошноту и головокружение, и Макинтайру хотелось избавить своего пассажира, по крайней мере, от этих неудобств.

Но сам Гарриман почти не замечал собственного состояния.

Ведь вот он, космос, — все, как ему представлялось раньше. Луна, величественно проплывающая в иллюминаторе, только гораздо больше, чем он когда-либо видел с Земли, и все ее знакомые черты различимы теперь так ясно, словно они вырезаны на камее. Затем корабль поворачивался, и в поле зрения появлялась сама Земля — да, именно так она представлялась ему в мечтах: огромный диск благородного небесного тела, будто спутник неведомой планеты; во много раз

больше Луны, видимой землянам, во много раз ярче и несравненно красивее. Чарующая, манящая красота… К Атлантическому побережью Америки приближался закат, граница тени прорезала северную часть континента, пересекала Кубу и почти целиком, кроме западного побережья, скрывала Южную Америку. Гарриман наслаждался ясной голубизной Тихого океана, ощупывал размытую зелень и мягкие коричневые тона материков, восторженно взирал на холодные бело-голубые полярные шапки. Канаду и северные штаты закрывали облака, зона низкого давления расползлась почти на весь континент, но чистая белизна отраженного от облаков света радовала глаз даже больше, чем полярные снега.

Корабль продолжал вращаться, Земля уплывала из поля зрения, и в иллюминаторе появились звезды — те же, знакомые с Земли звезды, только яркие, немигающие, на фоне абсолютной, почти живой черноты. Затем снова стала видна Луна и вновь овладела мыслями…

Гарриман был безмятежно счастлив — такое счастье редко дается даже людям, прожившим долгую жизнь. Он чувствовал себя так, словно в нем соединились сразу все люди, жившие ко-

гда-то на Земле, заглядывавшиеся на звезды и мечтавшие.

Тянулись долгие часы полета, а он все смотрел и смотрел, иногда впадая в полудрему и видя сны. Один раз он, должно быть, и в самом деле уснул либо провалился в болезненное забытье, потому что проснулся, услышав голос Шарлотты, своей жены: «Делос! Ну-ка, немедленно иди домой! Ты что, хочешь простудиться и умереть?!»

Бедная Шарлотта! Она была ему хорошей женой, действительно хорошей. Гарриман не сомневался, что, умирая, она жалела только об одном — о том, что некому будет о нем позаботиться. И не ее вина, что ей не дано было разделить его мечту, его тягу к звездам.

Когда они пролетали над обратной стороной Луны, Чарли приладил гамак к правому иллюминатору. Гарриман разглядывал знакомые по тысячам фотоснимков черты лунной поверхности с каким-то ностальгическим восторгом, как будто его ждало возвращение на родину. Вскоре они вновь очутились над обращенной к Земле стороной, и Макинтайр медленно снизился, готовясь к посадке на востоке от Моря Плодородия, в десяти милях от Луна-Сити.

Учитывая все обстоятельства, посадка прошла

не так уж плохо. Макинтайр садился без наводок с поверхности и без второго пилота, который следил бы за радаром. Стараясь опустить корабль помягче, он увлекся маневром и промахнулся миль на тридцать в сторону от намеченной точки, но тем не менее сделал все, что было в его силах. И все-таки их тряхнуло.

Когда осела взметенная дюзами пыль, в рубке появился Чарли.

— Как там наш пассажир? — встревоженно спросил Макинтайр.

— Сейчас погляжу, но ручаться ни за что не стану: это не самая лучшая твоя посадка, Мак.

— Черт побери, я и так сделал все, что мог!

— Я знаю, капитан. Не обращай на меня внимания.

Пассажир был жив и в сознании, хотя из носа у него текла кровь, а на губах пузырилась розовая пена. Он безуспешно пытался выбраться из гамака, и Чарли с Макинтайром вдвоем освободили его наконец от ремней безопасности.

— Где скафандры? — спросил Гарриман первым делом.

— Спокойно, мистер Гарриман. Вам нельзя выходить в таком состоянии. Сначала мы должны оказать вам первую помощь.

– Дайте мне этот чертов скафандр! Помощь может подождать.

Они молча подчинились. Левая нога у Гарримана почти не двигалась, и им пришлось сопровождать его через шлюз и по трапу. Но на Луне он весил всего фунтов двадцать, так что это было нетрудно. Они отыскали место в пятидесяти ярдах от корабля и усадили Гарримана спиной к камню, чтобы он видел окрестности.

Макинтайр прислонил свой шлем к шлему старика и сказал:

— Мы оставим вас пока здесь наслаждаться пейзажем, а сами подготовимся к переходу до города. Это не так далеко, миль сорок, но надо взять запасные баллоны с воздухом, питание и все такое. Мы скоро вернемся.

Гарриман молча кивнул и коротко пожал ему руку удивительно крепкой хваткой.

Он сидел, почти не шевелясь, и только гладил руками лунный грунт рядом с собой, с удивлением ощущая, как слабо его тело давит на поверхность. В сердце его наконец-то воцарился покой. Боль куда-то ушла. Он исполнил свою мечту и попал туда, куда стремился всю жизнь. Над западным горизонтом, словно гигантский зелено-голубой спутник, висела Земля в послед-

ней четверти. Еще выше с черного, усыпанного звездами неба сияло Солнце. А под ним была Луна, сама Луна. Он на Луне, черт побери!

Гарриман откинулся назад, каждой своей клеточкой ощущая накативший, словно прилив, покой.

На мгновение он задумался, и ему снова показалось, что кто-то зовет его по имени.

«Глупо, — подумал Гарриман, — я стар, и мне мерещится всякая всячина…»

В кабине корабля Чарли и Мак прилаживали к носилкам заплечные ремни.

— Отлично, — сказал Макинтайр. — Сойдет. Надо привести старика. Пора двигаться.

— Я его принесу, — ответил Чарли. — Он почти ничего не весит.

Чарли отсутствовал дольше, чем ожидал Макинтайр, и вернулся один. Макинтайр подождал, пока он закроет шлюзовую камеру и откинет шлем:

— Что случилось?

— Носилки можно оставить, капитан. Они нам уже не понадобятся. — Он помолчал, потом добавил: — Старик умер. Я сделал все, что нужно.

Макинтайр молча наклонился и поднял с пола широкие лыжи для передвижения по лунной

пыли. Чарли сделал то же самое. Затем они закинули на плечи запасные баллоны с воздухом и вышли из корабля.

Наружный люк шлюзовой камеры так и остался открытым.

Новичок в космосе

Эта вещь была написана за год до Спутника и опирается на представления о Венере, сложившиеся у земных астрономов до начала космических исследований. Два часа переписывания – слово здесь, слово там – могли бы заменить ее на планету, вращающуюся вокруг какой-нибудь другой звезды. Но к чему это? Разве «Буря» стала бы лучше, если бы Богемия действительно имела морское побережье?[41] Если я когда-либо буду издавать собрание скаутских историй, этот рассказ появится там без исправлений.

Никси (ну конечно же) – мой собственный пес. В 1919-м, когда мне было 12 и я

---

[41] Примечания: 41

В этой фразе три ошибки: фактическая, орфографическая (в оригинале на английском языке) и географическая. Во-первых, «The Temp*est*» вместо «The Temp*est*» — имеется в виду «Буря», пьеса У. Шекспира. Упоминание Хайнлайном Богемии ошибочно, потому что в «Буре» речь идет о Милане. Богемия — место действия другой пьесы Шекспира, «Двенадцатой ночи». В обеих пьесах Шекспир допустил одну и ту же географическую ошибку: ни Милан, ни Богемия не имеют морского побережья. Ошибка довольно странная, так как Хайнлайн часто цитировал «Бурю» и, по-видимому, знал пьесу Шекспира не из краткого пересказа в дайджестах. — *Здесь и далее примеч. перев.*

был скаутом, он покинул меня – попал под трамвай.

И если наша Вселенная устроена по какому-то разумному плану (в чем я лично не уверен), в нем должно быть предусмотрено и место для Никси.

РЭХ

I

— К ноге, Никси, — тихо сказал мальчик, — и ни звука.

Маленький пес-полукровка занял позицию слева и сзади мальчика, выжидая. Он чувствовал, что Чарли чем-то расстроен, и хотел бы знать чем, но приказ Чарли не мог быть подвергнут сомнению.

Мальчик же пытался понять, заметил их полицейский или все обошлось. У него слегка кружилась голова — ни он, ни его пес сегодня еще не ели. Они остановились перед этим супермаркетом не ради покупок (у мальчика не было в карманах ни гроша), а из-за объявления на витрине: «ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИК».

И в этот момент он заметил в стекле отражение

полицейского.

Мальчик колебался, пытаясь собрать свои разбегающиеся мысли. Зайти внутрь и поинтересоваться насчет работы? Пройти мимо полицейского и скрыться? Притвориться, что он просто гуляет?

Он решил не маячить на глазах у стража порядка. Сделав собаке знак «рядом», мальчик отвернулся от окна и двинулся прочь. Никси последовал за ним, высоко задрав хвост. Ему было все равно, куда идти, если рядом был Чарли. Чарли принадлежал ему по времени столько, сколько он сам себя помнил, а иного он и представить себе не мог. На самом деле короткая жизнь Никси закончилась бы на десятый день, если бы Чарли не полюбил его с первого взгляда. Никси был самым непривлекательным щенком из одного неудачного выводка. Его мать была Леди Дианой[42], чемпионкой из Охая[43], отец неизвестен.

Никси не знал, что соседский мальчик выпросил его жизнь у его первых хозяев. Его философия

---

[42] Примечания: 42

Леди Диана — следует помнить, что в момент написания повести Леди Ди еще не родилась.

[43] Примечания: 43

Охай — город в штате Калифорния к северо-западу от Лос-Анджелеса.

была проста: поесть, поспать, а все оставшееся время играть с Чарли. На эту прогулку его вывел Чарли, но он был рад любому поводу погулять. Отсутствие еды было неприятно, но Никси автоматически прощал Чарли такие ошибки, — в конце концов, мальчишки есть мальчишки, и мудрый пес принял этот факт. Его беспокоило только то, что Чарли был невесел, а хорошее настроение Чарли было непременной принадлежностью всех их походов.

Проходя мимо человека в синей униформе, Никси почувствовал его интерес к ним, проанализировал его запах и не нашел в нем ничего недружелюбного. Однако Чарли нервничал и был настороже, поэтому Никси сохранял повышенную готовность.

— Одну минуту, сынок… — сказал человек в униформе.

Чарли остановился, Никси остановился тоже.

— Вы говорите со мной, офицер?

— Да. Как зовут твою собаку?

Никси почувствовал внезапный ужас Чарли и приготовился атаковать. До сих пор он еще никого не кусал ради своего мальчика, но готов был сделать это без промедления. Его шерсть между лопатками вздыбилась.

— Мм… его зовут Спот, — ответил Чарли.

— Вот как? — спросил незнакомец и резко произнес: — Никси!

Никси смотрел в сторону, чтобы не отвлекать уши, нос и тот внутренний орган, которым он улавливал настроения людей. Он был так поражен, услышав, что незнакомец назвал его по имени, что повернул голову и посмотрел на него.

— Так, значит, его зовут Спот? — спокойно спросил полицейский. — А меня — Санта-Клаус. Но ты — Чарли Вон, и ты отправляешься домой.

И он произнес в нашлемный микрофон:

— Нельсон, сообщаю о задержании парня по фамилии Вон, пропавшего беглеца. Пришлите машину. Я перед новым супермаркетом.

Никси не мог разобраться в чувствах Чарли: тот сам не знал, плакать ему или радоваться. Незнакомец был отчасти доволен — и только. Поживем — увидим, решил Никси. Он наслаждался поездкой в полицейском автомобиле, потому что всегда наслаждался поездками, — правда, настроение Чарли слегка подпортило ему удовольствие.

Их доставили к местному мировому судье.

— Вы — Чарльз Вон?

Хозяин Никси ничего не ответил. Он чувствовал себя ужасно.

— Говори, сынок, — настаивал старик. — Если ты не он, тогда ты, должно быть, украл эту собаку.

И он прочитал по бумажке:

— «…с ним маленький коричневый полукровка, мальчик, хорошо обучен, откликается на кличку Никси…» Что скажешь?

— Я — Чарли Вон, — слабым голосом произнес мальчик.

— Так-то лучше. Ты останешься здесь, пока твои родители не заберут тебя. — Судья нахмурился. — Я не понимаю, зачем ты сбежал? Твои эмигрируют на Венеру, не так ли?

— Да, сэр.

— Из всех парней, которых я когда-либо встречал, ты — первый, кто не хочет сделать Большой прыжок. — Он ткнул пальцем в значок на лацкане куртки мальчика. — А я-то думал, что бойскауты — надежные ребята. Не говоря уж о послушании. Что с тобой, сынок? Ты боишься Большого прыжка? «Бойскаут храбр». Это не значит, что ты не должен бояться, — все мы боимся время от времени. «Храбр» просто означает, что ты не дашь деру, даже если испугался.

— Я не испугался, — сказал Чарли упрямо. — Я хочу на Венеру.

— Тогда почему ты сбегаешь, когда твоя семья собралась улетать?

Никси почувствовал такой всплеск теплой светлой печали, исходящий от Чарли, что бросился облизывать его руку.

— Да потому, что Никси не может лететь!

— О! — Судья посмотрел на мальчика и на собаку. — Я сожалею, сынок. Эта проблема — вне моей юрисдикции. — Он побарабанил пальцами по крышке стола. — Чарли… ты клянешься честью бойскаута, что не сбежишь, пока не появятся твои родители?

— Мм… да, сэр.

— Хорошо. Джо, отведи их ко мне. Скажите моей жене, пусть она как следует выяснит, давно ли они ели хоть что-нибудь.

Поездка домой была длинна. Никси наслаждался ею, несмотря на то что отец Чарли был доволен, но сердит, его мать была довольна, но печальна, а сам Чарли был доволен, опечален и озабочен. Вернувшись домой, Никси незамедлительно проверил каждую комнату, удостоверился, что там все в порядке и нет никаких новых запахов, после чего вернулся к Чарли.

Настроения людей изменились. Мистер Вон был сердит, миссис Вон была печальна, а сам Чарли испускал столько горечи и упрямства, что Никси подбежал к нему, вспрыгнул к нему на колени и пробовал облизать его лицо. Чарли пристроил Никси рядом с собой, зарылся пальцами в шкуру на его загривке. Никси немедленно успокоился, удовлетворенный тем, что он и его мальчик могут вместе встретить лицом к лицу все… что бы это ни было. Правда, еще его немного беспокоило то, что те двое не были счастливы. Чарли принадлежал ему, они принадлежали Чарли, а значит, было бы лучше, если бы они тоже были счастливы.

Мистер Вон сказал:

— Отправляйтесь в постель, молодой человек. Я еще поговорю с вами завтра.

— Да, сэр. Доброй ночи, сэр.

— Поцелуйте вашу мать и пожелайте ей доброй ночи. Да, еще одно: мне надо запирать двери, чтобы быть уверенным, что я найду вас здесь завтра утром?

— Нет, сэр.

Никси, как обычно, устроился в ногах. Он немного покрутился на месте, вытаптывая себе лежбище, прикрыл нос хвостом и начал засы-

пать. Но его мальчик лежал без сна. Его печаль постепенно нарастала и в конце концов приняла мучительную форму учащенного дыхания и всхлипываний. Тогда Никси поднялся, пробрался на другой конец кровати к Чарли и стал облизывать его щеки, а потом позволил заключить себя в объятия, и новые слезы капали на его загривок. Ему было неудобно и жарко (помимо того, что это было настрого запрещено). Но все же стоило немного потерпеть, потому что постепенно Чарли успокоился, а затем уснул.

Никси подождал, лизнул мальчика в лицо, чтобы удостовериться, что он спит, а потом вернулся на свой конец кровати.

— Чарльз, неужели мы *ничего* не можем сделать для мальчика? — сказала миссис Вон своему мужу.

— Будь оно все проклято, Нора! Когда мы доберемся до Венеры, у нас практически не останется денег. Если что-нибудь пойдет не так, нам останется только побираться.

— Но ведь у нас есть немного свободной наличности?

— Слишком мало. Думаешь, я ее не учел? Да ведь плата за провоз этой жалкой собачонки будет почти такой же, как за самого Чарли! О чем

тут можно говорить? Зачем ты пилишь меня? Думаешь, мне это решение нравится?

— Нет, дорогой. — Миссис Вон задумалась. — Сколько весит Никси? Я… ладно, я думаю, что смогу сбросить еще фунтов десять, если как следует постараться.

— Что? Ты хочешь прибыть на Венеру ходячим скелетом? Ты сбросила все, что рекомендовал доктор, и я тоже.

— Ладно… В общем, я подумала, что если бы мы все смогли как-нибудь ужаться на вес Никси — в конце концов, он же не какой-нибудь сенбернар! — то получилось бы, что его вес уже оплачен нашими билетами.

Мистер Вон с сожалением покачал головой:

— Они так не делают.

— Ты сам мне говорил, что вес — это все. Ты даже избавился от своих шахмат.

— Мы можем позволить себе тридцать фунтов шашек, чашек или бумажек, но мы не можем позволить себе тридцать фунтов собаки.

— Не понимаю почему.

— Позволь мне объяснить. Разумеется, все дело в весе; на космическом корабле все решает вес. Но это не только мои сто шестьдесят фунтов, твои сто двадцать или сто десять Чарли. Мы не мертвый

груз, мы должны есть, пить, дышать воздухом и занимать каюту на время путешествия — последнее требует дополнительного веса, потому что для живого человека требуется больший вес корабля, чем для равного веса багажа. Для человека есть сложная формула — вес корпуса, равный удвоенному весу пассажира, плюс четыре фунта на каждый день, проведенный в космосе. Полет на Венеру занимает сто сорок шесть дней, значит расчетный груз для каждого из нас составляет шестьсот шестнадцать фунтов, их надо добавить к нашему фактическому весу. Но для собаки норма еще выше — пять фунтов в день вместо четырех.

— Это кажется несправедливым. Маленькая собака не может съесть столько же, сколько человек. И корм для Никси почти ничего не стоит.

Ее муж фыркнул:

— Никси съедает свою порцию и половину того, что лежит у Чарли на тарелке. Однако дело не только в том, что собака на самом деле ест много для своего веса. Кроме того, собачьи отходы не идут на переработку, их не используют даже для гидропоники.

— Почему? О, я поняла, что ты имеешь в виду. Но это выглядит совсем глупо.

— Пассажирам это бы не понравилось. Как бы то ни было, правило гласит: пять фунтов в день на собаку. Ты знаешь, насколько это поднимает цену билета для Никси? Больше трех тысяч долларов!

— Боже мой!

— Мой билет тянет на три тысячи восемьсот долларов с мелочью, твой получился за три тысячи четыреста, плата за проезд Чарли — три тысячи триста, а эта чертова дворняга, которая не стоит своих счетов от ветеринара, обойдется нам в три тысячи долларов! Если бы у нас было на чем сэкономить — а этого нет, — то из гуманных соображений мы могли бы усыновить какого-нибудь сироту и потратить эти деньги на него, чтобы дать ему шанс на новой, менее населенной планете… а не тратить их впустую на собаку. Да черт возьми, через год Чарли забудет эту собаку!

— Я так не думаю.

— Поверь мне, так и будет. Когда я был ребенком, мне много раз приходилось отказываться от собак — когда они умирали или что-то еще. Я с этим справился. И теперь Чарли должен решить, отдать ему Никси… или усыпить его. — Он пожевал губу. — Мы подарим ему щенка на Венере.

— Это не будет Никси.

— Он может назвать его Никси. Он будет лю-

бить его точно так же.

— Но… Чарльз, откуда на Венере собаки, если их так ужасно дорого туда ввозить?

— А? Я думаю, что первые исследовательские партии использовали их для разведки. Во всяком случае, они постоянно отправляют животных на Венеру. Наше собственное судно берет груз молочных коров.

— Это, должно быть, ужасно дорого.

— И да и нет. Их отправляют в «холодном сне», и многие из них уже не просыпаются. Но они компенсируют потери, забивая мертвых и продавая мясо по заоблачным ценам колонистам. А потом у тех, что выжили, появляются телята, и в конечном счете это окупается. — Он встал. — Нора, пойдем спать. Это печально, но наш мальчик оказался перед необходимостью принимать мужское решение. Отдать собачонку в чужие руки или усыпить.

— Да, дорогой. — Она вздохнула. — Я иду.

Никси завтракал на своем обычном месте — лежал около стула Чарли, принимая лакомые кусочки, стараясь не привлекать к себе внимания. Он давно усвоил правила столовой: не лаять, не скулить, не выпрашивать еду, не класть лапы на колени, иначе с любимцами его питомца начи-

наются всякие сложности. Никси это устраивало. Щенком он научился принимать мир таким, каков он есть, радоваться его достоинствам, со снисхождением относиться к его мелким недостаткам. Ботинки нельзя жевать, на людей нельзя наскакивать, большинству незнакомцев нужно разрешать приближаться к дому (разумеется, при условии самого пристального внимания и постоянной боевой готовности) — соблюдай эти простые правила, и все будут счастливы. Живи сам и другим не мешай.

Он знал, что его мальчик не был счастлив даже в это прекрасное утро. Но он тщательно обследовал его настроение, мягко и деликатно касаясь сознания мальчика своим собачьим датчиком чувств, и понял, что эта печаль скоро пройдет. Мальчики иногда грустят, и мудрый пес с этим смирился.

Мистер Вон допил свой кофе и отложил салфетку.

— Итак, молодой человек?

Чарли не отвечал. Никси внезапно почувствовал, что печаль в Чарли сменилась чувством более агрессивным и намного более сильным, но ничуть не лучшим. Он навострил уши и стал ждать.

— Чак, — сказал отец, — вчера вечером я предложил тебе выбор. Ты принял решение?

— Да, папа. — Голос Чарли был очень тих.

— А? Тогда говори.

Чарли уставился на скатерть:

— Вы с мамой летите на Венеру. Никси и я остаемся здесь.

Никси почувствовал, как в мужчине вскипает гнев… и как он берет его под контроль.

— Ты рассчитываешь снова сбежать?

— Нет, сэр, — ответил Чарли упрямо. — Вы можете передать меня в бесплатную государственную школу.

— Чарли! — это сказала мать Чарли.

Никси пытался разобраться в потоке обрушившихся на него эмоций.

— Да, — сказал отец после долгой паузы, — твоим билетом я мог бы оплатить первые три года или около того, и еще я мог бы гарантировать твое содержание, пока тебе не исполнится восемнадцать. Но я не стану.

— Почему, папа?

— Потому что, пусть это и звучит старомодно, я — глава этой семьи. Я за нее отвечаю — не только за пищу и кров, но и за ее полное благополучие. И пока ты не достаточно взрослый, чтобы о себе

позаботиться, я намерен за тобой приглядывать. Одна из прерогатив, которые влечет за собой моя ответственность, — право решать, где должна жить наша семья. Мне предложили на Венере работу лучше любой другой, на которую я когда-либо мог рассчитывать здесь, поэтому я отправляюсь на Венеру — и моя семья отправляется вместе со мной… — Отец помедлил, постукивая пальцами по столу. — Кроме того, я думаю, что на девственной планете у тебя будет больше перспектив, чем на Земле. Если ты будешь думать иначе, когда достигнешь совершеннолетия, я оплачу твой проезд обратно. А сейчас ты отправляешься с нами. Понятно?

Чарли кивнул, его лицо помрачнело.

— Очень хорошо. Меня неприятно удивило, что ты, похоже, больше волнуешься о собаке, чем о собственной матери — и обо мне. Но…

— Это не так, папа. Никси нуждается…

— Помолчи. Ты вряд ли это поймешь, но все же я попытаюсь до тебя донести: я не отнимаю у тебя пса из вредности. Если бы я мог себе это позволить, я купил бы ему билет. Но вчера вечером твоя мать кое-что сказала, и это навело меня на мысль, что у нас есть и третий вариант.

Чарли вскинул голову, и то же самое сделал

Никси, удивленный искрой надежды, вспыхнувшей в его мальчике.

— Я не могу купить Никси билет, но могу отправить его с багажом.

— Как? Ну конечно же, папа! О, я знаю, что его нужно будет держать в клетке, но я буду спускаться к нему, и буду кормить его каждый день, и гладить его, и говорить ему, что все в порядке, и…

— Притормози! Я вовсе не это имел в виду. Все, что я могу себе позволить, — это то, чтобы его отправили, как и всех животных на космических судах… в «холодном сне».

Рот Чарли открылся, но он долго не мог ничего сказать.

— Но это…

— Да, это опасно. Насколько мне известно, шансы пятьдесят на пятьдесят, что он проснется на другом конце пути. Но если ты хочешь рискнуть — что ж, возможно, это будет лучше, чем отдать его в чужие руки, и я уверен, что ты предпочтешь такой вариант, чем отведешь его к ветеринарам и позволишь им усыпить его.

Чарли не отвечал. Никси почувствовал такую бурю противоречивых эмоций в Чарли, что пес нарушил правила столовой: он поднялся и облиз-

нул руку мальчика.

Чарли потрепал его за ухо.

— Хорошо, папа, — сказал он мрачно. — Мы рискнем — раз это единственная возможность для нас с Никси остаться вместе.

Дни до отъезда не доставили Никси никакого удовольствия, слишком много перемен они принесли. Конечно, настоящая собака любит всякую суету, но дом предназначен для покоя и тишины. Здесь должен поддерживаться заведенный порядок — пища и вода всегда в одном и том же месте, газеты должны приносить в определенные часы, молочники должны приходить регулярно, мебель должна стоять на надлежащих местах. Но в последнюю неделю все изменилось — ничто не делалось вовремя, и заведенный порядок был нарушен. Чужие люди приходили в дом (всегда повод для подозрения), а ему, Никси, не разрешали даже протестовать! Мало того, чужакам позволяли уносить все, за чем они приходили.

Чарли и миссис Вон уверяли его, что «все в порядке» и что он должен немного потерпеть, но все — и это было очевидно — не было в порядке. Его словарь английского языка насчитывал несколько дюжин слов, но не было никакой возможности объяснить ему, что почти все ве-

щи, принадлежавшие семье Вон, продавались или выбрасывались… как будто это объяснение могло его успокоить! Кое-что в этом мире всегда остается неизменным. Раньше он никогда не сомневался в том, что дом семьи Вон относится к таким вещам.

В ночь перед отъездом в комнатах не осталось ничего, кроме кроватей. Никси носился по дому, обнюхивая места, где некогда стояли знакомые предметы, просил свой нос сказать ему, что глаза его обманывают, а потом жалобно скулил. Но больше, чем физические перемены, обескураживало эмоциональное изменение, пьянящее и не со всем счастливое возбуждение, которое он мог чувствовать во всех трех людях.

В тот вечер произошло радостное событие — Никси разрешили посетить скаутский слет. Раньше Никси всегда ходил в походы и присутствовал на всех заседаниях. Но после инцидента, случившегося прошлой зимой, он посещал только встречи на открытом воздухе — сам Никси считал, что тот случай вызвал слишком много суеты: всего лишь пролитое какао и несколько разбитых чашек… и, во всяком случае, во всем был виноват кот.

Но на этом собрании ему разрешили при-

сутствовать, потому что это был последний скаутский слет Чарли на Земле. Никси не знал об этом, но он вовсю наслаждался нежданной привилегией, тем более что встреча сопровождалась вечеринкой, на которой Никси с комфортом загрузился хот-догами. Скаут-мастер Макинтош выдал Чарли открепительное письмо, удостоверяющее его статус и знаки отличия, с просьбой принять его в любой отряд на Венере. Никси с радостью присоединился к аплодисментам, вклинившись в них внезапными приветственными возгласами.

Затем скаут-мастер скомандовал:

— Давай, Рип.

Рип был старшим звеньевым отряда. Он встал со своего места и сказал:

— Тишина, товарищи. Да успокойтесь же, сумасшедшие дикари! Чарли, наверное, я не должен говорить тебе о том, как все мы сожалеем, что ты уходишь… Но мы надеемся, что и на Венере тебе выпадут хорошие деньки и ты сможешь время от времени посылать открытки двадцать восьмому отряду и рассказывать нам о себе, — а мы поместим их на нашу доску объявлений. Вообще-то, мы хотели вручить тебе прощальный подарок. Но мистер Макинтош объяснил, что у

тебя очень строгие ограничения по весу и его перевозка встанет тебе намного дороже, чем мы за него заплатим, ну или ты не сможешь забрать его целиком или хотя бы большую его часть.

Но в конце концов нам пришло в голову, что мы можем сделать одну вещь. Никси…

Уши Никси встали торчком, но Чарли тихо сказал:

— Спокойно, мальчик.

— …Никси был с нами почти так же долго, как и ты. Намного дольше, чем любой из новичков, и даже дольше, чем некоторые скауты второго класса. Он много чего повидал и много куда успел засунуть свой холодный нос. Поэтому мы решили, что он должен иметь свое собственное открепительное письмо, чтобы отряд, в который вы вступите на Венере, знал, что Никси — скаут с хорошим послужным списком. Выдай ему, Кенни.

Секретарь отряда передал Чарли еще одно письмо. Оно было написано теми же словами, что и письмо Чарли, за исключением того, что в нем шла речь о «Никси Вон, скауте-новичке», а вопрос о знаках отличия дипломатично умалчивался. Оно было подписано секретарем, скаут-мастером, звеньевыми и завизировано всеми членами

отряда. Чарли показал письмо Никси, и тот его обнюхал. Все зааплодировали, поэтому Никси с энтузиазмом присоединился к аплодисментам.

— И еще одно, — добавил Рип. — Теперь, когда Никси — официально бойскаут, он должен получить свой значок. Поэтому он должен выйти и встать перед строем.

Чарли знал, что нужно делать. Когда Никси был еще щенком с мягкими лапками и обвислыми ушками, они сумели заслужить нашивку «Попечитель собак»[44], что сделало Никси намного более приемлемым членом семейства Вон. Но элементарная подготовка собаки, необходимая для получения знака отличия, разбудила интерес Чарли; они продолжили обучение в школе дрессировки собак, где Никси усвоил не только простые команды голосом, но и более сложные сигналы руками.

И теперь Чарли их использовал. По его сигналу Никси выбежал вперед, сел навытяжку, демонстрируя готовность, и аккуратно сложил передние лапы перед собой, в то время как Рип прикреплял знак новичка на его ошейник, после чего Никси поднял свою правую лапу в при-

---

[44] Примечания: 44

«Попечитель собак» (Dog Care) — один из знаков отличия у скаутов.

ветствии и коротко гавкнул — всё по сигналам рукой.

Аплодисменты были громкими, и Никси дрожал от нетерпения к ним присоединиться. Но Чарли подал сигнал «Сидеть! Тихо!», поэтому Никси молча застыл, отдавая салют, пока не стихли аплодисменты. Так же молча он вернулся к ноге, хотя и дрожал от волнения. Возможно, суть церемонии была ему не вполне ясна — но даже если и так, он был не первым скаутом-новичком, который немного растерялся. Зато ему было совершенно ясно, что он был в центре внимания своих друзей, которые одобряли и признавали его. То был звездный час его жизни.

Но волнений, выпавших на эту неделю, оказалось слишком много для собаки. И поездка в Белые Пески, запертым в переноске, разлученным с Чарли, стала последней каплей, переполнившей чашу терпения. Когда Чарли пришел, чтобы забрать его из багажного отделения аэропорта Белых Песков, его облегчение было настолько велико, что у него случилась досадная неприятность, за которую он потом долго испытывал жгучий стыд.

Пока его везли из аэропорта на космодром, он немного успокоился, но снова встревожился,

когда оказался в помещении, неприятно напомнившем ему поездки к ветеринару: запахи, фигура в белом халате и отвратительный голый стол, на котором полагалось сидеть смирно, даже когда тебе делают больно. Он уперся всеми четырьмя лапами в пол и встал как вкопанный.

— Ну же, Никси! — твердо сказал Чарли. — Перестань, малыш!

Никси тихонько вздохнул, сдвинулся с места, вспрыгнул на диагностический стол и встал на нем, послушный, но дрожащий.

— Сделай так, чтобы он лег, — сказал мужчина в белом халате. — Мне нужно ввести иглу в большую вену на его лапе.

Никси выполнил команду Чарли и тихо лежал, дрожа, в то время как выбривали и дезинфицировали участок на его левой передней лапе. Чарли положил руку на загривок Никси и успокаивал его, пока ветеринар возился с веной. Никси оскалился только один раз, но не зарычал, несмотря на то что страх мальчика бился у него внутри, вынуждая его тоже бояться.

Внезапно препарат достиг его мозга, и он безвольно рухнул на стол.

Страх Чарли достиг своего апогея, но Никси этого уже не почувствовал. Маленький непокор-

ный дух Никси уплывал куда-то в иные края, вне пределов досягаемости его друга, вне времени и пространства — туда, куда уходит наше «я», человечье или собачье, когда хранящее его тело теряет сознание.

— С ним все в порядке? — резко спросил Чарли.

— А? Ну конечно.

— Мм… Мне показалось, что он умер.

— Хочешь послушать, как бьется его сердце?

— О нет — раз вы говорите, что он в порядке. Теперь с ним все будет хорошо? Он переживет это, да?

Доктор поглядел на отца Чарли, снова на мальчика, затем его взгляд упал на значок скаута.

— Звездный скаут[45], не так ли?

— Мм, да, сэр.

— Будешь орлом?

— Н-ну… Я постараюсь, сэр.

— Хорошо. Послушай меня, сынок. Если я сейчас просто положу твою собаку вон на ту полку, через пару часов он будет спать обычным сном, а завтра даже и не вспомнит, что отключился. Но

---

[45] Примечания: 45

Звездный скаут (Star Scout) — ранг выше первого класса, но ниже Life Scout. Следующий ранг за Life Scout — Eagle Scout, орел. Ранги скаутов см. в комментариях на с. 464.

если я заберу его в морозильную камеру и запущу цикл… — Он пожал плечами. — Ладно, сегодня я обработал восемьдесят голов скота. Если из них проснутся хотя бы сорок процентов, это будет удачная партия груза. Мой личный рекорд.

Чарли выглядел мрачным. Хирург посмотрел на мистера Вона, потом снова на мальчика:

— Сынок, я знаю человека, который ищет собаку для своих детей. Скажи только слово, и тебе не надо будет волноваться о том, оправится ли нервная система этого пса от удара, на который она не была рассчитана.

Мистер Вон спросил:

— Итак, сын?

Чарли хранил молчание, весь в мучительных колебаниях. Наконец мистер Вон резко сказал:

— Чак, у нас всего лишь двадцать минут до начала регистрации в эмиграционной службе. Ну же! Каков твой ответ?

Чарли, казалось, не слышал. Он робко протянул руку, едва прикоснулся к неподвижному телу, которое смотрело на него широко раскрытыми невидящими глазами, и тут же ее отдернул.

— Нет! Мы летим на Венеру — мы оба! — прокричал он сдавленным голосом, потом повернулся и выбежал из комнаты.

Ветеринар беспомощно развел руками:

— Что ж, я попытался.

— Я знаю, — ответил мистер Вон серьезно. — Спасибо, доктор.

Семья Вон отправилась обычным для эмигрантов маршрутом: крылатой челночной ракетой[46] до внутренней орбитальной станции, потом уродливым бескрылым ракетным паромом к внешней станции, а оттуда пересела на большой сферический грузовой лайнер «Геспер»[47]. Прыжки и пересадки заняли два дня. Двадцать одну утомительную неделю им предстояло провести на корабле дальнего космоса, летящем по полуэллиптической орбите от Земли к Венере. Время было установлено жестко, оно неизбежно следовало из закона всемирного тяготения, а также размеров и форм двух планетарных орбит.

Поначалу Чарли был страшно взволнован. Могучий импульс ускорителей, вырвавший их из крепких объятий земного притяжения, ока-

---

[46] Примечания: 46

Челночная ракета — в оригинале winged shuttle rocket — крылатая челночная ракета. Слово «шаттл» в те времена еще не имело самостоятельного значения, в противном случае здесь было бы написано «крылатый реактивный шаттл».

[47] Примечания: 47

«Геспер» (*греч.* Hesperus) — вечерняя звезда, планета Венера.

зался ужаснее, чем он ожидал (шестикратное увеличение веса отвратительно даже для тех, кто к нему привык). Когда спустя несколько минут челночная ракета вошла в свободное падение, полная невесомость показалась ему тревожной, странной — и куда более захватывающей, чем он ожидал. Было бы весьма некстати в этот момент потерять свой завтрак, но его спас введенный заранее препарат против морской болезни.

Вид Земли из космоса был такой же, как на цветных стереоснимках, но он обнаружил, что реальные вещи приносят значительно больше удовлетворения, подобно тому как настоящий гамбургер лучше, чем его фото. На внешней орбитальной станции кто-то показал ему знаменитого капитана Нордхоффа, только что вернувшегося с Плутона. Чарли узнал его суровые, изрезанные морщинами черты лица, знакомые ему по картинкам из новостей и ТВ, и вдруг со странным удивлением понял, что герой тоже был человеком, как все. И тогда он сам решил стать космонавтом и известным исследователем.

КК «Геспер» стал для него разочарованием. Он «рванул» от внешней станции… с нежным толчком в одну десятую силы тяжести вместо радующего душу зубодробительно-оглушительного

бабаха, с которым челнок покидал Землю. Кроме того, несмотря на свои огромные размеры, он был жутко переполнен. После того как корабль вышел на орбиту, где пятью месяцами спустя он должен был перехватить Венеру, капитан запустил вращение, чтобы подарить пассажирам искусственный вес, и отнял у Чарли приятное новое чувство невесомости, которым он только-только начал наслаждаться.

Ему все надоело уже через пять дней — а впереди были долгие пять месяцев. Он делил тесную комнату с отцом и матерью и спал в гамаке, который «ночью» (корабль жил по среднеевропейскому времени) качался между их койками. Гамак занимал все свободное место в кабине; и даже когда он был убран, в кают едва хватало места, чтобы одеться, и только одному человеку зараз. Единственным местом отдыха были кают-компании, и они всегда переполнены. В этой части корабля находился один обзорный иллюминатор. Поначалу он был популярен, но после нескольких дней наскучил даже детям, потому что вид не отличался многообразием: звезды, звезды и снова звезды.

По приказу капитана пассажиры могли зарегистрироваться на «обзорную экскурсию». Через

две недели Чарли представился шанс — протиснуться через разрешенные отсеки судна, бросить быстрый взгляд на комнату контроля реактора, чуть более долгий взгляд — на сады гидропоники, которые обеспечивали свежий воздух и некоторую часть продуктов питания, и целых десять секунд полюбоваться через открытый люк на святая святых — центральный пост корабля. И всё в сопровождении лекции от скучающего младшего офицера. Через два часа экскурсия закончилась, и Чарли вновь был ограничен его собственной, весьма переполненной частью судна.

Ближе к носу корабля жили привилегированные пассажиры. Их каюты были столь же просторны, как у офицеров, а сами они наслаждались роскошью офицерской столовой. Почти месяц Чарли не подозревал, что на борту корабля живут такие люди, но когда узнал, он воспылал праведным гневом.

Его отец постарался объяснить ему некоторые вещи:

— Они за это заплатили.

— Да? Но ведь мы тоже заплатили. Почему они должны получать…

— Они заплатили за роскошь. Это пассажиры первого класса, каждый из них заплатил почти

втрое больше, чем стоили твой или мой билет. У нас же тариф эмигрантов — перевозка, питание и место для сна.

— Не думаю, что это справедливо.

Мистер Вон пожал плечами:

— Почему мы должны иметь что-то, за что мы не платили?

— Мм… ладно, папа, но почему они в состоянии заплатить за роскошь, которую мы не можем себе позволить?

— Хороший вопрос. Философы, начиная с Аристотеля, бились над ним. Возможно, когда-нибудь *ты* мне ответишь на него.

— Ха! Что ты имеешь в виду, папа?

— Не говори «ха», Чак. Я везу тебя на совершенно новую планету. Вероятно, там ты сумеешь разбогатеть, если, конечно, постараешься. И тогда ты объяснишь мне, почему человек с деньгами может обладать предметами роскоши, а бедные люди — нет.

— Но мы не бедны!

— Нет, мы не бедны. Но мы и не богаты. Возможно, у тебя есть внутренний импульс, который приведет тебя к богатству. Уверен в одном: на Венере у тебя будут для этого все возможности. Ладно, не бери в голову — что насчет игры перед

обедом?

Чарли все еще негодовал по поводу того, что его не пускают в самые шикарные части судна; никогда прежде в своей жизни он не чувствовал себя второсортным — гражданином или пассажиром, — и это чувство было не из приятных. Он решил разбогатеть на Венере. Он откроет самое крупное месторождение урана в истории, а потом будет кататься первым классом между Венерой и Землей, когда захочет, и тогда он покажет этим самодовольным снобам!

Тут он вспомнил, что уже решил стать известным космонавтом. Ну ладно, он сделает и то и другое. Когда-нибудь у него будет своя линия космических перевозок… и одно из судов будет его частной яхтой. Впрочем, к тому времени, когда «Геспер» преодолел половину пути, он об этом уже не вспоминал.

Эмигранты мало кого видели из членов экипажа, но Чарли сумел познакомиться со Слимом, поваром эмигрантов. Слимом его прозвали по той же причине, по какой цепляются прозвища к другим поварам: он день-деньской пробовал свои творения и приобрел форму груши[48].

---

[48] Примечания: 48
Слим (*англ.* Slim) — Тощий.

Как и на всех космических судах, штат «Гесперы» (за исключением астронавигаторов и инженеров) был недоукомплектован — зачем нанимать помощника повара, если его место можно продать пассажиру? Дешевле было платить высокую заработную плату повару, который без помощника умеет творить чудеса на своей поточной линии. А Слим умел.

Но ему не возбранялось привлекать добровольных помощников. «Кулинарный знак отличия» Чарли плюс готовность исполнять то, что говорят, сделали его фаворитом среди волонтеров Слима. Чарли извлек из этого несомненную пользу: он нашел, чем занять свое время, он получал бутерброды и закуски всякий раз, когда этого желал, и приобрел собеседника, с которым мог вести умные разговоры на разные темы. Слим никогда не учился в колледже, но его любопытство ни разу не истощалось: он прочитал всё стоящее прочтения в библиотеках нескольких судов и держал свои глаза широко открытыми на всех освоенных планетах Солнечной системы.

— Слим, на что похожа Венера?

— Э-э-э… больше всего на то, что написано в книгах. Дождливая. Горячая. Но в Бориэлисе, где вы приземлитесь, все не так плохо.

— Да, но все-таки на что она похожа?

— Почему бы тебе не подождать и не увидеть собственными глазами? Помешаем это тушеное мясо… и включим микроволновку. Ты знаешь, а ведь раньше считали, что на Венере нельзя жить.

— Ха? Нет, не знал.

— Это правда. В те дни, когда еще не летали в космос, ученые были уверены, что на Венере нет ни кислорода, ни воды. Они полагали, что там пустыня, песчаные бури и ни глотка нормального воздуха. И все это было научно доказано.

— Но как они могли так ошибиться? Я хочу сказать, очевидно ведь, раз тут все в облаках и…

— Облака не содержали паров воды, их спектроскоп не сумел ее определить. Зато он показал много углекислого газа, и наука прошлого столетия считала, что это доказывает, что на Венере не может быть жизни.

— Вот так наука! Ну и балбесы же тогда жили.

— Не отзывайся пренебрежительно о наших дедах. Если бы не они, мы с тобой сейчас сидели бы на корточках в пещере и вычесывали блох. Нет, парень, они были достаточно круты. Просто у них не было на руках всех фактов. У нас больше фактов, но это не делает нас умнее. Положим эти

бисквиты сюда… Как мне кажется, это просто говорит о том, что единственный способ узнать, что находится в рагу, состоит в том, что надо съесть его… и даже тогда ты не можешь быть до конца уверен. Венера, как оказалось, была очень хорошим местом. Для уток. Если бы там были утки. Которых там нет.

— Тебе нравится Венера?

— Мне нравится любое место, где я не должен оставаться слишком долго. Ладно, давай начнем кормить голодную толпу.

Еда на «Гесперe» была хороша настолько, насколько плохи были жилые помещения. Отчасти в этом была заслуга гения Слима, но сказывался и тот факт, что пища на космическом корабле ценится только по весу, а то, сколько она стоила на поверхности Земли, было совершенно несущественно по сравнению со стоимостью ее подъема на орбиту. Великолепный кусок мяса обходился владельцам космических линий лишь чуть-чуть дороже, чем горсть риса того же самого веса, — при этом все привезенные стейки можно было продать по высоким ценам колонистам, изнывающим от тоски по вкусу земной пищи. Поэтому эмигранты питались так же, как пассажиры первого класса, хотя и без шикар-

ного обслуживания, и не в такой изысканной обстановке. Когда Слим заканчивал готовить, он открывал окно в переборке камбуза, пассажиры выстраивались в очередь, и Чарли накладывал в протянутые тарелки изумительные яства, словно какую-нибудь жратву в скаутском лагере. Чарли наслаждался этой хозяйственной работой. Он чувствовал себя членом экипажа, как будто он сам стал космонавтом.

Ему почти удалось не беспокоиться о Никси, убедив себя в том, что нет причин волноваться. С того момента, как они миновали середину пути, прошел месяц. До Венеры оставалось шесть недель, когда он решил обсудить этот вопрос со Слимом.

— Послушай, Слим, ты ведь много знаешь о таких вещах. С Никси все будет в порядке?

— Дай-ка мне вон ту лопаточку. Мм… не знаю, поскольку раньше я не встречал собак в космосе. Вот кошки… кошки в космосе на своем месте. Они чисты, опрятны и помогают справиться с мышами и крысами.

— Не люблю кошек.

— Ты когда-нибудь держал кошку? Нет, я вижу, что нет. И как только у тебя хватает нахальства судить о том, чего ты не знаешь? Вот будет у тебя

кошка, тогда я послушаю, что ты об этом думаешь. А до тех пор… Ну ладно, а вообще-то, кто тебе сказал, что у тебя есть право высказывать собственное мнение?

— Ха? Да ведь у всех есть право на собственное мнение!

— Ерунда, парень. Никто не имеет права на мнение о чем-либо, о чем он не осведомлен. Если капитан начнет учить меня, как печь пироги, я вежливо предложу ему не совать нос не в свое дело… и наоборот, я не стану говорить ему, как рассчитать орбиту к Марсу.

— Слим, ты увиливаешь от темы. Что насчет Никси? Скажи, с ним все будет в порядке?

— Как я уже говорил, у меня нет мнения о вещах, в которых я не разбираюсь. Случилось так, что я не разбираюсь в собаках. У меня никогда ни одной не было, я же вырос в большом городе… А потом улетел в космос. И никаких собак.

— Проклятье, Слим! Ты опять увиливаешь. Ты все знаешь о «холодном сне». Не пытайся меня обдурить.

Слим вздохнул:

— Малыш, когда-нибудь ты умрешь, и я тоже умру. И твой щенок — тоже. Это одна из тех вещей, которых никому не избежать. Наш реактор

может взорваться — а мы даже не поймем, что нас убило, пока нам не начнут примерять нимбы и крылышки. А раз так, к чему беспокоиться о том, выйдет ли твоя собака из «холодного сна»? Или он проснется, и ты волновался напрасно, или он не проснется, и ты ничего не сможешь с этим поделать.

— Так ты думаешь, что у него не получится?

— Я этого не говорил. Я сказал, что было бы глупо об этом волноваться.

Но Чарли все же волновался. Разговор со Слимом все время крутился в его голове, и чем ближе был день прибытия, тем больше он беспокоился. Последний месяц показался мальчику длиннее, чем предшествовавшие ему четыре тоскливых месяца.

Что касается Никси, то для него время ничего не значило. Повисший между жизнью и смертью, он витал за пределами «Геспера» — где-то там, вне времени и пространства. И лишь его маленькое лохматое тельце лежало в холодном трюме, как замороженный кусок ветчины.

В конце концов капитан замедлил движение судна, подвел его к Венере и вывел на парковочную орбиту — борт о борт с единственной орбитальной станцией Венеры. После пересадки

и томительного ожидания семья Вон на крылатом челноке «Купидон» опустилась в облачный покров Венеры и приземлилась в колонии Северного полюса, Бориэлисе.

Однако для Чарли томительное ожидание на этом не закончилось: груз (а Никси тоже относился к категории грузов) начали снимать с орбиты уже после высадки пассажиров, и это заняло много дней, потому что могучий «Геспер» вмещал в себя намного больше, чем мог принять маленький «Купидон». А Чарли даже не мог сбегать на грузовой склад и навести справки о Никси, потому что иммигрантов поместили в карантин в перевалочном лагере. За пять месяцев полета им сделали массу прививок, но по прибытии оказалось, что этого недостаточно. Теперь они вынуждены были дожидаться самого тщательного медицинского осмотра и наблюдения, потому что эмиграционная служба желала удостовериться, что они не привезли с собой земных болезней, а после этого их ожидала новая порция прививок, которые не были доступны на борту судна. Чарли проводил свои дни с воспаленными от уколов руками, снедаемый изнутри беспокойством.

До сих пор ему только раз удалось взглянуть на мир снаружи — он увидел затянутое вечными

облаками небо, которое никогда не темнело и не освещалось. Бориэлис лежал на Северном полюсе Венеры, а ось вращения планеты была почти вертикальна: невидимое Солнце кружило над линией горизонта, не подымаясь и не опускаясь больше чем на несколько градусов. Колония жила в вечных сумерках.

Пониженной гравитации Чарли не ощущал, хотя знал, что разница (сила тяжести была 0,9 земной) должна быть ощутимой. Но прошло уже пять месяцев с тех пор, как он чувствовал на себе силу земного тяготения, а на «Геспере» поддерживалась лишь треть его силы — на внешних палубах, где сильнее сказывалась центробежная сила. Поэтому Чарли казалось, что он стал тяжелее, а не легче, — его ноги отвыкли от настоящего веса.

И при этом он не замечал высокой (около 2 %) концентрации углекислого газа, благодаря которой существовали могучие джунгли Венеры. Когда-то считалось, что такое количество углекислого газа, вдыхаемое регулярно, смертельно для человека, но задолго до космических полетов, приблизительно в 1950 году, эксперименты показали, что даже более высокая концентрация не влечет за собой никаких негативных послед-

ствий. Чарли просто ее не замечал. Точно так же он чувствовал бы себя где-нибудь в тропиках на Земле.

Итак, он проводил дни в мрачном, похожем на казарму, здании. Он мало видел своего отца, который не отрывался от телефона и не вылезал из герметичной кабины для переговоров, совещаясь со своими работодателями или обустраивая наше новое жилье. И еще меньше он виделся с матерью: миссис Вон тяжело перенесла долгий перелет и проводила большую часть своего времени в постели.

Спустя девять дней после прибытия Чарли сидел в комнате отдыха перевалочного лагеря, со скукой перелистывая книгу, которую уже однажды прочитал на Земле. Вошел его отец:

— Пойдем.

— Да? Что случилось?

— Они собираются будить твоего пса. Ты ведь хочешь при этом присутствовать, не так ли? Или не хочешь? Я могу сходить один, а потом вернусь и расскажу тебе, чем все закончилось.

Чарли судорожно перевел дыхание:

— Я хочу быть там. Пойдем.

Комната походила на ту, что была в Белых Песках, где усыпили Никси, за исключением того,

что вместо стола здесь стояла похожая на клетку штуковина со стеклянными стенками. Какой-то человек настраивал сложную аппаратуру, стоявшую рядом со стеклянной коробкой. Он поднял глаза и спросил:

— Да? Мы заняты.

— Меня зовут Вон, а это — мой сын Чарли. Он владелец собаки.

Мужчина нахмурился:

— Разве вы не получили мое сообщение? Кстати, я — доктор Зекер. Вы слишком рано, мы только-только подняли температуру собаки до нормы.

Мистер Вон сказал:

— Жди здесь, Чарли.

Он пересек комнату и тихим голосом что-то сказал Зекеру.

Зекер покачал головой:

— Лучше подождите снаружи.

Мистер Вон снова что-то тихо сказал. Доктор Зекер ответил:

— Вы не понимаете. У меня даже нет надлежащего оборудования, я был вынужден приспособить аппарат искусственного дыхания, который мы используем для обезьян. Он никогда не предназначался для собак!

Они спорили шепотом в течение нескольких минут и были прерваны голосом из динамика:

«Девяносто семь-икс готов, доктор. Это тот пес».

— Несите его! — отозвался Зекер и, продолжая разговор с мистером Воном, сказал: — Хорошо. Уведите его с прохода. Хотя лучше бы ему, как я уже говорил, оставаться снаружи.

Он отвернулся, больше не обращая на них никакого внимания.

Вошли двое мужчин с большим лотком. На нем неподвижно лежало что-то небольшое, укрытое тускло-синей тканью.

— Это Никси? — прошептал Чарли.

— Я думаю, да, — вполголоса ответил его отец. — Молчи и смотри.

— Можно мне на него посмотреть?

— Стой, где стоишь, и не говори ни слова — иначе доктор тебя выгонит.

Оказавшись внутри, команда двигалась быстро и без разговоров, как будто повторяла много раз отрепетированные действия, которые требовалось выполнять на большой скорости и с безукоризненной точностью. Один из них открыл стеклянную коробку, другой, поместив лоток внутрь, убрал ткань, скрывавшую его со-

держимое. Это был Никси, мягкий, податливый и, очевидно, мертвый. У Чарли перехватило дыхание.

Один ассистент передвинул маленькое тело вперед, накинул на шею пса резиновый хомут, подогнал его по размеру и зафиксировал в отверстии, проделанном в перегородке, устроенной наподобие гильотины. После чего поспешно убрал руки из коробки, и тогда второй ассистент захлопнул стеклянную дверцу, через которую они поместили собаку внутрь, и быстро загерметизировал ее. Теперь Никси был плотно закрыт в стеклянном гробу, тело внутри, голова снаружи.

— Цикл!

Как только он это сказал, первый ассистент хлопнул по выключателю и уставился на приборную панель, а доктор Зекер сунул руки в длинные резиновые перчатки, вставленные в стекло, благодаря чему его руки оказались наедине с телом Никси. Быстрыми, уверенными движениями он приготовил шприц для подкожных инъекций, лежавший внутри, и глубоко вонзил его в бок собаки.

— Аппарат искусственного дыхания подключен.

— Нет сердечной активности, доктор!

Сообщения поступили одновременно. Зекер взглянул на циферблаты, снова посмотрел на собаку и выругался. Он схватил другую иглу. Эту он ввел очень осторожно, плавно надавил на плунжер, следя за показаниями приборов.

— Фибрилляция[49]. Пульс нитевидный.

— Я вижу! — ответил он раздраженно, извлек иглу из тела и начал массировать собаку синхронно с подъемами и опусканиями «искусственного легкого».

И тогда Никси поднял морду и заскулил.

Только через час с лишним доктор Зекер позволил Чарли забрать собаку. Большую часть этого времени клетка была открыта, и Никси дышал самостоятельно, но аппаратура все еще была подключена, в полной готовности, на случай, если окажется, что или сердце, или легкие Никси так и не сумели заново выучить старый фокус: поддерживать его жизнь. Но на время ожидания Чарли разрешили стоять рядом с собакой, трогать ее, говорить с ней и гладить ее, чтобы она успокоилась.

Наконец доктор взял Никси и передал его в руки Чарли:

---

[49] Примечания: 49

Фибрилляция — асинхронное сокращение сердечных мышц.

— Хорошо, возьмите его. Но помните: ему требуется покой. Он не должен бегать в течение следующих десяти часов. Излишний покой ему тоже ни к чему. Не позволяйте ему спать.

— Почему, доктор? — спросил мистер Вон.

— Потому что иногда, когда вы думаете, что все благополучно закончилось, они просто ложатся — и уходят… Как будто они почувствовали вкус смерти и нашли, что он им нравится. Этот пес был на волосок от гибели — у нас всего семь минут на то, чтобы восстановить кровообращение в мозгу. Чуть дольше — и мозг необратимо поврежден, и вы можете только положить конец его страданиям.

— Как вы думаете, вы все сделали вовремя?

— А вы полагаете, что я позволил бы вам забрать собаку, если бы не успел? — сердито ответил Зекер.

— Извините.

— Итак, держите его в покое, но не перебарщивайте. Пусть бодрствует.

И Чарли торжественно ответил:

— Я верю, доктор, что с Никси все будет в порядке. Я знаю это.

Чарли бодрствовал всю ночь напролет, он разговаривал с Никси, ласкал его, успокаивал, но

не давал уснуть. Никто из родителей не пытался заставить Чарли лечь спать.

II

Никси понравилась Венера. Она была наполнена тысячами новых запахов (со всеми нужно было разобраться) и бесчисленными новыми звуками (каждый из которых нужно было каталогизировать). Как официальный опекун семьи Вон и — персонально — Чарли, он возложил на себя обязанность (а также связанные с ней удовольствия) исследовать каждое новое явление и решать, действительно ли оно безопасно для его людей. Никси с радостью этим занялся.

Вряд ли пес сознавал, как далеко забрался от старого дома. Он помнил только первый этап путешествия, поездку в переноске в Белые Пески. Никси принял новый порядок вещей, не заметив, что на пять месяцев выпал из жизни. Он принял на себя ответственность за квартиру, выделенную семье Вон, обследовал ее полностью, а потом еще раз проверил ночью, чтобы убедиться, что все в порядке и им ничто не угрожает. И только после этого вытоптал свое место в ногах у Чарли и уткнулся носом в хвост.

Он знал, что это новое место, но не тосковал по дому. Старый дом был неплох, и он никогда бы не оставил его, но этот новый был гораздо лучше. Мало того что здесь был Чарли, без которого никакое место не могло быть домом, — здесь были удивительные запахи, и даже соседей он посчитал более приятными. В его прошлом многие люди вечно сердились по поводу цветочных клумб и прочих пустяков, а здесь его почти никогда не бранили и не гнали, — напротив, люди стремились поговорить с ним, приласкать и покормить его. Популярность Никси была основана на арифметике: в Бориэлисе на пятьдесят пять тысяч жителей приходилось только одиннадцать собак. Многие колонисты тосковали по традиционно лучшему другу человека. Никси этого не знал, но он обладал величайшей способностью наслаждаться дарами жизни, не беспокоясь о причинах, их породивших.

Мистер Вон посчитал Венеру местом удовлетворительным. Его работа для «Синтетикс оф Венус, лимитед» была похожа на ту, что он выполнял на Земле, с той разницей, что теперь у него была выше зарплата и больше ответственности. Жилье, предоставленное компанией, было столь же комфортно, как дом, который он оставил на

Земле, и он больше не беспокоился о будущем семьи — впервые за долгие годы.

Миссис Вон посчитала Венеру терпимой, но она скучала по дому большую часть времени.

Чарли, как только закончились сперва беспокойство за Никси, а затем радость от его пробуждения, посчитал Венеру интересной, хотя и менее странной, чем он ожидал. Поначалу он скучал по дому, но вскоре это прошло: его домом сделалась Венера. Теперь он знал, кем он станет, когда вырастет: он будет пионером. И он отправится на юг, в самое сердце не нанесенных на карту джунглей, и расчистит там место для собственной плантации.

Джунгли были главнейшей особенностью Венеры. Колония жила за счет обильной продукции, которую они поставляли. Землю, на которой вырос Бориэлис, его здания и космодром, отвоевали у алчной растительности, сначала выжигая ее дотла, а потом связав перегной химикатами, тем самым отравив почву… А затем приходилось снова и снова выжигать, вырубать или травить все, что ухитрилось выжить, все, что пыталось сунуть свой зеленый нос на захваченную территорию.

Семья Вон жила в большом жилом доме, построенном на земле, недавно отвоеванной у

джунглей. Прямо за входной дверью, в какой-то сотне футов, за полосой выжженной и отравленной почвы, вырисовывалась огромная ворсистая темно-зеленая стена. И она поднималась намного выше, чем ширина отделявшей ее буферной полосы. Джунгли никогда не сдавались. Виноградная лоза, привлеченная светом, — ее жизнь проходила в конкурентной борьбе за энергию света — искала доступа на открытое пространство, пыталась заполнить его. Она росла с невероятной скоростью. Однажды после завтрака мистер Вон попытался выйти через переднюю дверь и не смог этого сделать. Пока все спали, лоза пробросила росток через сотни футов защитной полосы, отталкиваясь усиками от бесплодной почвы, и оплела фасад здания.

Полицейские патрули в городе были вооружены огнеметами и тратили большую часть своего времени в борьбе против подобных злоумышленников. Хотя они и стояли на страже закона, но редко совершали аресты. Бориэлис был городом, почти свободным от преступности: люди были слишком заняты борьбой с дикой природой, чтобы им требовалось много внимания от полиции.

Но джунгли были не только врагом, но и другом. Их обильная жизнь обеспечила еду для

миллионов и миллиардов людей взамен на труд нескольких тысяч, живущих на Венере. Под джунглями лежали пласты торфа, еще ниже шли толстые угольные пласты, воплотившие миллионы лет пышного роста джунглей, а нефтяные бассейны дожидались, когда их откроют. Аэрофотосъемка, проведенная реактивным вертолетом в вулканических областях, обещала уран и торий, когда люди сумеют проложить к ним путь. Планета предлагала несметные богатства. Но она не предлагала их слабакам.

Довольно скоро Чарли пришлось усвоить, что Венера не для слабаков — по крайней мере в одном отношении. Отец устроил его в школу, там его определили в класс, где преподавал мистер де Сото. Школьная комната не радовала глаз («Мрак!» — вот какое слово предпочитал Чарли), но он не был удивлен, поскольку большинство зданий в Бориэлисе выглядели непривлекательно, будучи построенными из губчатых бревен или лигниновых панелей, изготовленных из молодой растительности.

Но и сама школа была «мрак». Сначала Чарли был оскорблен тем, что его поместили в класс на год младше, чем он ожидал, а потом он обнаружил, что уроки были очень трудными и

скучными и что мистер де Сото не имел таланта или, возможно, желания сделать их веселей. Чарли обиделся и начал бездельничать.

По истечении трех недель мистер де Сото задержал его после занятий:

— Чарли, что с тобой не так?

— Ха? То есть я хотел сказать: «Да, сэр?»

— Ты знаешь, что я имею в виду. Ты провел в моем классе почти месяц. Ты ничему не научился. Разве ты не хочешь?

— Что? Ну, наверное, я хочу.

— В таких предложениях надо говорить «конечно», а не «наверное». Очень хорошо; значит, ты хочешь учиться. Почему же ты не делаешь этого?

Чарли стоял молча. Он мог бы рассказать мистеру де Сото, каким классным местом была неполная средняя школа Горация Манна, с ее спортивными командами, собственным оркестром, любительскими спектаклями, и советом учеников (в этой дурацкой школе нет даже совета учеников!), и исследовательскими проектами, которые дети выполняют самостоятельно, и Днем прихода весны, и Днем прогульщика, и… да и вообще — ну что за фигня?!

Но мистер де Сото еще не закончил задавать

свои вопросы:

— Где ты раньше ходил в школу, Чарли?

Чарли изумленно уставился на учителя. Он что, даже не потрудился прочитать его выписку из школы? Тем не менее он ответил. И добавил:

— Там я учился старше на класс. Я думаю, мне просто скучно проходить все по новой.

— С этим я бы согласился, но я не соглашусь, что ты повторяешь уже пройденное. Там у вас действует «Закон о восемнадцатилетних»?

— Сэр?

— Ты был обязан посещать школу, пока тебе не исполнится восемнадцать астрономических лет?

— Ах, это! Наверное. То есть я хотел сказать «конечно». Все ходят в школу, пока не настанет восемнадцать. Да. Это должно «препятствовать преступности среди несовершеннолетних», — процитировал он.

— Любопытно. И полагаю, никого не заваливали на экзаменах…

— Сэр?

— Неудачников. Никого не выгоняли из школы или оставляли на второй год из-за неспособности учиться?

— Ну конечно нет, мистер де Сото. Возрастные группы нужно держать вместе, иначе они соци-

ально не развиваются. Должным образом.

— Кто тебе это сказал?

— Ну, это все знают. Я слышу это еще с детского сада. То, что образование дает для социального развития.

Мистер де Сото откинулся назад, протер свой нос. Потом он сказал медленно:

— Чарли, у нас здесь совсем не такая школа, вообще.

Чарли ждал. Ему было досадно, что его не пригласили присесть, и он думал о том, что случится, если он все же сядет.

— Во-первых, у нас нет «Закона о восемнадцатилетних». Ты можешь бросить школу прямо сейчас. Ты умеешь читать. Твой почерк неаккуратен, но это сойдет. Ты быстр в арифметике. У тебя пять ошибок в слове «йод»[50], но это уже твои личные проблемы. Отцов города не заботит твоя орфография. У тебя есть то образование, которое город Бориэлис считает себя обязанным тебе дать. Если ты хочешь взять огнемет и начать расчищать свой участок в джунглях, никто не встанет на твоем пути. Я могу прямо сейчас написать записку в Совет по образованию, в которой

---

[50] Примечания: 50

Пять ошибок в слове «йод» — в оригинале «You can't spell worth a hoot», т. е. неумение писать без ошибок, дислексия.

сообщу, что Чарльз Вон-младший изучил все, что был в состоянии изучить. И завтра ты уже можешь сюда не приходить.

Чарли был изумлен. Он никогда не слышал, чтобы кого-то исключали из школы за что-то меньшее, чем поножовщина. Это было немыслимо. И что скажут дома?

— С другой стороны, — продолжал мистер де Сото, — Венера нуждается в образованных гражданах. Мы никого не гоним, пока он продолжает учиться. Город даже пошлет тебя обратно на Землю для повышения квалификации, если ты будешь того стоить. Потому что мы нуждаемся в ученых, инженерах… а еще больше в преподавателях. Но мы — молодое сообщество, испытывающее трудности, и у нас нет ни пенни, чтобы тратить их впустую на деток, которые не хотят учиться. Мы действительно заваливаем их в этой школе. Если ты не будешь учиться, то мы сократим тебя быстро, как траву из огнемета. Мы не собираемся устраивать тут детский сад для переростков наподобие того, в который ты ходил на Земле. Тебе решать. Серьезно взяться за дело и начать учиться… или проваливать. Поэтому пойди домой и обсуди это со своими.

Чарли был ошеломлен:

— Мм… Мистер де Сото? Вы собираетесь говорить с моим отцом?

— Что? О небеса, конечно нет! Ты — их ответственность, не моя. Меня не волнует, что ты будешь делать. На этом все. Иди.

Чарли медленно поплелся домой. Он ничего не стал обсуждать с родителями. Вместо этого он вернулся в школу и продолжил учиться. Через несколько недель он обнаружил, что даже алгебра может быть занимательной… и что старина Каменное Лицо может быть интересным преподавателем, если учиться достаточно прилежно, чтобы понимать, о чем он рассказывает.

Мистер де Сото больше никогда не возвращался к этому вопросу.

Куда веселее прошло возвращение в бойскауты, но даже оно принесло свои неожиданности. Мистер Ку'ан, скаут-мастер четвертого отряда, сердечно приветствовал его:

— Буду рад принять тебя в отряд, Чак. Меня всегда радует, когда среди поселенцев оказывается скаут, который приходит и говорит, что снова хочет встать на тропу разведчика.

Он просмотрел письмо, которое принес Чарли:

— У тебя хорошая характеристика — звездный скаут в твоем возрасте. Продолжай, и станешь

«двойной звездой»... по земным и по нашим меркам.

— Вы хотите сказать, — медленно проговорил Чарли, — что здесь я не звездный скаут?

— Что? Вовсе нет. — Мистер Ку'ан коснулся значка на жакете Чарли. — Ты честно заслужил его, и суд чести тебя аттестовал. Ты всегда будешь звездным скаутом, точно так же как пилот имеет право носить свою «комету», когда по возрасту уже не может гонять космические корабли. Но давай будем реалистами. Тебе доводилось бывать в джунглях?

— Пока нет, сэр. Но у меня всегда были способности к ориентированию на местности.

— Мм... А в лагере на Эверглейдсе[51] во Флориде ты был?

— Ну... нет, сэр.

— Ладно, это все равно не имеет значения. Я просто хотел сказать, что джунгли Эверглейдса все равно что голая пустыня по сравнению с нашими джунглями. А коралловые и мокасиновые змеи Эверглейдса — маленькие безобидные домашние животные по сравнению с некоторыми местными тварями. Ты уже видел наших

---

[51] Примечания: 51

Эверглейдс — болотистая низина, поросшая тропическими лесами в Южной Флориде.

стрекоз?

— Видел, мертвую, в школе.

— Да, лучший способ смотреть на них — когда они мертвые. Когда встречаешься с живой, лучше увидеть ее раньше, чем она увидит тебя, особенно если это самка, готовая отложить яйца.

— Мм, я знаю о них. Если их отогнать, они не будут жалить.

— И это — причина, по которой ты должен заметить их раньше.

— Мистер Ку'ан, а они действительно такие большие?

— Я видел особей с тридцатишестидюймовым размахом крыльев[52]. И вот что я пытаюсь тебе сказать, Чак, — многие погибли, изучая каверзы этих джунглей. Если ты столь же умен, каким должен быть звездный скаут, то ты не будешь воображать, будто знаешь то, чего не знали те бедолаги. Ты будешь носить этот значок, но… сам для себя ты должен осознавать, что ты снова «новичок», и не будешь суетиться по поводу дальнейшего продвижения.

Чарли проглотил все это:

---

[52] Примечания: 52

36 дюймов = 90 см. Ископаемые земные стрекозы рода Meganeura достигали в размахе только 65 см (по другим данным, 71 см у Meganeuropsis permiana).

— Да, сэр. Я буду стараться.

— Хорошо. Мы используем метод обучения в паре — ты заботишься о своем приятеле, а он заботится о тебе. Я поставлю тебя с Гансом Куппенхаймером. Он всего лишь скаут второго класса, но это не должно тебя разочаровать. Ганс здесь родился, и он живет посреди дикого леса, на плантации своего отца. Он — лучшая крыса джунглей в нашем отряде.

Чарли ничего не ответил, он сам решил стать настоящей крысой джунглей, и побыстрее. Перспектива быть принятым под крыло скаута всего-навсего второго класса его не привлекала.

Но с Гансом оказалось очень легко ладить. Пониже ростом, но более коренастый, чем Чарли, он всегда был спокоен и принял свое назначение приглядывать за Чарли без комментариев, не проявив ни особого дружелюбия, ни неприязни. Когда Чарли спросил его, сколько ему лет, он ответил: «Двадцать три».

Услышав такой ответ, Чарли на какое-то время лишился дара речи, пока не сообразил, что Ганс, как и все местные жители, имел в виду венерианский год, длившийся только двести двадцать пять земных суток. Чарли прикинул, что Ганс должен быть примерно его возраста, что походи-

ло на правду. Время на Венере было предметом, который постоянно сбивал Чарли с толку, начиная со дня прибытия. Сутки Венеры всего на семь минут отличались от земных — ему нужно было только регулярно подводить свои наручные часы. Вот только сам день был совсем не тем, что подразумевалось под этим словом, потому что день и ночь на Северном полюсе Венеры вы глядели одинаково, как мягкие сумерки.

В году было всего восемь месяцев, ровно по четыре недели в каждом месяце, а еще периодически наступал добавочный «День года». Хуже всего было то, что времена года перестали что-либо значить: не было никаких сезонов, только одно бесконечное горячее, влажное лето. Здесь всегда было одно и то же время суток, всегда одно и то же время года. Без часов и календаря Венера превращалась в край, где время остановилось. Чарли никак не мог к этому привыкнуть.

Если Никси и находил безвременье Венеры странным, он никогда об этом не распространялся. На Земле он спал ночью просто потому, что так делал Чарли, а если говорить о смене сезонов, то меньше всего его беспокоило отсутствие зимы. Возвращению в скауты он радовался даже больше, чем Чарли, потому что тут он был желанным

гостем на каждой встрече. Кое у кого из скаутов, родившихся на Земле, когда-то были собаки, но теперь собак не было ни у кого — и Никси сразу стал талисманом отряда. В первый день, когда Чарли взял его с собой на встречу, его гладили и гладили до полного изнеможения, и тогда мистер Ку'ан объявил, что собаке нужно дать хоть немного покоя… после чего присел на корточки и сам стал гладить Никси.

— Никси? — проговорил он задумчиво. — «Никси» — это ведь дух воды, водяной?

— Э-э-э, ну, наверное, так и есть, но Никси он стал по другой причине, — признался Чарли.

— Вот как?

— Ну, я собирался назвать его Чемпионом, но, когда он был щенком, мне все время приходилось твердить ему: «Никс! Никс!» («Брось! Нельзя!») — вот он и решил, что это его имя. Пришлось так и оставить.

— М-да… Что ж, по крайней мере, это более логично, чем большинство собачьих кличек. А его классическое значение вполне уместно звучит в таком сыром месте, как наше. Что это у него на ошейнике? А, вижу… Ты украсил его своим старым значком новичка?

— Нет, сэр, — поправил Чарли. — Это — его

значок.

— Что?

— Никси — тоже бойскаут. Товарищи из моего отряда на Земле приняли его в отряд. Они выдали ему значок. Так что Никси — бойскаут.

Мистер Ку'ан поднял брови и улыбнулся. Один из мальчиков сказал:

— Вот ведь психи. Собака не может быть скаутом.

В глубине души Чарли и сам в этом сомневался, однако слова мальчика его возмутили, и он уже открыл рот, чтобы возразить, когда между ними мягко вклинился скаут-мастер.

— Что заставляет тебя говорить так, Альф? — спросил он.

— Ха? Да черт возьми! Это же не соответствует законам скаутов!

— Вот как? Я признаю, что это — весьма оригинальная идея, но я не могу припомнить, какое правило она нарушает. Кто сегодня принес «Наставления»?

Секретарь выдал ему экземпляр «Наставления». Мистер Ку'ан передал его Альфу Рейнхардту:

— Приступай, Альф. Найди это правило.

Чарли, смутившись, предъявил письмо о переводе Никси. Он принес, но еще не отдал его

секретарю. Мистер Ку'ан прочитал документ, кивнул и сказал:

— Выглядит хорошо.

Он передал письмо остальным и спросил:

— Ну, как твои успехи, Альф?

— Во-первых, здесь сказано, что в отряд зачисляют с двенадцати лет — земных лет, понятно, потому что «Наставления» напечатали еще на Земле. Этот пес настолько стар? Я что-то сомневаюсь.

Мистер Ку'ан покачал головой:

— Если бы я заседал в суде чести, то я потребовал бы, чтобы правило не применялось. Собака растет быстрее, чем мальчик.

— Ладно, раз вы настаиваете на том, чтобы продолжать эту шутку — хотя лично для меня скаутинг никакая не шутка, — то в этом вся суть: пес не может быть бойскаутом, потому что он — пес.

— Скаутинг, Альф, и для меня не шутка, хотя я не вижу никакой причины, почему бы не провести время весело, раз уж так вышло. Но сейчас я не шутил. Кандидат пришел с письмом о переводе, которое составлено надлежащим образом. Сдается мне, тебе стоит попридержать коней, пока ты не договорился до того, что отка-

зываешься уважать официальный документ или другой скаутский отряд. Все, что ты пока что сказал, — это то, что Никси собака. Хорошо, разве я не видел где-то, кажется в «Бойс лайф» за прошлый месяц, что скауты Марса пригласили одного из марсианских вождей заседать на всепланетном Большом сборе?

— Но это не то же самое!

— А всегда все происходит по-разному. Но если марсианин — который, конечно же, не человек — может занять самый высокий пост в скаутском движении, то я не вижу, почему Никси должен быть дисквалифицирован просто потому, что он — собака. Мне кажется, ты должен доказать, что он не может или не хочет делать те вещи, которые обязан выполнять скаут-новичок.

— Ага. — Альф понимающе усмехнулся. — Давайте послушаем, как он излагает клятву скаута.

Мистер Ку'ан повернулся к Чарли:

— Никси может говорить на английском языке?

— Что? Нет, сэр, — но он понимает его вполне прилично.

Скаут-мастер повернулся к Альфу:

— Значит, применяется «правило инвалидов». Альф, мы никогда не настаиваем, чтобы скаут

сделал что-то, чего он не может сделать. Если ты слепой или калека, то мы изменяем правила так, чтобы ты в них вписывался. Никси не может говорить словами… Так что, если ты хочешь расспросить его о клятве скаута, ты должен будешь лаять. Это справедливо, не так ли, мальчики?

Крики одобрения не пришлись Альфу по вкусу. Он угрюмо ответил:

— Ну ладно. Но, по крайней мере, он должен следовать законам скаута — их должен выполнять каждый скаут.

— Верно, — кивнул скаут-мастер, снова становясь серьезным. — Закон скаута — сущность разведки. Если не соблюдаешь его — ты не скаут, сколько бы значков ты ни нацепил. Ну что, Чарли? Проверим Никси по законам скаутов?

Чарли закусил губу. Он уже жалел, что не снял этот значок с ошейника Никси. Когда ребята на Земле принимали Никси в отряд, все было очень здорово… но здесь, сейчас, да еще с этим умником — попробуй сделать что-нибудь такое… В самом деле, ну почему в каждом отряде всегда найдется один зануда, который портит все веселье?

— Хорошо, — ответил он неохотно.

— Дайте мне «Наставления». Итак, можно ли доверять Никси?

— Конечно можно!

— А насколько?

— Ну… он не портит вещи, даже если вы на него не смотрите… и он не прикоснется к пище, пока ему не скажут, и э-э-э…

— Я думаю, что этого достаточно. Можно ли сказать, что он верен?

— Он верен *мне*.

— Мм… достаточно хорошо. Полезен?

— Э-э-э, ну, пожалуй, не очень-то на многое он способен. Раньше он всегда приносил газеты — но здесь он этого не может делать. Он готов что-нибудь принести, если его попросить… если поймет, о чем речь.

— Дружелюбен — ну, это очевидно. Вежлив — это мы ему засчитаем, вспомнив, что он вынес сегодня вечером. Добр?

— Он разрешает детям дергать его за хвост или наступать ему на морду и при этом не рычит и не кусается. Э-э-э, раньше он был грубоват с кошками, но я научил его вести себя лучше.

— Послушен?

— Хотите посмотреть?

Никси отрабатывал команды, которые Чарли подавал ему рукой, в завершение показа встав по стойке смирно, отдавая салют. Аплодисменты

заставили Никси задрожать, но он сдержал себя, пока Чарли не скомандовал «Вольно».

— Обрати на это внимание, Альф, — сухо заметил мистер Ку'ан, — и вспомни, когда мне снова придется что-то повторять тебе дважды. Весел — мы можем пропустить это. Я уверен, что его улыбка не фальшивая. Бережлив?.. Ладно, вряд ли можно ожидать, что у него есть сберегательный счет…

— Он закапывает кости.

— Мм, я полагаю, что это — собачий эквивалент бережливости. Храбр?

— Я думаю, да. Дома, на Земле, я видел, как он схватывался с собакой, которая была в три раза больше его, — и выгнал ее с нашего двора.

— Опрятен?

— А вы чувствуете его запах? Он принимал ванну только вчера. И он полностью приучен жить в доме.

— У нас осталось только слово: благовоспитан, и я не собираюсь это с ним обсуждать. Я постановляю, что Никси как минимум более благовоспитан, чем те бездельники, что сквернословили тут сегодня, когда думали, что я их не слышу. Что скажете, мальчики? Он проходит?

Никси был утвержден в четвертый отряд в

своем статусе «новичок» единогласно… Альфред Рейнхардт, тоже «новичок», воздержался.

После собрания к Чарли подошел казначей отряда:

— Ты заплатишь свои взносы сейчас, Чак?

— Что? О да, конечно, — я захватил немного денег.

— Хорошо. — (Другой бойскаут принял оплату.) — Вот твоя квитанция.

— Просто отметь это в своей книге.

— Возьми ее. Без бумажки ты букашка[53]. Ненавижу эту ерунду — именно поэтому они и сделали меня казначеем. Теперь по поводу Никси: ты за него заплатишь? Или мне с ним поговорить?

Второй мальчик даже не улыбнулся, и Чарли не понял, шутит казначей или нет. Он решил играть в эту игру столь же серьезно:

— Я расплачусь за Никси. Видишь же — у него нет карманов.

И он зарылся в свои истощившиеся ресурсы, пытаясь наскрести сумму, достаточную, чтобы заплатить за Никси.

— Вот.

---

[53] Примечания: 53

Без бумажки ты букашка, в оригинале «No Tickee, No Washee» — слоган на китайском варианте пиджин-инглиша, пущенный в оборот работ никами китайских химчисток: «Нет квитаньсыя — нет рубаська!»

— Спасибо.

Казначей отсчитал шиллинг сдачи:

— По уставу отряда, новички проходят по дешевому тарифу. Но курочка клюет по зернышку… Знаешь, когда я взялся за эту работу, отряд был в полной дыре. А теперь у нас счет в банке.

— Нисколько не сомневаюсь! — согласился Чарли.

Втайне он был в полном восторге от совершённой финансовой операции. Ведь теперь Никси больше не был «почетным скаутом», он стал *скаутом* — он соблюдал закон, а его взносы были уплачены.

Право Никси принимать участие во всех делах отряда не подвергалось сомнению вплоть до первого похода. Мис тер Ку'ан имел озабоченный вид, когда Чарли явился на точку сбора с собакой.

— Ты должен отвести Никси домой. Мы тебя подождем.

Чарли был расстроен:

— Но, мистер Ку'ан, я подумал, ну, Никси всегда ходил в походы.

— Без сомнения, раньше на Земле. Чарли, я не какой-то самодур. Я не хочу, чтобы твоя собака пострадала.

— Он не пострадает! Он очень умный.

Скаут-мастер нахмурился. И тогда подал голос Ганс Куппенхаймер:

— Я думаю, что Никси может пойти с нами, мистер Ку'ан.

— А? — Скаут-мастер задумчиво посмотрел на Ганса. — Но у тебя будет полно забот с Чаком, потому что сегодня его первый выход.

У Ганса была привычка помалкивать, когда ему нечего было сказать; так он поступил и на этот раз. Мистер Ку'ан упорствовал:

— Ты же знаешь, что тебе придется следить за обоими. Ганс по-прежнему сохранял спокойствие.

— Хорошо, — с сомнением в голосе произнес мистер Ку'ан. — Никси полноправный член отряда. Если ты сможешь позаботиться о нем — и о Чарли тоже! — я позволю ему пойти.

— Да, сэр.

Скаут-мастер отвернулся. Чарли прошептал: «Спасибо, Ганс. Это было классно». Ганс ничего не ответил.

В тот вечер, когда их приняли в отряд, Ганс удивил Чарли своей первой реакцией на Никси. В то время как другие мальчики по большой части толпились вокруг Никси, Ганс осторожно держал дистанцию. Чарли даже слегка обиделся. И когда

его назначили напарником Ганса, Чарли решил с этим что-то сделать.

После встречи он разыскал Ганса:

— Не спеши, Ганс. Я хочу, чтобы ты познакомился с Никси.

Этот чудак все еще избегал собаки.

— Он не кусается?

— Кто? Никси? Конечно нет. Ну, то есть да, но только если ты полезешь на меня с кулаками.

— Я так и думал. А если я дружески похлопаю тебя по спине, что тогда? Он может убить человека?

Никси настороженно прислушивался к их разговору. Он ощущал страхи в голове Ганса, он понял, что его мальчик спорит с другим мальчиком, но не понимал почему. Ему казалось, что прямой и явной угрозы для Чарли нет, но Никси на всякий случай не стал отменять желтый уровень тревоги.

А это не могло остаться незамеченным. Дикий плотоядный зверь, отдаленный предок Никси, проступал в его напряженной позе, в его настороженных глазах. И крыса джунглей, порождение Венеры, с младых ногтей натренированная держать глаза широко открытыми, выискивая неведомые опасности, чуяла в Никси этого ди-

кого зверя — она была не в состоянии увидеть нежного домашнего питомца. И потому Ганс не спускал с собаки глаз.

— Да ну, это чепуха, Ганс, — сказал Чарли. — Приласкай его, потрепли за шкирку. Пожми ему лапу. Дай себя обнюхать.

Но Ганс так и не сдвинулся с места.

— Тебе не нравятся собаки? — недоуменно спросил Чарли.

— Не знаю. Я раньше никогда ни одной не видел. Так близко.

У Чарли от изумления открылся рот. Но Ганс говорил чистую правду. У некоторых детей-эмигрантов, таких как Чарли, когда-то были собаки — дома, на Земле. У других были друзья среди горстки собак, обитавших в Бориэлисе. И только Ганс, родившийся на Венере и живущий вдали от города, не имел никакого представления о собаках. Они были для него такой же экзотикой, как какая-нибудь тигровая акула.

Когда Чарли наконец осознал этот невероятный факт, он упорствовал еще более настоятельно в стремлении познакомить напарника со своим другом. И тем вечером Ганс, прежде чем отправиться домой, сумел прикоснуться к собаке, потрепать ее и даже подержать за лапу. Никси

почувствовал, что страх его покинул, внезапно сменившись теплым чувством. Поэтому Никси обнюхал Ганса и лизнул его в подбородок.

На следующий день Ганс появился в доме Чарли. Он хотел видеть Никси.

За две недели, прошедшие перед походом, Никси принял Ганса в качестве нового члена семьи Чарли. Не забывая о преданности хозяину, он принял другого мальчика, слушался его и даже выполнял его команды, чего он никогда не делал ни для кого, кроме Чарли. Сначала он сделал это, чтобы порадовать Чарли, но потом стал продолжать, потому что это было правильным и надлежащим (по его собачьему разумению) и пока не причиняло вреда Чарли.

И вот отряд отправился в поход. Прежде чем они достигли джунглей на краю города, Ганс сказал Чарли:

— Лучше ему держаться рядом.

— Почему? Он любит бегать вокруг и везде совать свой нос. Но он всегда остается в зоне слышимости. И прибежит, если его позвать.

Ганс нахмурился:

— А что, если он не сможет? Если он убежит в кустарник и не вернется? Ты хочешь потерять его?

Для Ганса это была длинная речь. Чарли был удивлен. Он скомандовал:

— Никси! К ноге!

В этот момент пес контролировал авангард отряда. Он тут же вернулся и пристроился слева и сзади от Чарли. Ганс расслабился и сказал:

— Так лучше.

Дальше он держался так, чтобы собака бежала между ними.

Когда дорога уткнулась в чащу и над ними внезапно нависли джунгли, мистер Ку'ан просигналил рукой и скомандовал:

— Стой! Сверим часы. — Он поднес руку к глазам и стал ждать, когда остальные сделают то же самое.

Джок Квентин, скаут-проводник[54], оснащенный приемопередатчиком[55], что-то проговорил в микрофон, затем сказал:

— Приготовились… девять одиннадцать.

— У всех точно? — спросил мистер Ку'ан. — Все, у кого есть поляроиды, установите базовое на-

---

[54] Примечания: 54

Скаут-проводник (Explorer Scout) — звание для старшей возрастной группы от 14 до 18 лет. См. комментарии.

[55] Примечания: 55

Приемопередатчик — в оригинале используется термин two-way radio, т. е. никаких «раций» или «уоки-токи», именно «двухстороннее радио».

правление.

Ганс вынул странные очки с двойными линзами, которые можно было вращать, и визиром, которым можно было прицеливаться.

— Попробуй это.

— Хорошо. — Чарли осторожно принял их. Он еще не имел дела с такими штуками. — Зачем нам устанавливать базовое направление, если мы не собираемся сходить с дороги?

Ганс не ответил, а Чарли почувствовал себя глупо, осознав, что учиться ориентироваться на местности имеет смысл до того, как заблудился, а не после. Он надел поляроиды и попробовал установить базовое направление.

«Базовое направление» было нулевым меридианом Венеры, направлением от Бориэлиса на Солнце в полдень. Чтобы найти это направление, сначала нужно было найти само Солнце (в сером, закрытом тучами небе), а затем, используя часы, определить направление, где Солнце должно было находиться в полдень.

Найденное направление считалось югом — хотя *все* направления от Бориэлиса были «югом»: город лежал на Северном полюсе планеты. Картографы использовали Бориэлис в качестве точки отсчета, а направление на Солнце в полдень

— в качестве оси координат. При помощи приемопередатчиков, радиолокационных маяков и радиокомпаса они постепенно устанавливали сетку ориентиров для нескольких сотен квадратных миль вокруг Бориэлиса. Аналогичный проект был запущен в поселении на Южном полюсе. Но миллионы квадратных миль между полюсами все еще были неизведанной территорией, куда более обширной и загадочной, чем любые джунгли на Земле. Среди скаутов ходили байки о том, что вода на экваторе столь горяча, «что в ней можно сварить яйцо», но так ли это на самом деле, не знал никто. Пока что ни один корабль не сумел приземлиться близ экватора и вернуться обратно.

На Венере очень трудно описывать направление. Звезды всегда невидимы. Ни магнитные, ни гирокомпасы не работают на полюсах. А на северной стороне деревьев не растет мох, и предметы не отбрасывают теней. Как будто мало было того, что Венера оказалась землей, где время остановилось. Вдобавок она оказалась местом, лишенным направлений.

Вот почему колонисты были вынуждены определить новые ориентиры. Нулевой меридиан направлялся от Бориэлиса к полуденному Солн-

цу, его называли «базовое направление», и любое направление, параллельное ему, было «базовым». Диаметрально противоположное называли «обратным», а два промежуточных направления — «полулевым» и «полуправым». Все остальные направления обозначали отклонением по часовой стрелке от «базового».

Система была не идеальна, поскольку использовала плоские прямоугольные координаты для сферической поверхности. Но это было лучше, чем ничего, в таком месте, где привычные направления потеряли смысл, где любое направление из города вело на «юг», где на «восток» или на «запад» нельзя было просто ткнуть пальцем, а нужно было водить им по кругу.

Поначалу Чарли не мог понять, почему нельзя было просто назвать четыре основных направления «севером», «югом», «востоком» и «западом», вместо того чтобы морочить голову этими дурацкими «базовыми», «обратными», «полуправыми» и «полулевыми». Только когда он увидел в школе карту колонии, где были указаны старые добрые север, юг, восток и запад с нарисованной поверх них сеткой «базовых направлений», он понял, что проблема была не столь проста. Чтобы отправиться на восток по той карте, вам пришлось бы

двигаться против часовой стрелки по одной из концентрических окружностей — но как бы вы могли сказать, в какой стороне восток, если бы не знали, где находитесь? И насколько вам следует отклоняться влево, чтобы продолжать двигаться на восток? Что вы сделаете, если компас бесполезен, а Солнце может быть где угодно, на севере, юге, востоке или западе, в зависимости от того, с какой стороны города вы находитесь?

После этого Чарли всерьез взялся за дело и изучил новую систему координат.

Чарли надел поляроидные очки Ганса, огляделся — и ничего не увидел. Свет просачивался по краям оправы очков, а стекло перед глазами казалось совершенно непрозрачным. Он знал, что теоретически в поляроидах можно отыскать Солнце, потому что падающий с неба свет, рассеянный облаками Венеры, был поляризован. Очки задерживали поляризованный свет, позволяя увидеть само Солнце, нужно было только поводить взглядом вверх-вниз и из стороны в сторону во всех направлениях. Но он ничего не видел.

Он медленно повернулся, слепой за стеклами очков.

Ага, кажется, стало светлее! Он повертел головой и убедился, что не ошибся.

— Я нашел его!

— Ложное солнце, — хладнокровно прокомментировал Ганс.

— Что?

— Ты ошибся на сто восемьдесят градусов, — пояснил голос мистера Ку'ана. — Ты видишь отражение Солнца. Ничего, многие делают эту ошибку. Но это не та ошибка, которую вы можете себе позволить совершить хотя бы один раз в чаще… поэтому продолжай искать!

И Чарли продолжал искать, проклиная чертовы очки, которые сидели так плотно, что он не видел собственных ног! Кажется, снова свет? Опять ложное солнце? Или настоящее? Как далеко он повернулся?

Он вертелся на месте, пока не закружилась голова. Свет, потом темнота, потом снова свет — и так несколько раз. Наконец он понял, что один из источников светит ярче. И тогда он остановился.

— Я смотрю на Солнце, — объявил он твердо.

— Правильно, — признал Ганс. — Теперь уточни и зафиксируй направление.

Чарли обнаружил, что, подкручивая винты, находящиеся на дужках очков, может снизить яркость света почти до нуля. Он так и сделал, а затем, вращая голову из стороны в сторону,

словно радар, попробовал нацелиться на самый слабый луч света.

— Это лучшее, что я могу сделать.

— А теперь замри, — приказал Ганс. — Открой правый глаз. Найди меня.

Чарли выполнил приказание и теперь смотрел одним глазом сквозь визир, установленный перед очками. Ганс стоял в тридцати футах от него, держа свой скаутский жезл[56] вертикально.

— Не шевелись! — предостерег Ганс. — Говори, куда идти.

— Мм… сдвинься вправо на пару футов.

— Здесь?

— Думаю, да. Дай проверю.

Он снова прикрыл правый глаз поляроидом, но оказалось, что привыкший к яркому свету глаз больше не может различить слабое световое пятнышко, которое он отметил.

— Это лучшее, что я могу сделать, — повторил он.

Ганс протянул нитку по отмеченному направлению.

---

[56] Примечания: 56

Скаутский жезл (или шест; Scout staff) — универсальная походная палка-выручалка скаута. Используется в качестве посоха, удочки, носилок, костыля, линейки, весов, справочника, флагштока, распорок для палатки и т. п.

— Теперь моя очередь, — сказал он. — Засекай время.

Он взял очки, быстро выдал Чарли направление и поставил его в намеченную точку. Две линии расходились примерно на десять градусов.

— Отсчитай часовой угол, — сказал Ганс и посмотрел на часы.

Время было девять тридцать… Солнце перемещается на пятнадцать градусов каждый час… два с половиной часа до полудня — это тридцать семь с половиной градусов, а одна минута на циферблате — шесть градусов. Значит… Чарли внезапно сбился. Он поднял глаза и увидел, что Ганс положил свои часы на землю и отмечает базовое направление. У его часов был двадцатичетырехчасовой циферблат; он просто направил часовую стрелку на Солнце, и риска на цифре XII показала ему базовое направление.

Без всяких расчетов в уме и прочей лабуды!

— Черт возьми, ну почему у меня нет таких часов?!

— Они не нужны, — ответил Ганс, не поднимая глаз.

— Но с ними все так просто. Ты только…

— Твои часы тоже годятся. Сделай себе двадцатичетырехчасовой наборный диск из картона.

— И это сработает? Ух ты, точно! Как жаль, что сейчас у меня его нет.

Ганс пошарил в своем вещевом мешке:

— Ну, я сделал тебе один.

Он, не глядя, сунул Чарли в руку картонный циферблат, разбитый на двадцать четыре часа.

Чарли чуть не потерял дар речи:

— Ну и дела! Никси, взгляни на это! Скажи, Ганс, как тебя отблагодарить?

— Я просто не хочу потерять тебя и Никси, — резко ответил Ганс.

Чарли взял диск, совместил отметку на девять тридцать со своей линией, установил направление на полдень и повторно протянул нить, чтобы обозначить его. Найденное им базовое направление на десять градусов отличалось от линии Ганса. Тем временем двое звеньевых отряда протянули линию под прямым углом к базовому направлению вдоль расположения всего отряда. Один из них двинулся вдоль линии, измеряя углы транспортиром. Сопровождавший его мистер Ку'ан сам проверил результаты Чарли.

— Отклонение около девяти градусов, — сказал он. — Неплохо для первого раза.

Чарли был разочарован. Он знал, что он и Ганс не могли быть правы одновременно, но у него

была капелька надежды, что его ответ окажется ближе к правильному.

— Э-э-э… а в какую сторону я ошибся?

— Полулево. Посмотри на результат Ганса, он попал в яблочко… как всегда.

Скаут-мастер возвысил голос:

— Хорошо, банда! Построение «джунгли», движемся в походном порядке. Огнеметы на фланги, правый и левый. Расти направляет, Билл замыкает. Поспешили!

— Никси, к ноге!

Дорога шла напрямик через джунгли. Лес на обочинах был выжжен широкой полосой, так чтобы кроны деревьев не смыкались над дорогой. Колонна держалась по центру трассы, где почва была плотно утрамбована колесами транспорта. Огнеметчики двигались на флангах, оба скауты-проводники, они шли вплотную с зелеными стенами и время от времени пускали свое оружие в ход, чтобы пресечь новые поползновения лиан, деревьев или трав. Всякий раз, сделав свою работу, они шли дальше, а на их место выдвигалась бригада мусорщиков, которая сбрасывала ветки обратно в живой лес, после чего быстро воссоединялась с колонной. Поддержание проходимости дорог было общим делом, ведь колония зависела

от своих дорог больше, чем Древний Рим.

Вскоре пошел дождь. Никто не обращал на него внимания: на Венере дождь был обычным делом, как лед на острове Гренландия. Дождю были рады: он смывал вездесущий пот и дарил иллюзию прохлады.

Некоторое время спустя направляющий (Расти Данлоп) остановился, обернулся к размыкающему и крикнул:

— Принять пятнадцать градусов полуправо!

И замыкающий откликнулся:

— Есть!

Направляющий двинулся дальше по небольшому изгибу дороги. Бориэлис остался лежать на юге (разумеется, на юге, ведь никакое иное направление на полюс было невозможно), но этот конкретный юг лежал в направлении тридцать два градуса полуправо от базового направления, а изгиб дороги добавил к ним еще пятнадцать градусов по часовой стрелке.

В обязанности направляющего входило прокладывать путь, вести передовое наблюдение и докладывать обо всех изменениях курса. Работой замыкающего было держать глаза на затылке (потому что даже здесь джунгли могли нанести удар), считать шаги, вести письменный учет всех

изменений курса с указанием числа пройденных шагов на каждом отрезке. Проложенный маршрут замыкающий фиксировал в своем водонепроницаемом блокноте, укрепленном на запястье. На эту должность выбирали за надежность и стабильную ширину шагов.

Дюжина других скаутов повторяла их действия, подражая как направляющему, так и замыкающему, записывая все — время, расстояние, изменения курса, готовясь получить значок «Следопыт». Всякий раз, когда отряд останавливался, каждый из них вновь устанавливал базовое направление и записывал его. Позже, после похода, они будут пытаться нанести свой маршрут на карту, используя только свои заметки.

Сегодня это была всего лишь тренировка, так как дорога была изучена и нанесена на карту, но завтра от этого зависело: выживут они или бесславно сгинут в джунглях. Мистер Ку'ан не имел намерения вести свой отряд в неизведанные джунгли, ведь среди них были городские ребята в ранге «новичок», которым еще не исполнилось двадцать лет по венерианскому счету. Но старшие ребята, закаленные скауты-проводники, уже прокладывали пути в нехоженых дебрях, а некоторые уже столбили участки, на которые

они собирались подавать заявки, чтобы в будущем попытаться отвоевать их у джунглей. От их умения точно прокладывать путь сквозь болота и чащу, а потом возвращаться туда, откуда пришли, зависела их жизнь и способность добывать средства к существованию.

Мистер Ку'ан, придержав шаг, поравнялся с Чарли и спросил:

— Считаешь шаги?

— Да, сэр.

— Где твой блокнот?

— Он отсырел от дождя, поэтому я убрал его. Я держу курс в голове.

— Это прекрасный способ вдруг оказаться на Южном полюсе. В следующий раз принеси водонепроницаемый.

Чарли не ответил. Он хотел бы иметь такой блокнот, а еще он хотел бы иметь очки-поляроиды и множество других вещей. Но семья Вон еще только пыталась встать на ноги на новом месте, и роскошь должна была подождать.

Мистер Ку'ан взглянул на Чарли и мягко добавил:

— Ну, или тогда, когда это будет удобно. А прямо сейчас я хочу, чтобы ты прекратил отсчитывать шаги.

— Сэр?

— Ты ведь не можешь научиться всему за один день, а сегодня тебе не грозит возможность потеряться. Я хочу, чтобы ты просто ощутил дыхание джунглей. Ганс, вы двое сдвигаетесь на фланг. Дай Чарли шанс увидеть, мимо чего мы проходим. Расскажи ему о том, что он видит, и, ради бога, попытайся выжать из себя больше чем два слова за один раз!

— Да, сэр.

— И… — Но скаут-мастеру не дали договорить, его позвал начальник бригады мусорщиков:

— Мистер Ку'ан! Сквинт подцепил «буравчика»![57]

Мужчина пробормотал себе под нос что-то весьма едкое и бросился к мусорщикам. Ребята последовали за ним.

Незадолго до этого мусорщики перетаскивали огромную ветвь, срезанную с дерева. Теперь все они столпились вокруг юноши, который схватился за предплечье. Мистер Ку'ан решительно вклинился в кучку зевак, не говоря ни слова, схватил паренька за руку и осмотрел ее. Он защемил

---

[57] Примечания: 57

«Буравчик» (*англ.* screwbug) — жук-буравчик или жук-штопор. Ни один подросток не будет произносить длинные слова, когда можно сказать коротко: «буравчик».

пальцами кожу в одном месте, потянулся к поясу, выхватил нож — и, вонзив его в руку, одним движением, каким вырезают червоточину из яблока, выкромсал из руки маленький кусочек плоти. Лицо Сквинта перекосилось, слезы брызнули из глаз, но он даже не вскрикнул.

Бригадир мусорщиков уже держал наготове раскрытый пакет первой помощи. Как только скаут-мастер передал свой нож стоявшему рядом мальчику, бригадир сунул пузырек в освободившуюся руку мистера Ку'ана. Скаут-мастер осыпал порошком рану, принял кусок пластыря и заклеил разрез.

После этого он с грозным видом повернулся к бригадиру:

— Пит, почему ты не сделал этого сам?

— Сквинт хотел, чтобы вы.

— Вот как? Сквинт, конечно, поступай как знаешь, но в следующий раз пусть это сделает тот, кто будет рядом, — или вырезай сам. Он же мог войти еще на полдюйма глубже, пока я до тебя добирался. И в следующий раз смотри лучше, куда суешь руку!

Колонна остановилась. Направляющий, дождавшись сигнала мистера Ку'ана, поднял руку и резко махнул вниз. Они двинулись дальше.

Чарли спросил Ганса:

— Что такое «буравчик»?

— Небольшой жучок, ярко-красный. Цепляется снизу листа.

— Что они делают?

— Впиваются. Нарыв. Если не удалить, можно потерять руку.

— О! А они могут укусить Никси?

— Сомневаюсь. Разве что в нос… Надо проверить при первой возможности. И все прочие места тоже.

Местность повышалась, почва становилась суше, заросли вокруг них становились реже и уже не поднимались так высоко. Чарли вглядывался в чащу, пытаясь что-нибудь рассмотреть, в то время как Ганс поддерживал на высоком уровне то, что, по всей видимости, считал оживленной беседой — как правило, одно слово зараз, типа: «яд», «лекарство» или «это едят».

— Едят что? — спросил Чарли, когда Ганс выдал последний комментарий.

Он посмотрел, куда показывал Ганс, и не увидел ничего, что походило бы на фрукты, ягоды или орехи.

— Вот это. Сахарная палочка. — Ганс осторожно сунул в кусты свой жезл, отодвинул в сторону

венерианскую крапиву и отломил футовый кусок коричневой ветви.

— Никси! Вылезай оттуда! К ноге!

Чарли взял свою долю и осторожно откусил кусочек, дождавшись, когда это сделает Ганс.

Палочка жевалась легко. Да, у нее действительно был сладковатый вкус, как у кукурузной патоки. Совсем не плохо!

Ганс выплюнул мякоть:

— Не глотай жвачку — будут проблемы.

— Никогда бы не подумал, что это можно есть.

— В лесу голодным не останешься.

— Ганс, а если нужна вода? А с собой нет?

— Ха? Воды вокруг полным-полно.

— Да, но ведь нужна *хорошая* вода.

— Любая вода хорошая… если ее очистить. — Взгляд Ганса заметался по сторонам. — Найди «фильтровальный шар». Обруби сверху и снизу. Пропусти через него воду. Покажу, когда попадется на глаза.

Вскоре Ганс нашел один, это оказался толстый и ядовитый на вид гриб. Но он рос на некотором расстоянии от края просеки, и едва Ганс им занялся, как огнеметчик на этом фланге довольно грубо велел ему отойти от края и вернуться в колонну. Ганс пожал плечами и сказал: «Позже».

Караван устроил привал на расчищенном участке дороги. Перекусили тем, что нашлось в вещмешках. Никси отпустили побегать свободно, но настрого запретили приближаться к деревьям. Никси не возражал. Он продегустировал каждый завтрак. После отдыха они продолжили путь. Периодически им приходилось уступать дорогу семьям фермеров. Погрузившись в высокие грузовики на огромных колесах низкого давления, они катились мимо, чтобы провести субботний вечер в городе. Главная дорога шла мимо узких туннелей, пронзавших заросли, проселки вели к плантациям. Ближе к вечеру они проходили мимо одного из них, и Ганс показал на него большим пальцем:

— Дом.

— Твой?

— В половине мили.

Через пару миль отряд оставил трассу и двинулся по бездорожью. Местность была возвышенная, довольно сухая, и джунгли сменило редколесье, вполне проходимое, как многие леса где-нибудь на Земле. Ганс озаботился только тем, чтобы Никси держался рядом, а Чарли он просто предостерег:

— Смотри, куда ступаешь… а если что-нибудь

упадет сверху, стряхни побыстрей.

Вскоре они выбрались на поляну, разбили лагерь и начали ужинать. Поляна оказалась искусственного происхождения, ее недавно выжгли огнем, но под ногами уже успел сформироваться зеленый ковер. Первым шагом в создании лагеря стала установка скаутских жезлов в четырех углах прямоугольника, затем Джок Квентин, радист отряда, прикрепил к ним зеркала. После долгой возни он отрегулировал систему, благодаря которой мощный луч фонарика обходил периметр прямоугольника, а затем попадал в длинную трубку, где размещался фотоэлемент. Теперь лагерь окружал невидимый барьер. Всякий раз, когда что-то прерывало луч, звучал сигнал тревоги.

Тем временем другие скауты связывали свои жезлы по три в длинные шесты. Конец шеста обматывали тряпками, пропитанными приторно пахнущей жидкостью. Затем шесты установили — по одному в каждом углу прямоугольника. Чарли понюхал и скривился:

— Что это за дрянь?

— Для стрекоз. Они ее ненавидят.

— Я их понимаю!

— В последнее время их не видать. Но если бы

они роились, ты бы вымазался этой дрянью по самые уши и радовался, что она так воняет.

— Ганс, правда, что жало стрекозы может парализовать человека?

— Нет.

— Ха? Но все говорят…

— Нужно три или четыре жала. Одно жало просто парализует руку или ногу — если только не попадет в позвоночник.

— О! — Чарли не увидел в этом уточнении ничего утешительного.

— Меня однажды ужалили, — добавил Ганс.

— Тебя *ужалили*? Но ты все еще жив.

— Мой Па отогнал ее и убил. Левая нога не работала некоторое время.

— Парень, да ты везунчик!

— Не сказал бы. Но все кончилось не так плохо. Потом мы ее съели.

— Вы ее *съели*?

— Точно. Это же вкуснятина.

Чарли почувствовал тошноту:

— Вы едите *насекомых*?

Ганс обдумал это:

— Ты когда-нибудь ел омара?

— Конечно. Но это совсем другое.

— Ну разумеется. Видел омаров на фотках. От-

вратительно.

Дискуссию двух гурманов прервал скаут-мастер:

— Ганс! Как насчет того, чтобы раздобыть нефтяных кустиков?

— Хорошо. — Ганс направился вглубь зарослей.

Чарли последовал за ним, а Никси понесся следом. Ганс остановился:

— А он пусть останется. Мы не можем собирать кусты и одновременно следить за ним.

— Хорошо.

Никси возражал, поскольку считал, что охранять Чарли — его прямая обязанность. Но как только он понял, что Чарли говорит серьезно и не собирается идти на попятную, он помчался назад, задрав хвост, и принялся контролировать обустройство лагеря.

Мальчики пошли дальше. Чарли спросил:

— Эта поляна — постоянный скаутский лагерь?

Ганс выглядел удивленным.

— Думаю, да. Па и я не собираемся тут засевать, пока все не выжжем еще несколько раз.

— Ты хочешь сказать, что это ваше поле? Почему ты раньше не говорил?

— Ты не спрашивал, — ответил Ганс, потом добавил: — Фермеры не любят скаутов, они все вытаптывают вокруг и могут повредить урожай.

Нефтяной куст оказался невысоким растением, напоминающим папоротник орляк. Они собирали его молча, за исключением одного случая, когда Ганс смахнул что-то с руки Чарли, сказав: «Надо быть внимательным».

Пока они увязывали собранный хворост, Ганс разразился весьма длинной речью:

— Эти стрекозы, они не страшные. Их слышно, когда они подлетают. Их можно отогнать даже просто руками, потому что они не могут ужалить, пока не сядут. И они вообще не жалятся, пока не начали роиться, — и тогда это делают только самки, готовые отложить яйца.

Он задумчиво добавил:

— Глупые, не знают, что яйца в человеке не вылупляются.

— Не вылупляются?

— Да. Не то чтобы от этого людям много пользы: они все равно умирают. А стрекозы думают, что они жалят большую амфибию, которая называется ктила.

— Я видел ктилу на фотографиях.

— Правда? Подожди, пока не увидишь ее сво-

ими глазами. Только не дай ей тебя напугать. Ктила не может тебя ранить, и она больше тебя боится, чем ты ее, — она только выглядит страшно… — Он что-то стряхнул с руки. — Вот этой мелюзги ты должен опасаться.

Нефтяной куст горел ясным устойчивым пламенем; мальчики получили горячий ужин и горячий чай. Никаких мер против пожара не принимали: среди множества опасностей, грозящих на Венере, пожар не числился. Проблема была в том, чтобы заставить что-нибудь гореть, а не в том, чтобы избежать лесного пожара.

После ужина мистер Ку'ан проэкзаменовал одного мальчика по оказанию первой помощи и искусственному дыханию. Слушая их беседу, Чарли обнаружил, что здесь было много такого, чему он должен научиться, и такого, что ему придется переучивать заново, — потому что обстановка на Земле и на Венере отличалась. Потом Расти Данлоп распаковал свою губную гармошку, и все запели.

Наконец мистер Ку'ан зевнул и сказал:

— Бойскауты, по мешкам. Завтра трудный день. Первым сторожит Педро, далее по списку.

Чарли думал, что он никогда не заснет. Земля под его непромокаемой накидкой не была жест-

кой, но он не привык спать, когда свет с неба льется прямо в глаза. Кроме того, он слишком хорошо слышал странные шумы в кустарнике вокруг лагеря.

Его разбудил крик:

— Драконы! Внимание, воздух! Берегись!

Недолго думая, Чарли нагнулся, схватил Никси, прижал его к груди, а затем уже стал оглядываться по сторонам. Некоторые мальчики показывали куда-то вверх. Чарли поднял глаза.

Сначала он подумал, что видит вертолет. Но внезапно чувство перспективы вернулось к нему, и он понял, что это было огромное насекомое… невероятно огромное, много больше, чем те, что водились на Земле в каменноугольном периоде, четверть миллиарда лет назад.

Оно приближалось к лагерю. Что-то (его крылья?) производило жалобный, ноющий звук.

Оно приблизилось к шестам, обмотанным вонючими тряпками, и, поколебавшись, повернуло в сторону. Мистер Ку'ан, внимательно проследив его полет, вопросительно посмотрел на Ганса.

— Они не роятся, — уверенно заявил Ганс. — Во всяком случае, это был самец.

— Мм… Без сомнения, ты прав. Тем не менее удвоим посты на остаток ночи, далее по списку.

Новички впрягаются по ходу[58]. — И мистер Ку'ан лег.

Следующим утром отряд отправился в обратный путь. Утро, разумеется, только по часам. Чарли с трудом открыл глаза под тем же самым неизменно тусклым небом, под которым засыпал. Он чувствовал себя скверно, как будто слишком долго, но не крепко дремал посреди дня. Обратно возвращались той же дорогой, какой прибыли. На расчищенной дороге Ганс оставил Чарли и побежал искать скаут-мастера. Вскоре он вернулся, довольно ухмыляясь:

— Останетесь у нас на ночь? Ты и Никси?

— Ну и дела! А можно? Твои не будут возражать?

— Они любят гостей. Утром можешь уехать с Па.

— Это было бы шикарно, Ганс… но как же насчет моих? А, ты думаешь, что Джок может вызвать их со своего портативного радио?

— Да все хорошо. Мистер Ку'ан позвонит им, когда отряд вернется… и ты можешь позвонить, когда мы доберемся ко мне домой. Даже если они

---

[58] Примечания: 58

Впрягаются по ходу (*англ.* make-learnee) — еще один слоган на китайском варианте пиджин-инглиша, означает примерно: «новички учатся, впрягаясь в настоящую работу».

раскричатся, мы с тобой все еще успеем нагнать отряд.

Итак, все уладилось. Когда они добрались до просеки на плантацию Куппенхаймеров, мистер Ку'ан приказал, чтобы они направлялись прямо домой, и без фокусов. Они дали торжественное обещание и оставили отряд.

Проселочная дорога шла темным туннелем, который Ганс поспешил миновать. Через пару сотен метров они вышли на возделанные поля, и Ганс сбавил темп.

— Это был единственный плохой участок. Ты в порядке?

— Конечно!

— Давай проверим Никси.

Если что-то и прицепилось к Никси, они не смогли это найти, а его радостно виляющий хвост не подавал сигналов бедствия. Они шли дальше, и Чарли с интересом оглядывался по сторонам:

— Что вы выращиваете?

— Хлеб джунглей справа. Когда он приживется, о нем больше можно не беспокоиться, обычно он заглушает все остальное. По другую сторону — видоизмененные бананы. Они требуют больше заботы.

Вскоре они пришли к дому, он стоял на возвы-

шенности, вокруг — никакой растительности, типичный дом колонистов на Венере, длинный и низкий, построенный из ноздреватой древесины и местной разновидности бамбука. Мать Ганса встретила Чарли так, будто он был соседским мальчиком, с которым они виделись каждый день, и приласкала Никси.

— Он напомнил мне hund[59], который я имела в Гамбург.

На стол она подала банановый пирог и кружки с кофе, в которых было в основном молоко. Никси получил свою долю пирога на полу.

В доме было еще несколько детей, моложе Ганса и очень на него похожих. Чарли так и не сумел с ними познакомиться поближе, поскольку они говорили даже меньше, чем Ганс, и вдобавок шарахались от Никси, — в отличие от матери они посчитали его очень странным. Но потом, понаблюдав, как монстр вел себя с Гансом и с их матерью, они начали робко поглаживать его. Вскоре Никси превратился в центр их внимания, в то время как Чарли они продолжали застенчиво игнорировать.

Ганс быстро проглотил свой пирог и убежал. Он

---

[59] Примечания: 59

Собака *(нем.)*. Куппенхаймеры часто перемежают в речи немецкие и английские слова.

вернулся через несколько минут:

— Ма, а где огнемет?

— Его забрал Па.

Ганс был обескуражен:

— Ладно… не больно-то он и нужен. Давай, Чак, пошли.

Он принес два здоровенных мачете, по лезвию в каждой руке, одно он вручил Чарли.

— Хорошо. — Чарли поднялся из-за стола и сказал: — Спасибо, миссис Куппенхаймер. Большое спасибо.

— Называй меня Ма.

— Поторопись, Чарли.

— Да. Скажи — что насчет звонка моим?

— Я забыл! Ма, ты позвонишь госпоже Вон? Скажешь, что Чак останется на ночь?

— Да, конечно. Какая у вас частота, Чарли?

— Э-э-э, вы должны позвонить на городскую телефонную станцию и попросить, чтобы им передали сообщение.

— Jawohl[60]. Ну, идите побегайте.

Они рванули через поля. Никси отпустили побегать, и он с восторгом принялся носиться туда-сюда, возвращаясь каждые тридцать секунд

---

[60] Примечания: 60
Ясно *(нем.)*.

или около того, чтобы убедиться, что его подопечные не упали в обморок или не были похищены в его отсутствие.

— Куда мы идем, Ганс?

Глаза Ганса оживились.

— Мы идем смотреть самую симпатичную плантацию на Венере!

— Она здоровски симпатичная, никаких сомнений!

— Не, это земля Ма. Я имел в виду мою плантацию.

— Твою?

— Будет моей. Па уже отослал залог под опцион. Когда я буду достаточно взрослым, чтобы подтвердить его, я это сделаю.

Он поспешил дальше.

Вскоре Чарли понял, что заблудился, хотя они все еще не покинули зону посадок.

— Подожди, Ганс! Можно мне одолжить твои поляроиды?

— Зачем?

— Я хочу найти базовое направление, вот зачем. Я весь запутался.

— Базовое — в ту сторону, — ответил Ганс, указывая мачете. — Мои поляроиды дома. Нам они не понадобятся.

— Я не хочу плутать.

— Слушай, Чак, я не могу здесь потеряться, я здесь родился.

— Но я-то нет.

— Держи свои глаза открытыми, изучай ориентиры. Мы идем туда, — Ганс снова указал, — вон до того большого дерева.

Поглядев, Чарли увидел несколько больших деревьев.

— Мы пойдем напрямик по горному хребту. Довольно скоро мы придем на мой участок. Лады?

— Наверное…

— Я не позволю вам потеряться. Смотри, я покажу тебе лесной метод находить базовое направление — поляроиды нужны только горожанам.

Он огляделся, его глаза быстро ощупывали пейзаж, выхватывая и отбрасывая ненужные детали.

— Один есть!

— Один кто?

— Жук-компас. Вот он. Не спугни его. Назад, Никси!

Чарли, приглядевшись, обнаружил мелкое, похожее на жука существо с полосатыми надкрыльями. Ганс продолжал:

— Когда они взлетают, они сразу же берут направление на Солнце. Всегда. А потом выравниваются и направляются домой — они живут в гнездах.

Ганс хлопнул по земле возле мелкого существа, оно взлетело, как маленький реактивный вертолет.

— Значит, Солнце — в той стороне. Который час?

— Примерно десять тридцать.

— Так где базовое направление?

Чарли задумался:

— Должно быть, где-то там.

— Похоже на то, куда я показал? Теперь найди другого жука-компаса. Рядом всегда есть еще один, если поискать.

Чарли нашел жука, вспугнул его, пронаблюдал за ним и убедился, что он взлетел в том же самом направлении, что и первый.

— Ты знаешь, Ганс, — сказал он медленно, — пчелы делают что-то похожее — летают в поляризованном свете, я имею в виду. Они так возвращаются в свои ульи в пасмурные дни. Я читал об этом.

— Пчелы? Это такие земные жуки, которые делают сахар?

— Да. Только они не жуки.

— Хорошо, — ответил Ганс безразлично. — Я никогда их не увижу. Давай двигаться.

Они покинули посадки и вошли в заросли. Ганс потребовал, чтобы Никси держался рядом. Хотя они двигались в гору, заросли становились все гуще, постепенно превращаясь в настоящие джунгли. Ганс шел впереди, временами прорубая дорогу.

Внезапно он остановился.

— Зараза! — сказал он с горечью.

— Какие-то проблемы?

— Вот почему я хотел взять огнемет. Эта дрянь становится слишком твердой.

— Разве мы не можем вырубить ее?

— С ножом на это уйдет весь день, такие штуки нужно поджаривать. Видимо, придется тут все протравить, чтобы получилась дорога от участка Па до моего.

— Что же нам теперь делать?

— Обойдем, что же еще?

Он взял левее. Поскольку Чарли не заметил, чтобы Ганс шел по каким-то следам, он решил, что тот ориентируется по очертаниям ландшафта. Спустя полчаса Ганс остановился и прошептал:

— Ни звука. Заставь Никси молчать.

— Зачем? — прошептал Чарли в ответ.

— Есть шанс увидеть ктилу, если мы ее не спугнем.

Он бесшумно двинулся вперед, мальчик и пес следовали за ним по пятам. Вскоре он остановился:

— Там.

Чарли придвинулся ближе, заглянул через плечо Ганса и увидел ручей. В это мгновение справа послышался всплеск, он повернул голову — как раз вовремя, чтобы увидеть расходящиеся по воде круги.

— Ты видел ее? — спросил Ганс обычным голосом.

— Нет.

— Что за ерунда?! Она же была прямо здесь! Огромная. Их жилище вниз по течению. Они тут часто ловят рыбу. Ты должен держать свои глаза открытыми, Чак.

Ганс задумался и добавил:

— Ктилы — люди.

— Что?

— Они — люди. Па тоже так думает. Если б только мы могли познакомиться с ними, тогда бы это можно было доказать. Но они очень робкие. Ладно, пошли — мы переберемся здесь.

Ганс спустился по откосу, плюхнулся на грязный песок возле самой воды и принялся снимать ботинки.

— Смотри, куда садишься.

Чарли сделал то же самое. Сняв обувь и закатав штаны до колен, Ганс подхватил Никси на руки.

— Я буду направлять. Тут мелкий участок, главное — не останавливаться и не спотыкаться.

Вода была теплой, а дно — илистым. Чарли был рад, когда они достигли противоположного берега.

— Почистимся от пиявок, — скомандовал Ганс, опуская Никси на землю.

Чарли посмотрел на свои ноги и был поражен, обнаружив на них с полдюжины больших, с куриное яйцо, фиолетовых шариков, облепивших кожу. Очистив свои ноги, Ганс помог Чарли удостовериться, что он свободен от паразитов.

— Еще проверь между пальцами на ногах. Попробуй избавиться от песчаных блох, прежде чем наденешь ботинки. Хотя, на самом деле, блохи — это так, мелочь.

— Что-нибудь еще водится в этой воде? — подавленно спросил Чарли.

— О да. Стеклянная рыба может отхватить от тебя кусок… но она не ядовитая. Ктилы держат

этот ручей в чистоте. Пойдем.

Поднявшись по противоположному склону, они достигли возвышенного участка, где было довольно сухо. Чарли показалось, что они пошли вверх по течению, но он не был в этом уверен.

Внезапно Ганс остановился:

— Стрекоза. Слышишь ее?

Прислушавшись, Чарли уловил похожее на звук работающего мотора тоненькое гудение, которое он слышал прошедшей ночью.

— Она там, — сказал Ганс быстро. — Держись за Никси и будь готов отогнать ее. Я хочу ее приманить.

Чарли считал, что приманивать стрекоз — все равно что дразнить гремучую змею, но возражать было слишком поздно — Ганс уже вовсю размахивал руками.

Насекомое, поколебавшись, повернуло и направилось прямо к нему. Чарли пережил мгновение ужасного предчувствия, а потом увидел, как Ганс наносит сильный удар своим мачете. Жужжание смолкло, тварь рухнула на землю.

Ганс улыбался. Стрекоза еще рефлекторно подергивалась, но она уже была мертва, аккуратно отрубленная голова лежала на земле.

— У нас ничего не пропадает, — сказал Ганс

гордо.

— Ха?

— Это наш обед. Отрежь кусок нефтяного кустика, он позади тебя.

Ганс присел на корточки. Тремя быстрыми взмахами он отсек жало и крылья. Оставшаяся часть была размером со среднего омара. Используя хромированное лезвие мачете, с изяществом хирургического скальпеля он вскрыл брюшную часть экзоскелета, мягко и аккуратно извлек внутренности. Он уже размахнулся, чтобы их выбросить, но затем остановился и внимательно на них посмотрел.

Чарли наблюдал за ним с гадливым любопытством:

— Неприятности?

— Мешочек полон яиц. Они собираются роиться.

— Это плохо?

— В общем, да. Они роятся каждые три-четыре года.

Ганс поколебался:

— Нам придется пропустить осмотр моей земли. Нужно вернуться и сказать Па, чтобы держали детей дома.

— Ну, тогда пошли.

— Сначала пообедаем. Десять минут не играют роли — они же пока не роятся, иначе она была бы не одна.

Чарли начал говорить, что обойдется без обеда, во всяком случае без *такого* обеда, но Ганс уже развел огонь.

То, что оставалось в экзоскелете, было чистым молочно-белым мясом, летательным мускулом без капельки жира. Ганс отрезал куски, жарил их на огне, солил из карманного шейкера.

— Угощайся.

— Э-э-э… я не хочу есть.

— Ты с ума сошел. Сюда, Никси!

Никси благовоспитанно дожидался своей доли, но кончик его носа дрожал. Он схватил лакомый кусочек прямо в воздухе, мгновенно проглотил и с возрастающим нетерпением ждал, пока Ганс ел другой кусок.

Мясо и в самом деле хорошо пахло… и хорошо выглядело, если на секунду забыть о его происхождении. Рот Чарли наполнился голодной слюной. Ганс поднял на него глаза:

— Не передумал?

— Мм… дай попробую маленький кусочек.

Оно напомнило Чарли мясо краба. Несколько минут спустя экзоскелет был очищен настолько,

что не мог заинтересовать даже Никси. Чарли встал, мягко отрыгнул и спросил:

— Идем?

— Ага. Кстати, Чак, тут есть одна вещь, которую я хочу тебе показать… Мы вернемся другой дорогой — так, наверное, получится даже быстрее.

— Что это?

— Увидишь. — И Ганс двинулся в новом направлении.

Чарли осталось только гадать, как Ганс выбрал его без помощи жука-компаса.

Несколько минут они спускались по склону. Там Ганс остановился:

— Слышишь это?

Чарли прислушался, не в состоянии опознать тихий гул в многоголосом и вездесущем шуме джунглей.

— Это не стрекоза?

— Конечно нет. У тебя же есть уши?

— Что это?

Ганс, не отвечая, повлек его дальше. Вскоре они выбрались на поляну или, скорее, площадку, прикрытую сверху пологом джунглей. В ней скрывался восхитительный, удивительный водопад, тихий гул был его песней.

— Правда, здорово?

— Точно! — согласился Чарли. — Сто лет не видел такой красотищи!

— Точно, красотища. Но это не главное. Моя земля чуть выше. Я поставлю здесь водяное колесо и буду иметь свою собственную энергию.

Ганс подвел своих друзей ближе к воде и начал взволнованно рассказывать о планах. Гул падающей воды был так силен, что ему приходилось кричать.

Поэтому никто из них ничего не услышал. И только лай Никси заставил Чарли повернуть голову и увидеть все в самый последний момент.

— Ганс! Дракон!

Слишком поздно — тварь впилась Гансу точно между лопатками. Она не успела отложить яйца — Чарли убил ее, смяв голыми руками. Но Ганс был ужален.

Чарли вытер дрожащие руки о штаны и посмотрел вниз на своего друга. В тот миг, когда Чарли убил тварь, Ганс рухнул на землю, и теперь он лежал, свернувшись в клубок. Чарли склонился над ним:

— Ганс! Ганс, ответь мне!

Веки мальчика затрепетали.

— Найди Па…

— Ганс, ты можешь встать?

— Прости… Чак… — А затем чуть слышно: — Моя… вина…

Его глаза оставались открытыми, но больше Чарли от него ничего не добился.

Даже в эту трудную минуту навыки Чарли остались при нем. Он не смог нащупать пульс Ганса, поэтому стал прослушивать его сердце… и был вознагражден сильным, устойчивым «тук-тук!.. тук-тук!..». У Чарли гора с плеч свалилась. Ганс выглядел ужасно, но он был только парализован, а не убит.

Но что же ему теперь делать?

Ганс сказал, чтобы он нашел его отца. Разумеется. Но как это сделать? Сумеет ли он найти дорогу к дому? Даже если найдет, сумеет ли привести помощь обратно на это место? Нет, этого делать не придется, — конечно же, мистер Куппенхаймер знает дорогу к водопаду, который Ганс собирается использовать. Поэтому все, что ему нужно, — это просто вернуться. Теперь надо сообразить: вон там они спустились по откосу, а перед этим пересекли ручей — это должен быть тот же самый ручей, потому что они не переходили через водораздел. Или все же?..

Ладно, пусть это будет тот же самый ручей, потому что иначе он безнадежно заблудился бы.

Значит, обратно через заросли, потом пересечь ручей… Интересно, как он собирается вернуться обратно и выйти к ручью именно в том месте, где его можно перейти вброд? Ведь джунгли повсюду выглядят совершенно одинаково.

Наверное, лучше будет спуститься вниз по течению вдоль берега, пока не найдется брод. Там он переправится, найдет жука-компаса и определит, в какой стороне плантация Куппенхаймеров. Далее он будет идти, пока не выйдет к цивилизации. Он помнил, как они определили базовое направление, когда двинулись в путь, это позволит ему сориентироваться.

Но сумеет ли он? Сначала они вышли к месту, где нельзя было пройти без огнемета, — но куда они повернули потом? Сколько раз они сворачивали в сторону? В какую сторону они направлялись, когда пришли к месту, где он чуть не увидел ктилу?

Ладно, ему остается только попытаться. По крайней мере, он окажется на той же стороне ручья, что и плантация.

Никси обнюхивал неподвижное тело Ганса. Теперь он непрерывно скулил.

— Заткнись, ты!.. — рявкнул Чарли. — Еще от тебя мне не хватало проблем!

Никси заткнулся.

И все-таки Чарли решил, что не может оставить Ганса, а должен взять его с собой. Он опустился на колени и попытался взгромоздить безвольное тело Ганса себе на плечи, с тоской спрашивая себя, а говорил ли Ганс своей матери, куда они пойдут? И если говорил, то был ли от этого хоть какой-то прок, ведь они оказались совсем не там, куда Ганс первоначально направлялся!

— К ноге, Никси.

Неопределенно долгое время спустя Чарли вышел на сравнительно открытое место и опустил Ганса на землю. Потребовалось всего несколько минут усилий, чтобы убедиться, что он не может нести Ганса по берегу ручья. Кто-нибудь другой, возможно, смог бы прорубить себе дорогу мачете — но не Чарли. Хотя у него было целых два мачете, он не мог размахивать ими и одновременно нести Ганса. Отказавшись от первоначального маршрута, он оставил одно мачете у водопада, полагая, что позже Ганс сможет его найти. Он испытывал сильное желание оставить и второе, потому что оно оттягивало ремень и путалось в ногах, но решил, что мачете ему, вероятно, еще понадобится, ведь им пришлось много работать, пока они добрались сюда.

Итак, он снова отправился в путь, на сей раз пытаясь вернуться старой дорогой, проложенной ими в зарослях. Он надеялся, что оставленные ими вырубленные участки помогут ему найти нужный путь.

Он не нашел ничего, живой зеленый лабиринт поглотил все их жалкие следы.

Прошло много времени, прежде чем Чарли решил вернуться к знакомому водопаду, — он останется там, будет ухаживать за Гансом, будет фильтровать для них воду и — ждать. И конечно же, мистер Куппенхаймер рано или поздно вспомнит о водопаде!

Поэтому он повернул назад… и не смог найти водопад. Он не смог найти даже ручей.

Потом он во что-то вляпался. Он не видел во что — ветви деревьев били его по лицу. Что бы это ни было, оно вцепилось в его ноги, как раскаленный провод. Пытаясь освободиться, он споткнулся и чуть не уронил Ганса. Он все же выпутался, но боль в ноге не прошла. Жжение чуть утихло, однако теперь по правой ноге расползалось онемение.

На первой же прогалине, до которой он добрался, он с радостью опустил Ганса на землю. Он плюхнулся рядом и помассировал свою ногу,

затем проверил Ганса — тот все еще дышал, и сердце билось… но он был без сознания.

Никси снова обнюхал Ганса, затем поднял морду и вопросительно заскулил.

— Я ничем не могу ему помочь, — сказал ему Чарли. — У него неприятности. У меня неприятности. И у тебя тоже неприятности.

Никси залаял.

— Я сейчас, сейчас… как только смогу двигаться. Не торопи меня. Ты сам-то хотел бы потаскать его на себе какое-то время?

Чарли продолжал массировать свою ногу. Боль уходила, но онемение усиливалось. Наконец он сказал Никси:

— Я думаю, мы должны попытаться, малыш. Подожди секунду, пока я найду жука-компаса, — мне кажется, сюда мы шли в основном вдоль базовой линии, поэтому теперь нам надо попробовать повернуть назад.

Он взглянул на запястье, чтобы посмотреть, который час.

Его часы стояли.

Но они *не могли* остановиться — они были с автоматическим подзаводом!

Однако это произошло. То ли он стукнул их обо что-то в джунглях, то ли… не важно как, но они

остановились. Он поискал часы у Ганса, думая, что его двадцатичетырехчасовой циферблат будет проще использовать в качестве шкалы компаса.

Но у Ганса не было часов, их не было на руке, их не было ни в одном из его карманов. Оставил ли он их дома вместе с поляроидами и вещмешком, или они выпали, когда Чарли его нес, уже не имело значения. У них не было никаких часов, и Чарли не знал, который сейчас час даже приблизительно. Ему казалось, что он нес Ганса, продираясь сквозь эту угрюмую чащу, целую неделю.

Так что жук-компас не мог ему ничем помочь.

В тот миг он почти признался в своем поражении. Но взял себя в руки, говоря себе, что, если все время будет идти под уклон, он непременно найдет поток… и тогда отыщется брод или водопад — либо то, либо другое. Извиваясь, он попытался найти такое положение, чтобы снова взвалить на себя Ганса и подняться, не нагружая при этом свою правую ногу.

Но Чарли мог не беспокоиться: его правая нога не работала.

В нее впились тысячи иголок, словно он слишком долго сидел в неудобном положении. Боль

была почти невыносимой. И она не прошла, как это обычно бывает, и ничто из того, что он мог сделать, не заставило эту ногу подчиняться его приказам. Он опустил голову на тело Ганса и завопил.

Он ощутил, как Никси, жалобно поскуливая, вылизывает его лицо. Тогда он перестал плакать и поднял голову:

— Все в порядке, дружок. Не волнуйся.

Но ничего не было в порядке. Хотя Чарли не был крысой джунглей, он прекрасно знал, что поисковые отряды могли неделями прочесывать местность — и не найти их, могли пройти в шаге от этого места и не заметить их. Возможно, здесь никогда еще не ступала нога человека, возможно, здесь никто не появится еще много лет.

Если он ничего не придумает сейчас, они никогда не выберутся отсюда. Никси терпеливо сидел рядом, преданно глядя на своего хозяина и надеясь на него.

— Никси, теперь все зависит от тебя, мальчик. Ты меня понимаешь?

Никси проскулил в ответ.

— Возвращайся домой. Ищи! Ищи Ма. Ищи кого-нибудь. Прямо сейчас! Возвращайся домой.

Никси гавкнул.

— Не спорь со мной. Ты должен это сделать. Иди домой. Возвращайся и приведи кого-нибудь!

Никси неуверенно поглядел на него, пробежал несколько шагов в том направлении, откуда они пришли, остановился и вопросительно оглянулся.

— Правильно! Продолжай! Вернись домой! Приведи кого-нибудь! *Пошел!*

Никси пристально посмотрел на него, потом деловито потрусил прочь.

Некоторое время спустя Чарли поднял голову и потряс ею. Черт возьми! Он, должно быть, заснул… так нельзя…

Что, если появится другая стрекоза… я должен бодрствовать. Что с Гансом? Я должен забрать его отсюда… где же Никси?

— Никси!

Никакого ответа. Это послужило последней каплей. И все равно нужно было идти…

Его нога осталась неподвижной… ему стало не по себе.

— Никси! Никси!

Миссис Куппенхаймер услышала царапание и скулеж у дверей, вытерла руки о передник и пошла открывать. Когда она увидела, что там, она всплеснула руками:

— Lieber Gott![61] Что с тобой случилось?

Она быстро опустилась на колени, подхватила песика и отнесла его на свой чистый стол. Склонившись над ним, она снимала пиявок и вытирала кровь, не переставая разговаривать с ним.

— Schrecklich![62]

— Что с ним случилось, мама?

— Я не знаю.

Она продолжала работать. Но Никси вырвался из ее рук, пулей понесся прямо к закрытой двери и попытался вырваться наружу — неудачно! Он прыгал на нее, рвал ее когтями и выл.

Миссис Куппенхаймер схватила Никси и прижала его бьющееся тело к груди.

— Герта! Найди Па!

— Что с ним такое, Ма?

— Случилось что-то ужасное. Беги!

Зал Совета Бориэлиса был заполнен скаутами и взрослыми. Ганс и Чарли сидели в первом ряду, Никси устроился на стуле между ними. У Ганса были опоры поперек одного колена; у Чарли была

---

[61] Примечания: 61
Любимый Боженька! *(нем.)*

[62] Примечания: 62
Какой кошмар! *(нем.)*

трость. Мистер Ку'ан, спускаясь по проходу, заметил их и сел, когда Чарли убрал Никси, разделив с ним сиденье. Скаут-мастер сказал Гансу:

— Думал, ты от них избавился. — Его взгляд коснулся опор.

— Я-то — да, но Ма заставляет меня их таскать.

— Я… — Мистер Ку'ан осекся.

Председатель только что занял свое место в президиуме, полдюжины других уже сидели на местах.

— Тише, пожалуйста. — Мужчина выждал мгновение. — Этот суд чести собрался на специальное заседание для награждения. Сегодняшним вечером мы с гордостью и удовлетворением исполняем наш долг, вручая медаль за спасение жизни. Мы просим, чтобы бойскаут-новичок Никси Вон вышел вперед.

— Давай, Никси! — прошептал Чарли.

И Никси спрыгнул со стула, выбежал вперед, сел по стойке смирно и отсалютовал, дрожа.

Пункт назначения – Луна

Сегодня, когда в космосе полно кораблей, когда на внутренних планетах обустроены колонии, а земная Луна так близка, что пилоты на лунных рейсах на ночь возвращаются домой, трудно себе представить, что было время, когда «слетать на Луну» означало нечто невыполнимое, а людей, которые думали, что такой полет осуществим, считали фантазерами, мечтателями, психами.

Нам трудно себе вообразить, с каким противодействием они столкнулись, и почти невозможно осознать их упорство, их мысли…

Фаркухарсон. История транспорта, III: 414

I

Пустыня Мохаве была серой в раннем утреннем свете, но в офисе технического директора на

строительной площадке все еще горели огни. В офисе было тихо, за исключением нетерпеливо булькающего кофейника.

Присутствовали трое мужчин — сам директор, доктор Роберт Корли, высокий, как Линкольн, и столь же худой, отставной флотский контр-адмирал Боулз, отзывавшийся на прозвище Рыжий, и Джим Барнс, глава «Барнс эйркрафт», «Барнс тул вокс» и других предприятий.

Всем троим давно не помешало бы побриться, а Барнсу вдобавок была крайне необходима стрижка. Барнс сидел за рабочим столом Корли, Боулз развалился на диване. Он, похоже, дремал и во сне походил на толстого рыжего мальчишку. Доктор Корли ходил по комнате, следуя по основательно натоптанному маршруту.

Он остановился и посмотрел в окно. В тысяче ярдов от него, посреди пустыни высился огромный корабль, остроконечный, сверкающий, готовый рвануться вверх, пронзая густую атмосферу Земли.

Корли отвернулся устало, взял со стола письмо и прочитал:

В Ассоциацию реактивного движения, инкорпорейтед

Мохаве, Калифорния

Джентльмены!

На ваш запрос об испытаниях атомного двигателя вашего ракетного корабля непосредственно на месте его строительства с сожалением вынуждены отказать.

Мы признаем, что реальной опасности атомного взрыва не существует, однако вера в такую опасность существует в общественном сознании. Политика Комиссии такова, что…

Корли пропустил весь последующий текст до последнего пункта:

…в связи с чем разрешаем проведение испытаний в специализированном Центре военных исследований в южной части Тихого океана. Положения могут быть…

Он остановился и сунул письмо под нос Барнсу:

— Если нас заставят проводить испытания на

Эниветоке[63], нам придется раздобыть для этого денег.

В голосе Барнса звучало неприкрытое раздражение:

— Доктор, я уже говорил вам, что синдикат больше не выложит ни цента и других денег у нас не будет.

— Черт возьми, нас должно финансировать государство!

Барнс хмыкнул:

— Скажите это конгрессу.

Боулз, не открывая глаз, лениво произнес:

— Соединенные Штаты намерены все притормозить и позволить России первой добраться до Луны — с их водородными бомбами... Это называется «политика».

Корли поджал губы:

— Это нужно делать *сейчас*.

— Я знаю.

Барнс встал и подошел к окну. Восходящее солнце зажгло искру на отполированной поверхности огромного корабля.

— Это нужно делать сейчас, — повторил он тихим голосом. Потом повернулся и спросил: —

---

[63] Примечания: 63

Эниветок — атолл в Тихом океане, где в 1952 г. США проводили испытания водородной бомбы.

Док, когда у нас следующее благоприятное время для отлета?

— Когда мы и планировали — в следующем месяце.

— Нет, я имею в виду в этом месяце.

Корли взглянул на настенный календарь, порылся в книжном шкафу, нашел замусоленную книжицу, быстро что-то прикинул.

— Завтра утром — около четырех часов.

— Ах вот оно что. Тогда мы стартуем завтра утром.

Адмирал Боулз резко выпрямился на своем диване:

— Стартуем на непроверенном корабле? Джим, ты сошел с ума!

— Возможно. Но самое время — именно сейчас. Если мы будем ждать месяц, мы погрязнем еще в каком-нибудь бардаке. Корабль готов, не протестирована только силовая установка. Значит, мы пропустим этот тест!

— Но мы еще даже не набрали экипаж.

Барнс усмехнулся:

— Мы сами команда!

Ни Корли, ни Боулз не ответили на это. Барнс продолжал:

— Почему нет? Взлет происходит автомати-

чески. Конечно, мы говорили, что тут нужны молодые парни, быстрая реакция и тому подобная ерунда, но при этом каждый из нас пытался выдумать причину, чтобы попасть в экипаж. Вот ты, Рыжий: кто потихоньку смотался на медосмотр в Моффетт-Филд?[64] Кстати, снова его провалил. Не пытайся мне лгать, я все знаю! А ты, Док? Ты все время намекаешь, что сам должен следить за силовой установкой, — а еще ты пытался обработать свою жену.

— А?

— Она просила, чтобы я сказал, будто синдикат будет возражать против твоего участия в полете. Не волнуйся, я не поддался на ее уговоры.

Корли невозмутимо посмотрел на него:

— Я сразу был намерен лететь. Она об этом знала.

— Вот это наш человек! Что насчет тебя, Рыжий?

Боулз тяжело поднялся на ноги:

— Да ладно, Джим, не так уж сильно я провалил эти тесты — всего лишь каплю избыточного веса.

— Ты принят. Мне все равно не нужен был вос-

---

[64] Примечания: 64

Моффетт-Филд — до 1994 г. авиабаза ВМФ США, расположена в южной части залива Сан-Франциско.

торженный юнец в качестве второго пилота.

— Второго пилота?

— Хочешь выпихнуть меня с места капитана? Рыжий, я решил, что сам буду рулить этим драндулетом с того дня — о боже! четыре года назад! — когда ты притащил ко мне Дока с мешком синек на плече. — Он перевел дыхание и гордо огляделся по сторонам.

— Давай посмотрим, — сказал Боулз. — Ты — первый пилот, я второй. Док — главный инженер. Не хватает только радиста. Но ты не сможешь никого подготовить по электронике этого корабля к завтрашнему утру.

Барнс пожал плечами:

— Тут без вариантов — это должен быть Уорд. — Он назвал имя главного инженера по электронике проекта.

Боулз повернулся к Корли:

— Уорд мечтает лететь?

Корли задумался:

— Я уверен, что да. Но мы с ним этого не обсуждали. — Он потянулся к телефону. — Я позвоню ему домой.

Барнс перехватил его руку:

— Не так быстро. Едва наружу просочится хоть слово, у Комиссии будет двадцать четыре часа,

чтобы остановить нас.

Боулз взглянул на часы:

— Двадцать один час.

— Этого тоже вполне достаточно.

Корли помрачнел лицом:

— Мы не сможем держать это в секрете. Мы должны загрузить корабль. Я должен связаться с доктором Хастингсом и получить расчет нашей баллистики.

— Давайте все по порядку. — Барнс, нахмурясь, выдержал паузу. — План таков: мы скажем всем, что это всего лишь генеральная репетиция, но с соблюдением всех деталей: блокпосты на дорогах, погрузка припасов, журналисты, предстартовый прогон — все, что полагается. Док, на тебе подготовка силовой установки. Рыжий, ты ответственный за погрузку. На мне: я отправляюсь в Мохаве и позвоню оттуда Хастингсу. Потом я позвоню в университет и договорюсь насчет большого компьютера.

— Зачем ехать за двадцать миль? — возразил Корли. — Позвони отсюда.

— Потому что эта линия, возможно, прослушивается — и я имею в виду не ФБР! Кроме нас троих и Уорда, Хастингс является единственным человеком, который должен знать правду, — когда он

будет рассчитывать баллистику, он должен быть в курсе, насколько это серьезно.

Барнс потянулся за шляпой:

— Теперь, Док, можешь звонить Уорду. Я пошел.

— Подожди! — сказал Боулз. — Джим, не гони лошадей и включи мозги. Отсюда ты можешь хотя бы узнать, где сейчас Хастингс? Возможно, тебе придется слетать в Паломар, чтобы найти его.

Барнс щелкнул пальцами:

— Уже включил, Рыжий. Я забыл самую важную деталь — причину, почему я не могу лететь на своем самолете: он нужен мне для инспектора-резидента.

Он говорил о представителе Комиссии по атомной энергии, осуществлявшем надзор за проектом.

— Для Холмса? Зачем ему твой самолет?

— Чтобы он с его помощью где-нибудь потерялся. Я собираюсь убедить Неда Холмса полететь в Вашингтон и сделать последнюю попытку замолвить за нас словечко, чтобы нам дали возможность протестировать наш двигатель прямо здесь. Он согласится: прикрыть нас — не его идея. Наш паренек Энди повезет его в моем самолете — и Энди сделает вынужденную посадку в пу-

стыне, в сорока милях от ближайшего телефона. Какая жалость!

Корли выдавил из себя улыбку:

— Смахивает на похищение.

Барнс был сама невинность:

— Но Холмс перед вылетом, конечно же, опломбирует реактор?

— А мы его вскроем. Других возражений нет? Если нет, давайте: Энди, Холмс и Уорд, именно в таком порядке.

Адмирал Боулз присвистнул.

— Док, — сказал он, — лучше твоему двигателю сработать как надо, иначе мы проведем остаток наших дней в тюрьме. Ну, за дело!

II

Утро было далеко не ранним, когда Джим Барнс вернулся обратно на стройку. Охранник Компании на пропускном пункте махнул ему, разрешая проезжать, но он тем не менее остановился:

— Привет, Джо.

— Доброе утро, мистер Барнс.

— Я вижу, ворота открыты. Это правление распорядилось?

— По поводу ворот? Нет. Но кто-то позвонил

и сказал, что сегодня генеральная репетиция у нашего Малыша.

Охранник показал большим пальцем на корабль, возвышавшийся в двух милях от них.

— Все правильно. А теперь слушай. Эта репетиция должна пройти совершенно идеально. Держи ворота на запоре. Открывать только по согласованию со мной, адмиралом Боулзом или доктором Корли лично.

— Понял, мистер Барнс.

— Просто помни, что есть люди, которые готовы на все, лишь бы этот корабль никогда не оторвался от земли, — даже если они говорят без иностранного акцента.

— Не волнуйтесь, мистер Барнс.

Однако он продолжал волноваться: помимо запертых ворот, оставались еще четырнадцать миль никем не охраняемой изгороди.

Ну что ж — это был риск, на который приходилось идти. Он проехал мимо жилых домиков, миновал промзону. Стартовая площадка кишела людьми, пешими, на грузовиках, на джипах. Грузовики выстроились у въезда в ограждение вокруг корабля. Барнс остановился у здания администрации.

В офисе доктора Корли он нашел Боулза, самого

Корли и его жену. Док выглядел затравленным, миссис Корли была, вполне очевидно, рассержена.

— Привет, люди, — сказал он. — Я не помешал?

Корли поднял на него глаза и сказал:

— Входи, Джим.

Барнс поклонился миссис Корли:

— Как поживаете, мэм?

— Вы! Это вы во всем виноваты! — Она прожгла его взглядом.

— Я, миссис Корли? В чем же?

— Вы прекрасно знаете в чем! Вы… вы… — Она задохнулась от возмущения, а затем выдохнула весь воздух из груди в одном-единственном яростном слове: — Мужчины! — И выскочила из комнаты, хлопнув дверью.

Когда дверь за ней закрылась, Барнс позволил своим бровям вернуться в их обычное положение.

— Вижу, ей все известно. Ты не должен был ей говорить, Док, еще не время.

— Да пропади оно пропадом, Джим! Я не ожидал, что она поднимет такую бучу.

Боулз повернулся в кресле:

— Не будь дураком, Джим. Жена Дока *должна* была все узнать: жены — не наемные работни-

ки.

— А жаль. Но сделанного не воротишь. Док, ты организовал какой-нибудь контроль за телефонными звонками?

— Зачем? Нет.

— Сделай это. Стоп, я сам это сделаю. — Он шагнул к двери. — Сударыня, позвоните на наш коммутатор. Попросите Герти переключать все исходящие вызовы на вас. А вы будете всем твердо отвечать, что внешние линии заняты, и выясняйте, кто это звонит, кому и зачем, — а потом известите директора, адмирала Боулза или меня. То же самое для входящих вызовов.

Он закрыл дверь и повернулся к Боулзу:

— Ваша жена знает?

— Конечно.

— Проблемы были?

— Нет. Жены моряков привыкли к таким вещам, Джим.

— Видимо, так и есть… Ну, я озадачил Хастингса. Он говорит, что будет здесь с лентой[65] не позднее двух часов ночи. Я распорядился, чтобы его ожидал самолет.

Корли нахмурился:

---

[65] Примечания: 65

Имеется в виду перфорированная компьютерная лента с программой полета.

— Получается все впритык. Нам нужно больше времени, чтобы настроить автопилот.

— Он сказал, что раньше ничего не может обещать. А как тут дела?

— С погрузкой все в порядке, — ответил Боулз, — если, конечно, грузовики с кислородом не опоздают.

— Тебе надо было отправить его самолетом.

— Не трынди. Грузовики, наверное, сейчас уже на Каджон-Пасс.

— Хорошо-хорошо. Что силовая установка, Док?

— Я еще не взламывал пломбы Неда Холмса на атомном котле. Водяные цистерны заполняются, но они только-только начали.

Его прервал звонок телефона.

— Да?

В комнате зазвучал голос его секретарши: «Ваша жена звонит по межгороду, доктор. Она на линии. Вы ответите?»

— Дай ее, — сказал он устало. Слов миссис Корли не было слышно, но ее гневные тона просачивались в комнату. Корли терпеливо отвечал: — Нет, дорогая… Все верно, дорогая. Мне очень жаль, но так уж… нет, я не знаю, когда освободятся линии, мы резервируем их для звонков на Восточное

побережье… нет, ты не можешь взять автомобиль, он у меня… — Корли удивленно посмотрел на трубку и положил ее на аппарат: она бросила трубку.

— Теперь понимаете, что я имел в виду? — сказал Барнс.

— Джим, ты дурак, — ответил Боулз.

— Нет, я холостяк. А все почему? Да потому, что я не выношу любимый вид спорта всех женщин.

— Что это?

— Упражнения по кастрации жеребцов. Давайте вернемся к работе.

— Давайте, — согласился Корли и щелкнул кнопкой интеркома. — Элен, позвоните в отдел электроники и скажите мистеру Уорду, что я хочу его видеть.

— Ты уже сообщил ему новость? — спросил Барнс.

— Уорду? Конечно.

— Как он это воспринял?

— Более-менее нормально. Уорд довольно нервный парень. Поначалу даже заявил, что не хватит времени, чтобы подготовить всю электронику.

— Но он в команде?

— В команде. — Корли поднялся из-за стола. — Я должен вернуться на корабль.

— Я тоже, — поддержал Боулз.

Барнс вышел вслед за ними. Когда они проходили мимо стола секретарши Корли, она сказала:

— Минутку, пожалуйста, — я звоню ему. — Она подняла глаза и указала на Корли.

Корли остановился в нерешительности.

— О-хо-хо, — сказал Барнс, — если ты позволишь им привязать себя к телефону, мы никогда с места не сдвинемся. Беру это на себя. Двигайте дальше, вы двое. Подготовьте нашу тачку к работе.

— Хорошо, — сказал Корли и повернулся к своей секретарше. — Нашли мистера Уорда?

— Его нет в отделе электроники. Но я его ищу.

— Он мне нужен немедленно.

Барнс вернулся в кабинет и провел час, разгребая заторы по телефону. Личные звонки он просто тормозил, оправдываясь тем, что линия занята под приоритетные вызовы по межгороду. Если звонок касался подготовки корабля, он брал переговоры на себя или контролировал их. Делал все, что мог, чтобы стройплощадка оставалась островом, отрезанным от всего мира.

Он привел в порядок дела с главным металлургом, дал добро бухгалтерии на оплату сверхурочных за прошедшую неделю, заверил

Ассошиэйтед пресс, что «генеральную репетицию» стоит полностью осветить в прессе, и с удовольствием пригласил Лос-Анджелесскую ассоциацию городских клубов посетить корабль — но на следующей неделе.

Проделав все это, он позаимствовал диктофон Корли и начал записывать памятку для своего коммерческого директора о том, как завершить проект, в случае если (а) экспедиция пройдет успешно, (б) корабль потерпит крушение. Он хотел, чтобы запись расшифровали и распечатали на следующий день.

Звонок доктора Корли прервал его.

— Джим, я не могу найти Уорда.

— Проверял мужские туалеты?

— Нет, но я это сделаю.

— Он не может быть далеко. Что-нибудь случилось в его отделе?

— Нет, но он мне нужен.

— Ну, может быть, он закончил свои испытания и вернулся домой, чтобы немного поспать?

— Его квартира не отвечает.

— Возможно, плохо положил трубку. Я пошлю кого-нибудь разыскать его.

— Сделай это.

Он занимался организацией поисков, когда

вошел Герберт Стилс, главный пиар-менеджер проекта. Пресс-агент плюхнулся в кресло и печально посмотрел на Барнса.

— Привет, Герб!

— Привет! Мистер Барнс, давайте бросим этот чертов дурдом и вернемся в «Барнс эйркрафт».

— Что за муха тебя укусила, Герб?

— Ну, может, вы видите какой-то смысл в том, что тут творится, но я-то нет. Мне сказали пригнать сюда всех к трем часам утра — А-пи, Ю-пи, И-эн-эс[66], радио, машины с телевидения и всех прочих. А потом вы запираете лавочку на замок, будто школьное здание в воскресенье. И все это ради тренировки, упражнений на холостом ходу. Так кто из нас спятил? Я или вы?

Барнс давно знал Стилса, поэтому сказал:

— Это не учения, Герб.

— Ну конечно же нет. — Стилс затушил сигарету. — Итак, во что мы играем?

— Герб, у нас критическая ситуация. Мы собираемся лететь — в три пятьдесят три завтрашнего утра. Если хоть словечко просочится наружу раньше времени, они найдут способ остановить

---

[66] Примечания: 66

А-пи, Ю-пи, И-эн-эс — ряд крупных информационных агентств. AP — Associated Press, UP — United Press Associations, INS — International News Service.

нас.

— Кто «они»? И почему?

— Комиссия по атомной энергии — только за то, что мы собрались запустить корабль, не протестировав силовую установку.

Стилс присвистнул:

— Пойти против Комиссии? Вот это да! Но почему бы вам ее не протестировать?

Барнс объяснил, добавив в завершении:

— Вот почему мы не можем протестировать ее. Меня загнали в угол, Герб.

— И это еще не всё?

— Не всё… Назови это интуицией, предчувствием или чем угодно. Но если мы не взлетим сейчас, мы этого никогда не сделаем — даже если у меня найдутся бабки на проведение испытаний в южной части Тихого океана. Мы в этом проекте слишком сильно превысили положенную нам долю невезения — а я не верю в случайности.

— В смысле?

— Есть люди, которые хотят, чтобы этот проект провалился. Одни просто чокнутые, другие — завистники. А третьи…

— Третьим, — подхватил Стилс, — понравится, что США первыми выйдут в космос, не намного больше, чем им понравилось, когда мы первыми

сделали атомную бомбу.

— В точку.

— Ну и какие меры предосторожности вы хотите предпринять? Против бомбы замедленного действия на корабле? Против порчи приборов? Или против федерального маршала с отрядом солдат в придачу?

— Я не знаю!

Стилс помолчал, вперив взгляд в пустоту.

— Босс…

— Да?

— Первое: очень скоро вы должны будете публично признать, что старт настоящий, для того чтобы эвакуировать эту долину. Шериф и полиция штата не будут играть в эти игры только ради тренировки.

— Но…

— Второе: сейчас на Восточном побережье конец рабочего дня. До утра вам нечего опасаться Комиссии. Третье: любая диверсия будет совершена экспромтом, если, конечно, ее не заложили при постройке корабля.

— Слишком поздно, чтобы беспокоиться о чем-то, заложенном в корабль.

— И все же, будь у меня ваша квалификация, я мог бы надругаться над ракетой с помощью про-

стой зубочистки. А уж гаечным ключом можно будет сделать все, что угодно. Особенно в самый последний момент, перед стартом. Например, под панелью управления или в других подобных местах — то, что у них называется «альтернативная цель».

— Это трудно предотвратить.

— Не так уж трудно. Не все способы сорвать взлет этого корабля одинаково осуществимы. Ну, если бы моя шея зависела от этой тачки, я бы немедленно запретил лазить в нее без сопровождающих. Запретил *всем*, даже если у них на руках будет сертификат о стопроцентной честности, выданный Дочерьми американской революции. Я бы следил за всем, что проносят внутрь, а все вещи я бы проштамповал такими маленькими штампиками.

Барнс задумчиво пожевал губу:

— Ты прав, Герб. Ты только что получил эту работу.

— Вы о чем?

— Принимай на себя руководство. — Барнс объяснил, чем он тут занимался. — Что касается прессы, не предупреждай их, пока не подготовишь эвакуацию и блокирование дорог, — надеюсь, ты сможешь придержать тут все до полуночи. Я

собираюсь лететь на этом корабле и…

Телефон зазвонил, Барнс поднял трубку:

— Да?

Это был Боулз.

— Джим — давай в отдел электроники.

— Проблемы?

— Масса! Уорд сбежал от нас.

— Ай-яй-яй! Сейчас буду. — Он бросил трубку и сказал: — Пост сдал, Герб!

— Пост принял!

Выйдя на улицу, Барнс прыгнул в свою машину, развернулся и покатил в отдел электроники. Он нашел Боулза и Корли в офисе Уорда. С ними был Эммануэль Трауб, первый заместитель Уорда.

— Что случилось?

— Уорд в больнице — приступ аппендицита, — ответил Корли.

— Приступ трусости! — фыркнул Боулз.

— Не факт! Уорд не мог бы меня бросить.

Барнс вклинился в перепалку:

— Так или иначе, теперь это не имеет значения. Вопрос в том, что нам теперь делать.

Корли болезненно сморщился:

— Мы не можем лететь.

— Прекрати эту ерунду! — Барнс повернулся к Боулзу. — Рыжий, ты сможешь справиться с

электроникой?

— Вряд ли! Я умею крутить ручки на обычном двустороннем передатчике — но на этом корабле кругом одна электроника.

— Я в таком же положении… Док, может быть, ты?

— Э-э-э, может быть… Но я не смогу справиться с рада ром и силовой установкой одновременно.

— Ты мог бы научить меня обращаться с реактором, а Рыжий взял бы на себя пилотирование.

— Что?!! Я не смогу сделать из тебя атомного инженера за считаные часы.

Барнс почувствовал, что весь мир рушится на него. Он прогнал это чувство и повернулся к Траубу:

— Мэнни, ведь это ты установил на корабле кучу электронных примочек?

— Я? Я установил их все: мистер Уорд не любил взбираться на козловой кран. Он у нас довольно нервный парень.

Барнс посмотрел на Корли:

— Ну?

Корли заерзал:

— Я не знаю.

Боулз внезапно спросил:

— Трауб, в каком колледже вы учились?

Трауб обиделся:

— У меня нет престижных дипломов, но по гражданской классификации у меня категория Пи-пять старшего инженера-электронщика. Я три года проработал в лабораториях «Рейтиона»[67]. С пятнадцати лет у меня действующая лицензия радиста, а еще я отслужил старшим сержантом в войсках связи. Так что если нужно туда-сюда погонять электрончики, то я в этом деле профи.

Барнс заметил вполголоса:

— Адмирал не хотел тебя обидеть, Мэнни. Сколько ты весишь?

Трауб перевел взгляд с одного на другого:

— Мистер Барнс — это не репетиция. Это *оно*, да?

— Это оно, Мэнни. Мы стартуем… — он взглянул на часы, — …через тринадцать часов.

Трауб с трудом перевел дыхание:

— И вы, джентльмены, просите, чтобы я отправился на Луну вместе с вами? Сегодня вечером?

Прежде чем Барнс успел ответить, Боулз сказал:

— Все так, Мэнни.

Трауб сглотнул.

---

[67] Примечания: 67

«Рейтион» (Raytheon Company) — авиастроительная компания, основана в 1922 г.

— Да, — сказал он.

— Да? — эхом отозвался Барнс.

— Я готов лететь.

— Трауб, мы не хотели бы торопить вас с решением, — поспешно сказал Корли.

— Директор, взгляните на мое заявление о приеме на работу. Там написано: «Согласен на командировки».

III

Огромный корабль был окружен прожекторами, расположенными внутри ограждения. Он все еще был обрамлен скелетом арки козлового крана, но временный антирадиационный щит, окружавший его нижнюю часть с соплами, уже исчез, его место заняли таблички со знаками трилистника, предупреждающие о радиоактивности, — хотя уровень радиации пока еще не был опасно высок.

Но с силовой установки уже сняли пломбы, и корабль был готов к полету. Тринадцать пятнадцатых его массы составляла вода, готовая превратиться в атомном котле в раскаленный пар и быть выпущенной наружу со скоростью тридцать тысяч футов в секунду.

В верхней части корабля была рубка управления и примыкающий к ней шлюз. Ниже шлюза находился противорадиационный щит, он проходил через весь корабль, отделяя герметичную кабину экипажа от баков, насосов, самого реактора и вспомогательных механизмов. Над рубкой управления, в носовой части корабля, находился негерметичный грузовой трюм.

Треугольные аэродинамические плоскости вырастали из его основания словно стабилизаторы-переростки — в качестве стабилизаторов они послужат, когда корабль будет взлетать; когда же он вернется на Землю с пустыми баками, они станут крыльями планера.

Джим Барнс стоял у подножия козлового крана, отдавая последние распоряжения. Телефонная линия была протянута до самого крана. Когда аппарат зазвонил, он повернулся, чтобы снять трубку.

— Мистер Барнс?

— Да, Герб.

— Офис шерифа сообщает: блокпосты на местах, долина очищена, — кстати, выгнали кучу

бомжей из «Ранчо»[68].

— Это не важно.

— В общем, выехали все, кроме Пита Отшельника. Он отказался съезжать.

— Усатый старикашка в той лачуге к северу от ворот?

— Он самый. В конце концов, мы были вынуждены объяснить ему, что к чему, но это его никак не обеспокоило. Он сказал, что никогда не видел, как стартует корабль на Луну, и не собирается это пропустить — нет, не в моем, мол, возрасте.

Барнс усмехнулся:

— В этом его трудно винить. Что ж, дай ему подписать отказ от претензий, который подписывали все наши. Скажи, если не подпишет, шоу не состоится.

— А если он не подпишет?

— Герб, я полечу, даже если какой-то придурок встанет под сопла. Но не говори ему.

— Ага! Теперь вы у меня на крючке. Ну а что насчет прессы?

— Можешь им все рассказать, но держи их от меня подальше. И даже с подписанным отказом

---

[68] Примечания: 68

«Ранчо» — в оригинале «Idle Hour Guest Rancho». Ранчо с таким названием действительно существует, но не в Люсерн-Вэлли, а немного западнее, в Леона-Вэлли.

пусть сидят в укрытии.

— У меня будут неприятности с кинохроникой и телевизионщиками.

— Пусть используют дистанционное управление или проваливают. Загони их внутрь, сам зайди последним и запри за собой дверь. Они могут протянуть в укрытие все провода, какие им только нужны, но *ни один* из их шатии не должен оказаться внутри опасной зоны.

— Мистер Барнс, неужели вы думаете, что взлет будет настолько опасен?

Ответ Барнса заглушил усиленный мегафоном голос со стороны убежища:

— Внимание! Посадка на последний автобус у северного въезда в промзону!

Некоторое время спустя Стилс позвонил снова:

— Еще один звонок — и вам лучше ответить, босс. Похоже, неприятности.

— Кто это?

— Командующий базой Мюрок[69].

— Давайте его. — В следующее мгновение он уже говорил: — Джим Барнс, генерал. Как по-

---

[69] Примечания: 69

База Мюрок (Muroc Air Force Base, позднее Edwards Air Force Base) — военный объект рядом с поселением Мюрок в пустыне Мохаве, где находятся военные лаборатории и проводятся многочисленные испытания военной техники.

живаете?

— А, привет, мистер Барнс. Я не хочу с вами бодаться, но ваш человек говорит какую-то ерунду. Вам действительно необходимо, чтобы команда на радарах продежурила всю ночь ради вашего холостого прогона?

— Мм… Генерал, разве на вашей станции радиолокационного слежения не круглосуточное дежурство? Я думал, что над этой страной всегда раскрыт «радарный зонтик».

Генерал сухо ответил:

— Это был неправильный вопрос, мистер Барнс.

— Я так не думаю. Видимо, есть большая разница между принятием закона и получением ассигнований для его выполнения. — С минуту он размышлял. — Генерал, а что, если я гарантирую появление яркой точки на ваших мониторах?

— Что вы имеете в виду?

— Генерал, я знаю вас еще с тех времен, когда пилоты сидели в открытых кабинах. У вас было много моих самолетов… — начал Барнс.

— Вы делаете хорошие самолеты, мистер Барнс.

— …и сегодня мне нужна ваша поддержка. Это *оно*, Уайти.

— Что?!

— Мы стартуем сегодня. И коль скоро вы об этом узнали, вы можете позвонить в Белые Пески и убедиться, что они тоже нас отследят. И, Уайти…

— Да, Джим?

— Как вы думаете, на то, чтобы организовать вашу команду, а потом позвонить в Белые Пески уйдет час-другой? Пара часов, прежде чем вы сможете позвонить в Вашингтон?

Молчание длилось так долго, что Барнс решил, что связь прервалась. Затем генерал ответил:

— Это может отнять достаточно много времени. Есть еще что-то, что вам следует мне сообщить?

— Нет… этого достаточно. За исключением одной вещи: я лечу, Уайти. Я буду его пилотировать.

— Ох. Удачи, Джим.

— Спасибо, Уайти.

Отвернувшись, Барнс увидел самолет, заходящий на посадку, его огни мигали. За его спиной загудел лифт. Он поднял голову и увидел, что это спускаются Корли, Боулз и Трауб.

— Это доктор Хастингс? — крикнул Корли.

— Надеюсь на это.

Самолет приземлился, к нему подъехал джип. Через несколько минут джип въехал за ограж-

дение и затормозил возле крана. Из него вылез доктор Хастингс. Корли поспешил ему навстречу:

— Доктор Хастингс! Вы привезли?

— Приветствую, джентльмены. Да, конечно. — Хастингс похлопал себя по оттопыривающемуся карману.

— Давайте мне!

— А может, пройдем в корабль? Я хотел бы кое-что обсудить.

— Поднимайтесь на борт.

Двое ученых забрались в лифт, и он поехал наверх.

Адмирал Боулз коснулся рукава Барнса:

— Джим, на пару слов.

— Выкладывай.

Боулз указал глазами на Трауба. Барнс уловил намек, и они отошли в сторону.

— Джим, — спросил Боулз шепотом, — что ты знаешь об этом Траубе?

— То же, что и ты. А в чем дело?

— Он иностранного происхождения, не так ли? Германия? Польша?

— Россия, насколько мне известно. Какое это имеет значение?

Боулз нахмурился:

— У нас была попытка диверсии, Джим.

— Какого черта?! Какая диверсия?

— Радар контроля взлета не функционировал. Трауб открыл переднюю панель, потом позвал меня.

— Что там было?

— Карандашная риска между двумя проводками. Это…

— Я понял, графит вызвал замыкание. Это диверсия, согласен. Ну и?..

— Я говорю о том, что он нашел ее слишком легко. Как он мог догадаться, где искать, если он не сделал это сам?

Барнс обдумал это.

— Если бы Трауб пытался остановить нас, все, что ему нужно было сделать, — это отказаться лететь. Мы не можем без него обойтись — и он это знает.

— Предположим, его цель была не просто остановить нас, но и уничтожить корабль?

— И самому погибнуть в придачу? Включи логику, Рыжий.

— Некоторые из них фанатики, Джим. Они вне логики.

Барнс взвесил это и сказал:

— Забудь об этом, Рыжий.

— Но…

— Я сказал: забудь об этом! Вернись на корабль и обшарь все сверху донизу. Представь себе, что ты диверсант и пытаешься придумать, куда бы спрятать бомбу, ну или хочешь что-то поломать.

— Так точно, сэр!

— Хорошо. Мэнни!

— Да, мистер Барнс!

Подбежал Трауб. Барнс велел ему подняться и продолжить тесты. Телефон у подножия крана зазвонил — это снова был Стилс:

— Босс? Только что позвонили из проходной на воротах. Помощник шерифа оттуда связался по рации в машине с коллегами на блокпостах…

— Отлично. Прекрасная организация, Герб.

— Вовсе не отлично! Северный блокпост докладывает: подъехала машина с судебным приставом, у него постановление федерального суда о запрете полетов. Они его пропустили.

Барнс тихо выругался.

— Позвони на проходную на воротах. Скажи помощнику шерифа, чтобы остановил их.

— Сделано. Он отказался. Он говорит, что не может вмешиваться в дела федералов.

— Теперь нам и вправду крышка! — Барнс задумался. — Скажи ему, чтобы самым доскональным

образом убедился, что этот человек является тем, за кого себя выдает. Скажи ему, что постановление суда почти наверняка фальшивка. Скажи ему, чтобы задержал мужчину, пока не свяжется с офисом шерифа и не получит у шерифа телефон судьи, который якобы выдал это постановление.

— Я попытаюсь, — ответил Стилс, — но предположим, что постановление вполне кошерное, босс? Может, лучше я просто вырублю его и запихну в шкаф, чтоб полежал, пока фейерверк не закончится?

Барнс взвесил это:

— Нет, тогда ты проведешь остаток жизни в каменоломнях. Выиграй для меня все время, какое сможешь, а потом дуйте с ним со всех ног в укрытие. Других проблем нет?

— Нет, за исключением машины и водителя для миссис Корли.

— А что насчет жены адмирала Боулза?

— Он отослал ее раньше — адмирал не любит, когда провожают корабли.

— Благослови, Господь, его суеверное сердце! Отправь машину миссис Корли в загон. Здесь я собираюсь закругляться.

— Роджер![70]

Барнс повернулся, чтобы встретить спускающихся на лифте Корли и Хастингса. Он ждал, разрываясь от нетерпения. Оказавшись внизу, Корли сказал:

— О Джим, я…

— Это не важно! Там все в порядке?

— Да, но…

— Нет времени! Попрощайся с женой. Доктор Хастингс — до свидания и спасибо за все! Самолет ждет вас.

— Джим, — запротестовал Корли, — что за спешка? Неужели…

— Нет времени! — Машина въехала в ворота ограждения и приблизилась к ним. — Это твоя жена. Попрощайся и сразу назад. Шевелись!

Барнс повернулся и подошел к крановщику:

— Барни!

— Да?

— Мы стартуем сейчас — *в последний раз*. Как только мы отцепимся от крана, отгони его. С полотна убрали предохранительный упор?

---

[70] Примечания: 70

Роджер! — «Вас понял!» Военный радиожаргон 1941 г. Для передачи кодовой буквы R (received) в условиях плохой слышимости применялось имя Роджер. С тех пор выражение стало общеупотребительным, применяется во всех родах войск США.

— Да.

— Совсем убрали или просто отодвинули в сторонку?

— Совсем убрали. Но не волнуйтесь, с рельсов я не съеду.

— Нет, съедешь. Отгоняй кран до самого конца, чтобы он сошел с рельсов.

— Что? Но, мистер Барнс, если колеса уйдут в песок, его за неделю обратно не вытянешь!

— Отлично. Это именно то, что мне нужно. Как закончишь, не задерживайся для доклада, сразу бегом в укрытие.

Крановщик выглядел озадаченным:

— Хорошо, если вы этого хотите.

Барнс вернулся к лифту. Корли и его жена стояли возле машины. Она плакала.

Барнс, заслонившись от света прожекторов, попытался увидеть дорогу, ведущую от перевала. Литейная мастерская мешала обзору. Внезапно там показался свет фар автомобиля, огни обогнули здание, свернули на площадку и покатили к воротам в ограждении. Барнс закричал:

— Док! Давайте! *Скорее!*

Корли обернулся, затем поспешно обнял жену. Барнс закричал:

— Живо! Живо!

Корли задержался, чтобы усадить свою жену в машину. Барнс взобрался на платформу лифта и втащил подбежавшего Корли на борт:

— Барни! ПОДЫМАЙ!

Тросы заскрипели, застонали, платформа поползла вверх. Едва автомобиль миссис Корли приблизился к воротам, появился другой автомобиль. Обе машины остановились, затем чужой автомобиль протиснулся внутрь. Он пулей домчался к подножию крана и с шумом затормозил, из него вылетел мужчина.

Он побежал к лифту, но платформа была уже в тридцати футах над его головой. Он махнул рукой и крикнул:

— Барнс! Спускайтесь сюда!

Барнс крикнул:

— Не слышу! Слишком шумно!

— Остановите лифт! У меня постановление суда!

Водитель выскочил из автомобиля и побежал к пульту управления краном. Барнс наблюдал за ним, не имея возможности вмешаться.

Крановщик Барни протянул руку и схватил гаечный ключ, водитель остановился.

— Хороший мальчик!

Барнс снова начал дышать.

Лифт достиг дверей шлюза, Барнс подтолкнул Корли:

— Полезай!

Он последовал за Корли, повернулся, приподнял трап от кромки двери и отпихнул его ногой в сторону.

— Барни! Откатывай!

Крановщик взглянул вверх и переключил свои рычаги. Кран задрожал, затем очень медленно пополз прочь от корабля, освобождая его. Он отъехал еще дальше, затем накренился и закачался. Его мотор взвизгнул и заглох. Барни соскочил на землю и вприпрыжку побежал к воротам.

IV

Они сверили часы с базой Мюрок, с Белыми Песками и с часами в укрытии. В рубке управления было тихо, только вздыхали приборы очистки воздуха, слышался низкой гул радиосхем и случайные звуки вспомогательных механизмов. Часы на всех постах показывали 3:29 — двадцать четыре минуты до времени «Ч».

Четверо были на своих местах: два верхних лежака заняли шкипер и второй пилот, нижние — энергетик и электронщик. Над коленями

у каждого изгибалась дугой консоль управления, подлокотники поддерживали руки так, что пальцы могли свободно перемещаться по переключателям, а людям не нужно было совершать лишние движения, преодолевая чудовищный вес, который они обретут в скором времени. Спинки сидений поддерживали головы в таком положении, чтобы люди могли видеть все приборы.

Трауб поднял голову и выглянул в один из двух больших кварцевых иллюминаторов:

— Небо затянуло тучами. Луны не видно.

— Там, куда мы собираемся, не будет никаких облаков, — заметил Барнс.

— Не будет облаков?

— А чего ты ожидал от космоса?

— Э-э-э, ну я не знаю. Думаю, большую часть своих представлений о космических путешествиях я почерпнул от Бака Роджерса[71]. Мой конек — электроника.

— Двадцать три минуты, — объявил Боулз. — Шкипер, как называется это корыто?

— Что?

---

[71] Примечания: 71

Бак Роджерс — герой фантастических комиксов, фильмов и телесериалов. Хайнлайн терпеть не мог эту серию за откровенную антинаучность и часто именовал главного героя не иначе как Бак-Мать-Его-Роджерс.

— Во время запуска корабля вам придется его как-то называть.

— Э-э-э, видимо, да. Док, что скажешь? Он же твое детище.

— Я? Я никогда над этим не задумывался.

— Как насчет того, — продолжал Боулз, — чтобы назвать его «Луна»?

Корли обдумал это:

— Меня устраивает, если, конечно, никто не будет против.

— Космический корабль «Луна», — согласился Барнс. — Звучит хорошо.

Трауб нервно усмехнулся:

— Теперь мы все станем «лунатиками».

— А почему бы и нет? — отозвался Барнс.

— Двадцать минут, — объявил Боулз.

— Начинайте прогрев, Док. Полная проверка по всем пунктам.

— Он уже горячий, — ответил Корли. — Если я увеличу интенсивность деления, мне придется дать ему что-то пожевать. Джим, я тут подумал… Мы все еще можем провести испытания.

— Что?

— Установим его на подъем с половиной *g* и отключим, как только он выйдет на режим.

— Какой смысл? Он либо заработает, либо взо-

рвется.

— Ты прав, — согласился Корли.

Трауб сглотнул:

— А он не взорвется?

— Не волнуйся, — успокоил его Корли. — Прототип проработал час и двадцать три минуты, прежде чем взорвался.

— Ох! Это хорошо?

— Мэнни, — приказал Барнс, — включи наземный канал. Можем немного посмотреть.

— Да, сэр.

Над ними находился большой экран. Трауб мог подключать его к сканеру в хвосте или на носу или — как сейчас — вывести на него обычный телевизионный сигнал. Экран засветился: они увидели свой собственный корабль, одиноко возвышающийся в свете прожекторов.

Вслед за картинкой пришел голос диктора: «...этот корабль, самый мощный из всех, когда-либо построенных, в скором времени погрузится в глубины космоса. Его полет до сего дня не был объявлен, а его цель не оглашена. И если это...»

Трансляция была прервана Гербом Стилсом:

— Мистер Барнс! Босс!

Барнс свесился с лежака и посмотрел вниз на Трауба:

— Ты подключился?

— Секунду… сделано.

— Что случилось, Герб?

— Кто-то прорвал оцепление на дороге, направляется сюда.

— Кто?

— Не знаю. Мы не можем связаться с северным блокпостом.

— Вызывай проходную на воротах. Пусть их задержат.

— Там уже никого нет. Эй — погоди. Северный блокпост вызывает.

Последовала пауза, а потом Стилс закричал:

— Грузовик с мужчинами — они пробили ограждение и сбили помощника шерифа!

— Не теряй голову, — предупредил Барнс. — Нас им не достать. Если будут торчать внизу, это их проблемы. Я стартую вовремя.

Боулз сел:

— Не будь в этом слишком уверен, Джим.

— А? Что они могут сделать нам — сейчас?

— Что сделают с кораблем шесть динамитных шашек, заложенных под хвостовой опорой? Давай сматываться отсюда — немедленно!

— До расчетного времени? Рыжий, не говори ерунды.

— Стартуй сейчас, потом все скорректируем!

— Док — мы сможем это сделать?

— Что? Нет!

Барнс посмотрел на телевизионное изображение:

— Мэнни — передай в укрытие, чтобы включили сирены!

— Джим, — запротестовал Корли, — ты не можешь взлетать сейчас!

— У тебя по-прежнему все настроено для тестирования? На половине *g*?

— Да, но…

— Приготовиться!

Его глаза были устремлены на наружную картинку. Свет фар обогнул литейную, устремился к ограждению. Рев сирены заглушил ответ Корли.

Грузовик был уже в воротах. Указательный палец Барнса воткнулся в кнопку зажигания.

Вой огромных насосов был заглушен ревом, который отдавался в костях. «Луна» задрожала.

На экране телевизора из хвоста корабля вырвался цветок белого света, отразился вверх, заглушая свет фар, скрывая строения и нижнюю половину корабля.

Барнс отдернул палец назад. Шум смолк, ослепительно-белые клубы дыма потемнели. В

тишине прорезался голос Стилса в динамике:

— Утро… Великого… Дня![72]

— Герб — ты меня слышишь?

— Да. Что случилось?

— Предупреди их по громкой связи. Скажи, чтоб проваливали. Если они подойдут еще ближе, я их под жарю.

— Похоже на правду.

— Давай займись этим. — Барнс смотрел на экран, держа палец наготове.

Клубы дыма поднялись вверх, он снова мог различать грузовик.

— Девять минут, — спокойно объявил Боулз.

Через динамик Барнс слышал усиленный мегафоном голос, который предупреждал нападающих. Человек спрыгнул с грузовика, за ним последовали другие. Палец Барнса дрожал.

Они повернулись и побежали.

Барнс выпустил воздух:

— Доктор, проделанный тест вас устраивает?

— Размытая отсечка, — пожаловался Корли. — Она должна быть более четкая.

---

[72] Примечания: 72

Утро великого дня (Great Day In The Morning) — расхожий оборот речи в южном диалекте США, выражает шок, растерянность, разочарование или крайний восторг. Кроме того, так назывался фильм 1956 г., в котором выигрываются целые состояния.

— Так мы стартуем или нет?

Корли колебался.

— Ну? — потребовал Барнс.

— Мы стартуем.

Трауб испустил горестный вздох.

— Силовая установка, — скомандовал Барнс, — переключиться на автоматику! Экипаж, приготовиться к ускорению. Мэнни, передай в укрытие, Мюрок и Белые Пески: приготовиться начать отсчет в ноль три пять два[73].

— Ноль три пять два, — повторил Трауб, а затем продолжил: — Корабль вызывает укрытие, Мюрок, Белые Пески.

— Силовая установка, отчет.

— Автоматическая, все показатели зеленые.

— Второй пилот?

— Маршрут в автопилоте, — доложил Боулз и добавил: — Восемь минут.

— Док, он достаточно разогрет?

— Я поддерживаю скорость деления на том уровне, который считаю безопасным, — ответил Корли напряженным голосом. — Она на пределе.

— Держите ее там. Экипаж, пристегнуться.

— Джим — я забыл раздать таблетки от тошно-

---

[73] Примечания: 73

Ноль три пять два (oh three five two) — армейский радиожаргон, три пятьдесят две утра (03:52).

ты! — всполошился Корли.

— Оставайся на месте! Что будет, то будет.

— Одна минута, приготовиться! — Голос Боулза был резок.

— Давай, Мэнни!

— Укрытие — Мюрок — Белые Пески. Готовы к началу отсчета!

Трауб сделал паузу, в рубке все замерло.

— Шестьдесят! Пятьдесят девять… пятьдесят восемь… пятьдесят семь…

Барнс вцепился в подлокотники, попытался унять бешено стучащее сердце. Он провожал каждую из секунд, которые отсчитывал Трауб.

— Тридцать девять! Тридцать восемь! Тридцать семь! — Голос Трауба был по-прежнему резок и пронзителен. — Тридцать один! *Половина!*

Барнс слышал сирены, их вой взлетал и опускался снаружи, на летном поле. Перед ним, на экране телевизора, «Луна» прямо и гордо вздымалась в темноту, скрывавшую ее вершину.

— Одиннадцать!

— И десять!

— И девять!

— И восемь!

Барнс облизнул губы и проглотил комок в горле.

— Пять… четыре… три… два…

– *Пуск!*

Слово затерялось в звуке, по сравнению с которым рев тестового запуска был комариным писком. «Луна» повела плечами, встряхнулась — и поднялась в небо.

V

Чтобы понять тех людей, мы должны отойти от привычных стереотипов и кое-что для себя усвоить. Пересечение Атлантики было весьма рискованным предприятием – когда Колумб пустился в свое плавание. Так же было и с первыми космонавтами. Корабли, на которых они отправлялись в путь, были невообразимыми самоделками.

Они не знали, на что идут. Если бы знали, они никуда бы не полетели.

Фаркухарсон. История транспорта, III: 415

Барнс чувствовал, что его вжимает в подушки амортизатора. Он давился тошнотой и изо всех сил старался не проглотить свой собственный

язык. Тело, теперь весившее больше полтонны, было парализовано, ему приходи лось напрягаться, чтобы дышать. Но хуже, чем вес, был шум, сводящий с ума «белый» шум от нестерпимого ультразвука до басов, слишком низких, чтобы быть услышанными.

Звук доплеровски сместился по шкале частот вниз, прогрохотал и ушел прочь. С пятикратным ускорением они за шесть секунд обогнали свой собственный звук и остались в гулкой тишине, которую нарушал только шепот воды, бегущей через насосы.

Мгновение Барнс смаковал тишину, затем его взгляд наткнулся на экран телевизора: на нем быстро съеживалась огненная точка. Он понял, что видит самого себя, исчезающего в небе, и пожалел, что не смотрел старт.

— Мэнни, — ему пришлось потрудиться, чтобы это выговорить, — включи кормовой обзор.

— Не могу, — сипло простонал Трауб. — Я не могу пошевелиться.

— Сделай это!

Трауб постарался: экран помутнел, затем на нем сформировалось изображение.

Боулз хмыкнул:

— Ох ты ж боже ж мой![74]

Барнс посмотрел: они были высоко над Лос-Анджелесом; карта большого города была вычерчена отчетливо различимыми цепочками уличных фонарей и неоновых огней. Она уменьшалась на глазах.

В восточном иллюминаторе полыхнуло розовым, и тут же разлился ослепительный солнечный свет.

— Что случилось? — вскрикнул Трауб.

Барнс сам был поражен, но он постарался контролировать свой голос и спокойно ответил:

— Восход. Мы высоко поднялись… Док, как силовая установка? — продолжил он.

— Показания в норме, — ответил Корли сдавленным голосом. — Долго еще?

Барнс посмотрел на пульт:

— Больше трех минут.

Корли не ответил, три минуты казались вечностью. Некоторое время спустя Трауб сказал:

— Посмотрите на небо!

Корли приподнял голову и посмотрел. Несмот-

---

[74] Примечания: 74

Ох ты ж боже ж мой! — выражение-заместитель, в оригинале «Great Caesar's ghost!» («Дух Великого Цезаря!»). Чтобы не поминать Бога всуе, в пуританские времена употребляли это и подобные выражения. Оно активно использовалось в комиксах и телесериале о Супермене и к 1957 г. начало приобретать комический оттенок.

ря на резкий солнечный свет, небо было черным и усыпано звездами.

Три минуты пятьдесят секунд спустя двигатель выключился. Как и в первый раз, отсечка прошла медленно, плавно, и страшная сила тяжести отпустила не сразу. Но она отпустила их полностью. Ракета и ее экипаж очутились на свободной орбите, «падающими» вверх по направлению к Луне. По отношению друг к другу и к кораблю они не имели веса.

Барнс испытывал тошноту и пугающее ощущение падающего лифта, характерные для отсутствия веса, но, ожидая их, он быстро взял себя в руки.

— Силовая установка, — скомандовал он, — отчет!

— Силовая установка в порядке, — ответил Корли слабым голосом. — Доложить по отсечке?

— Позже, — решил Барнс. — Второй пилот, по моим данным у нас превышение.

— На моем дисплее курс в норме, — прохрипел Боулз, — разве что самую чуточку превышен.

— Мэнни!

Нет ответа. Барнс повторил:

— Мэнни. Отвечай, парень, с тобой все в порядке?

— Мне кажется, я умираю. — Голос Трауба был слаб. — Эта штука падает! О боже, останови это!

— Возьми себя в руки!

— Мы разобьемся?

— Нет, нет! У нас все в порядке.

— Это он мне будет говорить «все в порядке», — пробормотал Трауб, затем добавил: — Мне уже наплевать, даже если и так.

Барнс крикнул:

— Док, давайте ваши таблетки. Мэнни срочно нужна одна, — он замолчал, чтобы справиться с позывом, — и мне самому они не помешают.

— Мне тоже, — подхватил Боулз. — У меня не было морской болезни с тех пор, как я был… — Он оборвал себя, а затем продолжил: — С тех пор, как я был мичманом.

Корли ослабил ремни и вылез из своего ложа. Невесомый, он свободно поплыл и медленно перевернулся, как ныряльщик в замедленной съемке. Трауб отвернулся и застонал.

— Прекрати, Мэнни, — приказал Барнс. — Попробуй поймать Белые Пески. Мне нужны показания «время-высота».

— Я не могу — я болен.

— Выполняй!

Корли, плавающий рядом со стойкой, схватил-

ся за нее и направил себя к шкафу. Он отыскал пузырек с таблетками и торопливо проглотил одну. Затем, подтягиваясь, он переместился к дивану Трауба:

— Вот, Трауб. Прими это. Ты будешь чувствовать себя лучше.

— Что это?

— Одна штучка под названием драммамин. Это от морской болезни.

Трауб положил таблетку в рот:

— Я не могу ее проглотить.

— Лучше бы тебе постараться.

Трауб дернул кадыком, стиснув челюсти, чтобы удержать таблетку во рту. Корли поднялся к Барнсу:

— Нужна одна, Джим?

Барнс начал отвечать, но тут же отвернулся, и его стошнило в носовой платок. Слезы брызнули из его глаз, он принял таблетку.

— Док — быстрее! — крикнул Боулз. Его голос пересекся, чуть позже он добавил: — Слишком поздно.

— Извини. — Корли перебрался к Боулзу. — Боже мой, ну ты и уделался!

— Дай мне таблетку и без комментариев.

Заговорил Трауб, уже более твердым голосом:

— Космический корабль «Луна» вызывает Белые Пески. Отвечайте, Белые Пески.

Наконец пришел ответ:

— Белые Пески — космическому кораблю. Слушаем вас.

— Дайте нам серию радиолокационных отметок, время, расстояние и азимут.

Вмешался новый голос:

— Белые Пески — космическому кораблю. Мы ведем вас, но цифры выглядят несуразно. Каков ваш пункт назначения?

Трауб взглянул на Барнса, затем ответил:

— «Луна» — Белым Пескам. Пункт назначения — Луна.

— Повторите! Повторите!

— Наш пункт назначения — Луна!

Повисла тишина. Потом тот же голос произнес:

— «Пункт назначения Луна», принято. Удачи, космический корабль «Луна»!

— Эй! Вы только посмотрите! — внезапно сказал Боулз.

Он отстегнулся и подплыл к обращенному к Солнцу иллюминатору.

— Потом, — ответил Барнс. — Сейчас мне нужен этот отчет по сопровождению.

— Ну, тогда полюбуйся, пока они не перезвонят.

Такое бывает один раз в жизни.

Корли присоединился к Боулзу. Барнс колебался: ему очень хотелось посмотреть, но ему было неловко оставлять Трауба работать в одиночку.

— Погодите, — сказал он. — Я поверну корабль, и мы все сможем посмотреть.

По центральной оси корабля был установлен маховик. Барнс проверил показания ориентации корабля, затем включил его сцепление с маховиком. Корабль медленно повернулся, продолжая двигаться прежним курсом.

— Так хорошо?

— Не в ту сторону!

— Извините.

Барнс попытался еще раз: звезды двинулись в обратную сторону, в поле зрения выплыла Земля. Его взгляд упал на нее, и он чуть не позабыл остановить вращение.

Силовая установка была отключена на высоте чуть больше восьмисот миль. «Луна» ушла в свободный полет на скорости семь миль в секунду, последние несколько минут она двигалась по инерции и теперь была в трех тысячах миль над Южной Калифорнией. Под ними — а с их точки зрения, напротив них — была тьма. Городская набережная протянулась вокруг порта, как рож-

дественская гирлянда. К востоку от нее рассвет пересек Большой каньон и сиял на зеркале озера Мид. Дальше на восток прерии были залиты дневным светом, серо-зеленое пространство пересекали ослепительные облака. А дальше равнина исчезала в изогнутой линии горизонта.

Они подымались так быстро, что картина двигалась, уменьшалась, и земная окружность превращалась в шар. Барнс наблюдал панораму через всю каюту.

— Тебе хорошо видно, Мэнни? — спросил он.

— Да! — ответил Трауб. — Да, — повторил он тише. — Скажите, это все на самом деле, правда?

— Эй, Рыжий, Док, — сказал Барнс, — уберите головы. Они не прозрачные.

Трауб посмотрел на Барнса:

— Давайте к ним, шкипер.

— Нет, я останусь с тобой.

— Не будьте дураком. Я посмотрю позже.

— Ну… — Барнс вдруг улыбнулся. — Спасибо, Мэнни. — Он оттолкнулся и подлетел к иллюминатору.

Мэнни продолжал смотреть, пока радио не потребовало его внимания.

— Белые Пески, вызываем космический корабль. Передаем данные радиолокатора.

Первый доклад и последовавшие серии замеров, которые продолжались до тех пор, пока Белые Пески и Мюрок могли их отслеживать, подтвердили подозрения Барнса. Они показали большую, чем расчетная, «высоту» и скорость, превышающую ту, что была предусмотрена тщательными расчетами Хастингса. Разница была небольшой: на дисплее автопилота отклонение между расчетной траекторией и фактическим курсом было не толще волоска.

Но оно будет расти.

«Скорость убегания» для ракет очень критична. Хастингс рассчитал для них классическую сточасовую орбиту, и «Луна» была нацелена в точку, где Луна появится четыре дня спустя. Но все решала начальная скорость. Отклонение менее одного процента в скорости корабля в момент выключения двигателя может ополовинить — или удвоить — время полета от Земли до Луны. «Луна» двигалась с очень небольшим опережением графика, но теперь, когда она достигнет орбиты Луны, ее там не будет.

Доктор Корли говорил, машинально дергая себя за редкие волосы:

— Конечно, отсечка получилась затянутой, но я предвидел это и учел в данных по массе. Этого

недостаточно, чтобы объяснить полученное превышение. Вот — взгляните.

Корли склонился над рабочим столиком, небольшой полкой, встроенной в пространство между противоперегрузочными лежаками. Он был привязан к табуретке, которая крепилась к палубе перед столиком. Барнс плавал над его плечом, он взял листок с расчетом и начал его изучать.

— Я не понимаю, — через некоторое время сказал Барнс, — тут израсходована масса значительно большая, чем рассчитал Хастингс.

— Ты смотришь на неверный расчет. — Корли ткнул пальцем. — Ты забыл массу воды, которую использовал на свой… на испытание. Вычти ее из общей массы, потраченной на взлет, чтобы получить правильный результат — вот он, здесь. Затем подставляем сюда… — Корли запнулся, выражение его лица изменилось, вместо досады на нем появилось отчаяние. — О господи!

— Что? Что такое, Док? Нашел ошибку?

— Как я мог быть настолько глуп! — Корли принялся бешено выписывать формулы.

— Что ты нашел? — Корли не ответил. Барнс схватил его за руку. — Эй, как дела?

— Что? Не мешай мне.

— Я сейчас помешаю тебе бейсбольной битой по башке! Что ты обнаружил?!

— Что? Слушай, Джим, как рассчитывается конечная скорость ракеты в идеальных условиях?

— Что это? Телевикторина? Скорость ракеты равна времени на логарифм отношения масс. Гоните призы.

— Но ты изменил отношение масс! Неудивительно, что мы летим быстрее.

— Я?!

— Мы оба это сделали — моей вины тут столько же, сколько твоей. Слушай, ты вылил массу воды, отпугивая грузовик с бандитами, — но свои цифры Хастингс рассчитывал, исходя из того, что вся эта конкретная масса будет с нами *весь путь до Луны*. Корабль при взлете должен был весить около двухсот пятидесяти тонн; он стал легче на вес той воды, что ты использовал, — так что теперь мы движемся слишком быстро.

— Что? Я потратил впустую часть реактивной массы и поэтому мы движемся слишком быстро? Это бессмыслица какая-то! — Барнс зацепился ногой за ножку табурета, чтобы удержаться на месте, и сделал грубый прогон проблемы с логарифмической линейкой и таблицей логарифмов. — Ну, ешьте меня с маслом! — сказал

он смиренно. — Док, я не должен был лезть в капитаны. Я слишком мало знаю.

Обеспокоенное выражение на лице Корли смягчилось.

— Не переживай так сильно, Джим. От этого никто не застрахован. Бог свидетель, я потратил достаточно много времени на теорию, но потом я вылез со своей идеей и вынудил тебя совершить ошибку.

— Док, насколько это серьезно? Ошибка меньше одного процента. Я думаю, что мы просто прилетим на Луну на часок раньше.

— Ты грубо ошибаешься. Начальная скорость имеет решающее значение, Джим, ты же знаешь!

— Насколько она критична? Когда мы достигнем Луны?

Корли хмуро посмотрел на жалкие инструменты, которые у него были, — двадцатидюймовая логарифмическая линейка, семизначные таблицы, «Морской альманах»[75]и офисный калькулятор, который в противоположность БЭСМ был все равно что фейерверк по сравнению с атомной бомбой.

---

[75] Примечания: 75

«Морской альманах» — ежегодник, содержащий астрономические таблицы и другую информацию для навигаторов.

— Я не знаю. Мне придется отправить это Хастингсу. — Он швырнул свой карандаш на стол, тот отскочил и уплыл. — Вопрос стоит так: сможем ли мы вообще до нее добраться?

— О, не может быть, чтобы все было так плохо!

— Именно так, все настолько плохо.

Боулз крикнул через весь отсек:

— Обед готов! Идите сюда — или я скормлю его свиньям!

Но еде пришлось подождать, пока Корли составил сообщение для Хастингса. Оно было чрезвычайно простым: «СОШЛИ С ТРАЕКТОРИИ. ВОЗЬМИ ДАННЫЕ БЕЛЫХ ПЕСКОВ, МЮРОКА И ВЫЧИСЛИ ВЕКТОР КОРРЕКЦИИ. ПОЖАЛУЙСТА, КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ. — КОРЛИ».

После отправки сообщения Трауб заявил, что он не голоден и не уверен, что вообще сможет есть.

Боулз покинул «камбуз» (состоявший из одной единственной электроплитки) и подплыл к лежаку Трауба. Трауб был пристегнут, чтобы сохранять устойчивость, пока он крутит ручки на радио.

— Ты это брось, парень, — посоветовал Боулз. — Ты же знаешь, что нужно поесть.

Лицо Трауба стало серым.

— Спасибо, адмирал, но я не могу.

— Стало быть, тебе не нравится моя стряпня? Кстати, мои друзья называют меня Рыжий.

— Спасибо, э-э-э… Рыжий. Нет, я просто не голоден.

Боулз приблизил свою голову и проговорил вполголоса:

— Держись, Мэнни. Я побывал и в худших переделках, но вышел оттуда живым. Перестань трястись.

— Я не трясусь.

Боулз усмехнулся:

— Тут нечего стыдиться, сынок. В первый раз под огнем мы все немного расстраиваемся. Пошли поедим.

— Я не могу есть. И я уже был под огнем.

— В самом деле?

— Да, правда! У меня два «Пурпурных сердца», которые это подтвердят. Адмирал, пожалуйста, оставьте меня в покое. У меня страшно нежный желудок, который чувствует себя ужасно.

Боулз сказал:

— Прошу прощения, Мэнни. Может, тебе еще таблетку от морской болезни? — добавил он.

— Возможно.

— Я принесу одну. — Боулз так и сделал, а затем быстро вернулся с прозрачным пакетом, напол-

ненным молоком, — или, если быть точным, с гибкой пластиковой бутылочкой для детского питания в комплекте с соской. — Сладкое молоко, Мэнни. Может быть, оно успокоит твой желудок.

Трауб посмотрел на него с любопытством.

— В комплекте с этим должны идти подгузники и погремушка, — заявил он. — Спасибо, э-э-э… Рыжий.

— Не за что, Мэнни. Если оно задержится, я приготовлю тебе бутерброд.

Он сделал оборот в воздухе и вернулся к остальным.

VI

«Луна» стремительно летела, Земля становилась все дальше, радиосигналы слабели — но от Хастингса все еще не было ни слова. Корли проводил время, долго и нудно пытаясь предугадать ответ, который он ожидал от Хастингса, используя те инструменты, что были у него в наличии. Трауб дежурил на радио. Барнс и Боулз много времени проводили, глядя в иллюминаторы: назад — на уменьшающуюся Землю, расчерченную облаками, вперед — на растущую Луну и сверкающие неподвижные звезды. Они болтали

— до тех пор, пока Боулз не заснул на полуслове. Тихо посапывая, он поплыл по воздуху, как отвязавшийся аэростат.

Барнс осторожно подтолкнул его к кушетке и небрежно привязал, чтобы он не загромождал и без того тесную кабину. Он с тоской посмотрел на свою собственную кровать, но затем повернулся к Траубу.

— Ты тоже проваливай, Мэнни, — приказал он. — Я тебя подменю, а ты слегка вздремнешь.

— Я? О, все в порядке, шкипер. Вы сами немного поспите, я с этим пока повременю.

— Тебя точно не нужно подменить? — спросил Барнс с сомнением.

— Ни капельки. Я чувствую... — Он оборвал себя на полуслове. — Минуточку, — сказал он и повернулся к своему пульту. Он был в наушниках, предпочитая их динамикам. Он пристроил наушники на место и решительно произнес: — Говорите, Земля.

Некоторое время спустя Трауб повернулся к Барнсу:

— «Чикаго трибьюн». Они хотят от вас эксклюзивный рассказ.

— Нет, я иду спать.

Трауб передал ответ Барнса, потом снова по-

вернулся:

— А как насчет адмирала или доктора Корли?

— Второй пилот спит, а доктора Корли лучше не беспокоить.

— Мистер Барнс… — Трауб замялся. — Вы не будете возражать, если с ними поговорю я?

— Конечно нет. — Барнс усмехнулся. — Только не заливай слишком много.

Закрывая глаза, Барнс слышал, как Трауб торгуется со своим невидимым собеседником. Он спросил себя, сможет ли Трауб когда-нибудь потратить свой гонорар? Что вообще делает человек, подобный Траубу, здесь, на корабле, который несется, как угорелый, в никуда?

И если уж на то пошло, почему он, Джим Барнс, оказался здесь?

После интервью Трауб продолжил дежурство на радио. Сигналы все слабели и в конце концов потонули в помехах. В помещении было тихо, только мягко журчал регенератор атмосферы.

После долгого перерыва радио внезапно пробу-

дилось к жизни — Эн-эй-эй, Вашингтон[76]. Вскоре Трауб выяснил, что станция сумела навести свой рефлектор прямо на них.

— Вы сможете принять кодированное сообщение? — последовал вопрос.

Он заверил их, что справится.

— Депеша для контр-адмирала Боулза, — простучала ему в ответ Эн-эй-эй. — Ноль ноль ноль один. Далее кодовые группы: любовь, дядя, король, легкий, роджер — мальчик, способный, собака, вещь, питер… — Кодовые группы шли одна за другой.

— Доктор Корли!

Корли недоуменно завертел головой, как будто проснулся в незнакомом месте:

— А? Да, Мэнни? Я занят.

— Доктор Хастингс вызывает.

— О, отлично, — поблагодарил Корли. — А теперь исчезни отсюда и дай мне поговорить с ним.

Они поменялись местами, с трудом преодоле-

---

[76] Примечания: 76

Эн-эй-эй (NAA) — существует несколько NAA; какая из них имеется в виду, непонятно. Первая — радиостанция ВМФ США. Но она работает в диапазоне сверхдлинных волн и обеспечивает связь с подводными лодками, да и расположена в Катлере, штат Мэйн, а не в Вашингтоне. Вторая NAA находится в Вашингтоне и называется National Aeronautic Asso ciation, но это, скорее, бюрократическая структура при старинном аэроклубе.

вая надоевшую невесомость. Трауб почувствовал прикосновение к своей руке.

— Кто это, Мэнни?

Он оглянулся. Барнс и Боулз проснулись и освободились от привязей.

— Привет, шкипер. Это доктор Хастингс.

— Отлично!

— Да, адмирал, тут кое-что для вас. — Трауб вытащил из кармана депешу с кодами.

Боулз уставился на нее.

— Что это, послание от букмекера? — спросил Барнс.

Боулз не ответил. Он оттолкнулся и уплыл к передней переборке, так далеко от остальных, как только было возможно. Затем он вынул из внутреннего кармана тоненькую книжечку и начал с ее помощью изучать сообщение. Барнс был удивлен, но ничего не сказал.

Отчет Хастингса был короток и неутешителен. Они выходили на орбиту Луны там, где и планировали, но на пятьдесят с лишним часов раньше — и промахивались мимо Луны более чем на девяносто тысяч миль!

Барнс присвистнул:

— Барнс Крутой Пилот, так меня прозвали.

— Это не шутки, — заметил Корли.

— Я не смеялся, Док, — ответил Барнс, — но и плакать нечего. Ситуация и без того трагическая.

— Эй! — перебил его Трауб. — Что вы имеете в виду?

— Он имеет в виду, — сказал Боулз прямо, — что мы улетаем и не сможем вернуться.

— Улетаем? В смысле в открытый космос? К звездам?

— Именно так.

— Не совсем так, — прервал Корли. — Я прикидываю, что дальше орбиты Марса мы не улетим.

Трауб вздохнул:

— Так что теперь на Марс? Это ведь не так плохо, верно? Говорят, на Марсе люди живут. Все эти каналы и прочее. Мы там сможем заправиться водой и вернуться.

— Не обманывай себя, Мэнни, — сказал Боулз. — Лучше порадуйся, что ты холостяк.

— Холостяк? Кто сказал, что я холостяк?

— Разве нет?

— Я? Я очень домашний парень. Четверо детей… и женат четырнадцать лет.

Корли был поражен:

— Мэнни, я не знал.

— И что бы это изменило? У меня и страховка есть, с дополнением о ракетных испытаниях. Я

понимал, что не на пикник отправляюсь.

— Мэнни, — сказал Барнс, — если бы я знал, то не попросил бы тебя лететь. Мне очень жаль. — Он повернулся к Корли. — Когда у нас кончатся вода и воздух?

Корли повысил голос:

— Послушайте! Все! Я не говорил, что мы не вернемся домой, я сказал…

— Но ты…

— Заткнись, Рыжий! Я сказал, что *эта* орбита нам не годится. Мы должны изменить курс на запад, в сторону Луны. И мы должны сделать это в… — Он посмотрел на часы. — Черт возьми! Через семь минут.

Барнс яростно потряс головой:

— Всем, приготовиться к ускорению! Начинаем маневрирование!

VII

Самый коварный маневр в космических полетах – посадка на реактивной тяге на безатмосферных планетах. Даже сегодня он требует самых высокооплачиваемых, самых опытных пилотов…

Фаркухарсон. История транспорта, III: 418

Сорок часов они падали в сторону Луны. Маневр сработал: даже невооруженным глазом можно было видеть, что они приближаются к Луне. Дежурство у радиоприемника в четыре смены, еда, сон, разговоры и сверкающее небо перед глазами. Боулз и Трауб обнаружили общую страсть к шахматам и сыграли «Первый ежегодный межпланетный чемпионат» — как окрестил его адмирал — с помощью карандаша и бумаги.

Трауб выиграл четыре из семи партий.

Пролетев примерно двести тысяч миль, «Луна» миновала нулевую точку между Землей и Луной и легла на финальную орбиту. Стало очевидно, что вектор коррекции был несколько избыточен и они отклонились к западному краю Луны — западному, если смотреть с Земли: орбита «Луны» выводила корабль на обратную, до сих пор никем не видимую сторону его тезки. Кроме того,

оставалась возможность, что корабль на высокой скорости скользнет по обратной стороне, резко развернется и направится к Земле.

Возможны два метода посадки: вариант «А», при котором корабль одним маневром ориентируется вертикально, тормозя своими двигателями до момента посадки, и вариант «Б», при котором корабль сначала замедляется до круговой орбиты, затем останавливается, потом, когда он начинает падение из точки покоя, идет на посадку.

— Вариант «А», Джим, — он самый простой.

Барнс покачал головой:

— Нет, Док. Он простой только на бумаге. Слишком рискованно.

Если они скорректируют курс, направив прямо в точку посадки (вариант «А»), их скорость в момент торможения будет полторы мили в секунду, а ошибка в одну секунду приведет к тому, что они приземлятся на восемь тысяч футов выше — или ниже! — поверхности.

Барнс продолжал:

— Что насчет модифицированного варианта «А»?

Модифицированный вариант «А» предусматривал более раннее включение двигателя, затем,

когда радар покажет, что корабль завис, двигатель отключался, позволяя кораблю падать из точки покоя, потом снова включался по мере необходимости, два или три раза.

— К черту, Джим, модифицированный «А» дьявольски расточителен!

— Я хочу избежать аварии при спуске.

— А я хочу при этом еще и вернуться домой. Этот корабль рассчитан максимум на двенадцать с половиной миль в секунду. Наш резерв тонкий, как бумага.

— И все же я хочу поручить автопилоту подпихнуть нас на пару секунд раньше.

— Мы не можем себе этого позволить, и точка!

— Тогда сам себя сажай. Я тебе не Супермен!

— Вот что, Джим…

— Извини. — Барнс посмотрел на расчеты. — Но почему вариант «А»? Почему не «Б»?

— Но, Джим, вариант «Б» исключен, это очевидно. Он требует замедляться в точке максимального сближения, а в нашей теперешней ситуации «максимальное сближение» может означать «контакт».

— «Крушение», ты хотел сказать. Но не будь таким чертовым занудой. Ты можешь направить нас на круговую орбиту из любой точки траек-

тории.

— И при этом израсходовать реактивную массу.

— Крушение из-за погрешности в варианте «А» обойдется дороже, чем потеря реактивной массы, — возразил Барнс. — Приступаем к «Б», я не хочу рисковать с «А».

Корли ответил упрямым взглядом.

Барнс продолжал:

— У варианта «Б» есть бонус, Док, даже два бонуса.

— Не будь дураком! Если сработаем чисто, истратим столько же реактивной массы, как и в варианте «А», но если с погрешностями, истратим больше!

— А я не допущу погрешностей. Я буду точен. И вот твой бонус: по варианту «А» мы садимся на этой стороне, а вариант «Б» позволяет нам перед посадкой облететь вокруг Луны и сфотографировать ее обратную сторону. Что на это скажет твоя научная душа?

Корли готов был поддаться искушению:

— Я думал об этом, но у нас слишком мало резервов. Нужно полторы мили, чтобы опуститься на Луну, столько же, чтобы подняться, итого — три мили. Я должен сохранить достаточно массы

для обратного пути, чтобы замедлиться с семи миль в секунду до пяти, прежде чем мы нырнем в атмосферу. Для взлета нам понадобилось больше семи — все это дает в сумме двенадцать. Посмотри на цифры, что осталось?

Барнс посмотрел и пожал плечами:

— Похоже, чуточку больше ноля.

— Несколько секунд запаса в самом лучшем случае. Ты можешь потратить их на маневрирование при посадке по варианту «Б».

— Тогда второй бонус, Док, — медленно произнес Барнс. — Вариант «Б» дает тебе шанс передумать после выхода на круговую орбиту, а прямой заход на посадку сделает тебя беспомощным.

Корли выглядел потрясенным:

— Джим, ты собираешься вернуться на Землю, *так и не совершив посадку?*

Барнс понизил голос:

— Погоди, Док. Я бы сел на Луну, лишь бы того, что в баках, хватало на посадку — и плевать, если не смогу потом подняться. Я же холостяк. Но есть еще Мэнни Трауб. Никуда не денешься, мы вынудили его лететь… А теперь оказалось, что у него куча детей, которые ждут папашу домой. Это меняет дело.

Корли потянул себя за «ирокез».

— Он должен был нас предупредить.

— Если бы он предупредил, мы бы не взлетели.

— Черт возьми, все было бы в порядке, если бы я не предложил протестировать двигатель.

— Ерунда! Если бы я не отпугнул тех сосунков пробным пуском, ведь они могли бы повредить корабль.

— Ты не можешь быть в этом уверен.

— Человек не может быть уверен ни в чем. Так что насчет Трауба?

— Полагаю, ты прав. Хорошо, мы оставим выбор Траубу.

На другой стороне отсека Трауб оторвался от игры с Боулзом:

— Вы меня звали?

— Да, — подтвердил Барнс. — Вас обоих. У нас есть вещи, которые нужно решить.

Барнс обрисовал ситуацию.

— Итак, — сказал он, — мы с Доком сошлись на том, что после выхода на круговую орбиту у нас будет время, чтобы обдумать, куда двигаться дальше. И Мэнни должен решить, приземляться нам или просто облететь вокруг и отправиться домой.

Боулз был явно поражен, но он ничего не сказал.

Трауб растерялся:

— Почему я? Решать — не мое дело. Я тут по электронному ведомству.

— Потому что ты тут единственный, у кого есть дети, — заявил Барнс.

— Да, но… Послушайте, в самом деле может так получиться, что если мы приземлимся, то не сможем вернуться?

— Это возможно, — ответил Барнс, а Корли кивнул.

— Но ведь *точно* вы не знаете?

— Послушай, Мэнни, — сказал Барнс, — у нас хватит воды в баках, чтобы приземлиться, взлететь и вернуться на Землю, — но нет воды для ошибок.

— Да, но вы же не сделаете ни одной ошибки, правда?

— Я не могу этого обещать. Я уже совершил одну, и это привело нас к сложившейся ситуации.

На лице Трауба отразилась мучительная нерешительность.

— Но это не мое дело — решать!

Внезапно заговорил Боулз.

— Вы правы, это не ваше дело! — Он выдержал паузу и продолжил: — Господа, я не собирался об этом говорить, ведь мне и в голову не приходило,

что мы не будем садиться. Но сейчас ситуация обязывает. Как вы знаете, я получил шифровку.

Суть вот в чем: наша экспедиция вызвала серьезные международные последствия. В Совете безопасности идет непрерывное заседание, СССР потребовал, чтобы Луна была объявлена совместным владением Организации Объединенных Наций…

— Как и должно быть, — прервал его Корли.

— Вы не видите главного, доктор. Их единственная цель: не дать нам заявить права на Луну — нам, тем, кто на самом деле совершает эту экспедицию. Как вы понимаете, это делается для того, чтобы Соединенные Штаты не смогли основать на Луне базу без разрешения — разрешения, на которое, очевидно, будет наложено вето.

— Но, — отметил Корли, — это работает в обе стороны. Мы тоже наложим вето на создание Россией базы на Луне. Адмирал, я работал с вами, потому что это был способ осуществить цель моей жизни, но, откровенно говоря, использовать Луну в качестве стартовой площадки ракет — кем бы то ни было — это мне как кость поперек горла.

Боулз покраснел:

— Доктор, это не попытка гарантировать нейтралитет Луны; это та же демагогия, которую

они использовали, чтобы не допустить мировой контроль над атомным оружием. Комиссары просто хотят связать нас буквой закона, пока *сами* не добрались до Луны. Однажды утром мы проснемся и обнаружим, что у России есть базы на Луне, а у нас нет, — и Третья мировая война будет закончена, даже не начавшись.

— Но, адмирал, вы не можете этого знать.

Боулз повернулся к Барнсу:

— Скажи ему, Джим.

Барнс раздраженно скривился:

— Док, пора вам выбраться из башни из слоновой кости. Космические полеты стали реальностью — мы это сделали. Ракетная база на Луне обязательно появится. Разумеется, это должна быть база Объединенных Наций, которая будет сохранять мир во всем мире… Но сейчас Объединенные Нации беспомощны, у них ничего нет. Первая база будет принадлежать нам — или России. Кому из этих двоих вы доверяете больше? Кто, по-вашему, не будет злоупотреблять властью, мы или политбюро?

Корли прикрыл глаза, потом посмотрел на Боулза.

— Хорошо, — глухо сказал он. — Выбора нет, но мне это совсем не нравится.

Наступившее молчание нарушил Трауб:

— Э-э-э, я не вижу, как это связано с тем, приземляться нам или нет.

Боулз повернулся к нему:

— А вот как: помимо всего прочего, в этом сообщении говорится, что меня возвращают на действительную службу и приказывают объявить претензии на Луну от имени Соединенных Штатов — и как можно быстрее. Мы должны сделать то, что дипломаты назовут «свершившимся фактом». Но чтобы объявить права на Луну, *я должен на нее приземлиться!*

Трауб смотрел на него:

— Ох! Я понимаю.

Боулз продолжал более мягким тоном:

— Мэнни, это выводит за рамки и тебя, и меня, и даже твоих детей. Самый надежный способ дать своим детям шанс вырасти в мирном, свободном мире — это рискнуть своей шеей прямо сейчас. Поэтому мы *приземляемся*.

Трауб колебался, и Боулз продолжал:

— До тебя дошло или нет? Это нужно сделать ради твоих детей — и миллионов других детей.

Барнс прервал его:

— Рыжий — перестань его обрабатывать!

— А?

— Он сможет свободно выбирать — после того как мы выровняемся и рассмотрим ситуацию.

— Но, Джим, я думал, что мы обо всем уже договорились. Ты сам сказал Доку…

— Заткнись! Ты изложил свои факты, а теперь перестань делать из него мученика.

Боулз покраснел:

— Я должен сообщить вам, сэр, что, помимо того что меня вернули в действующую армию, мне выдали полномочия реквизировать этот корабль.

Они с Барнсом уперлись друг в друга взглядами.

— Вы можете взять ваши полномочия и засунуть их… куда захотите. Здесь я капитан и останусь им, пока жив. — Он огляделся. — Всему экипажу приготовиться к заходу на посадку. Док, начинайте предварительный расчет по варианту «Б». Мэнни, разогреть радар пилота. Боулз!..

Спустя паузу Боулз ответил:

— Да, сэр.

— Установите автоматическую камеру на правый иллюминатор. Мы снимем непрерывную панораму, когда будем проходить над обратной стороной.

— Есть, сэр.

Трауб, склонившись с лежака, заглянул в иллюминатор правого борта:

— Там то же, что на другой стороне.

Барнс ответил:

— А чего бы ты хотел? Небоскребов? Второй пилот, что с показаниями?

— Скорость относительно поверхности — один, точка, три, семь. Высота пятьдесят одна, точка, две, медленно сближаемся.

— Принято. Я предполагал сближение на уровне не менее двадцати одного — без контакта. Что у тебя?

— Близко к двадцати, нет контакта.

— Принято. Начать ориентацию. Я запущу двигатель, когда высота изменится с устойчивой на открытую[77].

— Есть, сэр!

«Луна» огибала неизвестную обратную сторону Луны, но ее экипаж был слишком занят, чтобы увидеть большую часть скалистого, изломанного ландшафта. Корабль двигался к точке максимального сближения, держась почти горизонтально. Он был развернут хвостом вперед, готовый сбро-

---

[77] Примечания: 77

Имеется в виду переход с максимальной точки снижения на ветвь параболы разомкнутой орбиты. В этот момент включается торможение и выход на круговую орбиту или на посадку.

сить скорость с полутора миль до одной мили в секунду, скорости круговой орбиты. По команде Барнса Боулз все свое внимание сосредоточил на том, чтобы развернуть его точно по горизонтали.

Телевизионный экран был переключен на «Кормовой обзор»; перекрестье в его центре легло на изломанную линию горизонта, к которой они приближались. Он сориентировал корабль, вращая маховик, затем стабилизировал его с помощью гироскопа, когда одна из линий перекрестья установилась на горизонте.

Барнс переключил управление на полуавтоматический режим, готовый одним нажатием кнопки зажигания дать тягу и выключить двигатель. В свой автопилот он загрузил изменение скорости, которого хотел добиться. Высота упала сначала до сорока миль, затем до тридцати, до двадцати пяти и продолжала понижаться.

— Силовая установка, — крикнул Барнс, — приготовиться дать тягу!

— Готов, Джим, — спокойно сообщил Корли.

— Электроника?

— Все в норме, шкипер.

Барнс одним глазом следил за скоростью движения, другим — за радарным альтиметром.

…Двадцать три, сообщил радар… двадцать два…

двадцать один с половиной…

Двадцать одна и пять десятых… двадцать одна и четыре — снова четыре десятых — и снова. Пять десятых! И ползет вверх.

Палец Барнса воткнулся в кнопку зажигания.

Двигатель проработал всего четырнадцать секунд, и он отключил его, но отсечка прошла в том же затухающем режиме, что и раньше. Барнс потряс головой, чтобы прояснить ее, и посмотрел на пульт. Высота двадцать один, точка, пять, скорость движения чуть выше единицы — они были на запланированной орбите. Он удовлетворенно вздохнул:

— Вот и все на сегодня, команда. Ничего не выключать, но вы можете выбраться из своих гамаков.

Боулз сказал:

— Может, я лучше останусь и послежу за приборами?

— Как хочешь — но законы гравитации никуда не денутся. Док, давайте посмотрим, сколько топлива у нас осталось. — Он взглянул на часы. — У нас есть час, чтобы принять решение. Это будет почти за полчаса до того, как Земля снова окажется в поле зрения.

— Мне не понравилось, как прошло отключе-

ние, — пожаловался Корли.

— Хватит ворчать. У меня раньше был автомобиль, который сигналил каждый раз, когда я делал левый поворот.

Боулз взял контейнер с кофе и присоединился к Траубу, повисшему у правого иллюминатора. Поверх автоматической камеры они наблюдали, как уплывает вдаль лунный ландшафт.

— Очень пересеченная местность, — отметил Боулз.

— Да, в Калифорнии даже помойки получше будут, — согласился Трауб.

Они продолжали наблюдать. Некоторое время спустя Боулз развернулся в воздухе и скользнул обратно в противоперегрузочное кресло:

— Трауб!

Мэнни вернулся в кабину.

— Мэнни, — сказал Барнс, — мы рассчитали посадку прямо в центр видимой стороны — вот в это темное пятно, Синус Меди[78]. — Он показал место на лунной карте. — Там очень ровная поверхность.

— То есть вы планируете посадку?

— Все зависит от тебя, Мэнни. Тебе придется

---

[78] Примечания: 78

Синус Меди (Центральный Залив) — это лунное море, расположенное в центральной части видимого диска Луны, диаметром около 300 км.

принять решение. Мы будем там примерно через… э-э-э… сорок минут.

Трауб выглядел обеспокоенным:

— Послушайте, шеф, вы не должны…

Его прервал голос Боулза:

— Капитан! Мы снижаемся, медленно.

— Ты уверен?!

— Вполне. Высота девятнадцать целых, три… поправка: две десятых… снижаемся.

— Готовность к ускорению!

Выкрикнув это, Барнс нырнул на свой лежак. Трауб и Корли повторили это за ним. Пристегнув ремни, Барнс крикнул:

— Второй пилот — рассчитать время контакта. Всему экипажу, приготовиться к маневру!

Он внимательно изучил показания у себя на пульте. Сомнений не было: они сошли с идеального круга.

Он пытался сделать прогноз по данным дисплея, когда Боулз сообщил:

— Готово, капитан, контакт через девять минут, плюс-минус минута.

Барнс сосредоточился на показаниях. Линия на радаре скакала в диапазоне пяти — десяти процентов из-за гор, над которыми они пролетали, точный прогноз терялся в широкой полосе шу-

мов. Насколько он мог видеть, Боулз был прав.

— Что теперь, капитан? — продолжал Боулз. — Развернуть корабль и запустить двигатель?

Небольшой толчок вперед мог бы ускорить корабль, благодаря чему он бы поднялся выше, падая *мимо Луны*, а не на нее.

Это неизбежно привело бы к потере реактивной массы.

Девять минут… около девятисот миль. Он попытался рассчитать, сколько минут осталось до восхода Земли над горизонтом, там, впереди.

Семь минут или около того — и Земля появится в поле зрения. Приземление на Синус Меди было теперь невозможно, но они все еще могли посадить корабль там, где видна Земля, не расходуя драгоценную воду на то, чтобы исправить орбиту.

— Мэнни, — сказал он, — мы садимся через семь минут — или не сядем никогда. Решайся!

Трауб не ответил.

Барнс ждал ровно одну минуту, потом произнес усталым голосом:

— Второй пилот — разверните корабль для старта. Всей команде приготовиться к отлету.

Неожиданно Трауб заговорил:

— Это ведь то, зачем мы сюда летели? Чтобы

сесть на Луну? Ну так давайте же сядем, елки-палки!

Барнс облегченно перевел дыхание:

— Отлично, парень! Второй пилот, отставить предыдущий приказ. Стабилизировать корабль для торможения. Кричи, когда увидишь Землю.

— Есть, сэр!

— Там Земля!

Барнс поднял глаза и увидел, как на экране телевизора земной шар вырастает из-за стены гор.

— Лучше садиться, Джим, — поторопил Боулз. — Ты не сможешь перевалить эти горы.

Барнс не стал спорить, сейчас они шли на высоте не более трех миль. Он скомандовал:

— Приготовиться! Рыжий, начинай разворот, как только я отключу двигатель.

— Принято!

— Зажигание! — Он вдавил кнопку.

Этот маневр выполнялся в ручном режиме, он должен был только остановить их поступательное движение. Корабль дрожал, а Барнс следил за горизонтальной скоростью по показаниям радара: девять десятых… семь… пять… четыре… три… две… одна… шесть сотых. Он отдернул палец как раз перед тем, как скорость упала до нуля, и молился, чтобы плавность отсечки соответствовала

его ожиданиям.

Барнс открыл рот, чтобы дать команду Боулзу, но корабль уже разворачивался.

Земля и лунный горизонт на экране телевизора покачнулись и пропали из виду.

В течение десяти бесконечно долгих секунд они падали отвесно вниз, а «Луна» тем временем разворачивалась кормой к месту будущей посадки. Сейчас они были на высоте менее трех миль. Барнс сменил на шкале мили на футы и начал отсчет.

Боулз потребовал от него доклада.

— Контакт через семьдесят две секунды, шкипер.

Барнс расслабился.

— Вот видите, в чем преимущество посадки варианта «Б», Док, — заметил он бодро. — Никакой спешки — спускаемся, как на лифте.

— Кончай болтать и сажай нас, — ответил Корли напряженным голосом.

— Верно, — согласился Барнс. — Второй пилот, ваш расчет высоты включения двигателя.

Его собственные руки решали ту же задачу.

Боулз ответил:

— Джим, вручную или на автомате?

— Пока не знаю. — Автоматическое тормо-

жение было более быстрым, возможно, более точным — но из-за плавной отсечки они могли отскочить от поверхности, как шарик для пинг-понга. Он стабилизировал перекрестье на дисплее своего автопилота и прочитал результат: — Включение на пяти и двух футах. Как понял, Рыжий?

— Принято, — сказал Боулз, потом добавил: — Это меньше чем трехсекундный импульс, Джим. Лучше сделать это автоматически.

— Займись своими делами.

— Виноват.

Прошло почти сорок секунд, они упали до одиннадцати тысяч футов, прежде чем он принял решение:

— Силовая установка, подготовиться к ручной посадке. Второй пилот, подстрахуй меня на пятистах футах.

— Джим, это будет слишком поздно, — запротестовал Боулз.

— Ты прикроешь меня всего на десятую долю секунды — после того как я включу зажигание.

Боулз замолк. Барнс бросил взгляд на экран телевизора: поверхность под ними выглядела ровной и не было никакого заметного дрейфа. Он снова поглядел на свой пульт:

— Поправка: подстрахуй в пять десять.

— Пять десять, принято.

Секунды отщелкивали и падали в прошлое; его палец застыл над кнопкой, когда Боулз закричал:

— Джим, посмотри на экран!

Он посмотрел: «Луна», все еще не погасившая горизонтальный дрейф, теперь висела над длинной трещиной, или риллом[79], — и собиралась сесть прямо в нее.

Барнс ткнул кнопку.

И тут же отпустил: «Луна» кашлянула и замолкла. Рилл, каньон или трещина, оставался в поле зрения, но уже не по центру.

— Второй пилот: новый расчет!

— Что случилось? — спросил Корли.

— Тихо!

— Расчет, — отчеканил Боулз, — запуск в… в три девять ноль.

Пока Боулз докладывал, Барнс отрегулировал верньеры для собственного расчета.

— Принято, — ответил он. — Подстрахуй меня на три семь ноль.

Он бросил взгляд на экран телевизора. Тре-

---

[79] Примечания: 79

Рилл (rill) — борозда на поверхности Луны.

щина сместилась к краю экрана; поверхность под коралем выглядела достаточно гладкой. Бесспорно, корабль продолжал дрейфовать. Все, что ему оставалось, — это на деяться, что гироскопы удержат их от опрокидывания.

— Приготовьтесь к столкновению!

480… 450… 400…

Он ударил по кнопке.

Страшная тяжесть вдавила его в лежак, он потерял из виду высотомер. Потом он снова поймал его взглядом: 190… 150… 125…

На «пятьдесят» он отдернул палец, отпустив кнопку, и начал молиться.

Отсечка струи прошла, как и раньше, нечетко. Под дробный скрежет его вдавило еще глубже в подушки. Корабль накренился, как падающее дерево, и замер в вертикальном положении.

Барнс заметил, что уже довольно долго лежит, затаив дыхание.

VIII

Колумб обнаружил богатые земли с приятным климатом и послушными туземцами. Нигде в нашей Системе исследователи не нашли мест, пригодных для жизни людей, и нигде это не проявлялось со столь безжалостной отчетливостью, как на нашей ближайшей соседке.

Фаркухарсон. История транспорта, III: 420

Барнс чувствовал себя ошеломленным, словно только что пробудился от мутного, запутанного сна. Голос Боулза вернул его к реальности:

— Опоры выпущены, шкипер. Отключить гироскопы? Барнс взял себя в руки.

— Сначала проверим наши опоры. Итак, *мы на Луне!* — Он отчаянно рванул свои ремни.

— Это точно! — ответил Боулз. — Прекрасная посадка, Джим. Мне было страшно.

— Она была ужасна, и ты это знаешь.

— Мы живы? Значит, не бери в голову — мы все-таки сделали это.

Корли прервал их:

— Силовая установка стабильна.

Барнс смутился:

— Ах да, разумеется. Трауб, у тебя все в поряд-

ке?

— Я думаю, да, — ответил Мэнни слабым голосом. — Кажется, я потерял сознание.

— Ерунда! — успокоил его Боулз. — Давайте посмотрим, что там.

Четверо сгрудились у левого иллюминатора и принялись разглядывать темно-коричневую равнину, пропеченную необузданным солнцем, стоявшим почти в зените. В нескольких милях отсюда в черное, усыпанное звездами небо выпирали горные пики. Между ними и кораблем виднелась щербина, кратер, поперечником в милю или меньше. Ничто другое не нарушало плоскую пустошь… бесконечное, безжизненное пустынное пространство, обточенное вакуумом и высушенное пеклом.

Трауб нарушил молчание благоговейным шепотом:

— Черт возьми, что за место! Мы здесь надолго, мистер Барнс?

— Не очень, Мэнни. — Он надеялся, что его слова звучат убедительно. — Док, — продолжал он, — давайте проверим расход массы.

— Хорошо, Джим.

Боулз подошел к правому иллюминатору и, едва взглянув через него, позвал:

— Эй! Смотрите сюда!

Они присоединились к нему. Внизу была темная пропасть, в которую они едва не приземлились. Она пролегала совсем рядом с кораблем: одна из опор оказалась на самом краю. Глядя в эту жуткую пропасть, Барнс не испытывал никакого сожаления о расходе реактивной массы, потраченной, чтобы ее избежать.

Боулз поглядел вниз:

— Я повторяю, Джим, прекрасная посадка.

— Слишком близко для того, чтобы чувствовать себя комфортно.

Боулз прижал лицо к кварцевой пластине, пытаясь увидеть хоть что-то по сторонам.

— Я запутался, — пожаловался он. — В какой стороне Земля?

— Земля к востоку, разумеется, — ответил Корли.

— А в какой стороне восток?

— Парень, ты и впрямь запутался. Восток в том иллюминаторе.

— Но это *невозможно*! Мы только что туда смотрели, но Земли там не было и в помине.

Боулз перебрался к другому иллюминатору:

— Видите?

Корли присоединился к нему.

— Это восток, — заявил он. — Посмотри на звезды.

Боулз посмотрел:

— Тут что-то странное. Я видел Землю на экране, когда мы садились. Ты же видел ее, Джим?

— Да, я видел ее.

— А ты, Док?

— Я был слишком занят. На какой высоте она была?

— Невысоко над горизонтом. Но я *видел* ее.

Корли посмотрел на небо, затем на горы:

— Да, ты прав. И она все еще там — за этими горами.

Барнс невыразительно присвистнул:

— Вот и все. Я посадил нас на несколько миль дальше. В лице Боулза что-то надломилось.

— За пределами линии видимости, — глухо сказал он. — Мы можем тут орать, пока ад не замерзнет, и нас ни одна собака не услышит.

Трауб выглядел испуганным:

— Мы отрезаны от Земли? Но я тоже видел ее.

— Конечно видел, — согласился Барнс. — Ты видел ее, пока мы были достаточно высоко. Теперь мы слишком низко.

— О! — Трауб еще раз заглянул в иллюминатор. — Но это же не очень серьезно? Земля за

этими горами — но она же на востоке, она скоро взойдет! За какое время Луна делает оборот? Двадцать восемь с чем-то дней?

Барнс повернулся к Корли:

— Скажи ему ты, Док.

— Мэнни, Земля не всходит и не заходит.

— Что?

— Луна всегда повернута к Земле одной стороной. Из любой точки на ней Земля выглядит неподвижной, она просто висит.

— Что?

Трауб поднял руки и уставился на них; видно было, что он пытается визуализировать ситуацию, используя свои кулаки в качестве Земли и Луны.

— Ох, я понял. — Он встревоженно посмотрел на спутников. — Я бы сказал, что это скверно. Это очень скверно.

— Прекрати, Мэнни, — быстро сказал Барнс. — Раз мы не можем связаться с Землей, мы просто немного потерпим, пока не полетим обратно.

Он умолчал о других своих опасениях.

Боулз ударил себя кулаком по ладони:

— Мы должны связаться Землей! Не важно, вернемся ли мы обратно; четыре жертвы — это незначительные потери. А вот отправить сегодня

сообщение о том, что американский корабль сел на Луну, и заявить свои права на владение — это может означать спасение США. — Он повернулся к Корли. — Доктор, у нас хватит энергии, чтобы подняться над этими горами?

— А? Ну конечно.

— Тогда давайте сделаем это немедленно. — Он повернулся к лежаку.

— Прекрати, Рыжий!

Боулз остановился.

Барнс продолжал:

— Если мы проделаем еще один подъем и спуск рядом с этими горами, вы знаете, что это сделает с нашими шансами вернуться.

— Разумеется! Но это не важно, мы должны сделать это ради нашей страны.

— Возможно, и так. А возможно, и нет. — Барнс сделал паузу. — Если выяснится, что у нас не осталось топлива, чтобы убраться с Луны, я признаю твою правоту.

— Джим Барнс, мы не можем противопоставлять свои интересы безопасности нашей страны.

— Говори за себя, Рыжий. Я допускаю, что претензия на Луну может выручить Государственный департамент на этой неделе — но может и не выручить. Она может стимулировать

Россию вложить все силы в космические полеты, в то время как Соединенные Штаты будут все так же тормозить и спотыкаться, гордясь тем, что мы сделали, но не желая тратить реальные деньги на то, чтобы как-то продолжить наше начинание.

— Джим, это софистика.

— Ну и что? Это мое решение. Сначала мы испробуем все прочие возможности. Ты же не знаешь, проходят сюда сигналы или нет. Почему бы тебе не проверить?

— Когда мы вне зоны прямой видимости? Не говори глупостей.

— Земля стоит не так уж низко за этими горами. Найдем место, где будет прямая видимость.

— О! В этом есть смысл. — Боулз посмотрел на горы. — Интересно, как далеко они находятся?

— Это я сейчас скажу. Подождите, разверну тарелку, — предложил Трауб. Он направился к лежаку.

— Брось, Мэнни! — остановил его Барнс. — Впрочем, нет, продолжай. Это будет нелишним. Я говорил не о горах, Рыжий. Они слишком далеко. Но если поискать, возможно, найдется такое место, с которого горы будут не так высоки, и мы сможем увидеть Землю. Вы могли бы найти какой-нибудь холм — изнутри нам многое не видно.

Мэнни, можно ли вынести радио и использовать его вне корабля?

— Снаружи? Дай-ка подумаю… Передатчик негерметичен, но думаю, я смогу его раскочегарить. А что насчет электричества?

Боулз сказал:

— Док, сколько кабеля мы можем нарыть?

— Сначала найди куда, а там увидим, сколько понадобится, — прервал его Барнс.

— Правильно! Джим, я пошел. Мэнни, идем со мной, мы найдем это место.

— Наружу? — беспомощно переспросил Трауб.

— Конечно. Разве ты не хочешь стать первым человеком, ступившим на Луну?

— Э-э-э, думаю, да. — Трауб выглянул в иллюминатор и снова окинул взглядом чертовски недружелюбный на вид ландшафт.

Корли странно посмотрел на него. Барнс заметил это и сказал:

— Минутку, Рыжий. Док имеет право на честь быть первым. Ведь без двигателя Корли ничего бы не получилось.

— О, разумеется! Док может первым спуститься по лестнице. Давайте выйдем все.

— Я выйду позже, — решил Барнс. — У меня есть работа.

— Как хочешь. Давай, Док.

Теперь Корли выглядел смущенным:

— Я не должен лезть первым. Мы все сделали это, все вместе.

— Не скромничай. Вперед — по скафандрам!

Мысли о военной политике, похоже, вылетели из головы Боулза, сейчас он был просто мальчишкой, жаждущим приключений. Он уже распечатал люк, ведущий вниз, в шлюзовую камеру.

Барнс помог им одеться. Скафандры были модификацией высотных, используемых пилотами реактивных самолетов — громоздкие, полностью закрытые, как водолазные скафандры, увенчанные круглыми «аквариумами» шлемов. Шлемы сверкали серебром со всех сторон, кроме лицевой панели. Переносная радиостанция, два кислородных баллона, а также инструментальный пояс завершали основную экипировку скафандров. Когда они оделись, но были еще без шлемов, Барнс сказал:

— Оставайтесь в виду корабля и в поле зрения друг друга. Рыжий, как только переключишься с первого баллона на второй, немедленно возвращайся и не вздумай ковыряться.

— Есть, сэр!

— Я ухожу. — Он загерметизировал шлемы, оставив Корли последним. Ему он тихо сказал: — Не задерживайся там надолго. Ты мне нужен.

Корли кивнул. Барнс закрепил шлем доктора, затем поднялся в рубку и закрыл люк. Корли подождал, пока Барнс выйдет, затем сказал:

— Проверьте радио. Проверьте инструменты.

— Хорошо, доктор, — прозвучал голос Трауба в его наушниках.

— Хорошо, — присоединился Боулз.

— Готовы к декомпрессии?

Они подтвердили готовность, Корли нажал кнопку возле двери, и послышался приглушенный визг воздушных насосов. Постепенно его костюм начал подниматься и раздуваться. Ощущение было не ново: он проходил тренировки в вакуумной камере на базе в Мохаве. Он задался вопросом, как себя чувствует Трауб. Первый опыт с оболочкой Руби Голдберга[80] может быть пугающим.

— Как дела, Мэнни?

— Все в порядке.

— Знаю, в первый раз это кажется странным.

— Но это не первый раз, — ответил Трауб. — Я

---

[80] Примечания: 80

Руби Голдберг (1883–1970) — американский инженер, изобретатель и карикатурист.

проверял работу этих радиопередатчиков в камере.

— Джентльмены, если вы прекратите болтать, — прервал Боулз, — то можете заметить, что контрольный индикатор показывает «вакуум».

— А? — Корли повернулся и отомкнул наружную дверь.

Он стоял в дверях, глядя на север. Безрадостные, залитые солнцем равнины тянулись к черному горизонту. Справа, пронзительно-резко в безвоздушном лунном ландшафте, поднималась стена гор, которые они должны были преодолеть. Он поднял глаза и нашел Большую Медведицу, полуночно-четкую, слепящую, как полуденная пустыня.

Боулз коснулся его руки:

— Подайте в сторону, Док. Я установлю лестницу.

— Прошу прощения.

Боулз привязал концы веревочной лестницы на крючки за дверью. Закончив, он сбросил лестницу вниз:

— Вперед, Док.

— Э-э-э, спасибо.

Корли нащупал первую ступеньку. В скафандре он чувствовал себя очень неуклюжим. Наконец

он встал на колени, схватился за порожек, нашел ногами опору и начал спускаться.

Это было скорее неудобное, чем тяжелое занятие. Вместе со скафандром он весил меньше сорока килограммов. Корли обнаружил, что проще спускаться только на руках. Ниже своего подбородка он ничего не мог видеть, но по изгибу корпуса корабля мог оценивать, насколько далеко продвинулся. Наконец он добрался до уровня дюз. Спустился еще немного, нащупал почву и опустил ботинок в лунный грунт.

И вот Корли уже стоял на нем.

Он стоял, а его сердце бешено колотилось. Он попытался осознать и принять это и обнаружил, что не может. Тысячи раз Корли мысленно переживал этот миг, долгие годы жил с мечтой о нем. И вот миг настал. Корли все еще не расставался с мечтой.

Его плеча коснулся ботинок; он отступил назад, чтобы освободить место Траубу. Вскоре к ним присоединился Боулз.

— Ну и вот, — бессмысленно пробормотал адмирал и медленно огляделся по сторонам. — Смотри, Мэнни! Холмы! И недалеко.

Корли увидел, что Боулз смотрит на юг, выглядывая из-под реактивных сопел. Там равнину

рассекала резко вздыбившаяся скала. Корли коснулся руки Боулза:

— Давайте отойдем от корабля. Здесь из-за выхлопа возможна небольшая радиоактивность.

— Согласен. — Боулз последовал за доктором, Трауб замыкал шествие.

IX

У Колумба был свой мотив, у королевы Изабеллы он был другой…

Фаркухарсон. История транспорта, III: 421

Поднявшись обратно в рубку, Барнс не спешил приступать к работе. Вместо этого он сел и задумался. За последние… сколько прошло? Два? Три? Четыре дня, точно… у него не было никакой возможности собраться с мыслями, сбросить маску, которую он надевал на людях, и как-то облегчить душу.

Он чувствовал, что невыразимо устал.

Он поднял глаза и посмотрел на горы. Вот они стоят, высокие и неприступные, свидетели того, что он достиг цели своей жизни.

Но для чего? Для того, чтобы Корли мог исследо-

вать неведомые внешние рубежи науки? Чтобы помочь Боулзу обеспечить безопасность западной цивилизации — или, наоборот, приблизить новый кризис?

Или сделать сиротами четырех детей, чей папаша был «очень домашним парнем», но его вынудили отправиться вместе с остальными?

Нет, он знал, что все это произошло потому, что Джимми Барнс был слишком маленьким для своего возраста, не умел работать кулаками и не имел приличной одежды, — так что ему пришлось стараться больше, чем всем прочим: заработать кучу денег, командовать кучей народа и строить самые быстрые самолеты. Он, Джеймс А. Барнс, достиг Луны потому, что никогда не был уверен в себе.

Он подумал о детях Мэнни, и все сжалось у него внутри.

Барнс прогнал хандру, повернулся к пульту управления радиостанцией, переключил ее на диапазон переносных раций и объявил:

— Это Джим Барнс, детишки, меня пригласил к вам Сламп, Супермыло. Слушайте, слушайте, где бы вы ни были!

— Джим! — отозвался голос Боулза. — Давай к нам!

— Позже, — ответил Барнс. — Где Док?

— Я тут, — ответил Корли, — уже возвращаюсь.

— Хорошо, — сказал Барнс. — Рыжий, я не выключаюсь. Сигнальте время от времени.

— Да, конечно, — согласился Боулз.

Барнс уселся за стол и начал высчитывать резервы реактивной массы. Если рассчитать орбиту корабля — довольно сложная задача, то вычислить, сколько понадобится воды, чтобы поднять его с планеты, очень просто, приблизительный ответ он получил уже через несколько минут.

Он провел рукой по волосам. Им по-прежнему не помешала бы стрижка — и ни одной парикмахерской на *этой* улице.

«Интересно, — подумал он, — правда ли, что волосы растут даже после смерти?»

Скрипнул люк, и Корли поднялся в рубку.

— Фух! — сказал он. — Как хорошо вылезти из скафандра. На солнце в нем действительно жарко.

— Газовый охладитель не справляется с жарой?

— Плоховато справляется. В этих скафандрах вообще трудно поворачиваться, Джим, — над ними нужно еще работать и работать.

— Все будет, — рассеянно ответил Барнс, — но

реинжиниринг этого корабля куда более актуален, Док. Я говорю не о двигателе Корли — он в порядке, а о регуляторах. Они недостаточно чувствительны.

— Я знаю, — признался Корли. — Слабая отсечка — мы должны учесть эту задержку в автопилоте и использовать обратную связь.

Барнс кивнул:

— Да, разумеется, *после того как* мы вернемся — если мы сумеем вернуться. — Он наставил палец на ученого. — А с этим у нас проблемы.

Корли покосился на палец:

— Я знаю.

— Рыжий не найдет места, откуда наш дом будет в прямой видимости, эти горы чертовски высоки. Я просто хотел, чтобы он нам не мешал — и Мэнни тоже. Обсуждать это с Рыжим не имеет смысла, он уже собрался получить посмертно медаль конгресса, если погибнет, — и мы вместе с ним.

Корли кивнул:

— Но я согласен с ним, что нам нужно попытаться связаться с Землей, и мне это нужно даже больше, чем ему.

— Хастингс?

— Да, Джим, если бы у нас было достаточно

резервов, мы могли бы взлететь и скорректироваться после радиосвязи. Но у нас их нет. Их вообще едва хватает, чтобы взлететь.

— Я знаю. Я использовал наш билет домой, когда сделал ту дополнительную коррекцию.

— Полно. Что хорошего было в том, чтобы разбиться? Забудь. В общем, мне нужен Хастингс. Нам нужна наилучшая из возможных орбит.

— Черта с два! Отсюда до него не достучаться.

— Может быть, нет. Если помнишь, тут случаются либрации.

Барнс изменился в лице.

— Боже, я идиот! Какова ситуация сейчас? — нетерпеливо спросил он. — Земля смещается вверх или вниз?

Вращение Луны устойчиво, но ее скорость по орбите — нет. При сближении с Землей она движется быстрее. Величина эта незначительна, но она вызывает ежемесячные раскачивания Луны, как будто она чуть-чуть поворачивает голову из стороны в сторону. Из-за этого Земля на лунном небе смещается вверх-вниз примерно на семь градусов.

Корли ответил:

— Она поднимается, я полагаю. Что касается того, насколько она поднимется… Ну, мне придется

вычислить положение Земли, а затем проверить парочку звезд.

— Давай займись этим. Тебе нужна помощь?

Прежде чем Корли успел ответить, из динамика раздался голос Боулза:

— Эй, Джим!

Барнс включил передатчик:

— Да, Рыжий?

— Мы дошли до холмов к югу от корабля. Они могут быть достаточно высоки, я хочу обойти их, — может, найдется место, где будет легче подняться.

На безвоздушной Луне связь по радио возможна только в пределах прямой видимости, однако Барнс терпеть не мог отклонять разумные просьбы.

— Хорошо. Но без нужды не рискуйте.

— Слушаюсь, шкипер.

Барнс повернулся к Корли:

— Так или иначе, нам нужно было выгадать еще время.

— Да, — согласился Корли. — Знаешь, Джим, все не так, как я себе представлял. Я не имею в виду саму Луну, — в конце концов, можно было просто подождать, пока здесь не появятся герметичные сооружения и нормальные герметичные

скафандры. Нет, я имею в виду то, чем мы вынуждены сейчас заниматься. Я ожидал, что каждая минута будет заполнена исследованиями, сбором образцов и получением новых данных. А вместо этого я ломаю себе голову над тем, как нам банально выбраться отсюда.

— Ну, может быть, у тебя будет на это время попозже? Или даже слишком много времени.

Корли выдавил из себя улыбку:

— Может быть…

Он набросал взаимное расположение Земли и Луны, сверяясь с таблицами. Вскоре он поднял голову:

— Нам повезло. Земля поднимется еще на два с половиной градуса, прежде чем начнет спускаться.

— Этого хватит?

— Посмотрим. Найди мне секстант, Джим.

Барнс нашел прибор, и Корли установил его у восточного иллюминатора. Он измерил высоты трех звезд над вершинами гор. Потом отметил их на схеме и провел линию видимого горизонта. Затем рассчитал положение Земли относительно этих звезд.

— В этом деле легко ошибиться, — пожаловался он. — Лучше проверь меня, Джим.

— Сейчас. Что у тебя получилось?

— Ну, если я нигде не потерял запятую, Земля поднимется на несколько часов где-то в пределах трех дней, начиная с этого момента.

Барнс усмехнулся:

— Мы все-таки попадем на вечеринку с оркестрами и флагами, Док.

— Может быть. Давай-ка для начала еще раз взглянем на баллистику.

Лицо Барнса протрезвело.

Корли работал в течение часа, пытаясь улучшить прикидки Барнса. Наконец он остановился.

— Я не знаю, — раздраженно сказал он. — Быть может, Хастингс сумеет уменьшить цифры еще немного.

— Док, — ответил Барнс, — а если мы выбросим все, что можно? Мне неловко это говорить, но что, если выбросить все оборудование, которое ты привез?

— А что, по-твоему, я делал с этим списком грузов? Теоретически корабль взлетит.

— О! Все так плохо?

— Все так плохо.

Боулз и Трауб вернулись смертельно уставшими и на грани теплового удара. Адмирал был

недоволен: он не смог найти способ подняться на холмы.

— Я вернусь завтра, — решительно заявил он. — Я имею в виду, после того как мы поедим и выспимся.

— Забудь об этом, — посоветовал Барнс.

— Что ты имеешь в виду?

— У нас будет прямая видимость — прямо отсюда.

— А? Повтори, что ты сказал!

— Либрация, — сказал Барнс. — Док уже рассчитал ее.

На лице Боулза отразилось восхищенное понимание. Трауб выглядел озадаченным. Барнс объяснил ему, в чем дело.

— Как видите, — продолжал Барнс, — в течение семидесяти часов у нас появится возможность отправить сообщение.

Боулз встал, он явно забыл об усталости.

— Вот и все, что нужно! — Он восторженно ударял себя кулаком в ладонь.

— Притормози, Рыжий, — посоветовал Барнс, — наши шансы улететь отсюда выглядят хуже, чем когда-либо.

— Ну и что? — Боулз пожал плечами. — Это уже не важно.

— Ох, ради бога! Перестань строить из себя Натана Хейла[81]. Имей совесть, подумай о Мэнни и его четверых детях.

Боулз начал возражать, запнулся, а затем с достоинством продолжил:

— Джим, я никого не хотел задеть. Я просто сказал то, что думаю. Совершенно не важно, вернемся ли мы, если наше сообщение будет получено. Наши ошибки облегчат путь для следующей экспедиции. Через год у Соединенных Штатов будет много кораблей, они будут куда лучше нашего, и они высадятся на Луну. И тогда ни одна страна в мире не будет столь безрассудна, чтобы напасть на нас. *Вот это* важно, а мы — нет!

Он продолжал:

— Все люди смертны, но жизнь не стоит на месте. Ты говорил о детях Мэнни. У тебя нет детей, равно как и у Корли. А у Мэнни есть — и поэтому он понимает то, что я хочу сказать, лучше, чем вы оба… — Он повернулся к Траубу. — Так, Мэнни?

Трауб взглянул на него, затем опустил глаза.

---

[81] Примечания: 81

Натан Хейл — герой пьесы Клайда Фитча «Натан Хейл» (1899 г.). Пьеса завершается пафосными словами главного героя, произнесенными с эшафота: «Я жалею только о том, что у меня всего одна жизнь, чтобы отдать ее за свою Родину!»

— Рыжий прав, мистер Барнс, — сказал он тихим голосом, — хотя я, конечно, хотел бы вернуться домой.

Барнс закусил губу.

— Оставим это, — сказал он раздраженно. — Рыжий, постарайся наскрести нам что-нибудь на ужин.

Три дня (по земным часам) они трудились. Боулз и Барнс раздели корабль — камеры, пустые кислородные баллоны, запасная одежда, множество научных инструментов, которые Корли надеялся использовать: камера Вильсона, счетчик Гейгера, двенадцатидюймовый телескоп Шмидта, часы, стационарные камеры, камера автоматической съемки, ультрафиолетовый и инфракрасный спектрографы и прочее. Корли не вылезал из-за стола, вычисляя, проверяя и снова вычисляя, чтобы отправить Хастингсу предельно точно сформулированную задачу. Трауб перебрал свое радио и нацелил его направленную антенну в точку, где должна была появиться Земля.

И вот этот момент настал. Трауб лежал в своем кресле у пульта управления радио, в то время как остальные столпились у восточного иллюминатора. Все, что они должны были передать, было скомпоновано в одно сообщение: официальная

заявка на Луну, в которой приводилось время и место посадки, длинное техническое послание Хастингсу и, наконец, зашифрованное сообщение, которое добавил Боулз. Трауб готов был отправить все это одной радиограммой, повторив столько раз, сколько потребуется.

— Я вижу ее! — объявил Корли.

Барнс вгляделся в указанную точку:

— Тебе показалось, Док, это блик Солнца на вершине.

Солнце стояло у них за спиной, был день по местному времени, горы на востоке были ярко освещены.

— Нет, Джим. Там что-то есть, — вмешался в разговор Боулз.

— Начать передачу! — скомандовал Барнс, повернувшись к радисту.

Трауб щелкнул переключателем.

Сообщение было повторено вновь и вновь, в промежутках между передачами радио работало на прием. Край Земли медленно, страшно медленно выползал из-за горизонта. Ответа не было, но они не падали духом, потому что кусок Земли в поле зрения был еще очень мал. В конце концов Барнс обратился к Корли:

— На что это похоже, Док? Та часть, которую мы

видим, я имею в виду.

Корли покосился на него:

— Не могу сказать. Слишком много облаков.

— Похоже на океан. Если так, нам никто не позвонит, пока она не поднимется выше.

На лице Корли медленно проступила гримаса ужаса.

— Что случилось? — потребовал Барнс.

— Черт возьми! Я забыл вычислить ее положение!

— Что?

Корли не ответил. Он прыгнул к столу, схватил «Морской альманах», начал строчить, остановился и нарисовал схему расположения Земли, Солнца и Луны. На круге, изображающем Землю, он нарисовал линию Гринвичского меридиана.

Барнс склонился над ним:

— Почему паника?

– *Это* океан, Тихий океан.

К ним присоединился Боулз:

— И что такого?

— Разве вы не видите? Земля поворачивается на восток; Америка отдаляется — она уже вне поля зрения. — Корли торопливо просматривал свои прежние расчеты. — Земля поднимется до максимальной отметки примерно в… э-э-э…

четыре часа и восемь минут. Затем она закатится обратно.

Трауб приподнял свои наушники.

— Парни, вы не могли бы заткнуться? — возмущенно сказал он. — Я пытаюсь слушать!

Корли бросил свой карандаш:

— Теперь это не важно, Мэнни. Ты никогда не будешь в зоне прямой видимости с Эн-эй-эй.

— Что? Что ты сказал?

— Земля неудачно повернулась. Сейчас мы видим Тихий океан, потом увидим Азию, Европу и, в конце концов, Атлантику. К тому моменту, как мы должны будем видеть Соединенные Штаты, она закатится обратно за горы.

— Ты имеешь в виду, я впустую трачу время?

— Продолжай радировать, Мэнни, — тихо сказал Барнс, — и продолжай слушать. Ты можешь поймать другую станцию.

Боулз покачал головой:

— Вряд ли.

— Почему нет? Возможно, Гавайи все еще в поле зрения. Станция «Пёрл-Харбор» достаточно мощная.

— Только если они сфокусируют радиолуч на нас, как это сделала Эн-эй-эй.

— Мэнни, продолжай работать.

Трауб вернул наушники на место. Боулз продолжал:

— Пока не из-за чего волноваться. С нами могут связаться из любого места. — Он усмехнулся. — Скоро нас услышат советские станции. Они будут транслировать свои опровержения, в то время как станции из Австралии будут рассказывать миру правду.

Корли поднял на него глаза:

— Но я все равно не смогу поговорить с Хастингсом!

— Как я уже говорил, — осторожно заметил Боулз, — с точки зрения долгосрочной перспективы это не важно.

Барнс сказал:

— Заткнись, Рыжий. Не падайте духом, Док, есть хороший шанс, что какие-то другие станции поймают нас. Продолжай, Мэнни.

— Парни, да заткнитесь вы уже!

Он вновь и вновь отправлял сообщение, в промежутках прослушивая эфир, не только на частоте луча Эн-эй-эй, но и по всей шкале.

Более восьми часов спустя последний кусочек Земли исчез. Никто из них не вспомнил о еде, а Трауб ни на минуту не покидал своего поста. Ни по какой причине.

Они продолжали подготовку к отлету, но душа у каждого была не на месте. Корли не вылезал из-за стола и спал урывками, пытаясь своими усилиями скомпенсировать отсутствие точных инструментов. Он сдвинул дату отлета вперед, чтобы дать им больше времени. Безрадостный, безоблачный лунный день подходил к концу, и солнце заходило на западе. Они планировали рискнуть на закате. Корли признавал — и вместе с ним Барнс, который проверял его вычисления, — что ситуация даже теоретически не дает шансов на успех. По плану они должны были взлететь, обогнуть Луну и выйти на границу, где поля тяготения Земли и Луны сбалансированы, но теперь эта точка была недостижима, корабль мог только упасть обратно на Луну и разбиться.

Но они решили, все вместе, что лучше погибнуть, пытаясь, чем дожидаться смерти. Боулз предлагал подождать месяц до следующего появления Земли, но арифметика исключила эту возможность: ни голод, ни жажда им не грозили — они должны были умереть от удушья.

Боулз принял это спокойно, Трауб лежал на своей койке или слонялся по кораблю, как зомби. Корли похоронил себя в вычислениях, превратившись в безликий автомат. Барнс стал более

раздражителен.

Чтобы потешить Корли, Боулз без всякой системы снимал показания приборов, до которых у Корли так и не дошли руки. Среди прочих дел настала очередь проявить пленки, отснятые при пролете над обратной стороной. Их решили сохранить, они весили всего лишь унцию, желательно было проявить их, чтобы избежать засветки рассеянной радиацией. Барнс поручил эту задачу Траубу, чтобы занять его чем-нибудь.

Трауб работал в шлюзовой камере, единственном месте, где можно было устроить фотолабораторию. Некоторое время спустя он высунулся из люка и позвал:

— Мистер Барнс!

— Да, Мэнни? — Барнс с удовлетворением отметил, что Трауб выглядит оживленным — впервые после пережитого потрясения.

— Взгляните, что вы об этом думаете? — Трауб вручил ему негатив. Барнс приложил его к иллюминатору. — Видите эти маленькие круглые штуки? Что это такое?

— Кратеры, я думаю.

— Нет, *вот это* кратеры. Видите разницу?

Барнс попытался представить, как негатив будет выглядеть в позитиве.

— А сам что думаешь?

— Ну, они выглядят как полусферы. Странное образование, правда?

Барнс вгляделся еще раз.

— Пожалуй, чересчур странное, — медленно произнес он. — Мэнни, отпечатай их.

— У нас нет фотобумаги, вы забыли?

— Ты прав, моя ошибка.

К ним присоединился Боулз:

— Что тут интересного? Лунные девочки?

Барнс показал:

— Что ты думаешь об этих штуках?

Боулз долго вглядывался в изображение. Наконец он спросил:

— Мэнни, как это можно увеличить?

У них ушел час на то, чтобы вынуть объектив из камеры и смастерить из подручных средств проекционный фонарь. Они собрались в шлюзовой камере, и Трауб включил импровизированный проектор.

Боулз тут же сказал:

— Да сфокусируй же его, ради Христа!

Трауб постарался. Изображения «полушарий» стали достаточно четкими. Их было шесть, расположенные полукругом, — и они не выглядели естественным образованием.

— Рыжий — ты немного опоздал, когда заявлял права на эту планету, — сказал Барнс, глядя на них.

Боулз сказал:

— Хм… — Наконец он решительно добавил: — Конструкции.

— Подождите, — запротестовал Корли. — Они выглядят искусственными, но некоторые очень странные образования на поверку оказываются естественными.

— Присмотрись лучше, Док, — посоветовал Барнс. — Никаких сомнений быть не может. Вопрос вот в чем: насколько мы опоздали со своей заявкой на Луну, на год, или чуть больше, или же на миллионы лет?

— Что?

— Это герметичные купола. Кто их построил? Жители Луны в доисторическую эпоху? Пришельцы с Марса? Или русские?

Трауб сказал:

— Мистер Барнс, почему вы думаете, что лунатики вымерли? Может, они живут и сейчас?

— Что? Пойди прогуляйся снаружи, Мэнни.

— Но я все равно не понимаю, почему нет? Как только я увидел их, я сказал себе: «Вот откуда прилетали эти летающие тарелки».

— Мэнни, нет тут никаких летающих тарелок. Не обманывай себя.

Трауб упрямо продолжал:

— Я знал человека, который…

— …видел одну своими собственными глазами, — закончил Барнс. — Забудь о них. Вот наша забота — здесь. Это — реальность. Это зафиксировано на пленке.

— Также можешь забыть и о марсианах, — мрачно сказал Боулз, — и обо всяких давно вымерших лунных жителях.

— Я так понимаю, ты ставишь на русских? — прокомментировал Барнс.

— Я просто знаю, что эти пленки должны оказаться в руках военной разведки как можно скорее.

— Военная разведка? Ах да, которая там, на Земле. Прекрасная мысль!

— Оставь сарказм. Я не шучу.

— Я тоже.

Теперь вместо готовности умереть, когда его миссия завершилась, Боулза обуяла безумная жажда жизни. Он хотел вернуться. Теперь он уже горько сожалел, что сам настоял на посадке, когда на корабле уже находились никем не замеченные крайне важные новые сведения.

Он упорно пытался найти способ доставить пленки в Вашингтон и улучил минутку, когда Трауб был вне корабля, чтобы предложить один вариант Барнсу.

— Джим, ты мог бы привести корабль обратно без чьей-либо помощи?

— Что ты имеешь в виду?

— Проверь вычисления. Один человек сможет сделать это, если судно облегчится на трех остальных.

Барнс рассердился:

— Рыжий, это вздор.

— Спроси остальных.

— Нет! — отрезал Барнс и добавил: — Четверо прилетели, четверо вернутся — или не вернется никто из нас.

— Хорошо, в таком случае *я* могу облегчить корабль. Это мое право.

— Еще один подобный разговор, и у тебя останется только одно право — сидеть связанным, пока мы не взлетим!

Боулз схватил Барнса за руку:

— Эти пленки *должны* получить в Пентагоне!

— Прекрати дышать мне в лицо! Мы сделаем это, если сможем. У тебя больше нет предложений, что еще можно выбросить?

— Джим, этот корабль должен вернуться, даже если мне придется тащить его на себе.

— Ну так тащи его! Ответь на мой вопрос.

— У меня есть одежда, которая на мне. Я выброшу ее… — Боулз огляделся. — Выбросить за борт, говоришь? Джим Барнс, и ты утверждаешь, что этот корабль раздели? Видит Бог, я покажу вам, что значит «раздеть»! Где наш ящик с инструментами?

— Трауб только что понес его наружу вместе с другими вещами.

Боулз прыгнул к микрофону:

— Мэнни? Верни ножовку, она мне нужна! — Он повернулся к Барнсу. — Я покажу вам, как раздевают корабль. Что тут делает это радио? Оно нужно нам как собаке пятая нога! Зачем мне дисплей автопилота? Достаточно будет твоего. Док! Слезай с табуретки!

Корли на секунду вынырнул из замкнутого мирка своих формул. Он не слышал ни слова из их разговора.

— А? Ты меня звал?

— Освободи табуретку, я собираюсь отвинтить ее от палубы.

Корли озадаченно посмотрел на него:

— Конечно, если тебе это нужно. — Он повер-

нулся к Барнсу. — Джим, это окончательные цифры.

Барнс внимательно следил за тем, что делает Боулз:

— Попридержи свои цифры, Док. Возможно, мы внесем в них несколько исправлений.

Вдохновленные Боулзом, они снова бросились раздевать корабль, пытаясь успеть сделать все до последней минуты назначенного срока. Запасы пищи? За борт — смерть от голода слишком далека. Радио. Дублирующая аппаратура. Приборы — все, кроме необходимых для полета. Электроплита. Шкафы и двери, светильники и изоляция, все, что можно было бы отпилить или оторвать. Лестница, ведущая из рубки в шлюз, — ее выбросили последней вслед за тремя скафандрами и веревочной лестницей.

Боулз не придумал только, как избавиться от четвертого скафандра: он был вынужден носить его, чтобы не задохнуться, пока выбрасывал последние вещи, — но он все же придумал, как его облегчить. Напоследок он снял с себя пояс с инструментами, рюкзак, воздушные баллоны, изолирующие ботинки и вышвырнул все это в люк, а потом ждал, судорожно хватая ртом остатки воздуха в скафандре, когда стрелка ин-

дикатора проползет свой путь от «Вакуума» к «Давлению» в последний раз.

Три руки протянулись вниз и вытащили его через люк.

— По местам! — скомандовал Барнс. — Приготовиться к старту!

Они ждали начала отсчета, когда Трауб вдруг протянул руку и коснулся плеча Барнса:

— Шкипер?

— Да, Мэнни?

Трауб оглянулся, не смотрят ли на них остальные двое, но те были заняты своими делами.

— Мы на самом деле сможем это сделать?

Барнс решил быть правдивым:

— Возможно, нет. — Он взглянул на Боулза: щеки адмирала ввалились; его вставная челюсть ушла вслед за прочим балластом. Барнс ухмыльнулся. — Но мы на самом деле постараемся это сделать!

Фотография монумента, установленного на том месте, где некогда побывала гордая «Луна», есть в каждой классной комнате. Вслед за ней в полет отправлялось множество экспедиций, одни заканчивались успешно, другие трагически, и так продолжалось до тех пор, пока космические сообщения не достигли своего нынешнего уровня безопасности. Наши космические дороги были вымощены телами и беззаветной верой первопроходцев. И когда их мечты воплотились в жизнь, значительная доля прежней романтики ушла из космоса.

Фаркухарсон. История транспорта, III: 423

Дочери ведьмы

Смертный, беги дочерей Лилит,
Рыжих бесовок с прозрачным ликом.
Помни, что зубы остры у них,
Странны черты и повадки дики.

Пляшет у них в волосах огонь,
В зелени глаз их таится бездна.
Лишь увидав, противусолонь
Их обходи и спасайся, смертный!

А умерев, они – хлоп! – и тают
(Восемь столетий их жизни срок).
Их полюбив, только боль познаешь —
Помни об этом, младой ходок!

Август 1946

Бедный папочка

Мама всегда занята, и у нее вечно нет времени ни для чего, кроме какой-то новой работы. В этом случае она берет и делает ее, даже если это нечто «неподобающее для леди», как сказала бы бабушка.

Она фактически построила наш новый дом — вот только когда мы в него въехали, он вовсе не был новым. Почти три месяца аромат скипидара обнаруживался в рисовом пудинге, а папочка жаловался, что он смирился с тем, что не может пользоваться электробритвой, пока мама меняет проводку, но он оценил бы, если бы другую его бритву в этот момент не использовали для зачистки изоляции на проводах.

Мама его не услышала: она восстанавливала лестницу или что-то там еще.

В конце концов дом был закончен, оставалось только облицевать трубы в новой ванной и очистить от хлама гараж, чтобы в нем поместился автомобиль. Прочие мелочи мама могла доделать в любой день, дожидаясь, пока в кастрюле закипает вода. Ей стало совершенно нечем себя занять, кроме разных пустяков, как то: вести

уроки в воскресной школе, руководить благотворительным фондом, следить, чтобы папочка вовремя менял свои рубашки, и продолжать заниматься живописью, а также пьесой, которую она писала.

Папочка предложил ей заняться интеллектуальным развитием, но мама сказала: ерунда, все мозги, какие были необходимы семье, уже есть у папочки. Папочка страшный дока в племенных обычаях и культуре Юкатана и других подобных вещах. Кроме того, заявила мама, она переделала свою подставку для книг так, чтобы пристраивать ее на пылесос или на мойку, поэтому она уже достаточно интеллектуально продвинутая. Теперь ей нужны были физические упражнения.

Папа пригласил ее заняться рыбной ловлей, но мама сказала, что то, чем он там занимается, не похоже на физические упражнения и что на самом деле он делает все, чтобы рыбы оставили его в покое. Папочка возразил, что у рыбы больше опыта, чем у него, и вообще, кто он такой, чтобы настаивать на собственной выгоде? Папочка вечно так говорит, чтобы повеселить первокурсников.

Так или иначе, но именно поэтому мы занялись фигурным катанием.

Без папы — только мама, мелкий и я. Папочка сказал, что он уже пробовал кататься на коньках, что у него слабые лодыжки, поэтому ступайте себе и наслаждайтесь без меня. Он оформил семейный страховой полис от несчастных случаев и закрыл эту тему.

Я полюбила фигурное катание — всё, кроме падений и промокших штанов. Теперь-то я знаю, почему тот, другой лед называют «сухим»: лед, по которому катаются на коньках, совсем не сухой. Мелкому тоже понравилось, потому что он мог налетать на всех вокруг, врезаясь в людей и доставляя неприятности взрослым. Ну а мама ухватилась за фигурное катание так, будто всю жизнь шла к этой цели.

У нее не было способностей к обязательным фигурам: мамина техника не позволяла ей выписывать «восьмерки» на небольшом пятачке льда. А вот танцы она любила — она танцевала танго и вальсы и уже подбиралась к вещам посложнее, когда наш клуб начал готовиться к ледовому карнавалу. И это в то время, как я все еще боролась с моухоком[82] в фоуртинстепе. Фоуртинстеп

[82] Примечания: 82

Моухок — название индейского племени. А также элемент фигурного катания, в котором одну из сторон конька приставляют к той же стороне другого конька, развернувшись в противоположном направлении.

— первый танец, которому вас учат. Мама меня безнадежно превосходила, что было крайне нежелательно. Правда, в результате моих трудностей с моухоком в мою жизнь вошел Клифф.

Моухок отнюдь не индеец, да и Клифф тоже. Моухок — это поворот с перетеканием с лезвия одного конька на лезвие другого. Звучит не слишком понятно? Ну, в общем, вы катитесь на коньках так быстро, как можете, а потом внезапно поворачиваетесь и скользите назад. В это время ваш партнер скрещивает ноги, и вы, тесно обнявшись, поворачиваете под невообразимым углом. Так можно вывихнуть себе оба колена. На самом деле вы едва можете этого избежать. Когда я сообщила об этом папочке, он сказал, что все это звучит как-то глупо, за исключением перспективы покататься в инвалидном кресле.

Вы можете задаться вопросом, почему я упорствовала? Ну ладно, во-первых, мое сражение с моухоком вынудило Клиффа представиться и заняться моим обучением. Это было классно. Во-вторых, говорят, что любовь придает нам силы терпеть едва стоящего на коньках партнера девяносто дней — или даже шесть месяцев, если это истинная любовь. А вот это было нехорошо. По моим расчетам, у меня были максимум полгода

на то, чтобы либо справиться с моухоком, либо изгнать Клиффа из своей жизни и посвятить ее благочестивым делам.

Этот моухок чуть меня не уделал, но Клифф был очень терпелив. Он сказал, что проблемы могут быть из-за моих ботинок, и дал мне какие-то вкладыши для пяток[83]. В конце концов я с грехом пополам ему научилась, и Клифф перешел к другим вещам.

У мамы не было проблем с моухоком. Она прошла его, изучила элементы фокстрота (который гораздо хитрее), а потом пробежалась еще по семи или восьми танцевальным схемам. На самом деле мама никогда хорошо не танцевала, но она *могла* танцевать, и она могла при случае поддержать своего партнера. Мама, она такая, маленькая, но крепкая (я-то больше по части величественных манер и неземной красоты). Она разработала собственный живенький стиль. Наш клубный тренер пытался его отшлифовать, но потом бросил это занятие и позволил ей изучать новые вещи с такой скоростью, с какой ей хотелось, и это было к лучшему.

---

[83] Примечания: 83

Вкладыши для пяток (heel liners) — на самом деле удобная и полезная штука, если вы неудачно выбрали размер обуви. В русском языке у нее нет названия, а вместо нее обычно используют лейкопластырь.

В марте папочка пришел посмотреть карнавал и последовавшие за ним танцы. Разумеется, он похвалил маму за костюмы, которые она придумала. Однако танцы заставили его призадуматься. Мама была очень популярна на льду, даже Клифф предпочитал танцевать с ней, а не со мной. Я считала, что папочка должен гордиться, видя, что мать его потомства пользуется успехом, но вместо этого он выглядел задумчивым. Он мрачно заметил, что исполнение танго должно быть ограничено только женатыми парами или, по крайней мере, считаться эквивалентом брачного обязательства.

Мама тогда сказала: «фи». И еще она сказала: «ну-ну».

Пару раз после этого папа заглядывал на каток и наблюдал танцы. Когда в университете закончились занятия, он надолго уехал на рыбалку и не настаивал, чтобы мама его сопровождала. Меня это встревожило, но мама сказала, что он принял Вселенную такой, какая она есть. Это показалось мне странным. Обычно папочка заставляет Вселенную принять его. Важность для подростка стабильного семейного фона подчеркнута жирным шрифтом во всех школьных учебниках (так же как в более интересных работах по психо-

логии, которые папочка пытается прятать под замком), так что я решила держать ухо востро.

Папочка прислал открытку с почтовым штемпелем Грин-Маунтин-Фоллс, штат Колорадо, а с ней немного рыбы, упакованной в лед.

Вернувшись, он выказал интерес к катанию на коньках и позаимствовал у мамы «Учебник по фигурному катанию для начинающих». Однажды вечером, когда мама, мелкий и я возвратились с катка, папочка закрыл книгу и объявил:

— Марта, я пришел к заключению, что фигурное катание в основе своей элементарно.

Маме следовало быть осторожней. Но она сказала только:

— Да, дорогой? Вот и хорошо. — И уплыла, чтобы накрыть стол к ужину.

— Да, — продолжал он, следуя за ней. — Это — элементарная физика, прежде всего закон сохранения момента импульса, плюс законы, касающиеся приобретения определенных навыков; фигурное катание можно быстро освоить, проанализировав все движения, а дальше можно быть уверенным, что повторишь их с первого раза. Любой человек с адекватными умственными способностями может овладеть этим искусством за короткое время.

— Хм, — сказала мама. — И очевидно, ты можешь применить на практике открытые тобой принципы?

— Разумеется, — ответил он. — Катанием на коньках обычно занимаются в совсем юном возрасте, когда не сформировались привычки к умственной дисциплине. Или, наоборот, в зрелом — но от случая к случаю, а не систематически. Мне жаль, что у меня нет времени, чтобы продемонстрировать это. Однако принципы ясно видны из моего анализа…

Вот почему в следующую пятницу мы все пошли на каток. Мама начала выбирать коньки для папочки в скейтшопе[84]. Но он отмахнулся от ее помощи.

— Я должен сам пройти все этапы, — сказал он. — Увидимся на льду.

Я никогда не видела маму в таком смятении.

— Ваш отец — сущий ребенок! Морин, ты поможешь ему, когда он выйдет на лед, — с тем настроем, в котором он пребывает, он не позволит мне помочь ему. О боже! Надеюсь, я не забыла, как накладывать шины!

---

[84] Примечания: 84

Скейтшоп — нет эквивалента в русском языке. Есть только спорттовары, магазин, прокат, но скейтшоп — это и то, и другое, и третье, вместе взятые.

— Возможно, это будет его голова, а не нога, — предположила я.

Это ее почему-то не утешило.

Мне не пришлось никому помогать, потому что папочку встретила на льду мисс Свенсон, наш клубный тренер.

— Я договорился по телефону о помощи с мисс Свенсон, дорогая, — сказал он маме. И как пишут в книгах: «С этим он удалился на зубцах своих коньков».

Мисс Свенсон улыбнулась маме и сказала:

— Не волнуйтесь, я позабочусь о нем.

Мама ответила:

— Кто сказал, что я волнуюсь? — И унеслась прочь. Она выглядела раздраженной.

Мисс Свенсон отбуксировала папочку в загон, где тренируют молодняк. Потом она сказала мне сладким голосом:

— А теперь, Морин, иди покатайся где-нибудь в другом месте. Просто притворись, что вашего отца здесь вообще нет.

Я умею понимать намеки; я вернулась на свой участок потренироваться в скольжении на внутренней кромке.

Через некоторое время ко мне присоединилась мама.

— С ним все в порядке? — спросила она.

— Вероятно. Мисс Свенсон почти никогда их не калечит.

— Я только прокачусь, чтобы посмотреть, как она справляется.

— Без меня, — ответила я. — Меня уже выгнали. Им не нужны зрители.

Мама сказала:

— Они будут слишком заняты, чтобы заметить меня.

Вскоре она вернулась с пылающими щеками и начала выписывать петли как безумная.

Наконец включили музыку для танцев. Мама спряталась в комнату для девочек, чтобы восстановить макияж и уверенность в себе. Первым танцем был фоуртинстеп.

Папа и мисс Свенсон вышли на танцевальную дорожку. Удивительное дело, но они, похоже, и в самом деле собирались танцевать со всеми остальными!

Я закрыла глаза.

«Дорогой Боженька, — взмолилась я, — не позволяй ему делать это. О, не позволяй ему упасть — ведь они нарежут моего бедного папочку на ленточки».

Дело в том, что фоуртинстеп ужасно быстрый.

Если ты падаешь, это все равно что вылететь под светофор.

Наконец я открыла глаза, чтобы проверить, не стала ли я сиротой. Подъехал Клифф и спросил: «Скатаемся разок, Падди?» Я ответила, что я не в состоянии кататься на коньках, — и снова попыталась отыскать в толпе папочку. Наконец я увидела его, далеко на льду. Он несся вдоль бортика, выполняя пируэт на четыре такта, и он *действительно* его выполнял — или что-то типа того. Конечно, я видела цирковых медведей, которые лучше держались на коньках, но он все еще стоял на ногах. Я решила, что мисс Свенсон сильнее, чем я думала.

Он приближался к краю поля и развороту. Женский моухок, наверное, навсегда остается моим пугалом, но уж мужской моухок — он точно не для дилетантов, и это хорошо видно на разворотах. Я приготовилась к опознанию тела. И вот он вошел в разворот, и мисс Свенсон сделала финт, компенсируя лишние шаги, готовая его подстраховать. Но он выполнил разворот, даже не сбившись с такта. Я хотела крикнуть «браво», но у меня пересохло в горле.

Тут нарисовалась мама.

— Где ваш отец, Морин? — потребовала она.

Я показала. Они летели по льду, и папин разворот на этот раз был еще глубже.

Впервые в жизни я увидела, что мама готовится упасть в обморок. Она сумела справиться, но мне пришлось поддержать ее, чтобы она не шлепнулась на мокрый лед. Музыка смолкла, и папочка подкатился к нам.

— Дорогая, — сказал он маме, — следующим будет танго. Попробуешь прокатиться со мной?

Мама так и вцепилась в него.

— Чарльз! — взвизгнула она. — Сейчас же уйди со льда! Ты убьешься! Я не понимаю, как могла эта женщина затащить тебя в такую толкучку!

— Ни слова больше, моя дорогая, — сказал папочка. — Я цел и невредим. Итак, ты будешь танцевать со мной танго или я буду танцевать его со своим преподавателем?

— Вы не можете танцевать танго!

— Я тщательно изучил образцы. Полагаю, я смогу воспроизвести эти движения.

И они танцевали танго. Не слишком хорошо, но папочка и в самом деле не трепался, что заучил образцы. Мое собственное исполнение было немногим лучше, потому что я невпопад менялась местами с Клиффом, пытаясь наблюдать за развитием событий.

На обратной дороге все молчали. Когда мы возвратились домой, я отвела мелкого в сторонку.

— Что ты думаешь о том, что произошло? — спросила я.

— Ха? Папа ужасный конькобежец.

— Разве тебя не поразило, что он вообще мог кататься на коньках?

— Почему?

Вот и все, что я смогла из него вытянуть.

Я не обсуждала этого с папочкой еще три дня — столько времени у меня ушло на то, чтобы собрать факты. Потом прихватила его в приватной обстановке.

— Папочка, — сказала я, — меня кое-что беспокоит.

— Что, Падди? Я могу тебе помочь?

— Возможно, ведь ты более опытен, чем я.

— Даже не сомневайся! К чему ты клонишь?

— Ладно. Что бы ты сказал о человеке, который обманывает?

— Это зависит от обстоятельств. Например, сюрпризы на Рождество или на день рождения вполне допустимы.

— О! — Я решила это запомнить. — Не уверена, к какой категории относится данный случай.

— Хорошо, выкладывай.

— Ну-у. В книжке по логике сказано, что, когда очевидные факты приводят к противоречиям, все предлагаемые факты должны подвергнуться проверке. У меня есть основания полагать, что рыбы того вида, что ты прислал домой, не водятся в озере возле Грин-Маунтин-Фоллс.

— А кто сказал, что они оттуда? Есть и другие места для рыбной ловли.

— Допустим. Кроме того, мне пришло в голову, что и Грин-Маунтин-Фоллс, и Бродмур — предместья Колорадо-Спрингс.

— Продолжай.

— Бродмур напомнил мне о школе фигурного катания, которая каждое лето открывается там в Ледовом дворце.

— Ну-ну?

— Из одного вытекало другое. Я припомнила, что мисс Свенсон преподает на катке по утрам в Центрвилле и что сейчас у тебя по утрам нет никаких лекций.

— Хм… Мисс Свенсон выказывала какой-то интерес к твоим догадкам?

— О, мисс Свенсон была неподкупна! Но Джордж из скейтшопа был более любезен. Клифф заставил его вспомнить, что некие коньки были недавно доставлены ему из Колорадо-Спрингс. И

он думает, что за пять долларов он мог бы припомнить, чьи они были.

— Скажи Клиффу, чтобы не тратил зря свои деньги. Какова причина этого шпионажа, юная леди? Какие-то фантазии вашей матери?

— О нет, папочка! Мама совершенно сбита с толку.

— Тогда почему…

— Сначала это было только любопытство. Однако затем…

— Да?

— После того как я собрала факты, я так и не увидела причину. Что за тайны, папочка? Давай начистоту.

Он сделал паузу, чтобы набить свою трубку.

— Попытайся поставить себя на мое место, Падди. Предположим, что за девочкой твоей мечты волочится стадо молодых козлов, которые умеют выделываться на льду. Что бы ты сделала?

— Ну-у… я выучилась бы кататься на коньках, — ответила я машинально.

И тут до меня дошло. Я была в шоке. Вообразите только! Романтическая ревность! В папином возрасте!

— Разумеется, но не у всех на глазах. Чтобы ваша мать всякий раз, когда я споткнусь, порхала

вокруг меня и твердила, что я неспортивен, что я посредственность? Ну нет. Я должен был произвести на нее впечатление.

— О! Я понимаю, что ты хочешь сказать, папочка.

Я полагала, что с этим вопросом мы разобрались, но у меня была на уме еще одна вещь.

— Послушай, папочка…

— Да, Падди?

— Я рада, что ты постигаешь, сколь важное символическое значение катание на коньках может иметь в отношениях между полами, потому что тогда ты поймешь… — Я запнулась. Я не могла ему ничего сказать о Клиффе, потому что Клифф все еще не знает, что собирается на мне жениться. Мужчины такие сложные.

Папа поднял брови:

— Пойму *что*, Падди? И кстати, где ты нахваталась этих умных слов? Надеюсь, не от меня.

— Нет — в смысле, да. — Мгновение я колебалась, не решаясь ступить на тонкий лед. — Хорошо, суть в том, папочка, что во время расследования я изучила и твои коньки. Они жуть как хороши. Если бы у меня были ботинки «Станционе» и лезвия «Олимпиад», как у тебя, то я и сама могла бы делать удивительно быстрые успехи.

Конечно, при этом я хранила бы твою ужасную тайну, — добавила я поспешно.

— Шантаж! — удивленно сказал папочка. — Падди, многих расстреляли на рассвете за меньшее, чем это.

— Я это предполагала, папочка.

— Ты уже почти взрослая, чтобы тебя отшлепать.

— Я рада, что ты так думаешь, папочка. Это упрощает ситуацию, верно?

— Я сказал: «почти». Однако ты действительно становишься старше, и твои расходы возрастают. Предположим, я увеличу твое пособие. Тогда, если тебе нужны новые коньки, я выдаю тебе аванс наличными, а затем удерживаю его из общей суммы.

— Это будет конфиденциальным соглашением, да, папочка?

Он встряхнул головой:

— Говори все, что хочешь. Свои моральные проблемы ты должна решать сама.

Папочка у нас — сущий ягненок.

Доска объявлений

Наш университетский городок не гигант промышленного масштаба с ускорителем заряженных частиц и двумя сотнями футболистов, зато душевный. Самая душевная вещь в нем — доска объявлений в Старом главном корпусе. Здесь вы можете найти беспризорную перчатку, прикнопленную чертежной кнопкой, или отхватить работу бебиситтер, если вас не опередят женатые старожилы. Или вы можете купить дешевый автомобиль, если сумеете отбуксировать его оттуда, где его бросили. Здесь попадаются и такие перлы: «Неизвестный, забравший ветровку из библиотеки, пожалуйста, верните ее и получите по носу».

Но самое интересное находится в четырех секциях, промаркированных «A — G», «H — L», «M — T» и «U — Z». Мы используем их вместо почтовой службы США с огромной экономией на стоимости пересылки. Каждый инспектирует свою секцию утром перед занятиями. Даже если для вас на доске ничего нет, по крайней мере вы сможете увидеть, кто действительно получает почту, а иногда и от кого. Вы снова проверите почту во время ланча и перед возвращением до-

мой. Человек с активной общественной жизнью проверяет доску объявлений шесть или семь раз на дню.

Я не то чтобы активна, но я часто нахожу там письма от Клиффа. Он знает, что мне это нравится, и потому потворствует мне. Получать письма через доску объявлений прикольно.

Была одна девочка, на которую я имела обыкновение натыкаться, поскольку мы обе были в секции «H — L». Ее звали Габриэлла Ламонт. Я говорила ей «Привет», и она мне говорила «Привет», и этим наше общение ограничивалось. Габриэлла представляла собой унылое зрелище — не полная развалина, но слегка покосившееся строение. У нее были обычные черты лица, но она позволяла им жить своей собственной жизнью, даже не пользовалась помадой. Она зачесывала волосы назад, а ее одежда выглядела так, будто она была куплена во Франции. Не в Париже, а просто во Франции. Тут есть некоторая разница.

Вероятно, так оно и было. Ее отец работал на факультете «Современных языков», и он посылал ее на три года учиться во Францию. Ну и еще кое-что: не думаю, что у нее в жизни было хоть одно свидание.

Мы обе приходили к восьми, и она проверяла

«Н — L» каждое утро одновременно со мной, а затем беззвучно исчезала. Для нее никогда не было писем.

До этого утра… Джорджия Ламмерс, которая была настоящая хищница, как раз отрывала записку от доски, когда подошла Габриэлла. Я услышала, как ее мягкий слабый голосок сказал: «Простите. Это мое».

Джорджия сказала:

— Ха! Не будь дурой!

Габриэлла выглядела испуганной, но она протянула руку к записке:

— Прочитайте имя, пожалуйста. Вы ошиблись.

Джорджия вцепилась в записку. Она была старшекурсница и не потрудилась бы говорить даже со мной, если бы мой папочка не был штатным сотрудником университета, — но я ее не боюсь.

— Давай, — сказала я. — Прочитай, чье имя там написано.

Джорджия сунула конверт мне прямо в лицо:

— Прочитай сама!

— «Габриэлле Ламонт», — прочла я вслух. — Отдай его, Джорджия.

— Чего? — завизжала она и посмотрела на конверт. Ее щеки стали пунцовыми.

— Отдай его, — повторила я.

— Хорошо! — сказала Джорджия. — Любой может ошибиться! — Она швырнула письмом в Габриэллу и умчалась прочь.

Габриэлла спрятала письмо.

— Спасибо, — прошептала она.

— Обычный сервис «Желтого такси», — сказала я.

«Удовольствие» — вот что это было. Джорджия Ламмерс была популярна той дешевой популярностью, что зарабатывается с помощью низкого декольте, — но не у меня. Она вела себя так, как будто это она изобрела секс.

Габриэлла начала получать письма каждый день — в конвертах или просто свернутые листочки, приколотые чертежной кнопкой. Я задавалась вопросом, кто бы это мог быть, но каждый раз, когда я видела Габриэллу, она была одна. Я решила, что это, должно быть, кто-то, кто не нравится ее отцу, и они вынуждены использовать записки, чтобы устраивать тайные свидания. Я поделилась своими мыслями с Клиффом, но он сказал, что у меня разнузданное романтическое воображение…

Габриэлла получила одиннадцать писем на этой неделе — а я только четыре, все от Клиффа. Я указала ему на это, а он сказал, что я не спо-

собна оценить ниспосланную мне благодать и потому он собирается уменьшить мою квоту до трех штук в неделю. Мужчины бывают просто невыносимы.

Однажды утром я подошла к доске, когда Габриэлла снимала с нее письмо; на сей раз Джорджия Ламмерс снова была там. Когда Габриэлла ушла, я спросила Джорджию самым сладким голосом:

— А для вас, Джорджия, ничего? Совсем плохо. Или на этот раз очередь Габриэллы стащить ваше письмо?

Джорджия фыркнула и вошла в офис регистратора, где работала временным клерком. Я больше об этом не вспоминала вплоть до пяти часов. В это время я дожидалась папочку в Старом главном корпусе, намереваясь поехать с ним домой.

В секции «H — L» ничего не было ни для меня, ни для Габриэллы, ни для Джорджии. Никого не было вокруг, поэтому я села на скамью для старшекурсников, чтобы дать отдых ногам.

И тут же с нее соскочила, когда услышала кого-то позади себя, но это была всего лишь Габриэлла. Она тоже новичок в университете, и, во всяком случае, она бы никому ничего не сказала. Но я не стала садиться снова — наш комитет старшекурсников любит придумывать фантастические

наказания для тех, кто игнорирует их священные привилегии.

И хорошо, что я этого не сделала, — Джорджия как раз вышла из офиса. Правда, она меня не заметила, она пошла прямо к секции «H — L» и сняла с нее письмо. Я сказала себе: Морин, наша память пробуксовывает, минуту назад на доске для нее ничего не было.

Джорджия повернулась и увидела меня. Она вспыхнула и сказала:

— Чего ты уставилась?

— Извини, — сказала я. — Не думала, что тут было письмо для тебя. Я только что смотрела на доску.

Кровь прилила к ее лицу, затем она надела на себя ехидную улыбку:

— Хочешь его прочитать?

— О небеса, нет, конечно!

— Давай! — Она сунула его мне. — Это очень интересно.

Озадаченная, я взяла письмо. Это был чистый лист бумаги — ничего, кроме складок и отверстия от чертежной кнопки.

— Кто-то сыграл с тобой шутку, — сказала я.

— Не со мной.

Я перевернула письмо. На обороте было напи-

сано: «Мисс Габриэлле Ламонт».

До меня наконец-то дошло, что там должно было стоять имя Джорджия Ламмерс, чтобы она могла хотя бы прикоснуться к нему. Я сказала:

— Это не твое письмо. Ты не имеешь никакого права его…

— Какое письмо?

— Вот это письмо.

— Я не вижу никакого письма. Я вижу чистый лист бумаги.

— Но… Слушай, ты думала, что это письмо Габриэлле. И тем не менее сняла его с доски.

Ее улыбка стала еще более противной.

— Нет, я знала, что это не было письмом. И в этом вся суть.

— Да?

Она объясняла, а мне хотелось расцарапать ей рожу. Бедная маленькая Габриэлла посылала письма сама себе, только чтобы получать почту, как все другие, — и Джорджия это обнаружила. У обеих девочек была работа в кампусе, которая держала их допоздна. Джорджия видела, как в конце прошлой недели Габриэлла подошла к доске, оглянулась по сторонам и прикрепила письмо. Она стащила записку и уволокла ее, чтобы узнать, кому писала Габриэлла, и обнаружила,

что она адресована самой Габриэлле.

Бедная Гэбби! Неудивительно, что я никогда ни с кем ее не видела. У нее никого не было.

Джорджия облизнула губы.

— Разве не прелестно? Вот умора! Этот огрызок пытается убедить нас, что она у кого-то имеет успех. Пожалуй, я напишу ей здесь настоящее письмо — пусть знает, что никого не одурачила.

— Ты не посмеешь!

— Ой, не будь занудой! — Она прикрепила листок обратно, воткнув гвоздь в старое отверстие. — Впрочем, я придержу этот вариант, пока не придумаю кое-что получше.

Я схватила ее за руку:

— Только тронь ее письма еще раз, и я…

Она стряхнула мою руку:

— И ты *что*? Скажешь ей, что знаешь, что ее письма — фальшивка? Хотела бы я посмотреть на это!

— Я скажу декану — вот что! Я скажу декану, что ты вскрыла письмо Габриэллы.

— Вот как? Ты тоже в него заглянула!

— Но это ты мне его всучила!

— Я? Мое слово против твоего — сладкая булочка.

— Сс…

— А будешь трепаться, весь кампус узнает о поддельных письмах Габриэллы. Подумай над этим. — И она ушла.

Я была столь тиха на пути домой, что папочка спросил:

— Неприятности, Падди? Завалила тесты?

Я заверила его в обратном — мой академический статус был вполне удовлетворителен.

— Тогда почему траур?

Прежде чем я ответила, папочка предупредил меня, что согласно Первому закону джунглей у профессорского детеныша нет автоматического доступа к профессорско-преподавательскому составу.

— Но, папочка, ты же профессор!

— Студенческий материал, да? Лучше попотей над ним самостоятельно. Удачи!

Маме я тоже ничего не сказала, потому что с мамой свободный разговор невозможен даже чисто теоретически. Я ничего не сделала и только молча переживала. Бедная Габриэлла! На следующее утро она сняла свое «письмо» с доски объявлений и выглядела при этом радостной — мне же хотелось плакать. А когда я увидела ухмылку на лице Джорджии Ламмерс, то почувствовала в себе неодолимое стремление к убийству с нанесением

тяжких увечий. Следующее «письмо» пришло в пятницу, и мне хотелось крикнуть ей, чтобы она не трогала его. Но я не смела. Все это походило на бомбу замедленного действия — наблюдать жалкое притворство Габриэллы и знать, что Джорджия собирается его разрушить, как только придумает что-нибудь достаточно мерзкое.

Я посетила офис регистратора в понедельник не для того, чтобы повстречаться с Джорджией — хотя я и не могла избежать ее, — а потому, что я репортер от первого курса для нашего «Глашатая». Одна из моих обязанностей — вести колонку «С днем рождения». Я просматривала файлы, отмечая даты от этой пятницы до следующего четверга. Имя Габриэллы обнаружилось в пятницу, и я решила послать ей поздравительную открытку через доску объявлений, пусть хоть на этот раз она получит настоящее письмо. Следующей я внесла в список имя Бан (Булочки) Петерсон. Ее день рождения совпадал с днем рождения Габриэллы. Булочка — президент Студенческого совета, капитан команды болельщиц и почетный капитан футбольной команды. По-моему, с ее стороны просто позор но захапать себе еще и день рождения Габриэллы. Я решила, что Габриэлла получит настоящую хорошую открытку.

Когда я закончила, Джорджия схватила мой список и спросила:

— Ну и кто у нас состарился?

Я ответила:

— Ты. — И забрала список обратно.

Она сказала:

— Не становись слишком большой для своей круглой шапочки, первокурсница! — А потом спросила: — Идешь на вечеринку Бан Петерсон? — И тут же добавила: — Ох, я и забыла! Она же только для старшекурсников.

Я посмотрела ей прямо в глаза:

— Двойной коктейль против обсосанного леденца, что ты тоже не идешь!

Она не ответила, и я с достоинством удалилась.

Я была страшно загружена на этой неделе. Мелкий растянул себе руку, мама отбыла на два дня, и дом держался на мне, кот подцепил паразитов, а я печатала курсовую для Клиффа. Я не вспоминала о Габриэлле до самого пятничного вечера, пока не остановилась у доски на случай, если появится письмо от Клиффа. Письма не оказалось, но зато было еще одно из писем Габриэллы, в конверте с ее напечатанным именем. И я вдруг с ужасом осознала, что забыла поздравительную открытку.

Я размышляла над тем, стоит ли надписать другую, чтобы она получила ее в понедельник, когда услышала: «Пссст!» Это была Джорджия Ламмерс. Она жестами показала, чтобы я прошла в офис. Мной овладело любопытство. Я подошла, и она утянула меня внутрь. Во внешнем офисе, кроме нас, никого не было.

— Спрячься, — прошептала она. — Если она кого-то увидит, то пройдет мимо. Она вот-вот должна быть. Уже пять часов.

Я отстранилась от нее:

— Кто?

— Габриэлла, конечно. Заткнись!

— Ха! — сказала я. — Она там уже была. Ее «письмо» к понедельнику уже висит.

— Много ты знаешь! Тише! — Она втиснула меня в угол, затем выглянула наружу.

— Прекрати толкаться! — сказала я и тоже выглянула.

Габриэлла прикрепляла что-то к доске, стоя к нам спиной. Она увидела конверт со своим именем, сняла его и поспешно ушла.

Я повернулась к Джорджии:

— Если ты что-то сделала с одним из ее писем, я пойду к декану.

— Ну так вперед! Посмотрим, далеко ли ты

уйдешь.

— Ты прикасалась к тому письму?

— Разумеется, прикасалась — это я его написала. И что в этом плохого?

Тут она меня сделала: любой имеет право послать письмо кому угодно.

— Хорошо. Что ты написала?

— Какое твое дело? Впрочем, — продолжила она, — я скажу тебе. А то как-то обидно, чтобы ни с кем не поделиться.

Она покопалась в своем кошельке и достала из него бумагу. Это был машинописный черновик, полный пометок и исправлений. Вот что там было написано:

Дорогая Габриэлла!

Сегодня день рождения Бан Петерсон, и мы устраиваем для нее самую прекрасную вечеринку, какую эта школа когда-либо видела. Мы хотели бы пригласить каждого, но мы не можем, и Вы были выбраны как одна из девочек, представляющих младшие курсы. Мы собираемся группами, а потом встречаемся все вместе. Ваша группа встречается в семь часов в «Закусочной». Наденьте Ваш лучший прикид, и смотрите никому ни слова!

Комитет

— Это — мерзкая шутка, — сказала я, — пригласить человека на вечеринку в чужой день рождения, когда у него в этот день собственный день рождения. Ты ведь знала, что у нее день рождения тоже!

— И что с того?

— Это низко, впрочем чего от тебя еще ждать! Как ты заставила их пригласить ее? Ты же не в комитете?

Она молча смотрела на меня, потом принялась ржать:

— А ее никуда и не приглашали!

— Да? Ты хочешь сказать, что нет никакой вечеринки? Но ведь…

— О, я уверена, что вечеринка для Бан Петерсон

состоится. Но этого огрызка там не будет. В этом вся шутка.

Тут до меня наконец дошло. Габриэлла пошла бы в «Закусочную» и ждала бы… ждала… ждала… в то время как вечеринка, на которую, как она думала, приглашена, продолжалась бы без нее.

— По-твоему, это смешно? — спросила я.

— Это только начало, — ответило существо по фамилии Ламмерс. — Приблизительно в восемь тридцать, когда она начнет задаваться вопросом «Что случилось?», посыльный принесет ей другое письмо. Это будет чистый лист бумаги, точно такой же, как те, которые она посылает себе сама. И тут-то она все поймет. — Она захихикала и облизнула губы. — Маленькая фальшивка получит по заслугам.

Я двинулась на нее, но Джорджия спряталась за стойкой.

— Тебе нельзя здесь находиться! — завизжала она.

Я остановилась.

— Рано или поздно ты отсюда выйдешь. И тогда мы найдем Габриэллу, и ты скажешь ей правду — всю, полностью!

— Скажи ей сама! — огрызнулась она.

Подошли двое парней, из внутреннего офиса

вышел регистратор, и Джорджия тут же приобрела официальный вид. Я ушла.

Клифф поджидал меня возле «H — L», и я никогда не была так рада видеть его.

— Хорошо, — сказал Клифф некоторое время спустя, — позвони ей. Скажи, что ее поимели и пусть она не ходит в «Закусочную».

— Но, Клифф, я так не могу! Это было бы почти столь же жестоко, как то, что планировала Джорджия. Слушай! А ты не можешь сделать так, чтобы кто-то пригласил ее на вечеринку Петерсон?

Клифф наморщил лоб:

— Я не вижу, каким образом мог бы сделать это.

— Клифф, ты должен!

— Падди, сегодня ведь и день рождения Габриэллы, правильно?

— Да-да — вот почему все это очень важно…

— Тебе не нужно пристраивать ее на вечеринку Бан Петерсон. Вот что мы сделаем: устроим для нее собственную вечеринку. Просто-напросто.

Я с обожанием смотрела на него, не забыв открыть от удивления рот.

— Клифф, ты гений!

— Нет, — сказал он скромно, — просто очень

интеллектуальный и с сердцем из чистого золота. Пора действовать, цыпа.

Сначала я позвонила маме. Она сказала:

— Сегодня вечером, Морин? Я люблю развлекать твоих друзей, но…

Я прервала ее, быстро описав положение вещей. После чего она сказала:

— Я проверю морозильную камеру. А «Сомерс», наверное, все еще открыт. Что насчет ножек индейки и тостов с грибами?

— И мороженое, — добавила я. — Вечеринки по случаю дня рождения обычно нуждаются в мороженом.

— Но торт… У меня нет времени его приготовить.

— Мм… у нас будет торт.

Когда я вешала трубку, Клифф вышел из соседней кабинки.

— Я заполучил «Downbeat Campus Combo», — объявил он.

— О Клифф! Оркестр!

— Если так можно называть этих беженцев из музыкального автомата.

— Но как мы заплатим за это?

— Не спрашивай — для них это отличный промоушен. Они набивались на вечеринку Петерсон,

но их отшили. Так что они поступают благоразумно. Но я не преуспел с гостями, детка.

— Ты звонил к себе?

— Да. У многих парней совсем другие планы на вечер.

— Позвони снова и скажи этим лоботрясам, что они никогда больше не съедят ни одного дагвуда[85] в моем доме, если не будут там вовремя и каждый с подарком. Никакие оправдания не принимаются.

— Но это объявление тотальной войны!

— Так точно, сэр!

Мы пошли в магазинчик Хелена Ханта «Вкусное печенье».

Мистер Хелен Хант уже закрывался, но впустил нас. Нет, мисс, никаких тортов ко дню рождения… нет, пекарь придет только завтра в четыре утра — мне очень жаль… И тут я обнаружила трехэтажный свадебный торт:

— Это — образец?

— Откровенно говоря, это — накладка. Моя жена и я дважды обработали один и тот же заказ.

— И он у вас застрял?

---

[85] Примечания: 85

Дагвуд — большой многослойный бутерброд, в состав которого входят случайные и часто несовместимые продукты. Назван по имени героя комиксов Дагвуда Бамстеда.

— О, мы всегда можем неожиданно получить заказ на свадебный торт…

— Восемь долларов, — сказала я.

Он посмотрел на торт.

— Десять долларов, — сказал он и добавил: — Наличными.

Я посмотрела на Клиффа. Клифф посмотрел на меня. Я открыла мой кошелек, а он вынул свой бумажник. У нас было шесть пятьдесят семь. Мистер Хелен Хант разглядывал потолок. Клифф вздохнул, открепил свой символ братства от моей блузки и протянул его хозяину. Мистер Хелен Хант без слов бросил его в кассовый аппарат.

Он удалил с торта фигурки новобрачных, воткнул свечи на каждом ряду, затем принес кремовый рожок:

— Каким будет имя?

— Габриэлла, — ответила я. — Нет, сделайте Гэбби: G, A, двойное B, Y.

Я позвонила Мадам О'Тул прямо оттуда. Мадам укладывает волосы половине девочек в кампусе. Она жила рядом со своим салоном красоты и согласилась поработать сверхурочно. Она ждала нас в семь пятнадцать. Клифф быстро домчал меня до дому и высадил у дверей в шесть десять. Мелкий натягивал поперек парадного въезда

гирлянды от рождественской елки, а папочка передвигал мебель. Мама носилась туда-сюда со свистом, как беспокойный торнадо. Я поцеловала папочку, а мама не могла замереть ни на секунду.

Я сделала три звонка, пока ванна наполнялась водой, затем окунулась, нарисовала себе лицо и поместила себя в мое фирменное почти-безбретелек. Без пяти семь просигналил Клифф. Он выглядел слегка разбухшим в своем тесноватом смокинге, зато принес два букета гардений — один для меня, а другой для Габриэллы. В отличном настроении мы покатили в «Закусочную».

Мы добрались туда в семь пятнадцать. Я заглянула внутрь и увидела Габриэллу за дальним столиком, она нянчила полупустую бутылку колы и выглядела несчастной. Габриэлла была в длинном платье, оно смотрелось само по себе неплохо, но она попыталась накраситься, совершенно не умея этого делать. Ее помада размазалась, лежала криво и была неправильного оттенка, кроме того, она сотворила жуткие вещи с помощью румян и пудры. Под всем этим скрывался маленький испуганный птенчик.

Я вошла:

— Привет, Гэбби.

Она попробовала улыбнуться:

— О, привет, Морин.

— Готова идти? Мы из комитета.

— Мм… Я не знаю. Я себя нехорошо чувствую. Наверное, мне лучше вернуться домой.

— Ерунда! Пошли — мы опаздываем.

Мы подхватили ее с обеих сторон и потащили в машину Клиффа (специальная, с открытым верхом).

— Где будет вечеринка? — нервно спросила Габриэлла.

— Не будь так любопытна. Это же вечеринка-сюрприз.

Так оно и было на самом деле.

Клифф доставил нас к Мадам О'Тул прежде, чем она смогла задать еще вопросы. Габриэлла выглядела озадаченной, но ее желание сопротивляться уже прошло. Когда мы вошли внутрь, я сказала Мадам О'Тул:

— У вас есть семнадцать минут.

Мадам осмотрела ее, как гончар оглядывает груду влажной глины.

— Два часа — вот то, в чем я нуждаюсь.

— Двадцать минут, — уступила я. — Вы можете сделать это?

По телефону я ей сказала, что она должна будет

буквально сотворить Клеопатру — полностью, с нуля, с почтового индекса.

Она поджала губы и снова осмотрела нашу овечку:

— Посмотрим. Подойди ко мне, дитя.

Габриэлла выглядела ошеломленной:

— Но, Морин…

— Тише, — сказала я твердо. — В точности выполняй все, что скажет тебе Мадам.

Мадам увела ее. Пока мы ждали, Клифф позвонил к себе и в общежитие старшекурсников и расшевелил еще пятерых мужчин и две парочки. Прошло почти тридцать минут, прежде чем они появились вновь, — и я чуть не упала в обморок.

Мадам попусту тратила здесь свое время — она была рождена для двора короля Людовика.

И Габриэлла — также.

Сначала я подумала, что на ней нет никакой косметики. Потом я увидела, что она есть, но нанесена так умело, что вы бы подумали, что она с ней родилась. Ее глаза стали в восемь раз больше, чем были полчаса назад, и походили на озера, полные затаенной печали, — как у женщины, которая повидала в жизни многое. Ее волосы все еще торчали назад, но Мадам это подправила: то, что раньше было неопрятным пучком волос,

теперь стало чем-то вроде шиньона — слова вроде «пучок» или «узел» теперь к ним никак не подходили. Ее скулы тоже стали выше. И Мадам сделала кое-что с ее платьем — оно стало более облегающим и даже более декольтированным. Букет примостился высоко на плече Габриэллы, и цвет ее кожи плавно переходил в цвет его лепестков.

Вместо бус она теперь носила единственную нитку жемчуга, покоящуюся именно там, где жемчуг любит отдыхать. Это, должно быть, было личной собственностью Мадам. Жемчужины выглядели натуральными.

Клифф, как рыба, начал хватать ртом воздух, так что мне пришлось потыкать его в ребра и напомнить, чтобы он ни к чему не вздумал прикасаться.

Габриэлла робко улыбнулась:

— Я нормально выгляжу?

Я сказала:

— Сестра, Коновер пристрелит Пауэрса[86], чтобы заполучить твой контракт. Мадам, вы великолепны! Пойдемте, ребята. Мы опаздываем.

---

[86] Примечания: 86

Дэвид Коновер (1919–1983) — фотограф, открывший публике Мерилин Монро; *Джон Роберт Пауэрс* (1892–1977) — основатель известного модельного агентства в Нью-Йорке.

Невозможно разговаривать, когда Клифф ведет машину, и это было хорошо. Мы добрались до дома в восемь двадцать. Наш квартал был забит машинами, а наш дом стоял весь в разноцветных огнях. Мелкий был на страже, он тут же нырнул внутрь дома.

Клифф взял наши пальто, я подтолкнула Габриэллу и сказала:

— Заходи.

Когда она появилась в гостиной, мальчики из «Downbeat» врубились, и все хором запели:

С днем рождения, дорогая Гэбби!

С днем рождения тебя!

А затем я почти пожалела об этом, поскольку бедный ребенок уткнулся в ладошки и зарыдал.

И я — следом за ней. Все принялись смеяться, говорить, кричать, и «Downbeat Combo» врубили танцевальную мелодию, не слишком хорошую, но надежную, и я поняла, что вечеринка удалась. Мама и я незаметно утащили Гэбби наверх, я подкрасилась, а мама слегка встряхнула Гэбби и сказала ей, чтобы та прекращала реветь. Гэбби остановилась, и мама проделала прекрасную работу, исправив весь нанесенный слезами ущерб. Я не узнала собственную мамину тушь, впрочем

я все время узнаю что-то новое о маме.

Итак, мы возвратились вниз. Объявился Клифф со странным мужчиной и сказал:

— Mademoiselle Lamont, permettez-moi de vous presenter M'sieur Jean Allard[87].

Это было намного больше его словарного запаса по-французски, насколько мне было известно.

Жан Оллард был студентом по обмену, его привел один из парней. Он был смугл и строен, и он закрепил себя за Гэбби — его английский язык страдал пробелами, а здесь была женщина, которая говорила на его языке… ну и, конечно же, ручная работа Мадам О'Тул. У него обнаружились конкуренты: большинство свободных кавалеров, казалось, хотели быть рядом с Гэбби нового образца.

Я облегченно вздохнула и ускользнула на кухню, внезапно почувствовав, что я пропустила обед — сущее бедствие для одного из моих метаболизмов. Там был папочка в переднике: он дал мне ножку индейки. Я съела ее и несколько других пустячков, которые не помещались на блюдо.

После чего я возвратилась и танцевала с Клиффом и некоторыми из кавалеров, которых

---

[87] Примечания: 87

«Мадемуазель Ламонт, позвольте представить вам месье Жана Олларда» *(фр.)*.

оттеснили от Гэбби. Когда оркестр взял десятиминутный тайм-аут, оказалось, что Джонни Оллард умеет играть на фортепиано, они с Гэбби пели французские песенки того сорта, что кажутся шаловливыми, но, вероятно, совершенно невинными. Потом мы все спели «Alouette»[88] быстрее, чем я могла.

Гэбби обрела репутацию женщины мира. Я услышала, как один экс-бойскаут спросил:

— Вы действительно видели «Фоли-Бержер»?[89]

Гэбби выглядела озадаченной и ответила:

— Почему нет?

Он сказал:

— Ну и дела! — в то время как его брови теснили его скальп.

Наконец мы вынесли именинный торт, и все снова пели «С днем рождения», и маме пришлось во второй раз восстанавливать Гэбби лицо. Но к этому времени Гэбби, возможно, его вымыла, и это не имело значения.

Профессор Ламонт прибыл в тот момент, когда

---

[88] Примечания: 88

Французская народная песенка, что-то среднее между «У Мэри был барашек» и «Мой сурок со мною».

[89] Примечания: 89

«Фоли-Бержер» — знаменитое варьете и кабаре в Париже.

мы прикончили мороженое и торт, — это было папочкиных рук дело. Он поговорил с Жаном Оллардом по-французски, потом я услышала, как Жан на школьном английском попросил у него разрешения позвонить его дочери. Доктор Ламонт согласился — таким же неестественным способом.

Я удивилась: Клифф никогда ни о чем не спрашивал моего папочку. Он просто начал обедать в нашем доме, вот и все.

Около полуночи доктор Ламонт отвел свою дочь, доверху груженную добычей, домой. В последнюю минуту я не забыла сбегать наверх за новой парой нейлоновых чулок, которые Гэбби не подходили, но она могла их обменять. Поэтому Гэбби снова плакала, цеплялась за меня и путалась в двух языках, и я тоже немного всплакнула. Наконец все разъехались, а Клифф, папочка и я прибрались, или что-то вроде того. Когда я добралась до своей кровати, я свалилась в нее и умерла.

Клифф обнаружился следующим утром. Мы позлословили по поводу вечеринки, — по крайней мере, я это сделала. Некоторое время спустя он спросил:

— Что насчет Джорджии?

Я сказала:

— Ха!

Он сказал:

— Ты же не можешь ей так это оставить. Это должны быть отравленные иглы или кипящая лава, однако нужно учитывать и то, что у полиции имеются некоторые предрассудки.

— Есть какие-нибудь идеи?

Он вытащил счет за торт:

— Я хотел бы увидеть, как она его оплатит.

— Я тоже! Но каким образом?

Клифф объяснил, и мы вместе с ним составили письмо, вот такое:

Дорогая Джорджия!

Вчера был день рождения Габриэллы Ламонт — и мы устроили ей самую прекрасную вечеринку, какую когда-либо видела эта школа. Жаль, что Вы бродили вокруг «Закусочной», в то время как продолжалось веселье. Но мы знаем, что Вы так или иначе хотели бы преподнести ей подарок, — и Вы все еще можете заплатить за именинный торт!

Наденьте Ваш лучший прикид и неситесь во весь опор к Хелену Ханту. Это была вечеринка-сюрприз, так что смотрите никому ни слова! (И мы тоже никому ничего не скажем.)

Комитет

P. S. Вообще-то, если задуматься, будет очень забавно, если Вы не заплатите за торт!

Это не было анонимкой: на счете имелись наши имена, и мы вложили его в письмо. Я держала пари с Клиффом на два гамбургера, что она не согласится. Я была не права. Через полчаса после того, как письмо было доставлено, позвонил Хелен Хант, чтобы сказать, что заклад оплачен и Клифф может забрать свою булавку.

В понедельник утром я была у доски объявлений раньше, чем Клифф или Гэбби. Маленькое жалкое «письмо» Гэбби все еще висело там, где она его повесила в пятницу. Я задалась вопросом, что она будет делать дальше: начнет притворяться снова?

Я услышала звук ее шагов, она шла одна, одинокая как всегда, — и снова я задалась вопросом, был ли хоть какой-то прок от наших стараний. И в этот момент кто-то крикнул: «Эй, Гэбби! Подожди минутку». Она остановилась, и к ней присоединились двое мальчиков.

Я наблюдала за ними, когда услышала позади ворчание Клиффа:

— Почему ты хлюпаешь носом? Подхватила простуду?

Я сказала:

— О Клиффи! Дай мне свой носовой платок и не задавай глупых вопросов.

В это я верю

Я собираюсь говорить не о религиозных верованиях, но о делах настолько очевидных, что их упоминание вышло из моды. Я верю в моих соседей. Я знаю их недостатки, и я знаю, что их достоинства далеко перевешивают их недостатки.

Возьмите отца Майкла, он живет немного дальше по дороге. У меня другая вера, но я знаю, что его повседневный труд пронизан добротой, заботой о ближнем и милосердием. Я верю в отца Майкла. Если я попаду в беду, я пойду к нему.

Мой сосед — ветеринарный врач. После тяжелого рабочего дня док поднимется с постели, чтобы помочь беспризорному коту. Бесплатно — без какой-либо перспективы оплаты, — я верю в нашего дока.

Я верю в жителей нашего города. Здесь вы можете постучать в любую дверь и сказать: «Я голоден», и вас накормят. Наш город вовсе не исключение. Я видел такую же готовность к милосердию повсюду. А на одного, кто скажет: «Пошел к черту — с меня довольно!» — найдутся сотни, тысячи тех, кто скажет: «Конечно, приятель, присаживайся».

Я знаю, что, несмотря на все предостережения против случайных попутчиков, я могу выйти на шоссе, поднять большой палец, и через несколько минут остановится автомобиль или грузовик и кто-то скажет: «Лезь сюда, парень! Далеко собрался?»

Я верю в моих сограждан. Заголовки наших газет кричат о преступлениях, и все же на одного уголовника найдется десять тысяч честных, порядочных, доброжелательных людей. Если бы это было не так, ни один ребенок не дожил бы до совершеннолетия. Бизнес не смог бы развиваться день ото дня. Порядочность не новость. Она похоронена в некрологах, но она — сила, более сильная, чем преступление. Я верю в терпеливую обходительность медсестер и кропотливое самопожертвование преподавателей. Я верю в невидимую и нескончаемую борьбу против неодолимых трудностей, которая тихо ведется почти в каждом доме на земле.

Я верю в честное ремесло рабочих. Оглянитесь вокруг себя. Никаких начальников не хватило бы, чтобы проконтролировать всю эту работу. От Зала независимости до дамбы Гранд-Кули — все эти вещи были построены прямыми и честными мастерами, которые были честны до

мозга костей.

Я полагаю, что честны почти все политики… есть сотни политиков, которым платят мало или не платят вообще, которые, не рассчитывая на благодарность или славу, полностью выкладываются для того, чтобы наша система работала. Если бы все было не так, у нас никогда бы не было ничего, кроме тринадцати колоний[90].

Я верю в Роджера Янга. Вы и я свободны сегодня благодаря бесчисленным безымянным героям от Вэлью-Форж[91] до реки Ялу[92].

Я верю в Соединенные Штаты и горжусь тем, что принадлежу им. Несмотря на разные недостатки, от линчеваний до вероломства в высших эшелонах власти, наша нация имела самые пристойные и самые доброжелательные методы внутренней и внешней политики, какие только

---

[90] Примечания: 90

Тринадцать колоний — тринадцать североамериканских колоний Британской империи в 1776 г. подписали Декларацию независимости, что привело к образованию США.

[91] Примечания: 91

Вэлью-Форж — поселок в штате Пенсильвания, где зимой 1777/78 г. погибли от голода, холода и болезней 2,5 тыс. солдат. Эта зимовка считается символом героизма и стойкости борцов за независимость.

[92] Примечания: 92

Ялу (Ялуцзян) — река на границе Китая и Северной Кореи. В ее долине происходило множество сухопутных и воздушных сражений (Аллея «МиГов») корейской войны.

можно найти когда-либо в истории.

И наконец, я верю во всю мою расу. Желтых, белых, черных, красных, коричневых. В честность, храбрость, интеллект, стойкость и совершенство подавляющего большинства моих братьев и сестер всюду на этой планете. Я горжусь тем, что я человек. Я думаю, что нам повезло, что мы добрались так далеко, что мы всегда добивались этого только чудом, но я верю, что мы снова и снова будем это делать. Выживать. Выдерживать. Я верю, что этот голый эмбрион с больной, непомерной черепной коробкой и противостоящим большим пальцем, что это животное, только-только ушедшее от обезьяны, выдержит. Выдержит дольше, чем его родная планета, — распространится к звездам и за их пределы, неся с собой свою честность и ненасытное любопытство, свою безграничную отвагу и свое врожденное благородство.

В это я верю всем своим сердцем.

Выявленные дефекты

Так-то для многих своих современников Хайнлайн запомнился как «нахальный сукин сын, весь в белом», который внезапно заявлялся на конвенты, принимал награду из рук обомлевшего оргкомитета и, поулыбавшись, исчезал в своих безбрежных небесных далях. Но, по другим воспоминаниям, Боб был человек вполне земной, в компании был весел, пил, пел и за словом в карман не лез. И мог подняться в президиум Всемирного форума научных фантастов с бюстгальтером, свисающим с плеча, и долго рассказывать, как вчера покуролесили с этой, как ее… и ведь на самом-то деле практически не врал, подлец этакий. В глубине души Хайнлайна по-прежнему жил морячок с нижних палуб, ждущий увольнительной, и шуточки его были по-морскому весьма соленые. И если в официальной обстановке писатель обычно соблюдал некоторую сдержанность, то в письмах друзьям часто отрывался по полной.

В 1975 году друг Хайнлайна Томас Н. Скортия и его соредактор Джордж Зебровски прислали свежеотпечатанную книгу «Human-Machines». Это

был тематический сборник рассказов о киборгах — полулюдях-полумашинах. Книга была любезно посвящена «Роберту Хайнлайну, учившему нас обоих». 30 ноября 1975 года Боб написал Томасу и Джорджу письмо, в котором, поблагодарив за теплое посвящение, поинтересовался, чему же именно он научил их обоих.

Спасибо за это весьма приятное посвящение. Не верить обещаниям редакторов? Или всегда проверять, что авторское право остается у вас, а не у издателя? Или не предоставлять им никаких прав, кроме конкретного права платить наличными у постели больного? Если какой-то из пунктов этого списка вы узнали от меня — что ж, я рад, потому что изучил это на собственном горьком опыте и не хотел бы видеть, как кого-то из писателей в очередной раз кинуло жулье.

Боб

Это было в постскриптуме. Само же письмо состояло из текста жалобы, которую некий Робот Хайнлайн направил своим создателям. Вот она:

ВЫЯВЛЕННЫЕ ДЕФЕКТЫ:

ЗАПИСКА ОТ КИБОРГА

Отправитель: Модель-X 69-606-ZSCCC-75-РЭХ (ранее Роберт Э. Хайнлайн).

Получатель: Корпорация «Комплекс киборг, создатель неравных возможностей».

Кому: М-ру Дж. Зебровски и м-ру Т. Н. Скортия.

Тема: Выявленные дефекты в упомянутой модели.

1. Помогите!

2. а) Нейроэлектронные инженеры, блин! Это ж надо иметь такую наглость! Перед тем как вы вынули меня из коробки, я сказал вам, что весь мой гомостаз пошел на хрен, вразнос и трясется, как желе. Один из вас — тот, что пострашнее на морду, хотя вы оба те еще уроды, похлопал меня по правой gluteus maximus[93] и небрежно обронил, что все устаканится, когда я встану на ноги. Фуфло! Да, я больше не трясся, как желе, — меня швыряло, как лодку по волнам. Думаю, в районе шести и семи по шкале Рихтера. А что еще хуже, тут образовалась положительная обратная связь. Я направляюсь к двери, понимаете? Боль-

---

[93] Примечания: 93
Ягодичная мышца *(лат.).*

шая такая, широкая дверь, и я самую капельку меняю курс, чтобы не зацепить справа дверной косяк, — и со всей дури въезжаю прямо в него. Арендодатель теперь требует, чтобы я заплатил за ущерб. Я сказал старому ублюдку, чтобы его адвокат послал счет КорКомКиб и потребовал с них утроенной компенсации.

б) Это еще только цветочки. Вот увидите, что мой крючкотвор с вами сделает! Ваш топовый товар, ваш супер-пупер, ваш Безотказный Всегда Готовый Вечный Дружок Из Неоплоти. Правильно, он никогда не отказывает. Едва я вижу телочку с буферами, как у Венеры, шикарным передком и вопросом «Что Насчет Этого?» в глазах — как тут же у меня слюнки текут. Нет, совсем не в том смысле, что вы подумали. У меня вскипает животная страсть к солодовому молочку и сочным чизбургерам. Хуже всего бывает по утрам, когда, проснувшись, я иду к Белому Другу и встаю над ним, — и тут до меня долетает запах жареного бекона… Бэмммс! Как фонарный столб! И я мочусь на потолок. Вслед за плевком растраченного синтесемени. Кто перепаял эти нервы? Хоть один из вас двоих умеет считать до двенадцати, не снимая обуви?

в) Что еще хуже — когда я пытаюсь отнестись к этому философски и выкрутиться подручными средствами, став Самому Себе Лучшим Другом, вот что происходит: я раздеваюсь, устраиваюсь на кровати и начинаю думать о яблочном пироге с мороженым. Старина Безотказный немедленно набухает, высотой сантиметров этак двадцать и соответствующей толщины. Я едва-едва могу обхватить его рукой. Думаете, я жалуюсь? О, ничего особенного, это только нюанс. Но я ни черта не чувствую. Вообще. Я говорил вам не использовать тефлон? И еще клей «Суперцемент». Что случилось? Нет, меня не спрашивайте — это вы у нас «эксперты». Но, очевидно, сенсорная сеть псевдонервов не имеет контакта с поверхностью. Она у вас отключена или повреждена. Возможно, если использовать скрутку вместо клея, это что-то изменит — но только не у таких умельцев, как вы двое. Я отнесу свою гарантию в отдел Джона Хопкинса из «Дженерал моторс», и там все сделают, как надо. Они вам пришлют счет, и, возможно, вам удастся обналичить свою медицинскую страховку и набрать кредитов, чтобы оплатить его. Возможно.

3. Нет-нет, не уходите! Я еще не закончил. Тот «техник», которого вы прислали «обслужить»

меня. Обдолбанный жулик с бельмом и болезнью Паркинсона. Он вытянул меня на дыбе и прикрутил ремнями, а потом, не отключив меня, начал вынимать куски из моего черепа. Я очень мягко указал ему на это, — в конце концов, все мы делаем ошибки, время от времени. «Ифвените, фэр», — ответил он очень вежливо и выключил меня, не успев нанести какого-нибудь реального ущерба. А потом он промывает мой гиппокамп… *пемолюксом!* Я видел банку. Затем «очищает» мою amygdala cerebelli[94] ногтем большого пальца, радостно поясняя, что так гораздо мягче, чем кюреткой[95]. Если бы я мог двигаться, я бы откусил ему этот палец к чертовой матери. Но я не испытываю к нему ненависти — он просто несчастный лишенец. Но что касается вас двоих… Как только закончатся побочные эффекты от лошадиной дозы антибиотиков, которую я принял, чтобы устранить последствия моего «обслуживания», я намерен нанести визит в ваш убогий КомКиб. Я загружусь АТФ по самую маковку, чтобы переключиться на суперскорость, пролечу мимо ваших охранников, как Человек-неви-

---

[94] Примечания: 94
Мозжечковая миндалина *(лат.)*.

[95] Примечания: 95
Кюретка — хирургическая или маникюрная ложка или крючок.

димка, и двину прямехонько в ваш офис. А там я спущу с вас штанишки и подпалю волосатую чащу вокруг ваших яичек. Если они у вас есть. Когда это будет? Не волнуйтесь, вы заметите, когда это произойдет. Но я не стану отыгрываться на том вашем придурке. Я уже высказал ему все, что о нем думаю. Это его нисколько не смутило. Он просто пожал плечами и сказал: «Ифвените, фэр, это не мой отдел. Ефли вам что-то не по нраву, в вашей гарантии напифано, что в течение первого года вы в любой момент можете вернутьфя в коробку, бефплатно. А в течение дефяти лет только фа номинальную плату фа дофтавку и утилифацию».

4. Соль на раны. Нет уж, господа, простите, но вы *не* упрячете меня обратно в коробку! Если ДжХоп из «ДжМот» не сможет меня починить, я пойду в «Фольксваген-юберменш» и заключу с ними сделку с отказом от претензий. Чтобы они снимали, когда будут вскрывать его и ремонтировать, а потом *опубликовали* образец вашей работы (в «Международном журнале хирургии и протезирования киборгов», разумеется, с моими пояснениями и юридически заверенными показаниями). Но вы увидите меня еще раньше. Сегодня с утренней почтой пришел свежий жур-

нал «Сайенс»… и в нем я увидел на внутренней стороне обложки ваш разворот: там было мое фото (сделанное без моего ведома и согласия). На этом фото я голышом, будто на развороте «Пентхауса», со стариной Безотказным, рвущимся в бой. Возможно, я не обратил бы на это внимания. В конце концов, я довольно красив — моя мамочка всегда мне это говорила… и старина Безотказный впечатляет — чисто внешним видом, а не тем, как он функционирует. Но под этим написано: «Наша улучшенная и усовершенствованная *серийная* модель (курсив мой) 69-606-ZSCCC. Звоните нам по бесплатному номеру…» — и прочая лабуда. Вот это меня достало! О, разумеется, я выкачу вам иск. Но вы увидите меня гораздо раньше. Смотрите четвертый канал в среду вечером, после одиннадцати, шоу только-для-взрослых-у-нас-можно-все с ведущим Джонни («Джеком Потрошителем») и Моделью-X 69-606 и так далее в качестве приглашенной звезды. Информационная поддержка — журнал «Сайенс». В студии будет достаточно тепло, чтобы не мерзнуть голому. И еще там будет стоять горшок. С его помощью я продемонстрирую публике, что мне приходится вставать на руки, чтобы пописать.

Надеюсь, вы оба также в добром здравии,

Икс
Модель-X 69-606-ZSCCC-75
(ранее Роберт Э. Хайнлайн)

Комментарии

Нам, живущим

История писательского дебюта Роберта Хайнлайна, в которой он польстился на призовые пятьдесят баксов за короткий рассказ для «Thrilling Wonder Stories» и за четыре дня настучал на машинке «Линию жизни», известна всем. Сам Хайнлайн и его жена Вирджиния не раз рассказывали ее по разным поводам. Долгое время она устраивала большинство читателей (кроме тех, которые задумались, откуда у Хайнлайна под рукой оказалась пишущая машинка) — ведь это была волнующая история успеха «с первого выстрела сразу в яблочко». Читатели любят такие истории: «Сукин сын, ему просто повезло, я бы тоже так смог!» — говорят для себя читатели, и это примиряет их с жизнью, и это усиливает их симпатию к автору, ведь он такой же парень из толпы, и это согревает их душу. Куда менее охотно читатели переваривают истории о долгом и мучительном пути проб и ошибок, попыток и неудач, о том, как оттачивался язык и нарабатывался стиль, о длинной череде издательских отказов и собственных разочарований. Читать такие истории скучно, потому что долгая стрель-

ба в «молоко» мало способна поразить чье-либо воображение.

Разумеется, официальная история писательского дебюта Роберта Хайнлайна, начинавшаяся с «Линии жизни», была всего лишь мифом, аккуратно выстроенным опытным специалистом своего дела. Несколько лет своей жизни Хайнлайн занимался политической пропагандой и мастерски научился играть контекстом, при этом не играя словами. Если присмотреться внимательно, в том, что рассказывал Боб, нет ни слова неправды. Но нет и *всей* правды. В действительности свое первое художественное произведение Хайнлайн написал намного раньше. И для многих стало неожиданностью, когда в 2004 году в издательстве «Scribner's» (!) вышел роман «Нам, живущим», датированный 1938 годом.

И разумеется, этот роман, как и «Линия жизни», не был писательским дебютом Роберта Хайнлайна. История становления Хайнлайна-писателя никак не похожа на захватывающий рассказ о попадании в «яблочко» с первого выстрела, на самом деле это еще одна скучная история про долгую стрельбу в «молоко».

Начинал юный Бобби с драматургии — одним из развлечений детей в начале XX века были

театральные постановки по собственным сюжетам. (Я смутно припоминаю, что в середине XX века дети продолжали этим заниматься, правда мы не брали по 2 цента за вход.) Из официальной биографии, написанной Паттерсоном, может сложиться впечатление, что его литературные амбиции в школе ограничивались написанием обязательных эссе и сочинений. Думаю, это не соответствует действительности: при том количестве книг, которое читал Бобби, и его темпераменте, я уверен, в прошлом осталась как минимум тетрадка стихов и один неоконченный мистический или приключенческий роман. Во время обучения в Академии ВМФ в Аннаполисе Хайнлайн эпизодически принимал какое-то участие в выпуске местной многотиражки «Lucky Bag», но единственный достоверный след такого участия он оставил как художник. Во время последующей службы на авианосце «Лексингтон» Боб также был вовлечен в культурную жизнь на корабле и вне его. К сожалению, переписка Хайнлайна, охватывающая период первого его брака, практически полностью уничтожена, и мы можем только гадать, сколько проб пера он произвел в это время. Тотальной зачистки избежал только небольшой (2540 слов) приключенческий

рассказ «Week-End Watch», который был напечатан в «Lexington Newsletter» в 1930 году и оказался вне досягаемости автора. По отзывам Билла Паттерсона, рассказ был ужасен. Он был написан на конкурс, но призового места не занял. Думаю, это что-то значило для будущего гранд-мастера — он оказался в хвосте даже в таком узком кругу претендентов, как офицеры военного корабля. Это был хороший щелчок по носу.

Выход в отставку в 1934 году и второй брак ознаменовали начало более плодотворного творческого периода в жизни Хайнлайна, впрочем начало это наполнено отнюдь не беллетристикой, а в основном публицистикой. Политическая карьера Боба свела его в штабе Демократической партии с Эптоном Синклером, и Боб по макушку погрузился в синклеровский проект EPIC («End Poverty In California» — «Конец бедности в Калифорнии»). Он принимал участие (больше в качестве редактора, чем автора) в «EPIC News» и постоянно писал — прокламации, листовки, заявления в прессу, речи для митингов и тому подобное. Думаю, это пошло на пользу. Хайнлайн-публицист отточил свой, простой и понятный, стиль и умение ясно излагать мысли. Мы можем увидеть следы этой публицистической закалки

в романах 1950-х годов, где предложения в абзаце связывает друг с другом четкая логическая последовательность, где последующая мысль непременно вытекает из предыдущей (отечественные переводчики часто рушили всю эту красоту, меняя местами предложения в стремлении к «стилистическим улучшениям»). И снова приходится сожалеть, что большая часть архива Хайнлайна, относящаяся к периоду второго брака, также была уничтожена. Думаю, вместе с прочими бумагами мы лишились парочки порнографических рассказов, которые Боб и Леслин сочиняли «ради эксперимента», и кто знает, от каких еще неожиданных открытий мы оказались избавлены.

Проигранные в августе 1938 года выборы в Госассамблею 59-го округа вывели Хайнлайна из политики. Демократическая партия сворачивала «эпический» проект, а заниматься политикой ради политики он не хотел — ему нужны были реальные дела с реальной отдачей. Но и отходить вот так сразу от политики и подыскивать «честную работу» он тоже не хотел. Великая депрессия бушевала девятый год, и, естественно, в прессе активно обсуждались различные экономические модели. Теория «социального кредита» британ-

ского монетариста Клиффорда Дугласа привлекла Хайнлайна идеей гарантированного прожиточного минимума. Это был базис, оттолкнувшись от которого можно было построить совершенно новое общество — общество спокойных, обеспеченных людей. Политические и экономические книги выходили одна за другой — почему бы не написать свою? Но это должна была быть художественная книга: по выражению Спайдера Робинсона, Хайнлайн «решил замаскировать несколько лекций под фантастику исключительно для того, чтобы донести их до внимания тех людей, которые никогда не согласятся добровольно слушать подобные лекции». Он хотел увидеть (и показать) результаты применения идеи социального кредита — сыграть на контрасте с творящимся вокруг кошмаром и изобразить свершившуюся Утопию. Естественно, это должна была быть фантастическая книга. И Хайнлайн считал, что ему есть чем ее наполнить. Будучи жадным читателем фантастики, он постоянно генерировал различные идеи, которые записывал на клочках бумаги и складывал в папку, — этих идей у него был целый ворох, и он нет-нет да и подумывал превратить их в какой-нибудь фантастический рассказ. Посредственный уровень

палп-фикшн с неизбежностью превращал читателей в писателей — молодые люди с самым минимальным творческим потенциалом рано или поздно говорили себе: «Черт, а ведь и я так могу». Хайнлайн, отполировавший за последние годы свой стиль в публицистике, полагал, что у него есть хорошая фора для старта. Но до сих пор он, по-видимому, не решался превратить одну из своих идей в фантастический рассказ. Всегда были другие дела, а писательство в палп-журналы, как ни крути, было чем-то несерьезным. Книги по политэкономии были и престижным, и одновременно солидным бизнесом, и Хайнлайн долгие годы присматривался к нему, пытаясь найти точку входа. (Эти мысли не оставляли его, даже когда он плотно связался с научной фантастикой и сотрудничал с Джоном Кэмпбеллом; рассматривая ранние годы становления Хайнлайна-писателя, следует помнить о том, что он долгое время отнюдь не считал беллетристику своим призванием и лелеял в глубине души более респектабельные планы.)

Для своего политэкономического фантастического романа Хайнлайн позаимствовал классический шаблон, принятый в утопических произведениях, его ввел в обиход одновременно

с понятием «утопия» еще Платон: это диалоговая форма, в которой один из собеседников спрашивает, а второй объясняет. Подобными лекциями битком набиты все утопические романы, и в их бесконечных диалогах (по факту монологах) тонут любые намеки на литературу. Впрочем, во времена юности Хайнлайна (сто лет назад) этот момент мало кого смущал, и слово «гетто» еще не вошло в обиход. Более того, книги Уэллса и Беллами все еще были актуальным чтением, и не только благодаря синтезу утопии с авантюрным сюжетом. Что отличает Хайнлайна от многих утопистов, так это использованный в литературе метод научного мышления. Хайнлайн не просто иллюстрирует успех применения идеи социального кредита, он *конструирует* мир, который благодаря этому возник. Естественно, он щедро внедряет в него свои любимые игрушки, но он стремится сделать картину органичной и непротиворечивой. Многие его коллеги ограничивались тем, что вставляли в телегу паровой двигатель, предоставляя обществу наслаждаться результатом. Хайнлайн же шел дальше — он пытался понять, к чему может прийти общество с гарантированным прожиточным минимумом, ничего по возможности не декларируя на пустом

месте.

В качестве заголовка Хайнлайн взял слова из Геттисбергского послания Линкольна, посвященного павшим в гражданской войне. В ней Линкольн говорит о том, что дело павших будет продолжено нами, живыми. А подзаголовок «комедия нравов» появился в подражание к «Сказаниям о Мануэле» Джеймса Брэнча Кейбелла. Именно культурный шок героя от столкновения с будущим стал второй основной темой романа. Сюжет романа, несомненно, был плодом совместного творчества Боба и его второй жены Леслин. Возможно, именно в этот момент возникла форма «мозгового штурма», в которую затем пришлось вписываться Вирджинии Хайнлайн. Леслин анализировала и принимала или отвергала идеи Боба, в вопросах гуманитарной сферы она была на голову выше своего мужа и в те годы отличалась оригинальным и живым умом. Возможно, Боб именно поэтому в качестве прототипа главной героини взял не Леслин, а знакомую еще со школы танцовщицу «экзотических танцев», которая выступала под псевдонимом Салли Рэнд.

С середины ноября 1938 года до Рождества Хайнлайн работал над романом — а потом весь январь

1939 года исправлял ошибки[96]. Фактически он научился печатать слепым методом, пока правил черновик.

Первой целью новоиспеченного писателя-фантаста было издательство «Macmillan». Несмотря на постоянное чтение палп-фикшн, он практически ничего не знал об издательском бизнесе. Знал только, что рукописи в издательствах рассматривают пару месяцев. Отправив рукопись по почте, Хайнлайн, несомненно, почувствовал некоторое облегчение или даже эйфорию от факта завершения большой работы. Он вернулся к папке, в которой хранил записочки с идеями, и начал пересматривать их и генерировать новые. К 1 апреля он внезапно увидел проекцию человека во времени, как длинного червя, имеющего конец и начало. Тогда он сел за машинку и написал «Линию жизни». 19 апреля пришел отзыв из «Astounding» от Джона Кэмпбелла-младшего. Кэмпбелл покупал рассказ. 24 апреля прислали чек. Отказ из «Macmillan» пришел позже. Но его

[96] Примечания: 96

Лео Стовер, впрочем, придерживался мнения, что роман был написан на два года раньше, в 1937 г. При этом Стовер общался с Хайнлайном напрямую, тогда как Билл Паттерсон имел дело с данными из вторых рук. Но Билл имел дело с огромным количеством свидетельств и документов. Решать, кто из них прав, — свободный выбор читателя. — *Примеч. С. В. Голд.*

получил уже совсем другой Хайнлайн — не тот желторотый новичок, что отправлял по почте неуклюжую рукопись своего первого романа.

Хайнлайн отправил рукопись в «Random House», затем в «Henry Holt & Company» и даже в Канадский союз социального кредита, предлагая «Нам, живущим» в качестве пропагандистской литературы (нисколько не покривив при этом душой). Ему пришлось пережить длинную череду отказов. А по ходу дела он отщипывал из картины вселенной «Живущих» отдельные кусочки и превращал их в отдельные рассказы. Так возникли его первые рассказы и повести: «Неудачник», «Да будет свет», «Если это будет продолжаться» и так далее. Неудивительно, что эти произведения позднее оказались в диаграмме «История будущего», — ведь они все произошли из одного источника, да и сама история будущего возникла из исторического экскурса в 4-й главе романа.

В начале 1940-х роман оказался у Кэмпбелла. Джон предложил полностью переработать текст: выбросить нудизм и свободную любовь, выкинуть политико-экономическую основу романа и заменить ее на техническую революцию. После войны роман какое-то время полежал у Хаббарда — друзья договорились о том, что Хаббард

перепишет текст, сделав из него коммерческий роман, а гонорар они поделят пополам. Соглашение было подписано 18 декабря 1945 года. Но Хаббард практически тут же бросил этот проект.

По-видимому, это была последняя попытка. Рукопись упокоилась в архиве писателя. Видимо, Хайнлайн понял, что она стремительно превращается в анахронизм.

В 1987 году рукопись романа и все черновые материалы к нему были уничтожены. Хайнлайны переезжали в Кармель, поближе к больнице, и в новом доме не было места для архива. Джинни посчитала, что публикация такого романа не принесет ничего хорошего в плане репутации. Хайнлайн согласился, и «Нам, живущим» закончил свою жизнь в шведском камине в гостиной их старого дома. Как выяснилось много лет спустя, одна из копий рукописи, которую Хайнлайн посылал своему другу Кэлу Лэнингу, сохранилась. Лео Стовер, собирая материалы для биографии Хайнлайна, посетил Лэнинга, и тот передал ему всю полувековую переписку друзей и рукопись неопубликованного романа. Стовер сделал фотокопию и поручил своему студенту Майклу Хантеру изучить текст в качестве лабораторной работы. Затем Вирджиния рассорилась

с Лео, и биография Хайнлайна так и осталась незавершенной. Ее черновик просматривал новый биограф писателя, Билл Паттерсон, а затем, в 2002 году, еще один исследователь Хайнлайна, Роберт Джеймс. Джеймс обратил внимание на то, что Стовер упоминал рукопись, которую реально держал в руках. Это было открытие — навеки исчезнувший роман, похоже, мог быть вновь обретен! Но найти экземпляр Лэнинга Джеймсу не удалось. В конце концов, он обратился к бывшему студенту Стовера, Майклу Хантеру, и тот, покопавшись в гараже, отыскал в картонной коробке со старыми бумагами фотокопию рукописи. Она была опубликована после смерти Вирджинии Хайнлайн, — возможно, на этот раз она и одобрила бы эту публикацию, но уже не успела.

Книга вышла — и все увидели, что между «старым добрым Хайнлайном» и его более поздней, нелюбезной фэндому ипостасью на самом деле никогда не было разницы. Хайнлайн всегда оставался самим собой, и темы, которые он выплеснул в своих последних романах, не были продуктом распадающегося сознания, они всегда были рядом и только ждали своей очереди, чтобы выступить на первый план. Как писал Спайдер Робинсон, «ядро всей его писательской карьеры содержится

на страницах „Нам, живущим“, словно код ДНК». Я полностью согласен с Робинсоном — и могу только добавить, что этот роман напоминает корзину, доверху полную пасхалок, и он вполне может доставить удовольствие тем, кто любит подобные вещи. По тексту щедро рассыпаны фразы, в которых мы неожиданно узнаем основную идею «Звездного десанта» или странным образом деформированные аспекты «Луны» или «Чужака». И есть еще один, довольно странный, но, если подумать, вполне очевидный момент. В отличие от поздних (и куда лучше написанных) произведений, в этом романе мы видим более полного, более цельного Хайнлайна — и хотя бы поэтому роман достоин прочтения.

Реквием

Рассказ «A Business Transaction» («Сделка») был переполнен печальным пафосом, ностальгией, детскими воспоминаниями и совсем свежей болью писателя — он все еще не мог забыть, как флот выпроводил его на пенсию, поскольку состояние его здоровья оказалось несовместимым со службой в любой форме. Хайнлайн, по-видимому, написал его с ходу, без длительной проработки, в промежутке между мучительным подходом к «Потерянному наследию» и манипуляциями с непристроенными рукописями. 29 августа 1939 года он отправил рассказ Кэмпбеллу: «Прилагаю рассказ. Я надеюсь, что он Вам понравится. В определенном смысле он мой любимец».

Кэмпбелл тут же купил «Реквием», однако заметил, что хочет опубликовать его в качестве эксперимента над читателями, чтобы посмотреть, как они отреагируют на более сентиментальную, чем обычно, прозу. Видимо, в самый последний момент он решил, что рассказ слишком сентиментален, и внес в него кое-какие «улучшения».

«Реквием» вышел в январском выпуске «Astounding» 1940 года. Хайнлайн раскрыл жур-

нал… и пришел в ярость, обнаружив «улучшения» Кэмпбелла: редактор дописал заключительный абзац с четырьмя строчками, которые просто уничтожили всю тональность рассказа.

Вот эти строчки:

«Чарли посмотрел в сторону обмякшей фигуры, застывшей на ложе из лунной пемзы, лицом к Земле.

— Что ж, — хмыкнул он. — Он таки добрался до Луны…»

Позднее Хайнлайн писал:

«За свои деньги Вы испортили очень много превосходных рассказов, которые Вы напечатали, выдавая их соль на странице содержания, в аннотации под заголовком и в подписях к иллюстрациям. И Вы чуть не полностью угробили „Реквием“, добавив четыре строчки в конце, которые уводят читателя в тупик, уводят от истинной сути рассказа».

Разумеется, в следующих изданиях эта концовка отсутствует. Рассказ вошел в первый авторский сборник Хайнлайна «Человек, который продал Луну» («Shasta», 1950), а затем в «The Past Through Tomorrow» («Putnam», 1967). Его неоднократно включали в различные антологии лучших научно-фантастических рассказов. В

1992 году он дал название посмертному сборнику рассказов и выступлений гранд-мастера.

Новичок в космосе

В августе 1956 года в бюджете Хайнлайна возникла очередная прореха, и не было ни одной готовой для продажи рукописи, чтобы ее заткнуть. Проблема осложнилась своего рода творческим кризисом. Хайнлайн всегда испытывал серьезные проблемы с планированием работы: ему никак не удавалось придерживаться согласованных с издателем синопсисов. Временами он пытался пересилить себя, но в итоге у него либо получалась какая-то скучная жвачка, отправлявшаяся в корзину, либо он несколько месяцев кряду не мог выжать из себя ни строчки. Весьма этим раздраженный, Хайнлайн взялся за историю для журнала «Boys' Life» вообще без планов и наметок. Отношения с литературной редакцией у писателя сложились хорошие, поэтому он просто пообещал им рассказ про бойскаута на Венере. Редакцию это устраивало (они знали, что всегда могут дожать Боба и заставить его переделать рукопись, если им что-то не понравится), а писателя устраивало то, что с него не требовали синопсисов. Редакционный фильтр был ему хорошо знаком: никаких драк, никакого

секса, никакого алкоголя, никакого огнестрельного оружия.

Лишенный всех этих важных вещей персонаж не мог стать героем на благополучной Земле, поэтому Хайнлайн отправил мальчика и его пса по кличке Никси подальше, в дикие неосвоенные края, на Венеру. Странное имя пса было выбрано не случайно, так звали пса-полукровку, который был у Хайнлайна в детстве. Когда в 1932 году Роберт и его вторая жена, Леслин, обзавелись домом в Коронадо, они нашли собаку, дворовую помесь бассет-хаунда. Пса тоже назвали Никси. Насколько мне известно, больше собак у Хайнлайна не было. Его третья жена, Вирджиния, предпочитала кошек, а Роберт поклялся делить с ней все беды и радости. Но прежняя любовь давала о себе знать время от времени.

Материал для «Новичка на Венере» не пришлось долго собирать — туда пошли все заметки, оставшиеся после «Фермера в небе». И хотя кое-что выглядит повтором или даже прямым самоцитированием, детали эмиграции и полетного быта поданы в повести яснее, логичнее и лаконичнее, чем в «Фермере». Несмотря на то что повесть откровенно детская, в отличие от подростковых романов она сделана на основательно

проработанном бэкграунде и в плане миростроительства выглядит более зрелым произведением. Я сказал «откровенно детская», и вы, конечно же, задумались над тем, стоит ли ее вообще читать. Сам Хайнлайн ни разу не включал ее в свои прижизненные сборники — это хорошая антирекомендация. От себя замечу, что кое-какие детали «Новичка» хорошо дополняют венерианские эпизоды «Подкейн»: они описывают подробности, в романе опущенные. В этом отношении повесть всего лишь штришок, дополняющий картину Вселенной, где происходят действия ювенильных романов. Его может просто не быть, но с ним общая картина становится яснее.

Повесть была завершена 13 сентября. Хайнлайн, удовлетворенный, писал: «У меня нет сомнений относительно этой вещи, это не нетленка, но вместе с тем хорошая, добротная приключенческая история» — и умолял редакцию ничего не вычеркивать. Редакция «Boys' Life» согласилась с положительной оценкой, но вычеркнула из истории все упоминания о деньгах, об имущественном и социальном неравенстве и сильно подсократила «математические» вставки о параллелях, меридианах и навигации в приполярной области. Кроме того, редакцией

были сделаны еще и мелкие стилистические правки, которые стоило бы перенести в книжное издание, — рукопись, набитая за пару недель, с ходу, без предварительного плана, не лишена недостатков.

Получив гонорар, Хайнлайн тут же сунул папку с «Новичком» в архив и больше о ней не вспоминал. На свет божий ее извлекла Вирджиния, когда после смерти писателя возникла идея выпустить сборник редких и малопубликуемых вещей Хайнлайна. В сборник «Реквием» повесть первоначально попала в журнальной редакции, и лишь потом ее вернули в полной авторской версии.

В тексте повести часто упоминаются такие вещи, как клятва скаута, законы и ранги скаутов. Я приведу их здесь полностью.

Клятва скаута

Клянусь моей честью, что я сделаю все возможное, чтобы выполнить мой долг перед Богом и моей страной, буду выполнять законы скаутов, всегда помогать другим людям, быть сильным, умным, морально устойчивым.

Законы скаутов

Скаут
Надежен
Верен
Полезен
Дружелюбен
Вежлив
Добр
Послушен
Весел
Бережлив
Храбр
Опрятен
Благовоспитан

Ранги скаутов

Tenderfoot — новичок
Second Class — второй класс
First Class — первый класс
Star Scout — звездный
Life Scout — пожизненный
Eagle Scout — орел

Возрастные градации

6–7 лет — однозвездный скаут (волчонок/белочка/лисичка);

7–8 лет — двухзвездный скаут;

8–10 лет — трехзвездный скаут;

10–12 лет — скаут 2-го разряда;

12–14 лет — скаут 1-го разряда;

14–16 лет — опытный скаут. Скауты, состоящие в организации не менее 7 лет, носят название «радужные скауты»;

с 16 лет — инструктор. Также звание может присваиваться специальным решением Совета или штаб-квартиры;

с 18 лет — скаут-мастер. Требует прохождения специальных курсов подготовки — звание присваивается штаб-квартирой.

Что касается помощника скаут-мастера, заместителя инструктора и тому подобных титулов, то это названия занимаемых должностей, а не звания.

Пункт назначения – Луна

В феврале 1948 года голливудский агент Хайнлайна Лу Шор, которому была выписана доверенность на продажу «Ракетного корабля „Галилей“» в кино, заинтересовал романом Говарда Хьюза. Говард казался идеальным вариантом — он сам был изобретателем, авиатором и восходящей звездой голливудского кинобизнеса. Интерес продлился, впрочем, недолго. Роман был слишком детский и, положа руку на сердце, имел всего три цепляющих момента в сюжете: взлет ракеты, пейзажи Луны и взрыв вражеской базы. Все это относилось к области спецэффектов. По сути дела, весь фильм предполагался одним большим спецэффектом — но Голливуд 1940-х годов еще не имел практики создания фантастических блокбастеров. Нормой были один-два пиротехнических эффекта, картонные декорации и две-три минуты кукольной анимации.

Ясно было, что, помимо текста, проекту понадобится хороший художник-фантаст. И такой художник нашелся. Точнее, Хайнлайн сразу сказал, что без Чесли Боунстелла бессмысленно начинать это предприятие. Чесли был известным

художником-космистом. Что особенно ценно, у него был не только опыт рисования космических пейзажей, но и опыт декоратора в кинематографе. Партнеры заручились согласием художника и продолжили поиски.

Внезапно в марте 1948 года режиссер Фриц Ланг вспомнил о «лунном проекте» и попросил о встрече. Он хотел, чтобы Хайнлайн вернулся в Голливуд и начал работу над проектом. За единственным исключением, все голливудские деятели, у которых возникала фантазия снять что-нибудь этакое, непременно требовали от Хайнлайна, чтобы он бросал свои дела и ехал к ним в Голливуд для переговоров. В те годы Боб еще не научился говорить им «нет», и 4 мая 1948 года Хайнлайн прибыл в столицу кинематографа. Разговоры с Лангом оказались удручающе неплодотворны. Собеседники фактически говорили на разных языках и не понимали друг друга. Ланг говорил о том, чтобы права на создаваемый сценарий были переданы его компании *бесплатно*. Такого слова в лексиконе Боба не было. Он предложил финансовые вопросы решать через своего голливудского агента Шора. Ланг был удивлен подобной меркантильностью. Хайнлайн, в свою очередь, заподозрил, что Ланг

был скрытым коммунистом. Это могло поставить крест на их отношениях. Кроме того, Ланг хотел, чтобы Хайнлайн убрал предложение «Галилея» с голливудского рынка, но при этом не собирался его приобретать. Он предложил Бобу весьма расплывчатый контракт. Лу Шор ознакомился с текстом и категорически сказал, чтобы Хайнлайн не вздумал его подписывать. Между тем жизнь в Голливуде даже в те годы была недешевой, и сбережения Хайнлайна стремительно истощались. Раздражение Хайнлайна росло — он не любил впустую терять время и деньги. Голливудский способ вести дела его категорически не устраивал. В мае и режиссер, и писатель поняли, что проект не получится. Но Ланг был не только культовый режиссер, но и культурный человек — он не сказал Бобу ни одного худого слова. Они пожали друг другу руки и расстались друзьями.

В конце мая Лу Шор, так и не сумев пристроить книгу для экранизации, решил, что, возможно, лучше будет предлагать готовый сценарий. Он свел писателя с Элфордом ван Ронкелем, своим знакомым сценаристом. Ронкель сразу же заявил, что ради хорошего сценария из романа многое придется выкинуть и переделать для «взрослой» истории. В июне они подписали договор о сов-

местных правах на сценарий фильма «Операция „Луна“» и начали работать. Не знаю, чем Шор соблазнил ван Ронкеля на бесплатную работу. Возможно, в те годы Голливуд населяли более романтичные люди? Тут надо сказать, что до сего момента Боб ничего не понимал в съемках, спец эффектах, сценариях и голливудских бюджетах. Работать над сценарием было совсем не просто. В результате ракетно-космическая тема настолько утомила Хайнлайна, что следующую книгу для «Scribner's» он твердо решил посвятить морю, солнцу и китовым пастухам. Спустя два месяца, к июлю 1948 года, Хайнлайн на пару с Ронкелем написал вполне реальный, как им обоим казалось, сценарий — и большой сопроводительный текст с предложениями по реализации сложных моментов съемок.

Имея готовый сценарий, они вышли на продюсера Джорджа Пала из «Джордж Пал продакшенс», который сказал, что сценарий никуда не годится и его нужно будет переписать, но, впрочем, идея ему нравится, и он возьмет этот черновик посмотреть.

Джордж Пал (Дьердь Пал Марциньчак; 1908–1980) — венгерский аниматор, много и успешно работал в Европе, в 1939 году после прихода к

власти Гитлера эмигрировал в Америку. Получил Оскара за анимационные ленты. Фильм о полете на Луну на годы определил его специализацию — позже он работал над многими фантастическими и фэнтезийными фильмами, получавшими Оскары за спецэффекты («Когда сталкиваются миры», «Война миров», «Покорение космоса», «Мальчик с пальчик», «Машина времени», «Атлантида», «Чудесный мир братьев Гримм» и др.). Джордж умер, окруженный славой, в своем доме в Беверли-Хиллз. Он так и не снял продолжений «Столкновения миров» и «Машины времени», а также «Бегства Логана», «Когда спящий проснется» и «Волшебника страны Оз».

На самом деле Пал был в восторге от псевдодокументальной формы, предложенной Хайнлайном. Это совсем не походило на обычные фантастические комедии с галактическими принцессами, злодеями и сумасшедшими учеными. Он отправился выбивать деньги из «Парамаунт пикчерс». Хайнлайн проникся к нему внезапным доверием и почувствовал, что судьба фильма в надежных руках. И тогда он освободил старину Лу Шора от обязанностей своего голливудского агента и покинул Голливуд, чтобы заняться своими семейными делами: они с Вирджинией реши-

ли вить семейное гнездо в Колорадо-Спрингс. В сентябре он нашел дом для аренды, нашел в помойке котенка, которого назвал Пикси-второй, и приготовился пустить корни. В октябре 1948 года он получил уведомление о разводе и тут же сочетался браком с Вирджинией — третий и последний раз в жизни.

С учетом всех проволочек работа над первым вариантом сценария отняла четыре месяца. На то, чтобы пустить его в дело, времени ушло куда больше. В январе 1949 года Пал, не сумев пристроить сценарий, даже пустил слух, что смог найти финансирование, — чтобы оживить рынок и привлечь внимание к проекту. Но еще полгода ровным счетом ничего не происходило.

«Величайшая проблема кинопроизводства состоит в том, чтобы найти кого-то, кто готов рискнуть деньгами. Люди, у которых есть лишняя пара миллионов долларов, приобрели их, отнюдь не играя в благотворительность перед писателями-фантастами с их безумными идеями, — говорил Хайнлайн. — Если бы у меня был миллион долларов, я бы уселся на него и палил из ружья во всех писателей-фантастов, которые заявятся ко мне со своими сценариями».

Только в мае 1949 года дело со сценарием на-

конец-то сдвинулось с мертвой точки — глава студии «Парамаунт» Ратвон предложил Джорджу Палу запустить два проекта одновременно: научно-фантастическую ленту «Операция „Луна“» и рождественскую фантазию «Великий Руперт». При этом финансовая схема подразумевала, что весьма вероятная прибыль от «Руперта» покроет весьма вероятные убытки от «Луны». То есть живых денег в проекте по-прежнему не было. Хайнлайн скептически отнесся к этим махинациям и наотрез отказался выезжать в Голливуд при столь неопределенных перспективах.

«Я девушка честная, — сказал он, — покажите ваши деньги, иначе я из Колорадо-Спрингс ни ногой».

Джорджу Палу был нужен Хайнлайн — у писателя была масса технических идей, которые можно было реализовать при съемках. Пал выбил для Роберта должность технического консультанта, а старые друзья предложили бесплатно пожить в своей пустующей квартире вблизи от студии «Парамаунт». Переезд Хайнлайнов в Голливуд произошел в июне и превратился в автомобильный тур по достопримечательностям, результатом которого стал рассказ «Клифф и калории».

Незадолго до начала съемок глава студии Ратвон, недовольный качеством сценария (он с ходу потребовал изменить концовку, вынудив Хайнлайна написать десяток вариантов, «все — откровенное дерьмо»), велел Джорджу Палу нанять сценариста Джеймса О'Хэнлона — улучшить сценарий «в коммерческом плане». Боба эта новость ужаснула. Пал пытался успокоить писателя, говоря, что Джеймс — «крепкий профессионал». Хайнлайна это напугало еще больше — он уже понял, что голливудские профессионалы мыслят наработанными штампами и мало на что способны, оказавшись на незнакомом им поле. К этому времени ему уже пришлось выдержать мощный прессинг голливудских «специалистов», которые считали, что полет на Луну — это хороший повод снять мюзикл, или ситком с деревенщиной из Айовы («Это будет здорово, правда, когда он такой… с сигарой… что такое „вакуум“»?), или прикольные приключения в духе Бака-Мать-его-Роджерса (по-другому Хайнлайн это имя не называл).

О'Хэнлон полчаса поговорил с Хайнлайном, решил, что разобрался в «этих ваших научно-фантастических заморочках», и на прощание сказал:

— Вы, ребята, можете писать о гаджетах, а я

буду писать о людях.

Хайнлайн был возмущен, а когда он получил «коммерчески улучшенный» сценарий, возмущение переросло в бешенство. «Профессионал» превратил героев в истеричных клоунов, добавил женское музыкальное трио и конкурс красоты (видимо, в дань уважения первопроходцу темы Жоржу Мельесу и его «Путешествию на Луну» 1902 года). О'Хэнлон радикально увеличил размеры декораций и число спецэффектов, раздув бюджет фильма в несколько раз. Ракета теперь садилась на Луну горизонтально (у нее же есть крылья?). А для взлета торжественно и по-фрейдистски символично поднималась вертикально вверх.

А еще фильм оказался переполнен пафосными речами, в которых Хайнлайн с ужасом увидел *красную пропаганду*. Писатель начал думать о том, что в сентябре, когда закончится срок его контракта со студией, он покинет ее с облегчением и постарается забыть эту историю, словно кошмарный сон.

Но затем Хайнлайну повезло — Пал подключил к работе режиссера Ирвинга Пичела.

Ирвинг Пичел (1891–1954) — американский актер и режиссер. У него были хорошие перспек-

тивы, но в 1947 году он попал в черные списки Комиссии по антиамериканской деятельности во время идеологической чистки в Голливуде. В результате его постепенно вытеснили из Голливуда, а затем он и вовсе покинул страну — подальше от сенатора Маккарти и разгоревшейся охоты на ведьм. В последние годы жизни снимал малобюджетные религиозные фильмы и умер в безвестности.

Ирвинг Пичел внезапно воспринял идеи писателя всерьез. Он не сказал, как это обычно делали в Голливуде: «Ладно, вы это написали, а теперь отойдите в сторонку — дальше наша работа».

Режиссер пролистал и выкинул в мусорное ведро «доработанный» вариант сценария и вернулся к исходному тексту Хайнлайна — Ронкеля. Парочка диалогов, прописанных «специалистом», впрочем, осталась. Позднее это привело к кошмарным последствиям, но в тот момент все были довольны, что свистопляска закончилась. Хайнлайн поверил в Пичела, нашел новую квартиру в Голливуде, на более долгий срок, и продлил контракт с «Парамаунт пикчерс».

«Тот факт, что эта картина в конечном итоге не превратилась в кусок фантазии, который имеет к настоящей научной фантастике не больше от-

ношения, чем комиксы, я могу почти полностью отнести к заслугам главного режиссера Ирвинга Пичела, его принципиальности и его хорошему вкусу. Мистер Пичел не ученый, но он умный и честный человек. Он доверял тому, что говорили ему мистер Боунстелл и я, и следил за тем, чтобы происходящее на экране было настолько достоверно, насколько позволяли бюджет и наша изобретательность».

Реально съемки начались только поздней осенью, и Хайнлайн успел за это время написать «Фермера в небе».

Весь октябрь и ноябрь в павильоне возводились декорации. Чесли Боунстелл с подмастерьями нарисовал пару сотен квадратных метров лунных пейзажей. Предварительно художник выбрал подходящее место на лунном диске, взял фотографию из обсерватории Маунт-Вилсон, построил на столе макет, сделал панорамные микроснимки, увеличил их, нарисовал три варианта панорамы маслом, последовательно увеличивая масштаб (вид из люка корабля, он же во время спуска), затем еще раз — в виде огромного задника павильонной декорации шестиметровый высоты. Сотни квадратных метров живописного полотна. Ну и естественно, вместе с декораторами при-

шлось вылепить и раскрасить объемные части пейзажа и зарисовать в промежутках между ними весь пол студии.

Разумеется, размеры павильона были не слишком велики для полноценного пейзажа, и большие расстояния приходилось имитировать с помощью различных ухищрений. Например, во многих сценах для увеличения видимого масштаба задействовали уменьшенных актеров, иными словами, карликов, а часть сцен на поверхности и в космосе вообще отыграна пустыми маленькими скафандрами.

Второй съемочной площадкой был участок пустыни, где рабочие возвели хвостовую часть ракеты. Съемки велись по ночам, а ночи там были холодные. Хайнлайн простыл, но поля боя не покинул. Он яростно сражался за научную достоверность каждого кадра в фильме и настолько заразил съемочную группу своим отношением, что вскоре у многих работников «Парамаунта» настольной книгой стало «Завоевание космоса» Вилли Лея.

Для съемок в интерьере корабля на студии была смонтирована вращающаяся вокруг горизонтальной оси платформа. Все панели каюты были съемными — чтобы снимать с разных ракурсов.

Вместо обычных деревянных мостков и раскрашенного картона пришлось создавать сварную стальную конструкцию, подвешенную на гигантских подшипниках. Размеры каюты старались приблизить к реальным (соответствующим предварительно созданному макету корабля), поэтому теснота была жуткая. Вся конструкция оказалась высотой с трехэтажный дом, поэтому камеру, которая туда заглядывала, пришлось поместить на гигантскую стрелу операторского крана. В общем, оказалось, что все прежние голливудские наработки никуда не годились, — для съемок фильма подходило только уникальное оборудование.

С реквизитом было не меньше хлопот. Космические скафандры создавали, отталкиваясь от проекта высотного костюма, разработанного во время войны (к нему приложил руку Спрэг де Камп, но всячески отрицал свое участие). Хайнлайн первоначально предлагал использовать реально герметичные костюмы с воздушными баллонами — для охлаждения актеров. Но от этого пришлось отказаться из-за тросиков. Невозможно прицепить тросик так, чтобы он не оттягивал костюм, нужно было прокалывать скафандры насквозь и крепить тросики петлями

к телу актера. Продырявленные скафандры, естественно, будут висеть тряпкой — если не набить их шерстью. В результате актеры парились под обжигающим светом ламп, плавая в собственном поту. Шлемы-аквариумы тоже пришлось заменить на колпаки с лицевыми иллюминаторами — круглые стекла безбожно бликовали в свете прожекторов.

Звездное небо создавал черный бархат и две тысячи лампочек, которые сгорали, как свечки, — каждый день приходилось менять десятки перегоревших «звезд». А для того чтобы избавить «звезды» от красного ореола, перед ними ставили зеленые желатиновые экранчики, которые горели и плавились чаще, чем сгорали лампочки, — экранчики меняли дважды в сутки.

Стальные тросики, с помощью которых изображали невесомость, ярко блестели в свете прожекторов — их приходилось закрашивать. Специальный техник регулярно обходил студию с ведром черной краски и тридцатифутовым шестом с губкой на конце и замазывал отшелушившиеся участки. Подготовка одной сцены в невесомости занимала два часа — облачить актера в сбрую, надеть на него скафандр, набитый войлоком, прицепить к сбруе тросики

сквозь отверстия в скафандре, закрепить тросы на крестовинах, кукловодам подняться в люльке, оператору с камерой взгромоздиться на стрелу, поднять астронавта под потолок…

Режиссеру и реквизиторам приходилось решать десятки технических проблем, возникавших по ходу съемок. Периодически с административных высот в студию спускался Ратвон и вносил своими распоряжениями хаос и сумятицу в производственный процесс. Его идеи были глупы и безграмотны. Во время одной из дискуссий с режиссером, которая случилась после очередного руководящего распоряжения, Хайнлайн, отчаявшийся объяснить азы баллистики Пичелу, вдруг вспомнил, что сын режиссера был инженером-ракетчиком. Он предложил Ирвингу позвонить сыну и проконсультироваться с ним. Пичел так и сделал — и после этого слово Хайнлайна в технических спорах стало решающим.

Рекламой фильма занялись прямо в процессе съемок. Хайнлайн сам составлял списки ученых, которым рассылали рекламные приглашения. В павильон на Лас-Пальмас-авеню регулярно захаживали экскурсанты, журналисты и телевизионщики. «Популярная механика», «Astounding» и другие журналы напечатали большие обзоры

по фильму, поместив фото декораций на обложку. На «Ютьюбе» можно найти 45-минутный сюжет из вечерней передачи «City at Night», где по декорациям ходит очень живой и очень нервный Хайнлайн и, потея в свете прожекторов, отрабатывает свою зарплату технического консультанта.

Что же касается родственников, знакомых, писателей-фантастов и фэнов типа Сэма Московица, то их приглашать не требовалось — они сами непрерывным потоком тянулись на съемочную площадку, затем возвращались из Голливуда и распространяли слухи и небылицы, нагнетая ажиотаж вокруг фильма.

По окончании съемок традиционно была организована массовая попойка на лунных декорациях, — видимо, это было исключительно сюрреалистическое зрелище.

Банкет, естественно, привлек массу халявщиков, в тусовке мелькали юные старлетки и голливудские звезды заметных величин. Когда супруги Хайнлайн возвращались к припаркованной машине, Боб сказал Джинни, что теперь он мечтает только об одном — встретиться с Дороти Ламур, принцессой джунглей в леопардовой шкуре.

— Ты мог с ней встретиться, — небрежно заметила Джинни. — Она тоже там была.

Хайнлайн остановился:

— Ты хочешь сказать, что там была Дороти Ламур и ты не позвала меня?

— Боюсь, что так, — сказала Джинни.

У Хайнлайна от возмущения не нашлось слов. Он дулся на Джинни несколько дней, и она поняла, что у Боба есть две главные мечты в жизни: слетать на Луну и подкатить к Дороти Ламур.

Много позже, когда фильм был смонтирован и озвучен, встал вопрос о титрах, и тогда фамилия сценариста О'Хэнлона, пытавшегося превратить фильм в музыкальную комедию, вновь всплыла. Продюсер велел указать его после Ронкеля и Хайнлайна. Боб взорвался. Он пригрозил подать в суд, если увидит фамилию О'Хэнлона в титрах. Последнее было на полном серьезе, и на то, чтобы утихомирить разбушевавшегося литератора, понадобился не один день переговоров с Гильдией писателей-кинематографистов и консультаций в конфликтной комиссии. В конце концов Хайнлайну пригрозили экономической дубинкой, пообещав задушить штрафами, и он отозвал иск. Свой следующий фильм «Проект „Лунная база“» Хайнлайн делал уже в качестве умудренного

опытом сценариста, и потому в финале обошлось без скандалов и запугиваний — он просто снял свою фамилию из титров, открестившись от столь позорного результата.

Бюджет «Луны» составил смешную по нынешним временам сумму в $ 600 000. Рекламный бюджет был ровно в два раза больше — $ 1 200 000. И эти деньги (а также «сарафанное радио», организованное Хайнлайном) сработали. Премьера была обставлена шикарно — распространители билетов и рекламные агенты потели в разноцветных скафандрах, но народ и так валом валил посмотреть на «почти настоящий» полет на Луну.

В итоге сборы составили 5 000 000 долларов. Однако золотых гор фильм писателю не принес. Впору было говорить об убытках.

«Я попытался оценить свои персональные затраты на этот проект — он стоил мне восемнадцати месяцев работы, издерганных нервов и почти всех остававшихся у меня волос», — рассказывал Хайнлайн.

Напомню, что Джордж Пал изначально отдал гипотетическую долю прибыли за «Луну» в качестве «обеспечительного взноса», рассчитывая на маржу с «Великолепного Руперта». Но надежный,

традиционный «Руперт» провалился в прокате, а экспериментальная «Луна» взлетела. Продюсеру пришлось срочно покрывать долги за «Руперта» из остатков прибыли «Луны» и балансировать на грани полного банкротства. В результате сценаристам не досталось практически ничего, а судебные разбирательства с милягой-мультипликатором могли разве что его разорить, но не принести Хайнлайну денег. И Боб по совету Пичела плюнул и отказался судиться. Возможно, он был прав — затем кое-какие суммы на счет писателя все-таки капнули.

Разработанные для «Луны» декорации не отправились на свалку, как это произошло с бедным «Дискавери» из «Одиссеи 2001». Они использовались в той же «Лунной базе», «Лунных женщинах-кошках» и тому подобном отстое. С ними даже поставили балет.

Сценарий фильма тоже пошел в дело: Хайнлайн по просьбе студии написал на его основе новеллизацию, которая уже окончательно не похожа ни на «Ракетный корабль „Галилей“», ни на оскароносный фильм «Цель — Луна». Рассказ предполагалось опубликовать в голливудском журнале в рамках рекламной кампании фильма.

Сам Хайнлайн на премьеру картины не попал

— он был плотно занят строительством своего нового дома в Колорадо-Спрингс. «Луну» не раз показывали на фантастических фестивалях, стоит отметить кинофестиваль в Рио-де-Жанейро 1969 года. Туда организаторы пригласили Хайнлайна, чтобы он рассказал о съемках «Луны», и еще кучу писателей-фантастов. Тропический воздух и бурные возлияния привели к прискорбным результатам: как-то утром перебравший Гарри Гаррисон настолько задолбал Хайнлайнов своими дурацкими пьяными приколами, что Вирджиния возненавидела его до конца своих дней (нет, вовсе не из-за пародии на «Космических рейнджеров», как некоторые думают, эта ненависть обязана всего лишь глупой назойливой шутке).

Для своего времени фильм Пичела стал технологической и концептуальной вехой, определив дальнейшее движение фантастического кинематографа, вплоть до следующей вехи, «Космической одиссеи» Кубрика.

События маленькой повести имеют конкретную территориальную привязку — окрестности Лос-Анджелеса, где расположены и Люсерн-Вэлли, и Каджон-Пасс (и Твин-Пикс, к слову сказать). Упомянутые в тексте рассказа Белые Пески и

базы Моффетт-Филд и Мюрок тоже неподалеку, в пределах досягаемости. Если проехать севернее, вглубь пустыни, можно наткнуться на любопытный объект — космопорт, откуда пока так и не стартовал частный космолет. А сам Люсерн-Вэлли — довольно унылое и пустынное место.

Бедный папочка
Доска объявлений

Запустив ювенильный конвейер по производству романов, Хайнлайн продолжал экспериментировать с краткой формой. Отчасти ради интереса, отчасти ради заработка. Он сотрудничал с журналом «Boys' Life», пристраивая туда рассказы для мальчиков и нарезая для них сериалы из своих романов. Его редактор в «Scribner's» Алиса Далглиш была не только въедливой старой грымзой. Она также была успешным детским писателем. И однажды оброненные ею слова Хайнлайн принял как вызов. Мужчина не может писать для девочек. «Ха!» — сказал Хайнлайн. Он был счастлив третьим браком, его горизонт был чист, а перспективы радужны. Он не стал размениваться на мелочи, а взялся за самое сложное. Пубертатный период. От первого лица. И непременно *отношения с мальчиками* (Алиса упадет в обморок!).

Свой первый рассказ, «Бедный папочка», он пристроил в журнал для школьниц «Calling All Girls». Тема фигурного катания, несомненно,

навеяна воспоминаниями Хайнлайна о тех днях, когда Вирджиния учила Боба и его тогдашнюю жену Леслин кататься на коньках. Коньки, любовь, интриги — в тот год все как-то переплелось. Из этого переплетения Боб и вытащил свой рассказ. Он вышел в августе 1949 года и имел успех.

Чек на $ 150 пришелся весьма кстати — бюджет Хайнлайнов был истощен.

Редакции понравились герои, и от автора потребовали продолжения. Второй рассказ под рабочим названием «Mother and the Balanced Diet» («Мама и сбалансированная диета») он начал писать вскоре после съемок «Пункта назначения — Луна». Финансовая ситуация вновь была пасмурной. Редактор, заказавший ему новеллизацию фильма, 1 марта 1950 года прислал уведомление о том, что отклонил рукопись. Хайнлайн вспомнил то впечатление, которое произвела на него «Christmas Tree Inn», в которой они останавливались во время переезда в Голливуд на съемки. Он запросил разрешения у госпожи Дуглас включить ее заведение и ее саму в рассказ в качестве миссис Санта-Клаус. Папочкину аллергию он тоже позаимствовал с натуры — с себя. Рассказ вышел в августе 1950 года, под названием «Клифф и калории» в журнале-пре-

емнике «Calling All Girls», который назывался «Senior Prom». Третий, «Доска объявлений», был написан для «Senior Prom» уже в 1951 году — в лихорадочной спешке. Началась корейская война, и Вирджинии грозил призыв на действительную службу. Он должен был завершить все дела, пока гром не грянул, — в том числе и этот рассказ. В потенциале этот сериал мог бы тянуться и тянуться, бесконечный, как «Санта-Барбара», но Хайнлайн не любил повторяться. В нереализованных планах автора остался рассказ «Mother and Animal Kingdom» («Мама и мир животных»), от которого сохранилось только название. Остальное — лишь в его голове. Впрочем, можно ставить три к одному, что в рассказе должны были фигурировать кошки, а не только печальный ослик…

Рассказы о девушке Морин и ее приятеле Клиффе легко написаны, полны солнечного, бестолкового оптимизма (и очень, очень карамельны). Их героиня, активная, деятельная, неунывающая, написанная легкими штрихами, не позволяла о себе забыть, и Хайнлайн был вынужден возвращаться к ней еще и еще раз.

Ее образ вернулся под именем Холли Джоунс в рассказе «Угроза с Земли», опубликованном в 1957 году Это был один из последних расска-

зов, написанных Хайнлайном. Окончательную трансформацию и финальное воплощение образ пятнадцатилетней девушки обрел в 1962 году в романе «Марсианка Подкейн».

У Хайнлайна не было своих детей, поэтому его попытки проникнуть во внутренний мир подростка вызывали закономерный скепсис у редакторов. Когда он предложил «Марсианку Подкейн» Джону Кэмпбеллу, тот недоуменно спросил: «А что Роберт, собственно, понимает в воспитании юных особ?» Возможно, Кэмпбелл был прав и Хайнлайн подсунул нам гибрид мужского и женского начал и собственных фантазий по этому поводу. Но так же поступали многие другие и до, и после него. Хулио Кортасар и Леонардо да Винчи — уже неплохая компания, правда? Эта девочка родилась на кончике пера, но она обладала главным — способностью нравиться читателям. Мне кажется, этого вполне достаточно.

В это я верю

В феврале 1952 года менеджер Денверской радиостанции KVOR пригласил Хайнлайна на передачу «В это я верю». Ее вел известный радиожурналист Эдвард Морроу, это была такая пафосная патриотическая передача, которая пыталась вернуть свою паству в лоно вечных ценностей. Хайнлайн был, с одной стороны, польщен, а с другой— хотел отказаться. «Я совсем не в восторге оттого, что прозвучу на всю страну, исполняя эмоциональный стриптиз». Писатель был не в духе — кинокомпания цинично кинула его на деньги, за оскароносный фильм «Цель — Луна» он до сих пор не получил ни цента. Не лучше обстояли дела с издательством «Shasta», которое систематически зажиливало авторские и грозило ему судом, если он попытается расторгнуть контракт, а Алиса Далглиш из «Scribner's» бомбардировала его придирками по поводу чрезмерной «сексуальности» некоторых образов его детских книг. Но его литагент Лертон Блассингейм настаивал на том, чтобы Хайнлайн не отмахивался сразу от этого проекта, а взял паузу (у Блассингейма был личный интерес, один из его

протеже участвовал в раскрутке этой передачи). К маю тучи немного рассеялись, и Боб написал черновик речи для радио. Он сразу взял быка за рога и заявил: «Мои религиозные убеждения — мое личное дело, как и ваши убеждения касаются только вас. Я буду говорить о более приземленных вопросах, которые так просты и очевидны, что почти вышли из моды… Я верю в своих соседей». Это была программная речь Хайнлайна, в которой он говорил о простых и понятных вещах. И Блассингейм, и сотрудники Морроу были в восторге. Передача вышла в эфир 1 декабря 1952 года. Второй раз эта речь прозвучала 6 октября 1988 года на вечере памяти Хайнлайна — ее зачитала вдова писателя.

С. В. Голд